This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

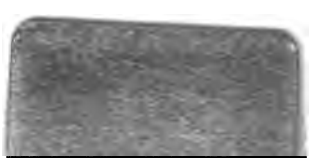
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4353.96.1

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

STAKHEEV

„SOBR. SOCH."

С-78

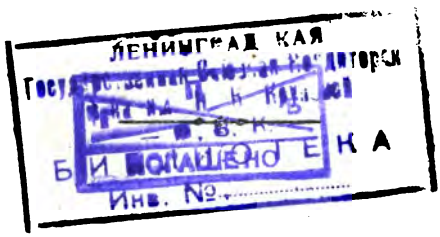
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

Съ біографіей М. Никольскаго, критическимъ этюдомъ П. В. Быкова и портретами автора.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

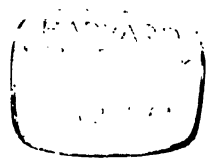
4239



ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1903

5

5la V 4353.9.1 (10)



Дозволено цензурою. Спб. 10 мая 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

НАСЛѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По подгорью лѣса вьется едва замѣтная тропинка
Мѣстами она совершенно теряется изъ виду, точн
играетъ съ кѣмъ-то и прячется, скрывая свой слѣдъ,
вдругъ совершенно неожиданно показывается гдѣ-нибуд
вдали на болѣе открытомъ мѣстѣ.

Жаркій лѣтній день.

Въ лѣсу тихо, глухо какъ-то, точно онъ спитъ,
лишь въ просонкахъ, изрѣдка, подъ вліяніемъ сна, по
качнется какая-нибудь вѣтка, при чемъ листья ея тре
можно зашепчутся между собой, и снова все замретъ

Въ такую пору шелъ по лѣсу человѣкъ лѣтъ пяти
десяти. Шелъ онъ медленно, вяло, видимо утомленны
и долгимъ путемъ и длиннымъ подъемомъ въ гору
Поднимаясь, не разъ отклонялся въ сторону, теря
шаловливую тропинку, не разъ останавливался, чтоб
осмотрѣться, составить дальнѣйшій планъ пути и отдь
шаться.

По костюму путника можно принять за барина, по
что на немъ свѣжая соломенная шляпа и свѣтло
ее пальто.

Ростъ онъ средняго, пожалуй, можно сказать, даж
ькаго; но по одному росту нельзя опредѣлит
ложеніе. Въ этомъ случаѣ размѣры живота и, вообще
чій наплывъ жира во всемъ тѣлѣ, рекомендуют

его, какъ дѣйствительнаго члена общества мало работающихъ и много имѣющихъ. Такія общества существуютъ во всѣхъ частяхъ земного шара и въ нихъ такъ-же, какъ и во всѣхъ, надлежащимъ порядкомъ утвержденныхъ обществахъ, есть свои предсѣдатели, директора, почетные члены и пр. и пр.

Въ виду такой рекомендаціи необходимо замѣтить, въ утѣшеніе тощихъ людей, что, во-первыхъ, не въ деньгахъ счастье, а во-вторыхъ, «ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы напрасно противъ этого возстаютъ».

Фигурой своей путникъ напоминалъ боченокъ, впрочемъ, не очень большихъ размѣровъ, но и не очень малыхъ; во всякомъ случаѣ, бочкой его назвать былобы много и, главное, преждевременно.

Опять-таки нужно замѣтить, что уподобленіе образа и подобія божескаго неодушевленному предмету, да еще и такихъ солидныхъ размѣровъ, какъ бочка, хотя и придумано, очевидно, тощими людьми и въ зависти, но не можетъ быть обидно для толстыхъ людей. Извѣстно, что, чѣмъ человѣкъ толще, тѣмъ лѣнивѣе, тѣмъ, слѣдовательно, меньше въ немъ способности дѣлать, чтобы-то ни было; а такъ какъ люди, вслѣдствіе-ли историческихъ причинъ, или уже такъ, отъ начала своего существованія, получили благородную наклонность эксплуатировать другъ друга, то толстые люди, при извѣстномъ развитіи полноты, оказываются уже безвредными. Толщина иногда увеличивается до такихъ размѣровъ, что человѣкъ лишается возможности не только что-либо дѣлать, но даже мыслить, словомъ, достигаетъ совершенной непорочности.

Представители такого типа встрѣчаются во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ деревнѣ староста, такъ сказать, мѣстное начальство, агентъ правительства, и дворникъ, содержатель постоялаго двора—представитель торговли и промышленности, — оба страдающіе постоянной жаждой и уничтожающіе, вслѣдствіе этой роковой причины, несмѣтное количество квасу и со

льдомъ и съ мухами, и оба съ вѣчной жалобой на то, что ихъ «жизнь свиная: ходишь, да хрюкаешь». Въ городѣ — разбогатѣвшій купецъ, главный, будто-бы, рычагъ въ экономическомъ развитіи страны, не такъ давно бывшій юркимъ лавочникомъ, подергивавшимъ ежеминутно рукава своего кафтана, въ чаяніи барышей отъ продажи, а теперь, сановитый во всѣхъ своихъ движеніяхъ, виновникъ благолѣпія мѣстныхъ храмовъ, и на груди его въ торжественные дни не только красуется золотая медаль на анненской лентѣ, но есть даже и досточтимый орденъ — крайній предѣлъ купеческаго тщеславія. За купцомъ—протопопъ, когда-то бывшій протодіакономъ и потрясавшій своды церквей своимъ необъятнымъ басомъ, о которомъ въ народѣ сохраняются и переходятъ изъ рода въ родъ легенды, одна другой чудеснѣе, служа, такимъ образомъ, какъ-бы продолженіемъ богатырскаго эпоса. Теперь этотъ басъ исчезъ съ лица земли, и бывшій обладатель его мирно оканчиваетъ свои дни въ деревянномъ домикѣ съ полисадникомъ и только по-временамъ покрякиваетъ, вспоминая прошлое, причемъ его солидный животъ колыхается, подобно кораблю на волнахъ безпредѣльнаго океана. Въ томъ сословіи, которому самъ Богъ покровительствуетъ по части разныхъ привиллегій и, по своей неизрѣченной милости, даетъ возможность считаться незыбленнымъ оплотомъ государства,—толстыми людьми въ прежнее время были откупщики «по акцизно винной системѣ», губернскіе предводители, степные помѣщики — всѣ необычайно плодовитые, съ большимъ аппетитомъ и съ вѣчно тяжелымъ дыханьемъ, напоминающимъ шумъ локомотива или «водъ многихъ». Теперь мѣсто ихъ съ честью заняли всевозможные предсѣдатели, попечители, директоры и всякаго рода правляющіе, «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси».

Эти крупные представители типа людей, уже осуществившихъ свои идеалы, идутъ по дорогѣ жизни не торопясь, медленно, тихо и съ достоинствомъ, сознавая, что торопиться больше некуда, ибо все, что нужно

было сдѣлать—сдѣлано, свершено «въ предѣлѣ земномъ все земное». Глядя на нихъ, какъ на путеводную звѣзду, идутъ болѣе поспѣшнымъ шагомъ, отирая уже начинающіе потѣть отъ тучности тѣла лбы, тысячи другихъ лицъ, желающихъ также достигнуть возможности плотно сѣсть на мѣстѣ и отдохнуть въ свое удовольствіе. А за ними далѣе, толкая одинъ другого, падая, поднимаясь и задыхаясь, бѣгутъ, торопятся другія тысячи мелкихъ пестрыхъ лицъ, — всѣ съ надеждой добиться, болѣе или менѣе легкимъ путемъ, независимаго положенія, составить себѣ карьеру и отдохнуть, и превратиться потомъ подъ старость въ бочки.

Смотря на этотъ круговоротъ жизни, остановится иной разъ въ сторонѣ чуждый интересовъ толпы одинокій человѣкъ, крикнетъ бѣгущимъ: «Куда вы? Зачѣмъ? Тамъ нѣтъ того, что вы ищете, тамъ только сонъ, ожирѣніе. Идите сюда!» Но въ общемъ шумѣ и окрика не слышно, да и слушать никто не хочетъ. Несется мимо него волнующаяся толпа. Подъ ударами толчковъ и пинковъ летятъ въ сторону, головой внизъ, болѣе слабые, слышатся жалобы, стонъ, проклятія. Дикимъ хохотомъ провожаютъ ихъ болѣе сильные, успѣвшіе очистить себѣ дорогу, и пускаются на рысяхъ впередъ, не замѣчая, какъ сзади на нихъ налетаетъ сильнѣйшій. Вотъ и они, въ свою очередь, полетѣли куда-то подъ гору, лица ихъ искривлены злобой, волосы всклокочены... Поднявшись на ноги послѣ паденія, они гнѣвно сжимаютъ кулаки, грозятъ ими по направленію къ убѣгающимъ счастливымъ соперникамъ и, прихрамывая, пускаются вслѣдъ за ними.

— И это жизнь?—грустно думаетъ чуждый интересовъ толпы человѣкъ и отправляется ровной и мѣрной поступью по своей дорогѣ.

Узнать, къ которому изъ подраздѣленій бочечнаго типа можетъ быть причисленъ путникъ, пробиравшійся по лѣсной тропинкѣ, сразу нѣсколько трудно. Похожъ онъ, какъ будто, на крупнаго степного землевладѣльца, но повнимательнѣе всмотрѣться и оказывается не по-

хожъ, даже вовсе не похожъ: тѣ больше на медвѣдей смахиваютъ, а въ его походкѣ ничего нѣтъ медвѣжьяго. Директоры департаментовъ бываютъ иногда такіе; но у нихъ, по привычкѣ повелѣвать, голова всегда откинута назадъ: директоръ и по лѣсу пойдетъ, какъ по канцеляріи, съ царственной осанкой, и привскакиваютъ, въ его воображеніи, въ дугу сгибая спины, мелкіе чиновники, съ трепетомъ въ очахъ и съ вѣчными думами о прибавкѣ жалованья.

Нѣтъ, это все не то.

Сомнѣніе наводитъ слѣдующее обстоятельство. Въ пухлыхъ, бѣлыхъ рукахъ путника была желѣзная лопатка, которую онъ, идя по лѣсу, лѣниво волочилъ по землѣ, перекладывая изъ одной руки въ другую, повременамъ небрежно, а порой даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой досады и нетерпѣнія.

Шелъ, шелъ онъ и выбрался на крутой обрывистый берегъ. Глубоко внизу, точно крадучись между высокимъ тальникомъ и путаясь среди камней, журчала небольшая рѣчка. Вдали виднѣлась ярко освѣщенная солнцемъ барская усадьба: бѣлый большой домъ съ колоннами, балкономъ, садомъ, оранжереей и прочей благодатью, а далѣе лѣпились, скучившись, крестьянскія избушки, криво и косо построенныя, точно жались одна къ другой. Такъ жмутся и прячутся за спины товарищей на сходкѣ мужики, когда исправникъ, въ позѣ главнокомандующаго, предлагаетъ на мірское рѣшеніе давно уже имъ самимъ предрѣшенный вопросъ. Все та-же прежняя картина родной страны, которую,

> Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
> Исходилъ благословляя.

На краю обрыва, точно поддерживаемый невидимой силой, висѣлъ громадный камень. Путникъ оглядѣлъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ, даже спустился, почти сползъ, нѣсколько внизъ съ горы, для того, чтобы составить болѣе ясное понятіе о его размѣрахъ и положеніи. Потомъ, поднявшись назадъ,

онъ забрался на камень и подпрыгнулъ на немъ нѣсколько разъ, очевидно, пробуя, не будетъ-ли онъ отъ этого трогаться. Въ этомъ случаѣ путникъ какъ-будто руководствовался тѣмъ знаменитымъ примѣромъ сообразительнаго полиціймейстера, который, прежде чѣмъ дозволить ѣхать пожарному обозу по новому мосту черезъ широкую рѣку, самъ зашелъ впередъ, подпрыгнулъ на немъ раза два и потомъ уже повелительно махнулъ рукой командѣ: трогай, молъ, теперь вѣрю, что мостъ построенъ прочно.

Камень тоже прочно сидѣлъ въ землѣ и, несмотря на прыжки путника, оставался по прежнему недвижимъ.

Онъ принялся его окапывать.

Копалъ онъ какъ-то странно: то въ одномъ мѣстѣ пороетъ, то въ другомъ. Покопаетъ такъ минуты двѣ-три и начинаетъ всматриваться въ вырытую яму, широко разставивъ ноги и упершись ладонями рукъ въ колѣна, точно надѣется увидѣть что-то очень любопытное. Потомъ, послѣ нѣкотораго мычанья и покрякиванья, обозначавшаго какъ бы ропотъ на неосуществленіе надеждъ, снова принимается за работу.

Опредѣлить цѣль его копанья постороннему человѣку было бы трудно. Докторъ отозвался бы о ней съ похвалой, въ видахъ гигіеническихъ, мужикъ съ ироніей замѣтилъ бы о баловствѣ господъ, а иной мнительный человѣкъ, при видѣ этой работы, невольно подумалъ бы о разнообразіи душевныхъ болѣзней...

Чрезъ нѣсколько времени путникъ, совершенно раскисшій отъ работы, завалился подъ тѣнью сосны, закинулъ одну ногу на другую и долго оставался въ такомъ положеніи. Предаваясь совершенному покою физически, онъ, тѣмъ не менѣе, не переставалъ преслѣдовать ту цѣль, которая привела его на край обрыва и, лежа, размышлялъ именно о томъ, что можетъ оказаться подъ камнемъ, если удастся его свалить. Сначала подумалъ, что подъ нимъ очень легко могутъ оказаться какія-нибудь орудія монголовъ, относящіяся

къ тринадцатому вѣку, копья, напримѣръ, какія-нибудь ножи, наконецъ, вещи изъ домашней утвари; но потомъ, при болѣе подробномъ разсмотрѣніи этого предположенія, самъ себя началъ оспаривать и оспаривалъ весьма убѣдительно, напирая всего болѣе на то, что монголы въ эту сторону не заходили, ибо испугались сѣвера и поворотили значительно южнѣе отъ Великаго Новгорода. Онъ даже подосадовалъ на монголъ за то, что они повернули въ другую сторону и обругалъ ихъ за это свиньями. Нужно замѣтить, что досада увеличивалась и отъ того, что лежать ему на голой землѣ стало неудобно: онъ, замѣтно, былъ склоненъ къ комфорту и мягкой постели, что ясно обнаружилось потомъ его безпрерывными перевалами съ одного бока на другой. Переваливаясь, онъ сильно кряхтѣлъ и мычалъ что-то, очевидно въ неудовольствіи на то, что историческіе факты слагаются неблагопріятно. Ему замѣтно хотѣлось ихъ подтянуть такъ, чтобы имѣть надежду найти подъ камнемъ какую-нибудь древнюю вещь, но подтянуть ихъ рѣшительно не удавалось.

Наконецъ, лежать стало просто невыносимо. Онъ попробовалъ сѣсть, опершись широкой спиной на стволъ дерева, и почувствовалъ, что съ новымъ удобнымъ положеніемъ и мысли какъ-то стали лучше приходить въ голову, свѣжѣе, оригинальнѣе и въ большемъ изобиліи. Главное дѣло, конечно, удобство. Сидя, онъ очень ловко подобрался къ Ливонскимъ рыцарямъ и обрадовался имъ, какъ самой подходящей для его плановъ находкѣ. Ужъ чего вѣрнѣе этого,—думалъ онъ, и въ пылу своего воображенія началъ громоздить одну случайность на другую, припомнивъ и Ледовое Побоище, и Александра Невскаго, и 1200-й годъ и, вообще, громоздилъ долго и много, пока дѣйствительность не стащила его съ фантастическаго коня. Результатомъ всего оказалось, что и Ливонскіе рыцари, со всѣми своими боевыми доспѣхами, были потревожены тоже совершенно напрасно, потому что, по положенію камня

и по его громаднымъ размѣрамъ, нельзя было ожидать никакихъ пріятныхъ послѣдствій отъ раскопки, да и охота окапывать камень какъ-то вдругъ пропала.

— Жарко, — подумалъ путникъ, и здѣсь вотъ въ тѣни и то жарко... Богъ съ нимъ, пусть лежитъ...

Онъ широко-широко зѣвнулъ и потянулся; гдѣ-то подъ бокомъ платье затрещало...

— Такъ и есть, трещитъ,—лѣниво подумалъ онъ,— давно ли кажется сшилъ, а опять...

Потомъ онъ снова вспомнилъ о камнѣ.

— Послать развѣ мужиковъ,—соображалъ онъ,— подкопать.., Отчего, въ самомъ дѣлѣ, и не попробовать? Мужикамъ не жарко...

На этомъ путникъ порѣшилъ, и такъ какъ сидѣть ему становилось тоже неудобно, да и надоѣло уже, онъ поднялся на ноги и, забывъ совершенно о лопатѣ, пошелъ обратно. Словомъ, кончилъ тѣмъ, съ чего нужно было начать.

Путь его лежалъ по тому-же направленію, по которому онъ шелъ впередъ. Но выбравшись изъ лѣсу и идя по открытой ровной мѣстности, онъ замѣтилъ на берегу рѣчки небольшой холмикъ, обросшій травой, и вдругъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе покопать его. Опять монголы и Ливонскіе рыцари и всякая домашняя утварь жителей отдаленныхъ вѣковъ полѣзли ему въ голову, да какъ-то торопливо, вдругъ, цѣпляясь одно за другое. Онъ, очарованный новыми надеждами, хотѣлъ поскорѣе приняться за работу, точно боялся, что холмикъ можетъ убѣжать отъ него. Ускоряя шаги по направленію къ мѣсту, такъ сильно его заинтересовавшему, онъ совершенно забылъ, что лопату оставилъ далеко въ лѣсу, и вспомнивъ о ней, сильно смутился и почесалъ у себя за ухомъ, что̀ обыкновенно дѣлалъ въ трудныя минуты жизни. Потомъ онъ суетливо началъ поглядывать въ разныя стороны, высматривая, не попадется-ли гдѣ подходящее орудіе и даже поднялъ было какую-то сухую вѣтку дерева, но тотчасъ же, впрочемъ, и бросилъ.

Въ это время случилось одно совершенно неожиданное обстоятельство. Изъ лѣсу вышла молодая бабенка съ корзинкой въ рукахъ, очевидно, ходила за грибами. Она шла по другой тропинкѣ и совсѣмъ въ противоположную сторону отъ путника. Замѣтивъ ее, онъ вдругъ встрепенулся, пріободрился какъ-то, точно пѣтухъ въ моментъ передъ быстрой погоней за увертливой курицей, и долго смотрѣлъ вслѣдъ бабенкѣ. По справедливости говоря, въ глазахъ его было видно нѣкоторое лукавство, и губы свои онъ по-временамъ облизывалъ. Очевидно, думы путника о древностяхъ, при появленіи бабенки, уступили мѣсто размышленіямъ болѣе современнымъ.

Бабенка давно уже была далеко, а путникъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ около холмика и посматривалъ по тому направленію, куда удалялась ея фигура, постепенно стушевываясь и сливаясь въ общую неясную форму. Думалъ путникъ и о ней, и о ея семьѣ, и о томъ, какъ она живетъ съ мужемъ, — вообще, мечталъ,

Помечталъ бы онъ въ настоящемъ случаѣ еще съ полчасика и около холмика полежалъ-бы, можетъ-быть, но погода стала измѣняться и помѣшала ему. Пока тянулись по небу легкія бѣлесоватыя облака, уменьшая повременамъ яркость солнечнаго свѣта и степень жара, онъ былъ даже доволенъ этимъ, такъ пріятно подѣйствовала на него свѣжесть погоды. Но потомъ, когда вѣтеръ сталъ усиливаться, въ воздухѣ почувствовалась сырость, а съ восточной окраины неба потянулась темная туча и послышались глухіе раскаты отдаленнаго грома,—на лицѣ путника выразилось неудовольствіе. Онъ сначала поглядѣлъ въ ту сторону, откуда ожидалъ непріятности, потомъ оглянулъ свой легкій ко тюмъ и ускорилъ шаги, насколько могъ, конечно. Не бѣжать же.

На пути встрѣтился ему крестьянинъ, возвращавшійся съ плугомъ съ поля. Проходя мимо путника, онъ снялъ шляпу и низко поклонился, одергивая

концы своей синей холщевой рубахи. Путникъ тотчасъ же пожелалъ освѣдомиться о состояніи погоды.

— А что, будетъ дождь?—спросилъ онъ.

— Господь его знаетъ...

— Нѣтъ, какъ ты думаешь?

— Може и будетъ...

— А я думаю, что не будетъ.

— Може и не будетъ...

Онъ вообще имѣлъ похвальную склонность повѣрять свои соображенія, но только не любилъ, когда съ нимъ не соглашались.

Дождя дѣйствительно не было, а потому представилась возможность присѣсть на берегу рѣчки и отдохнуть, тѣмъ болѣе, что чувствовалось значительное утомленіе и отъ путешествій, и отъ встрѣчъ, и отъ размышленій. Онъ опустился на травку и, глубоко вздохнувъ, произнесъ: «Уфъ, какъ усталъ!» Засимъ долго не обнаруживалъ никакой дѣятельности, только дышалъ тяжелѣе обыкновеннаго, даже сопѣлъ немного, при чемъ воздухъ, проникая въ легкія и чрезъ носовыя отверстія, производилъ нѣкоторый свистъ. Потомъ, отдохнувъ, онъ почувствовалъ желаніе развлечься и бросилъ раза два въ рѣчку камешки, наблюдая, какъ отъ нихъ образуются одинъ за однимъ круги, разстилаясь широко по водѣ.

— Чудно устроенъ Божій міръ. Вотъ рѣчка бѣжитъ и скоро такъ бѣжитъ куда-то, а откуда? съ горъ, разумѣется, въ большую рѣку, а тамъ въ море,—объяснилъ онъ самъ себѣ, — это, конечно, извѣстно, но такое объясненіе сухо, холодно!.. Вообще — премудрость! Однако, продолжалъ онъ думать, усталъ я таки порядочно и ѣсть что-то захотѣлось, да нѣтъ, не очень еще сильно; лучше, когда подольше походишь—вкуснѣе обѣдается.

Онъ опять сталъ въ задумчивости смотрѣть на рѣчку и бросилъ еще камешокъ.

— Какіе круги пошли и какъ правильно одинъ за

другимъ... Нда!.. Уфъ, однако какъ опять стало жарко. Жаль, туча прошла мимо...

Деревенька была близко, почти тутъ и есть. Невдалекѣ на задворкахъ избъ бѣгали мальчишки, играя. Путникъ, заслыша голоса и смѣхъ, повернулся въ ихъ сторону, но наблюдать за играми не сталъ, только взглянулъ вскользь, больше потому лишь, чтобъ узнать причину смѣха; потомъ пришла къ рѣчкѣ баба съ ведрами, зачерпнула воды и пошла, согнувъ спину подъ тяжестью коромысла. Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ: «а тяжело, должно быть», но потомъ рѣшилъ, что не тяжело, и что главное дѣло — привычка.—Однако, какія у ней ноги толстыя,—мелькнуло потомъ у него въ головѣ, при видѣ босыхъ ногъ, — грязны только.

Впрочемъ, толщину ногъ одобрилъ и замѣтилъ самъ себѣ, что это хорошо.

Чувствуя, что отдыхъ уже достаточно возстановилъ его силы, онъ поднялся и пошолъ далѣе чрезъ деревню.

Господскій домъ былъ уже не далеко и скрывался за высокими деревьями густого сада, широко раскинувшагося по берегу рѣчки.

Онъ вошолъ въ садъ и направился по аллеѣ, прямо къ балкону господскаго дома, на который потомъ и вошелъ очень развязно, съ ловкостью мало свойственною его годамъ и величавымъ объемамъ тѣла.

— А, Илья Петровичъ! мы васъ ждемъ—встрѣтилъ его голосъ изъ глубины балкона.

Илья Петровичъ былъ человѣкъ богатый, чиновный и, несмотря на это, очень добрый, простой, безъ всякихъ признаковъ чванства или гордости. Илья Петровичъ былъ когда-то бѣдный, маленькій человѣкъ... Но прежде чѣмъ описывать его въ настоящемъ независимомъ положеніи, я хочу разсказать его прошедшее.

II.

Илья Петровичъ Растеряевъ имѣлъ самую обыкновенную физіономію: умѣренный носъ, не то чтобы

очень прямой, или горбатый, или, что всего хуже, задорно вздернутый кверху, а вообще, приличный и степенный носъ; глаза безъ опредѣленнаго цвѣта, свѣтлые такіе; особеннаго какого-нибудь выраженія или какой-либо глубокой мысли, или, чего Боже сохрани, недовольства, — въ нихъ не было видно — словомъ, самые простые глаза. Иногда такіе встрѣчаются у телятъ, которые посмирнѣе. Волосы онъ носилъ не слишкомъ длинные и не слишкомъ короткіе, и ни чуть они не топырились кверху и не торчали щетиной, какъ бываетъ у иныхъ, говорятъ, будтобы строптивыхъ и непокорныхъ юношей.

Короче говоря, тогда, въ дни юности, все въ немъ было просто и обыденно и не имѣло никакихъ особенностей. Увидишь такого человѣка на улицѣ, не обратишь вниманія. Такъ себѣ, человѣкъ, какъ человѣкъ.

Если строго разсуждать о человѣческой наружности, то такіе прекрасные дары природы для молодого человѣка составляютъ даже несомнѣнную выгоду: иной разъ, въ извѣстныя шумныя эпохи, можно, пожалуй, пострадать изъ за одной физіономіи или изъ за роста. Тамъ когда-то еще оправдаешься, да докажешь свои похвальныя свойства, въ разрѣзъ идущія съ твоими же щетинообразными или слишкомъ длинными волосами, а тутъ, глядишь, обстоятельства тебя уже отбросили, какъ говорится, къ чорту на кулички. Оправдывайся тамъ, какъ знаешь.

Въ этомъ отношеніи Илью Петровича можно назвать счастливымъ человѣкомъ. Кромѣ того, и по нраву своему онъ былъ человѣкъ весьма мирный, любилъ жизнь уединенную, а въ особенности споровъ избѣгалъ: ну, ихъ совсѣмъ, говорилъ онъ, крикъ только, всѣ говорятъ, никто никоко не слушаетъ,—чего хорошаго!

Онъ говорилъ всегда ровно, отчетливо и кротко, и если заходила рѣчь о нравственныхъ предметахъ, то и тутъ онъ не горячился и не возвышалъ голоса, какъ иные присяжные повѣренные, а въ особенности сомнительнаго поведенія проповѣдники. Илья Петровичъ

въ этомъ случаѣ имѣлъ даже такое мнѣніе, что если человѣкъ горячо говоритъ о чести и совѣсти, то тѣмъ самымъ даетъ знать, что онѣ его сильно безпокоятъ.

Вообще говоруновъ, горячихъ или спокойныхъ, — все равно, онъ не любилъ. Потому, можетъ быть, что самъ былъ не особенно разговорчивъ.

И такъ, по наружности и по образу жизни онъ казался самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Глядя на него, можно было подумать, что мысленнымъ окомъ своимъ онъ не можетъ видѣть на большое разстояніе, и пожалуй даже вывести такое заключеніе, что разстояніе это ограничивается только ближайшими окрестностями его собственнаго носа.

Но все это только такъ казалось, и все это ни мало не было похоже на правду. Илья Петровичъ мысленнымъ окомъ своимъ постоянно стремился въ даль и старался что-то тамъ разсмотрѣть. Это была его особенность, которая отличала его въ духовномъ отношеніи отъ обыкновенныхъ простыхъ, такъ сказать, будничныхъ людей.

Дѣдъ Ильи Петровича былъ русскій столбовой дворянинъ и спокойно прожилъ весь свой вѣкъ на счетъ другихъ, т.-е. имѣлъ крестьянъ, потомъ, какъ тому и быть слѣдовало, померъ и унесъ съ собою въ могилу неразрѣшенный вопросъ — зачѣмъ онъ жилъ. Отецъ уже крестьянъ не имѣлъ, т.-е. имѣлъ, но потомъ, по несчастнымъ житейскимъ обстоятельствамъ, ихъ продалъ и сталъ съ этого времени отзываться о крѣпостномъ правѣ съ большимъ вольнодумствомъ. Онъ представлялъ собою совершенную противоположность многимъ историческимъ личностямъ, которыя съ молоду бывали либеральны, а подъ старость облачались совсѣмъ въ иныя одежды; онъ же наоборотъ: въ дни молодости никогда никакого недовольства на существующій порядокъ не выражалъ, а подъ старость началъ либеральничать и либеральничалъ всегда злобно, потому что къ этому времени у него много накопилось долговъ. Въ наслѣдство отъ него осталось сыну только одно родительское благослове-

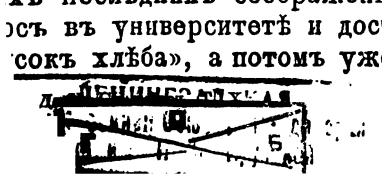
ніе. При помощи какихъ-то дальнихъ родственниковъ Илья Петровичъ докончилъ гимназическій курсъ въ одномъ изъ отдаленныхъ губернскихъ городовъ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Такое прошедшее на характеръ Ильи Петровича имѣло свою долю вліянія. Въ дни богатства отца ему не пріятна казалась пустота и безсодержательность жизни въ довольствѣ, а потомъ, соразмѣрно возрастанію отцовскихъ долговъ, бывшихъ причиною большихъ домашнихъ непріятностей, шума, брани, слезъ и наѣздовъ алчныхъ кредиторовъ, совмѣстно съ полицейскими чинами, въ Ильѣ Петровичѣ все болѣе и болѣе укоренялась мысль о томъ, что такъ жить на свѣтѣ, какъ отецъ и какъ всѣ его знакомые, значитъ не жить, а тянуть какую-то канитель, — словомъ — дѣлать чортъ знаетъ что такое, только не жить.

Искалъ онъ чего-то другого, и вотъ эти-то поиски были причиной пріѣзда его въ Петербургъ.

Въ первое время по пріѣздѣ Илья Петровичъ колебался въ выборѣ карьеры, хотѣлъ было поступить на государственную службу, но раздумалъ, не смотря на то, что для этого былъ хорошій случай, благодаря прежнимъ связамъ отца. Поступивъ въ университетъ, онъ тоже нѣкоторое время относился къ дѣлу не особенно горячо и подумывалъ было о занятіи живописью, къ которой въ первые годы юности имѣлъ влеченіе; но потомъ почему-то нашолъ, что настоящаго призванія къ живописи въ немъ нѣтъ и никогда не было.

Вообще это время было для него тяжелое, и тяжесть эта увеличивалась еще болѣе отъ того, что ни съ кѣмъ онъ не дѣлился своими думами, а все рѣшалъ самъ съ собою. Рѣшать-же было трудно, потому что въ немъ боролись всегда различныя противоположныя мнѣнія. Даже мелочные вопросы иногда ужасно загрудняли. Идетъ онъ, напримѣръ, по улицѣ и не можетъ рѣшить въ какой кухмистерской пообѣдать, на Литейной, или въ Конюшенной; рѣшитъ идти на Литейную, но, пройдя половину пути, вдругъ начинаетъ колебаться и поворачиваетъ обратно въ Конюшенную,

а на половинѣ пути опять является въ немъ желаніе вернуться на Литейную. Положеніе, какъ видите, просто безвыходное. Все это, разумѣется, зависѣло отъ состоянія здоровья, которое, въ свою очередь, разстроивалось тѣмъ, что Илья Петровичъ не чувствовалъ почвы подъ ногами. Онъ все искалъ чего-то и не находилъ, а не находилъ потому, что не зналъ и самъ, чего искалъ. То вдругъ начинало казаться, что университетскій дипломъ ему совершенно не нуженъ, такъ какъ онъ рѣшилъ на государственную службу не поступать; что изучать какой-либо предметъ можно и не ходя въ университетъ, и что сдача экзаменовъ въ университетѣ есть ни болѣе ни менѣе, какъ пустая формальность, которая, въ сущности, только по-напрасну время отнимаетъ. То вдругъ оказывалось, что полученіе диплома не только не лишняя вещь, а даже положительно необходимо, и что не только въ Россіи, но и во всѣхъ образованныхъ государствахъ университетскій дипломъ даетъ человѣку дорогу. Затѣмъ опять начинали мучить другія соображенія, что не лучше-ли будетъ бросить университетъ и поступить куда-нибудь на частную службу, на заводъ какой-нибудь и изучать дѣло на практикѣ, механикой или химіей заняться, послужить сначала простымъ чернорабочимъ, пройти все, такъ сказать, отъ самаго корня, а тамъ, при помощи энергіи, труда и настойчивости, можно обратить на себя вниманіе и выдвинуться. Такія различныя соображенія просто сбивали его съ толку. Потомъ, его вдругъ осѣнила свѣтлая мысль, что надо сначала хоть гдѣ-нибудь и какъ-нибудь пристроиться, что собственно настоящее дѣло, которымъ ему слѣдуетъ заняться, еще впереди. Но при разсмотрѣніи в роса о томъ, какъ и гдѣ пристроиться, опять ока- з залось, что университетскій дипломъ въ этомъ слу- ч всего болѣе можетъ оказать пользы. На основаніи з хъ послѣднихъ соображеній онъ рѣшилъ окончить в ось въ университетѣ и достать себѣ обезпеченный « сокъ хлѣба», а потомъ уже, думалъ онъ, получивъ



этотъ кусокъ, можно будетъ исподволь пріискать себѣ настоящее дѣло. Какое такое можетъ быть настоящее дѣло, говоря по чистой справедливости, онъ ей Богу и самъ не зналъ, думалось только, что оно, во-первыхъ, не государственная служба, во вторыхъ, что суть его не въ наживѣ капиталовъ, и что во всякомъ случаѣ тамъ, впереди будетъ все ясно видно.

Избралъ онъ себѣ спеціальностью древніе языки. Почему именно древніе языки, онъ не могъ отдать себѣ въ этомъ отчета,—такъ, какъ-то самъ собой случился этотъ выборъ. Можетъ быть судьба такъ распорядилась: говорятъ же, что кому назначено удавиться, тотъ не утопится. Всего скорѣе, разумѣется, при характерѣ Ильи Петровича, можно думать, что подъ покровительствомъ древнихъ языковъ онъ надѣялся найти именно тотъ обезпечивающій кусокъ, о которомъ думалъ. Конечно не безъ причины же было въ этомъ случаѣ.

Занимался онъ прилежно и на него стали смотрѣть, какъ на будущаго ученаго.

Вслѣдствіе-ли выбора спеціальности, или по причинѣ своего одинокаго образа жизни и отчужденія отъ товарищества, онъ считался страннымъ человѣкомъ. Одни говорили, что онъ надутый дуракъ и важничаетъ самъ не зная чѣмъ, другіе отзывались о немъ какъ о человѣкѣ «себѣ на умѣ», которому пальца въ ротъ не клади—откуситъ.

Но каковы бы ни были людскія мнѣнія,—Богъ съ ними. Людская молва что морская волна. По моему, Илья Петровичъ былъ все-таки хорошій человѣкъ. Уже одно то, что онъ не хотѣлъ ограничиться своею спеціальностію, а надѣялся сдѣлать въ жизни что-то другое, болѣе крупное,—ужъ это одно рекомендуетъ его съ хорошей стороны.

Впрочемъ, потомъ оказались въ его образѣ дѣйствій и мнѣніяхъ большія несообразности. Случилось какъ-то такъ, что предъ окончаніемъ курса въ немъ затихли всѣ помыслы о будущихъ поискахъ дѣла, точно за-

гасли, какъ гаснутъ и тускнѣютъ послѣдніе догорающіе угольки въ каминѣ и потомъ превращаются въ холодный безжизненный пепелъ.

Илья Петровичъ вдругъ почувствовалъ довольство своимъ положеніемъ и успокоился на томъ, что онъ ученый, и что это и есть его настоящее призваніе.

Сваливъ съ плечъ всѣ свои экзамены, товарищи праздновали окончаніе курса. Былъ между ними и Илья Петровичъ. Говорили много, собственно больше о прошломъ, по поводу экзаменовъ, профессорскихъ лекцій и о разныхъ случайностяхъ экзаменаціонной лотереи. Илья Петровичъ больше слушалъ и помалчивалъ. Онъ сидѣлъ какъ-то въ сторонѣ отъ другихъ, въ углу, и смотрѣлъ въ полъ, какъ будто сердился на кого-то. Все развлеченіе его на товарищескомъ праздникѣ состояло въ томъ, что онъ сосалъ папиросы: докуритъ одну и ея же огнемъ зажигаетъ другую, затѣмъ отъ огня этой третью и т. д.; курилъ и молчалъ и необыкновенно много дыму напустилъ вокругъ себя, точно его облакомъ осѣнило свыше.

Договорились товарищи и до предположеній о будущемъ. Одни предполагали ѣхать на родину, кто къ отцу, кто къ матери, и отдохнуть, а тамъ, молъ, что Богъ дастъ; другіе, подгоняемые обстоятельствами, намѣревались безъ отдыху тотчасъ же приняться за поиски мѣстишка на государственной службѣ и высчитывали сколько времени нужно употребить для того, чтобы при помощи всевозможныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ махинацій, въ видѣ протекцій, рекомендательныхъ писемъ и разныхъ «словечекъ кстати» добиться желаемой цѣли. При такихъ соображеніяхъ, въ видѣ неотразимаго препятствія, выступало на первый планъ затрудненіе отыскать напрокатъ фрачную пару,— безъ которой, какъ извѣстно, въ жизни ничего не подлаешь.

Илья Петровичъ и въ этихъ разговорахъ не принималъ участія: ѣхать ему было некуда, т.-е. пожалуй онъ могъ ѣхать на всѣ четыре стороны, потому что

нигдѣ никакого пристанища не оказывалось; но ему не было въ этомъ никакой надобности: ему обѣщали уже мѣсто старшаго учителя.

И дѣйствительно онъ поступилъ на службу въ качествѣ просвѣтителя юношества — и, казалось, успокоился.

Переплылъ, значитъ, бурную рѣку и нашолъ тихое пристанище.—Все предыдущее, слѣдовательно, было только однимъ порывомъ куда-то. А можетъ быть... Мало-ли что можетъ быть!

III.

Илья Петровичъ по-прежнему повелъ уединенную жизнь. Онъ даже и квартиры своей собственной не имѣлъ, какъ это дѣлаютъ практическіе холостяки въ видахъ соединенія разнородныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ женской прислуги, онъ просто нанималъ комнату «отъ жильцовъ».

День проходилъ у него незамѣтно. Утромъ, бывало, отправится на службу, послѣ обѣда какой-нибудь частный урочекъ отработаетъ, а вечеромъ сидитъ себѣ, почитываетъ классиковъ или исправляетъ ученическія тетради.

Немножко только сдѣлался онъ разсѣянъ, вѣроятно, читалъ ужъ очень подолгу.

Ничѣмъ инымъ разсѣянность не объяснялась, потому что онъ былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и, казалось ему, прекрасно устроилъ свои житейскія дѣла. Содержанія, получаемаго по службѣ, вмѣстѣ съ частными уроками, было съ избыткомъ достаточно на то, чтобы имѣть столъ, комнату, приличное платье и откладывать кой-что на черный день. Положимъ, на черный-то день онъ ничего не откладывалъ, но зато жилъ, что называется, въ довольствѣ и спокойствіи, о чемъ во времена студенчества можно было только помечтать. Недаромъ же въ самомъ дѣлѣ онъ нашолъ, что учительство есть его настоящее призваніе, и что

собственно больше и искать нечего. Да и зачѣмъ искать? Предъ нимъ были настежь раскрыты двери къ духовнымъ наслажденіямъ, которыя онъ могъ во всякое время дня и ночи получать въ бесѣдѣ съ древними философами, историками и поэтами. Чего же еще больше желать?—думалъ онъ.

Въ таковомъ довольствѣ собой и своимъ положеніемъ, никакой надобности въ знакомствѣ съ кѣмъ-бы то ни было не чувствовалось. Что мнѣ въ этихъ знакомыхъ,—думалъ онъ,—ну вотъ я приду, здравствуйте, скажутъ; ну здравствуйте; что новаго? да ничего особеннаго; ну а потомъ и потянутся ничего незначущіе толки. Такъ только время попусту потеряешь. — Остается театръ, опера, но къ нимъ онъ никогда влеченія не имѣлъ; хотя и любилъ музыку, но только духовную. Завернетъ иной разъ кто-нибудь изъ сослуживцевъ, но между ними онъ ни одного такого не встрѣтилъ, съ которымъ бы могъ сойтись, да и привычка къ одиночеству въ немъ настолько укоренилась, что самый коротенькій визитъ кого-либо изъ знакомыхъ казался ему несчастіемъ. Знакомый начнетъ разсказывать иной разъ что-нибудь и дѣльное, а Илья Петровичъ ловитъ слова только изъ пятаго на десятое, и думаетъ лишь о томъ, скоро ли онъ уйдетъ. Быть одному ему казалось лучше, но пришла такая пора, что одиночество стало оказываться не состоятельнымъ, и именно не далѣе, какъ чрезъ полгода послѣ вступленія въ должность. Стала его посѣщать какая-то до того времени невѣдомая ему гостья. Онъ затруднялся опредѣлить ея настоящее званіе: не то лѣнь, не то тоска, не то чортъ знаетъ что такое—во всякомъ случаѣ что-то очень непріятное. Повадилась эта гостья сначала по праздникамъ, а потомъ иногда и въ будни стала завертывать въ его комнату, въ особенности въ долгіе зимніе вечера. Онъ отъ нея на улицу, она за нимъ. Скучно, а отчего — самъ не знаетъ и понять даже не можетъ, что ему скучно. Лежитъ, бывало, въ воскресенье послѣ обѣдни на кровати и думаетъ.

что теперь дѣлать? Вынетъ изъ портфеля ученическія тетради съ намѣреніемъ приняться за исправленіе въ нихъ ошибокъ, перелистуетъ двѣ-три и положитъ назадъ. Неловко какъ-то, думаетъ,—сегодня праздникъ, надо же, въ самомъ дѣлѣ, отдохнуть; но чѣмъ же бы заняться? Ляжетъ на кровать и соображаетъ, и въ этихъ соображеніяхъ проходитъ иногда не мало времени. По праздникамъ онъ всегда ходилъ къ обѣднѣ, не столько молиться, сколько пѣвчихъ послушать, отъ обѣдни идя, въ католическій костелъ завернетъ, тожо въ видахъ услажденія себя музыкой, но потомъ дня еще остается все-таки много, такъ много, что онъ и дѣвать его не знаетъ куда. Вкушать отъ стола классической мудрости иной разъ тоже особеннаго аппетита не чувствовалось. Въ то время, въ первые годы учительства, у него не былъ еще до такой степени развитъ аппетитъ къ классической пищѣ, чтобы онъ могъ ее большими дозами и безъ вредныхъ послѣдствій принимать.

Думаетъ, думаетъ, какъ жить на бѣломъ свѣтѣ, придумать не можетъ, чувствуетъ только, что прежнее довольство своимъ положеніемъ уже потеряло значительную долю прелести—что поднимается въ немъ снова какая-то прежняя, казалось, уже давно позабытая дума, недававшая ему покоя въ первые годы студенчества. Жениться-бы развѣ, думаетъ, что-жъ въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я порядочное жалованье получаю, да и наклонности у меня самыя подходящія для семейной жизни: страсти къ разнообразію наслажденій не имѣю,—мужъ буду самый исправный... Да вотъ бѣда,—невѣсты въ виду нѣтъ. Подумаетъ такъ-то, повздыхаетъ, а чрезъ полчаса уже забылъ и о томъ, что трудно жить на свѣтѣ, и о томъ, что у него есть отличныя способности къ супружеской жизни,—все забылъ, забылъ потому, что какъ-то нечаянно вдругъ натолкнулся на дѣло: принялся за перестановку мебели въ своей комнатѣ. Такъ какъ для этого не представлялось другихъ средствъ, кромѣ передвиженія кровати и комода съ

одного мѣста на другое, то онъ и ограничивался этимъ.

Когда же во всѣхъ углахъ комнаты и на всякомъ мѣстѣ ея пола мебель поочередно отстаивала свое время, и когда уже не представлялось возможности придумать какое либо новое преобразованіе, Илья Петровичъ начиналъ томиться, и въ комнатѣ вдругъ оказывались различные недостатки, сырость, напримѣръ, тѣснота, тяжелый воздухъ, однимъ словомъ, комната оказывалась совершенно неудобной для жилья, и по этой уважительной причинѣ Илья Петровичъ переселялся куда-нибудь на новое мѣсто. Только-что, бывало, переѣдетъ въ новую комнату, какъ тотчасъ же оживится и веселѣе сдѣлается и на все смотритъ какъ-то иначе, совсѣмъ другими глазами,—точно 200 т. выигралъ. Придя въ гимназію, уже не молчитъ по прежнему, а съ восторгомъ разсказываетъ своимъ собратамъ,—ну, молъ, батюшки, какую я комнату нашелъ, прелесть: два окна, парадный ходъ и т. д. и т. д., а тамъ, чрезъ мѣсяцъ-два, на чей-нибудь вопросъ о мѣстѣ его жительства, уже съ величайшимъ пренебреженіемъ говоритъ о своей комнатѣ: — чортъ знаетъ, что такое, сырость, вонь и т. п.

Такимъ образомъ время показало, что онъ не могъ найти утѣшенія въ однихъ классикахъ. Все что-то подмывало его и тревожило. Такъ иногда комнатная собаченка не можетъ никакъ улечься спокойно и поворачивается съ одного бока на другой, поднимается съ мѣста, въ дремотѣ дѣлаетъ на немъ два-три круга и опять жмется и ворочается, пока не измучится и не заснетъ.

А скука, нѣтъ-нѣтъ, да и прокрадется невидимкой на письменный столъ, прямо на раскрытаго Тита Ливія. Титъ Ливій вдругъ дѣлается необыкновенно скучнымъ. Илья Петровичъ торопливо перелистываетъ страницу, другую, третью,—не помогаетъ. Ну, думаетъ, и сегодня, значитъ, Тита Ливія довольно, возьмемъ философію. Раскрываетъ онъ Аристотеля. Аристотель

оказывается изъ рукъ вонъ: ничего понять нельзя. Илья Петровичъ зажимаетъ обѣими руками уши, чтобы не долетало до него извнѣ никакого звука, и хочетъ углубиться въ чтеніе, но и это не помогаетъ. Ну, думаетъ, отдохну-ка я сегодня съ поэтами. Перелистываетъ того, другого, третьяго, но не находитъ и въ нихъ утѣшенія. Онъ укладываетъ книгу на этажерку и не знаетъ, что̀ ему съ собой дѣлать.

— Нѣтъ, чортъ побери,—размышлялъ онъ иногда, лежа на кровати,—надо подумать о женитьбѣ.

IV.

Думалъ онъ и соображалъ подолгу и почасту, и, можетъ быть, года два, три еще проболтался бы въ качествѣ жениха, при появленіи котораго у засидѣвшихся невѣстъ сердца замираютъ и усиленно бьются, а у маменекъ разгораются глаза, въ гнѣвѣ на то, что человѣкъ ходитъ на волѣ. Но его погубили каникулы и весна. Это время для холостыхъ учителей самое скользкое и опасное, того и гляди поскользнешься: съ одной стороны вліяніе силъ природы, съ другой—полная бездѣятельность, а тамъ, глядишь, зоркіе глаза уже наблюдаютъ, и устраивается правильно организованная партія, хитро раскинувшая вокругъ неопытнаго сѣть. Онъ еще не успѣлъ опомниться отъ пріятныхъ впечатлѣній перваго знакомства съ какимъ нибудь семействомъ, гдѣ есть невѣста, какъ вдругъ, совершенно по неизвѣстнымъ причинамъ, оказывается съ ней вдвоемъ на прогулкѣ въ саду, говоритъ о чувствахъ, о любви и вообще о тонкихъ матеріяхъ.

Илья Петровичъ въ началѣ одного изъ іюней оказался въ такомъ же положеніи и говорилъ о тонкихъ матеріяхъ, и очень удачно и кстати цитировалъ древнихъ поэтовъ и высоко закидывалъ голову, какъ бы хватая съ неба слова, для перевода цитатъ на отечественный языкъ; а въ іюлѣ уже писалъ по начальству, что «желая вступить въ первый законный бракъ съ

дѣвицею такою-то, покорнѣйше прошу, дабы и проч.» Въ августѣ онъ былъ уже женатъ.

Тогда, послѣ женитьбы, его нерѣдко можно было встрѣтить на гуляньяхъ, на музыкѣ въ Павловскѣ, въ театрахъ. Идетъ, бывало, вмѣстѣ съ женой «подъ ручку», одѣтый весьма прилично, почти щегольски, въ глянцовитой круглой шляпѣ, въ цвѣтныхъ лайковыхъ перчаткахъ и съ тросточкой. Иногда (смотря, впрочемъ, по расположенію духа и по количеству денегъ въ карманѣ) онъ во время прогулки съ нѣкоторою надмѣнностью откидывалъ голову назадъ и, прищуривъ глаза, небрежно осматривалъ проходящихъ, точно хотѣлъ имъ сказать, что я, молъ, не послѣдняя спица въ колесницѣ, а просвѣтитель юношества.

Въ женитьбѣ своей Илья Петровичъ былъ необыкновенно счастливъ: жена съ нимъ рѣдко бранилась, никогда не дралась и не была особенно плодовита. Результатомъ супружескаго сожительства Ильи Петровича оказалось только одно дѣтище, и тутъ даже, по его мнѣнію, не обошлось безъ счастія—мальчикъ.

Женившись, онъ уже пересталъ перекочевывать изъ одной меблированной комнаты въ другую, а нанялъ себѣ отдѣльную квартиру, обзавелся мебелью и прислугой и первые мѣсяцы прожилъ спокойно, совершенно довольный своимъ новымъ положеніемъ. Знакомства даже кой-какія завелъ и вообще не сталъ такъ чуждаться людей, какъ это было до женитьбы. Человѣкъ видимо сталъ исправляться и походить на другихъ; но это исправленіе шло очень медленно, все чѣмъ-то онъ былъ недоволенъ и чего-то искалъ. Квартира, напримѣръ, вдругъ оказывалась почему-то неудобной, онъ начиналъ искать другую, хлопоталъ, устраивался, и въ это время, самъ того не замѣчая, чувствовалъ себя значительно лучше, веселѣе и здоровѣе. Потомъ, чрезъ годъ или болѣе, навѣрное неизвѣстно, онъ нашелъ почему-то нужнымъ обзавестись столярными инструментами, пріобрѣлъ пилу, рубанки и, зинзюбели разные, и въ свободное отъ занятій

время сталъ заниматься столярнымъ мастерствомъ. Знанія его въ столярномъ дѣлѣ были не весьма обширны, и потому онъ ограничивался преимущественно устройствомъ полокъ и исправленіемъ какой-нибудь доски въ кухонномъ ящикѣ, но замыслы имѣлъ большіе, предполагая въ будущемъ сильно усовершенствоваться въ этомъ дѣлѣ. Жена, глядя на него, тоже иногда принималась пробовать что-нибудь построгать. Примѣръ, вообще, заразителенъ. Даже сынишка, будучи понятливымъ, покушался тоже что-нибудь поработать, но, за неимѣніемъ нужныхъ инструментовъ (не давали ему), ограничивался тѣмъ, что возьметъ какую-нибудь палку и начинаетъ ею шаркать по столу, воображая, что пилитъ. Малъ былъ еще и потому настоящей работой заниматься не могъ.

Увидитъ, бывало, Илья Петровичъ такія затѣи сына, и утѣшается его родительское сердце, и думаетъ онъ, вотъ, молъ, выростетъ, тоже человѣкъ будетъ и можетъ быть тоже будетъ юношество просвѣщать. Но любуясь въ это время на будущаго просвѣтителя юношества, онъ каждый разъ внушительно ему объяснялъ, что нужно быть осторожнымъ, чтобы руку не оцарапать палкой или въ глазъ какъ-нибудь по ошибкѣ не заѣхать.

Такъ говорилъ Илья Петровичъ, скорчившись и наклонившись пониже для того, чтобы сынъ не проронилъ изъ его поученія ни одного слова; но сынъ только глаза таращилъ и дивился, не понимая, зачѣмъ это отецъ такъ близко къ его лицу свою большую голову приклонилъ и говоритъ что-то странное.

— Ты мнѣ, душечка, дай палочку-то,—подъѣзжаетъ наконецъ Илья Петровичъ къ сыну съ самыми хитрыми намѣреніями.

— А-га! — соображаетъ будущій педагогъ, сразу понявъ значеніе всего предыдущаго разговора, и оглашаетъ воздухъ пронзительнымъ крикомъ, при полномъ раскрытіи рта, точно итальянская пѣвица.

Отецъ уже машетъ обѣими руками и успокоиваетъ

сына, и жену зоветъ на помощь, и прислугу, такъ больно его сердцу видѣть слезы ребенка.

Сосѣди по квартирѣ Растеряева, въ первое время по его переѣздѣ на квартиру, впадали въ нѣкоторое заблужденіе, подозрѣвая, не столяра-ли какого Богъ послалъ на терзаніе ихъ слуха за грѣхи; но за симъ, когда объяснялось настоящее званіе Ильи Петровича, разубѣждались въ своемъ ошибочномъ предположеніи и только дивились его удивительному прилежанію.

Потомъ квартиру опять пришлось перемѣнить, и такъ каждый годъ раза по два онъ перебирался съ одной на другую. Переѣдетъ, устроитъ полки, дверь обобьетъ кошмой и начинаетъ прилежнѣе прежняго заниматься своими служебными обязанностями: внимательно перечитываетъ дѣтскіе переводы и тщательно исправляетъ всѣ ошибки, подписывая потомъ на каждой тетради общій ихъ итогъ, иногда съ однимъ удивительнымъ знакомъ, иногда съ двумя и даже съ прибавкой вопросительнаго, если ужъ ошибокъ, по его мнѣнію, оказывалось несообразное число. Но потомъ, по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, въ немъ опять появляется желаніе употребить съ пользою остающіеся отъ службы часы, — и начинается въ комнатахъ перестановка мебели.

Жена противъ этого, въ первые года, ничего не имѣла и даже подъ-часъ увлекалась его идеями.

— Какъ ты думаешь,—говорилъ онъ, напримѣръ, не нанять-ли намъ квартиру побольше и пустить жильцовъ, по крайней мѣрѣ двухъ?

— Это зачѣмъ же?—спрашиваетъ жена, не понявъ сначала плановъ мужа.

— Во-первыхъ, если подороже квартиру взять, то она будетъ удобнѣе, свѣтлѣе, выше комнаты, наконецъ, парадный ходъ съ улицы, а вѣдь за ту цѣну, за которую мы нанимаемъ, всегда приходится жить во дворѣ и по чернымъ лѣстницамъ.

— Но вѣдь это дорого, не по нашимъ средствамъ.

— Вотъ видишь-ли, ты не очень практична: это

будетъ еще дешевле, чѣмъ мы теперь платимъ, потому что тогда мы будемъ имѣть выгоду отъ жильцовъ, и на нашу собственно долю квартирной платы достанется не много.

— Что же, пожалуй, если ты находишь удобнымъ.

— Неудобства никакого нѣтъ... Но представь, имѣя жильцовъ, вѣдь мы можемъ платить за квартиру изъ своихъ денегъ всего какихъ-нибудь 10 рублей.

— Что-жъ, это, конечно, хорошо...

Начались различныя вычисленія выгодъ отъ предполагаемой отдачи комнатъ жильцамъ.

— Можно, пожалуй, со столомъ,—замѣчаетъ Илья Петровичъ, развивая свою идею.

— Я думаю, хлопотливо,—робко возражаетъ жена, уже охваченная прелестями предстоящихъ соблазновъ по части экономическихъ выгодъ.

— Какое хлопотливо, помилуй! Ты сообрази, вѣдь для насъ готовить обѣдъ нужно-же, дрова жечь нужно-же...

И доказывалось такимъ образомъ, что всего лучше отдать комнаты со столомъ.

Нанималась квартира побольше, отдавались двѣ комнаты, сначала со столомъ, потомъ, по оказавшимся неудобствамъ, безъ стола, а потомъ Илья Петровичъ и супруга его, купно съ будущимъ просвѣтителемъ юношества, опять перекочевывали куда-нибудь въ маленькую квартиру.

— Нѣтъ, съ жильцами возиться хлопотливо, не стоитъ,—замѣчаетъ онъ женѣ,—то-ли дѣло въ маленькой квартиркѣ, по крайней мѣрѣ сами себѣ хозяева.

— Я тебѣ тогда говорила, помнишь,—замѣчаетъ жена.

— Но кто-же зналъ... Да что-же ты и говорила-то, собственно мы съ тобой оба увлеклись.

— Да если бы не ты...

— Ну что, если-бы не я, если-бы не я... И я могу тоже сказать, если бы не ты...

— Однако-жъ, ты первый сталъ фантазировать.

— Нѣтъ, если правду-то говорить, такъ едва-ли не ты первая.

— Ну ужъ это ты просто лжешь...

Поспорятъ такъ-то, иногда довольно крупно, потому что ужъ очень досадно за безцѣнокъ лишнюю мебель и посуду продавать: а продажа, какъ извѣстно, вещь такая, какъ дешево ни купи, а все за половину цѣны продай. Есть на свѣтѣ такое племя паразитовъ, которое, собственно, только этими случаями и питается и такъ сытно, что Господу Богу не одна церковь въ благодарность за эту хлѣбъ-соль построена.

Впослѣдствіи, при перемѣнѣ квартиръ, жена Ильи Петровича уже стала ворчать и называла его непосѣдомъ.

Слышать такое опредѣленіе своей собственной персоны Ильѣ Петровичу было непріятно, тѣмъ болѣе потому, что въ опредѣленіи слышалась правда.

— Какъ быть,—думаетъ онъ,—квартира скверная, отъ гимназіи далеко и улица какая-то подлая, мрачная... Но вотъ вопросъ, какъ быть, какъ приготовить жену къ переѣзду.

Размышляетъ такимъ-то способомъ и вымыслитъ, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь весьма уважительное.

— Что это такое со мною дѣлается,—начинаетъ онъ, напримѣръ, печальнымъ голосомъ,—удивительно это странно... Умеря каждый день голова болитъ.

Онъ заботливо ощупываетъ голову обѣими руками, точно опасается, не измѣнилась-ли она по формѣ.

Жена молчитъ. Илья Петровичъ тоже молчитъ.

— Да, удивительно, — заботливо бормочетъ онъ, вздыхая,—нѣтъ, нѣтъ, да и заболитъ. И потомъ, какъ бы въ отвѣтъ на свои думы, добавляетъ: это отъ квартиры.

— Выдумывай! квартира сухая, теплая, свѣтлая...

Онъ молчитъ нѣкоторое время, продолжая ощупывать голову, а самъ, между тѣмъ, соображаетъ, какъ повести дѣло дальше.

— А потолки!—вдругъ восклицаетъ онъ, ухватившись за счастливую мысль.

— Что потолки?—въ удивленіи спрашиваетъ жена.

— Какъ что? Низко, ужасно низко. Воздуху мало.

— Что-жъ ты раньше-то смотрѣлъ! Вѣдь ты же самъ нанималъ и еще какъ хвалилъ, помнишь, восхищеніямъ конца не было.

— Да я и теперь восхищаюсь. Квартира превосходная, я не отказываюсь, всегда, вездѣ скажу, дѣйствительно прекрасная квартира, и не дорогая, и удобная... Но—потолки! потолки!..

— Они и тогда выше не были...

— Ахъ, какая ты, въ самомъ дѣлѣ, странная, вотъ всѣ вы, женщины, таковы. Это даже обидно. Ну, не досмотрѣлъ, не пришло въ голову! Ужели же, въ самомъ дѣлѣ, теперь за эту оплошность страдать и мучиться головными болями?..

— Господи! Съ тобой просто наказанье,—чуть не въ слезахъ замѣчаетъ жена и хочетъ уйти.

Илья Петровичъ ее останавливаетъ, цѣлуетъ ей руки и увѣщеваетъ.

— Но, другъ мой, я же тебѣ серьезно говорю, вѣдь это не шутя, намъ необходимо перемѣнить квартиру. Знаешь, я (онъ начинаетъ таинственнымъ шопотомъ), я присмотрѣлъ прехорошенькую, премиленькую квартиру, и представь, наша спальня окнами выходитъ въ садъ...

— Да ну тебя, дѣлай, какъ знаешь.

Нельзя сказать, чтобы онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень взыскателенъ въ выборѣ квартиры, и не то, чтобы неудачно попадались все неудобныя помѣщенія, а просто такъ-какъ-то не жилось на одномъ мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, кажется, все просто объясняется стремленіями Ильи Петровича къ дѣятельности, которая въ то время въ немъ еще недостаточно выяснилась. Переѣзды же представляли такой удобный случай заняться работой, и полки устроить, и постругать, и попилить, и, главное, все съ пользой, а не то, чтобы, какъ говорится, попусту. Но, наконецъ, должно быть, эти переѣзды потеряли для него всякую прелесть но-

визны, или ужъ время такое пришло, что онъ почувствовалъ потребность осѣсть поплотнѣе на одномъ мѣстѣ, и дѣйствительно осѣлъ, гдѣ-то за Кирочной, да такъ плотно, что потомъ и не переѣзжалъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства, вполнѣ уже уважительныя, не заставили оставить эту квартиру.

Въ періодъ осѣданья на Кирочной въ немъ были еще очень большія надежды на будущее и много силы. Жизнь по-прежнему манила куда-то впередъ, къ какому-то дѣлу, котораго онъ собственно и самъ не зналъ, но онъ сознавалъ, что это дѣло непремѣнно къ нему или само придетъ, или онъ на него натолкнется.

Въ такое именно время онъ затѣялъ дѣлать модель машины, которая, по его предположеніямъ, должна была произвести переворотъ въ чемъ-то.

Сказано—сдѣлано. Онъ пригласилъ къ себѣ столяра, который подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ принялся за работу. Столовая превратилась въ столярную. Илья Петровичъ самъ тоже стругалъ, и пилилъ, и чертилъ разныя фигуры. Только что, бывало, возвратится изъ гимназіи, перехватитъ наскоро кусочекъ другой пищи и ужъ бѣжитъ въ столярную. Много было жизни въ этой комнатѣ. Подъ вліяніемъ блестящихъ надеждъ, Илья Петровичъ заставлялъ столяра пѣть пѣсни и самъ подтягивалъ. Иногда, впрочемъ, наткнувшись на какое-нибудь противорѣчіе въ своихъ чертежахъ, онъ начиналъ сердиться на пѣсенника и приказывалъ ему молчать.

Сосѣди по квартирѣ стали жаловаться на Илью Петровича хозяину дома. Хозяинъ прислалъ дворника съ просьбою или очистить квартиру, или прекратить столярныя работы. Илья Петровичъ сначала было и обидился, на дворника прикрикнулъ и заявилъ, что онъ въ своей квартирѣ «хозяинъ»; но потомъ почему-т присмирѣлъ и оставилъ свою машину недодѣланной. П› правдѣ сказать, это случилось не потому, что онъ у оялся угрозъ хозяина, а по той простой причинѣ, ч› сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ своего дѣла. Сто-

ляру, конечно, было заплачено за работу сколько слѣдовало, и хотя Илья Петровичъ, отдавая деньги, и подумалъ, что расходъ оказался непроизводительнымъ, но утѣшился тѣмъ, что это «въ послѣдній разъ». Онъ даже презентовалъ столяру свое недодѣланное дѣтище, но столяръ отказался отъ презента, потому что этотъ презентъ ровно ни на что не годился. Отдохнули сосѣди и жена Ильи Петровича. Два дня потомъ чистили и убирали соръ изъ комнаты. Жена и кухарка не замѣчали трудности этой работы, такъ пріятно было ощущеніе покоя и тишины, послѣ недавняго грохота.

Потомъ онъ нѣкоторое время съ большимъ жаромъ занимался своими уроками въ гимназіи и въ частныхъ домахъ; и такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. За симъ, опять потянуло его куда-то, впередъ или назадъ,—кто его знаетъ. Онъ и самъ хорошо не могъ опредѣлить,—куда его тянетъ. Вспомнилъ какъ-то, перебирая бумаги и найдя въ нихъ рисунки, про живопись и обрадовался ей какъ старому, сердечному другу, съ которымъ съ дѣтства не видался. Завелись, разумѣется, безотлагательно, всѣ принадлежности рисованья, и мольбертъ, и муштабель, и палитра, и краски, но только картины никакой не оказалось, а потомъ какъ-то втихомолку, незамѣтно, точно сами собой, всѣ принадлежности рисованья исчезли куда-то, и Илья Петровичъ болѣе о нихъ не вспоминалъ.

Такимъ образомъ, онъ создавалъ себѣ разные «планы» и самъ же потомъ, не окончивъ, отступался отъ нихъ и необыкновенно легко разрушалъ все то, чему поклонялся, хотя потомъ, въ минуты неудачъ и огорченій, жалѣлъ объ этомъ и съ большою горячностью колотилъ себя кулакомъ въ грудь. Съ годами онъ сдѣлался нѣсколько раздражителенъ, и разговоръ его, когда-то тихій и ровный, переходилъ по-временамъ въ порывистый и крикливый. Онъ имѣлъ, впрочемъ, счастливую способность скоро успокоиваться и чрезъ нѣсколько времени, послѣ горячихъ сожалѣній о разрушенныхъ имъ же самимъ планахъ, уже совершенно забывалъ о нихъ

и незамѣтно начиналъ плыть въ ту сторону, куда уносила его волна быстротекущей человѣческой жизни.

Иногда, вслѣдствіе хозяйственныхъ соображеній о домашнихъ расходахъ, жена напоминала ему про тѣ увлеченія, которыя, смѣняясь одно другимъ, «высасывали» изъ ихъ доходовъ значительныя, будто-бы, суммы. Уколотый этимъ напоминаніемъ въ самое чувствительное мѣсто, Илья Петровичъ начиналъ волноваться, упрекать жену за то, что она его сбиваетъ, что она мѣшаетъ ему жить, и вообще выражалъ, хотя и очень деликатно, сожалѣнія о томъ, что невозвратно миновали дни его холостой свободной жизни.

— Да если-бы меня не было,—съ укоромъ въ свою очередь, замѣчала жена,—такъ ты-бы совсѣмъ безъ сапогъ ходилъ, все-бы съ тебя добрые люди сняли за твою простоту, какъ есть-бы до ниточки раздѣли:

— Но позволь пожалуйста, возражалъ Илья Петровичъ, стараясь удержать разговоръ на извѣстной идеѣ,—вѣдь не о простотѣ моей рѣчь. Я говорю, что ты мнѣ мѣшаешь въ моихъ занятіяхъ; къ чему-же тутъ разговоръ о простотѣ?..

Но жена продолжала свое.

— Помнишь,—говорила она,—вонъ тотъ, какъ его, стрекулистъ-то, учитель математики, выпросилъ у тебя 15 рублей, гдѣ они?

— Онъ заплатитъ,—угрюмо замѣчаетъ Илья Петровичъ.

— Какъ-же, заплатилъ, жди: занималъ до жалованья, а теперь уже полгода прошло и носу не показываетъ.

— Ну что-жъ такое, полгода: онъ можетъ-быть былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не могъ, ну теперь и совѣстно зайти...

— Да, разсказывай. А шубу-то, помнишь, тому свистуну далъ надѣть, гдѣ она теперь?

— Ну еще бы не дать! Вѣдь тогда зима была.

— Такъ по-твоему другимъ нужно зимой шубу, а тебѣ нѣтъ...

— Да, но вѣдь это нисколько не относится къ тому, что ты мнѣ мѣшаешь заниматься дѣломъ и сбиваешь меня. Вѣдь ты только указываешь на мою довѣрчивость...

— Ужъ лучше молчи. Гдѣ ужъ тебѣ одному жить. Примешься опять за такія машины, что тебя хозяевато ни въ одну квартиру не пустятъ... Зналъ бы лучше свою службу, да поменьше о разныхъ пустякахъ думалъ... Положимъ, хоть твое жалованье и не большое, а все-таки, живя такъ скромно, какъ мы, ты могъ бы жить на покоѣ, чѣмъ метаться изъ стороны въ сторону... Ну, не хочешь по частнымъ урокамъ таскаться, сиди себѣ дома, читай тамъ въ кабинетѣ, или пиши что-ли тамъ что хочешь; а то вѣдь просто житья съ тобой нѣтъ. На что это похоже!..

Понравилось ему это слово «жить на покоѣ», и представлялъ онъ себѣ, какъ послѣ многихъ трудовъ по государственной службѣ отправляются на покой министры, какъ уходятъ на покой архіереи, утомленные многосложными и много-отвѣтственными обязанностями по управленію «паствой».

— Займусь-ко я,—думалъ онъ,—какой-нибудь кабинетной работой и буду жить себѣ на покоѣ: утромъ схожу на службу, а потомъ опять въ свой уголокъ.

Увлеченный этой мыслію, онъ сталъ серьезно обсуживать планъ своихъ занятій «въ тиши кабинета», но этому плану не суждено еще было въ то время осуществиться. Изъ самыхъ пріемовъ, съ которыми онъ хотѣлъ приступить къ осуществленію своей мысли «жить на покоѣ», видно было, что еще не пришла для этого пора: ужъ очень горячо онъ ухватился за эту мысль и очень много говорилъ знакомымъ о предстоящихъ прелестяхъ своихъ «кабинетныхъ» занятій.

Такъ прошло послѣ женитьбы нѣсколько лѣтъ, числомъ, пожалуй, до десяти, и наконецъ, всѣ прежнія прельщенія, и перемѣны квартиръ, и вѣра въ призваніе, и прогулки подъ ручку съ женой,—все осталось

назади, а о тросточкѣ и перчаткахъ исчезло даже и самое воспоминаніе.

Онъ пересталъ откидывать назадъ голову и пріобрѣлъ привычку, идя, смотрѣть больше подъ ноги и съежился какъ-то, точно его дождичкомъ немного поприбило къ землѣ.

V.

Выростилъ онъ сына, устроилъ его на казенный счетъ въ гимназію и сталъ подумывать о томъ, какъ нужно жить на бѣломъ свѣтѣ и чѣмъ слѣдуетъ занять свой умъ, гдѣ найти тотъ живой увлекающій предметъ, отдавшись которому можно было-бы сдѣлать жизнь полнѣе и вознаградить себя за неудачи своихъ прежнихъ поисковъ.

Все-таки, несмотря на совершившуюся въ немъ перемѣну, въ смыслѣ отрезвленія отъ прежнихъ увлеченій, Илья Петровичъ не могъ ограничиться тѣмъ, чѣмъ ограничивались его собраты по профессіи.

Сидѣлъ, видимо, въ немъ этакій, небольшой, можетъ-быть, червячекъ, который не давалъ ему покоя и все копошился въ его головѣ. Послѣ длиннаго ряда неудачныхъ опытовъ, послѣ неясныхъ стремленій къ какому-то, самому ему неизвѣстному дѣлу, въ немъ все-таки не замеръ этотъ червячекъ и все тянулъ его куда-то, заставляя оглядываться кругомъ и высматривать подходящее дѣло, а дѣло, между тѣмъ, было у него подъ бокомъ, стоило только присѣсть къ столу и развернуть книгу. И вотъ какъ-то въ одинъ изъ періодовъ между «неудачами», послѣ которыхъ онъ, по обыкновенію горячѣе прежняго хватался за классическую литературу и отдавался своимъ обязательнымъ, какъ онъ говорилъ, занятіямъ, съ нимъ случилось нѣчто новое, какъ будто даже что-то совершенно особенное, небывалое. Точно онъ поднялся на высокую гору и вдругъ оттуда увидѣлъ весь пройденный имъ путь жизни, и необыкновенно ясно и отчетливо обрисовались предъ нимъ, съ самой смѣшной и каррикатурной

стороны, всѣ его прежнія поиски «дѣла», всѣ увлеченія этими поисками, страданія и радости.

— Да что же это я, въ самомъ дѣлѣ, такое дѣлалъ почти полжизни,—спрашивалъ онъ самъ себя,—вѣдь я собственно искалъ то, что давно уже было у меня въ рукахъ,—вѣдь вотъ занятія-то мои, — вѣдь вотъ они передо мной!..

Самое понятіе о значеніи древняго міра все болѣе и болѣе принимало въ его сознаніи опредѣленныя формы, и благодаря этому онъ постепенно отодвигался въ ту сторону, откуда яснѣе и рельефнѣе представлялись въ его воображеніи давно прошедшіе вѣка, т. е. начиналъ разсматривать древній міръ, его бытовую, гражданскую и политическую жизнь, его произведенія искусства съ точки зрѣнія того времени, и восторгаться ими, и восхищаться до такой степени, какъ-будто онъ живетъ въ Римѣ во времена Юлія Цезаря и только часъ тому назадъ видѣлъ его во всемъ блескѣ и величіи тріумфальнаго въѣзда.

Началъ онъ по-временамъ наталкиваться на сравненія древняго міра съ современнымъ и невольно приходилъ къ такимъ выводамъ, что весь современный міръ не стоитъ вылупленнаго яйца: нѣтъ героевъ, нѣтъ ораторовъ, нѣтъ великихъ полководцевъ; а тамъ, далеко, въ глубинѣ вѣковъ они есть, они не умерли, они вѣчно живутъ, и живутъ, получивъ свое выраженіе въ такихъ грандіозныхъ формахъ. Самое количество вѣковъ, прошедшихъ со времени знаменитыхъ дѣятелей древности, служило яснымъ доказательствомъ ихъ безсмертія. Что подобное могла представить, по его мнѣнію, современная жизнь. Путемъ такихъ сравненій онъ убѣдился, наконецъ, въ томъ, что человѣчество мельчаетъ. Остановившись на этомъ, онъ сталъ сознавать свое превосходство надъ современниками, точно онъ въ самомъ дѣлѣ вдругъ перешагнулъ назадъ за 2000 лѣтъ, и вмѣсто прежняго стремленія къ чему-то, сталъ изрѣдка пріятно такъ похрюкивать и съ удовольствіемъ сторониться отъ всего, что могло хотя-бы

случайно пахнуть чѣмъ-нибудь постороннимъ. Прежде, въ былое время, онъ иногда почитывалъ газеты, интересовался знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, но потомъ все забросилъ, несмотря на то, что время было самое горячее: только что окончилась крымская война, и въ Россіи готовились громадныя реформы. Все это оказалось чуждо.

Изъ всего предыдущаго можно замѣтить, что татой крутой поворотъ въ дѣятельности Ильи Петровича начался не вдругъ и имѣлъ свои законныя, такъ сказать, роковыя причины. Такимъ образомъ онъ дошелъ до убѣжденія, что классическіе писатели и изученіе по ихъ твореніямъ быта древнихъ самое подходящее для него дѣло, и что онъ, имѣя нѣкоторую подготовку, именно на этомъ поприщѣ и можетъ найти успокоеніе своей душѣ. Подготовка эта въ описываемое время была уже весьма основательная, хотя самъ Илья Петровичъ и не признавалъ этого. Ему казалось, что онъ имѣетъ въ своемъ предметѣ самыя ограниченныя свѣдѣнія, что этого совершенно недостаточно, и что нужно изучать предметъ до всевозможнаго совершенства.

Всѣ прежнія стремленія, недовольство окружающимъ, самимъ собой,—все полетѣло въ сторону и разбилось вдребезги. Илья Петровичъ обложился кругомъ книгами, лексиконами и совершенно преобразился. Отъ частой возни съ лексиконами онъ, казалось, поглупѣлъ.

— Вотъ теперь только я попалъ на свою настоящую дорогу, думалъ онъ, вспоминая свои прежнія увлеченія, — теперь я, такъ сказать, «прозрѣлъ», точно завѣса какая свалилась съ глазъ моихъ.

Но люди, знавшіе его близко, говорили, что именно съ этого времени онъ сталъ хуже видѣть своими духовными очами. Очевидно, или самъ онъ, или его знакомые,—кто-нибудь да ошибался.

Отчужденіе отъ общества и постоянныя ученыя занятія въ тиши кабинета сначала мало отражались на

его внѣшности, но потомъ, постепенно и незамѣтно увеличиваясь, положили, наконецъ, на него свою печать. Началось съ того, что на затылкѣ стала высовываться изъ подъ воротника вицмундира вѣчно оборванная тесемка отъ вѣшалки.

Какъ жена ни старалась починивать и, отпуская его въ классъ, заправлять ее подъ воротникъ, но она то и дѣло рвалась. Это происходило отъ того, что Илья Петровичъ, во время разговора, имѣлъ привычку закручивать себѣ на затылкѣ волосы въ косичку и закручивая не замѣчалъ, какъ въ ту-же косичку попадала и тесемка, и чѣмъ оживленнѣе шла его рѣчь, тѣмъ косичка яростнѣе закручивалась и тѣмъ скорѣе страдала тесьма. Потомъ, въ дальнѣйшій періодъ, галстукъ Ильи Петровича началъ упорно поворачиваться въ сторону, а манишка сорочки вылѣзать наружу. Придетъ онъ, бывало, домой, жена встрѣтитъ его и руками всплеснетъ, пораженная неряшествомъ туалета.

— Господи, что это, Илья Петровичъ, съ тобой дѣлается,—восклицаетъ она, видя что узелъ галстука у него на затылкѣ.

— Ахъ, отстань пожалуйста. Вѣчно ты пристаешь ко мнѣ Богъ знаетъ съ чѣмъ, мнѣ совсѣмъ не до тебя,—съ неудовольствіемъ говоритъ онъ, торопливо проходя въ свой кабинетъ, и, не раздѣваясь, не снимая шляпы, начинаетъ рыться въ лексиконахъ, отыскивая какое-то вдругъ имъ забытое слово.

— Да помилуй! я думаю надъ тобой всѣ ученики смѣются,—продолжаетъ жена, стоя у дверей кабинета.—Вѣдь ты совсѣмъ-таки ни на что не похожъ, точно пьяный чиновникъ въ именины.

— Отстань, умоляю,—бормочетъ онъ, нахмуривая лобъ, и садится за письменный столъ.

— И слово-то,—бормоталъ онъ самъ съ собою,—и слово-то такое, кажется простое: aliquid, гм, aliquid... Еще у Проперція есть выраженіе:

Sunt aliquid manes, terram non omnia finit...

И возглашая эти слова, онъ, облаченный въ ха-

латъ мутно-желтаго цвѣта, торжественно шелъ къ обѣденному столу, поднявъ высоко надъ головою указательный палецъ.

Супруга Ильи Петровича справедливо подозрѣвала, что онъ, вслѣдствіе своей разсѣянности, можетъ служить предметомъ насмѣшекъ.

Ученики дѣйствительно надъ нимъ подсмѣивались и фыркали, но онъ, увлекшись своей лекціей, никогда этого не замѣчалъ, а если иной разъ и замѣтитъ смѣющагося шалуна, только погрозитъ ему высоко поднятымъ надъ головой пальцемъ и снова продолжаетъ свое дѣло.

Впослѣдствіи разсѣянность его по части своего костюма дошла до того, что стали оставаться не застегнутыми пуговицы на самыхъ непозволительныхъ мѣстахъ. Въ этотъ періодъ жена уже потеряла всякую вѣру видѣть его одежду въ надлежащемъ порядкѣ и только въ крайнихъ случаяхъ, въ особенности при постороннихъ, дергала его за рукавъ и шептала, указывая глазами на его оплошность. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, тутъ же при постороннихъ, нисколько не стѣсняясь, застегивалъ пуговицы и преспокойно продолжалъ свой разговоръ.

По прошествіи еще нѣкотораго времени, при встрѣчѣ съ нимъ, и по костюму и по манерамъ, и по выраженію лица стало замѣтно, что онъ только на время вылѣзъ изъ какого-то стараго, густо покрытаго пылью фоліанта и непремѣнно снова полѣзетъ назадъ. Въ сорокъ лѣтъ отъ него по-временамъ начинало уже попахивать чѣмъ-то похожимъ на запахъ старыхъ книгъ, долго хранившихся гдѣ-нибудь въ сыромъ подвалѣ, и появленіе этого запаха объяснялось именно постоянной возней съ старыми книгами и рукописями. И въ самомъ дѣлѣ этотъ запахъ не могъ не сдѣлаться постояннымъ его спутникомъ: то изъ публичной библіотеки онъ его захватитъ, то изъ какого-нибудь частнаго книгохранилища, то изъ лавки апраксинскаго букиниста, въ которой онъ иногда по цѣлымъ часамъ возился въ пыли

старыхъ книгъ, увлекаемый въ эту возню заинтересовавшимъ его указаніемъ на какое-нибудь старинное изданіе.

О цѣлости и чистотѣ своего костюма онъ тоже пересталъ заботиться и постоянно носилъ одну и ту же пару платья, не обращая вниманія ни на покрой его, ни на цвѣтъ. Жена, замѣтивъ, наконецъ, что на платьѣ его появляются дыры или подкладка начинаетъ живописной бахромой торчать по краямъ, тащила его въ гостинный дворъ и чуть не насильно заставляла купить новую пару. Онъ любилъ только, чтобы платье было просторно, потому что это, во-первыхъ, казалось удобнѣе, а во-вторыхъ животъ его уже начиналъ заявлять свои права на широкое развитіе. При этомъ нужно замѣтить, что брюки, благодаря ихъ классическому покрою, какъ-то странно болтались на его ногахъ и были замѣчательно коротки, почти на четверть выше подошвы.

— Совсѣмъ онъ у меня отъ рукъ отбился,—жаловалась иногда жена своимъ знакомымъ,—просто ни на что не похоже, того и гляди, что въ одномъ бѣльишкѣ уйдетъ въ гимназію.

VI.

Илья Петровичъ имѣлъ мало уроковъ; но это не столько зависѣло отъ его непопулярности, сколько отъ неумѣнья устраивать свои денежныя дѣла. Бывали случаи, пригласятъ его въ какой-нибудь богатый домъ, приготовлять мальчика изъ латыни. Кажись чего лучше: кругомъ роскошь, на лѣстницѣ тропическія растенія, въ комнатахъ всякой всячины нагромождено видимо-невидимо, и зеркалъ, и статуй, и картинъ, бери не стѣсняясь по пяти рублей за часъ. Илья Петровичъ, между тѣмъ, своею безтакностью все испортитъ. Является онъ въ своемъ потертомъ вицмундирѣ, съ измятой порыжѣлой шляпой и этимъ сразу роняетъ свое достоинство въ смыслѣ финансовомъ. Важный

лакей съ облизанной физіономіей сурово его оглядываетъ съ головы до ногъ и съ иронической улыбкой идетъ докладывать. Ужъ это много значитъ: самый тонъ лакейскаго доклада имѣетъ вліяніе на иныхъ господъ. Выходитъ потомъ барыня, высокая, полная, съ надмѣннымъ взглядомъ, ну словомъ настоящая королева съ Александринскаго театра, и только-что усядется въ кресло, желая выказать свои просвѣщенные взгляды на воспитаніе дѣтей, какъ Илья Петровичъ вдругъ перебьетъ ея плавную рѣчь.

— Это, милостивая государыня, все прекрасно, но велите-ка мнѣ дать стаканъ чаю, я что-то немного прозябъ...

Глядишь, благодаря этой простотѣ, урокъ-то и проскочитъ мимо, или дастъ какія-нибудь рубля полтора въ часъ. Будетъ, молъ, съ него,—онъ дома-то и чаю не имѣетъ возможности выпить.

Опытные люди совсѣмъ иначе въ такихъ случаяхъ поступаютъ. Когда попадается опытному человѣку такой «жирный» по его отзыву кусокъ, онъ приступаетъ къ нему съ великою осмотрительностью, надѣваетъ сорочку самаго тончайшаго полотна, облекается въ лучшую фрачную пару, моется, чешется, гладится, изучаетъ свою физіономію передъ зеркаломъ, стараясь придать ей больше учености и серьезности, и потомъ уже отправляется къ жирному куску. Иной разъ даже на послѣднія средства щегольскую карету найметъ, чтобы показать свое независимое матеріальное положеніе. Барыню или барина, желающихъ излить предъ нимъ свои просвѣщенные взгляды на воспитаніе дѣтей, или по поводу другихъ какихъ-либо обстоятельствъ, опытный человѣкъ выслушиваетъ до конца, внимательно и съ должною серьезностью, какую бы чушь ему ни городили; ну, а потомъ, конечно, и высказываетъ свои условія за исполненіе предлагаемаго дѣла и высказываетъ не торопясь, отговариваясь множествомъ другихъ дѣлъ, неудобствомъ поэтому принять предложеніе. А тамъ, глядишь, онъ со-временемъ уже сдѣлался

въ этомъ домѣ постояннымъ членомъ и получаетъ значительное вознагражденіе. Такіе опытные люди не есть исключительно воспитатели или учители,—велики ли ихъ число на Руси,—а вообще всякіе практическіе господа, познавшіе самую суть жизни, ощупавшіе, такъ сказать, тотъ важный механизмъ, на коемъ зиждется матеріальное благосостояніе.

Кромѣ того Илья Петровичъ не могъ сосредоточиться на одномъ лишь предметѣ преподаванія наукъ. Его умственная дѣятельность, въ главномъ своемъ основаніи прочно установившаяся на почвѣ древности, тѣмъ не менѣе въ частности распадалась на нѣсколько отдѣловъ. Онъ полюбилъ не только занятія древними языками и исторіей народовъ, жившихъ до Р. Х., но мало по малу сталъ втягиваться въ археологію, каждую болѣе или менѣе ветхую вещь сталъ разсматривать, такъ сказать, съ археологической стороны, и чѣмъ отдаленнѣе было время появленія на свѣтъ такой вещи, тѣмъ больше она получала цѣнности въ его глазахъ. Такимъ образомъ не только частные уроки, но и обязательное преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіи становилось уже дѣломъ второстепеннымъ. Сличая, напримѣръ, какое-нибудь классическое сочиненіе съ переводомъ, и находя, что переводъ недостаточно сильно и ясно передаетъ красоты подлинника, онъ принимался самъ за работу, вовсе не думая о томъ, какое вознагражденіе она ему дастъ.

Товарищи между тѣмъ не дремали и не увлекались никакими посторонними идеями. Они знали, что между 5 и 15 августа надо держать ухо востро и ловить, такъ сказать, налету все то, что можно схватить. Изъ примѣровъ товарищей и изъ собственныхъ опытовъ прежнихъ лѣтъ имъ было извѣстно, что въ это горячее время нужно устраивать дѣла и ни о чемъ другомъ не думать: къ одному инспектору классовъ зайти, въ пансіонъ какой-нибудь завернуть, здѣсь поклониться, тамъ попросить, въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, хоть поссориться, а все-таки выхлопотать себѣ уроки. Та-

кимъ образомъ каждый, сообразно своему умѣнью, устраивалъ свои учительскія дѣла, запасался на весь годъ уроками и за симъ, конечно, имѣлъ возможность осуществить свой жизненный идеалъ. У опытныхъ людей все время дня, начиная съ половины девятаго утра, до пяти, шести часовъ вечера, было распредѣлено на уроки въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ пансіонахъ и частныхъ домахъ. Для того, чтобы не спутаться въ многосложной таблицѣ распредѣленія часовъ, они составляли карточки на-подобіе визитныхъ, и названія учебныхъ заведеній обозначали на нихъ различными цвѣтами, такъ напримѣръ: Смольный институтъ имѣлъ черный цвѣтъ, Екатерининскій—зеленый, потомъ другіе,—голубой, желтый, коричневый и т. д. и т. д. Составлялась такимъ образомъ пріятная для глазъ пестрота цвѣтовъ, имѣвшая непосредственное значеніе въ экономическихъ дѣлахъ педагога.

Когда Илья Петровичъ въ первый разъ увидалъ такую табличку, то онъ очень удивился, не понимая ея назначенія.

— Что же это такое за штука?—спросилъ онъ.

Ему объяснили.

— Видишь ты, какъ, а! — одобрительно замѣтилъ онъ, — это очень хорошо и красиво, даже какъ-будто радугу напоминаетъ.

— Отчего-жъ вы сами, Илья Петровичъ, не послѣдуете этому примѣру?

— Мнѣ зачѣмъ? У меня всего-то частныхъ два урока.

— Отчего же вы не позаботились объ этомъ въ августѣ?

— Да на что мнѣ? Я уже старѣюсь. Вы-то, господа, еще молодые, вамъ еще нужно то, другое, а мнѣ ужъ поздно...

Опытные люди иронически между собою переглядываются, дескать, нечего на старость-то сваливать, когда умѣнья нѣтъ, и за симъ, дорожа остающимися не ногими минутами антракта между часами уроковъ,

спѣшатъ перекинуться между собою двумя-тремя словами, болѣе всего о томъ, какъ кто вчера провелъ вечеръ и весело ли было.

Слушаетъ Илья Петровичъ ихъ разговоръ и думаетъ, какимъ образомъ его товарищи могутъ справляться съ массою уроковъ. Вѣдь это,—думаетъ онъ,—просто ума помраченіе,—гдѣ тутъ успѣть: и дѣйствительно Ильѣ Петровичу это было бы не подъ силу.

Оказывалось, напримѣръ, что въ одномъ учебномъ заведеніи взятый часъ урока оканчивался въ ту самую минуту, съ которой долженъ былъ начаться урокъ въ другомъ учебномъ заведеніи, гдѣ-нибудь въ частномъ пансіонѣ, на противуположномъ концѣ города. Это маленькое затрудненіе отстранялось тѣмъ, что опытный человѣкъ старался улизнуть изъ класса за 5—10 минутъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, и подъ такимъ же благовиднымъ предлогомъ опаздывалъ на 10 минутъ въ другомъ учебномъ заведеніи.

Илья Петровичъ отправлялся въ гимназію и на частные уроки всегда пѣшкомъ и каждый разъ являлся аккуратно въ ту самую минуту, когда слѣдовало, а опытные люди носились по городу на извозчикахъ и спѣшили, гнали, точно на пожаръ.

Иногда, встрѣтившись на мосту, два такіе опытные человѣка только головой кивнутъ одинъ другому или рукой махнутъ въ знакъ того, что некогда, молъ, разговаривать. Въ гостинницахъ даже знали про эту курьерскую торопливость, и только дверь распахивалась отъ быстраго вбѣганья опытнаго человѣка, какъ буфетчикъ уже спѣшилъ поскорѣе налить рюмку водки и подсунуть подъ руку вбѣжавшаго пирожокъ, не требуя даже уплаты до болѣе свободнаго времени. Перекувыркнувъ такимъ образомъ рюмку, другую, опытный человѣкъ вскакивалъ на извозчичьи дрожки и мчался дальше, дожевывая захваченные въ карманъ бутерброды. Налетитъ въ швейцарскую, какъ вѣтеръ во время бури, сброситъ пальто и несется на всѣхъ рысяхъ по лѣстницѣ въ классъ, только фалдочки вицъ-мундира разду

ваются. Подбѣжитъ къ дверямъ класса, подберетъ, какъ говорится, духъ, поспѣшно взглянетъ на карманные часы, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, входитъ въ классъ съ свойственною обстоятельствамъ важностью и глубокомыслiемъ. Случалось и такъ, что въ двухъ заведенiяхъ былъ взятъ одинъ и тотъ же часъ урока въ одинъ и тотъ же день; но и это затрудненiе искусно преодолѣвалось: опытный человѣкъ, по очередно, бывалъ боленъ въ этотъ часъ и день для одного учебнаго заведенiя и здоровъ для другого; а на слѣдующей недѣлѣ наоборотъ.

— Фу ты, Боже мой, — думалъ Илья Петровичъ при видѣ спѣшившаго собрата, — что за охота такъ рваться, къ чему... Эхъ ты молодость! молодость! — вздыхалъ онъ, вдругъ представляя себѣ, что и онъ когда-то былъ такимъ.

— Никогда ты такимъ не былъ, гдѣ тебѣ, — сердилась на него жена, — такъ вотъ годъ за годъ корпишь себѣ въ своей конурѣ безъ всякаго толку.

— Ну, въ этомъ-то, положимъ, ты ничего, матушка, не смыслишь, да! Не тебѣ судить!..

— Смыслю я, что ты Фофоня, настоящiй Фофоня, — сердилась она.

— Обозвать можно всячески, но вѣдь это бездоказательно!

— Какъ бездоказательно? Какъ бездоказательно? Конечно, Фофоня. Посмотри-ка вонъ, какъ наши-то знакомые живутъ, а вѣдь тоже учителя, такiе же вѣдь, какъ и ты. Какъ они женъ-то одѣваютъ, во что? А ты мнѣ сшилъ ли хоть одно платье шелковое-то, ну-ка припомни?

— Все это излишняя роскошь, — говоритъ на это Илья Петровичъ, — и я не понимаю, какъ ты, будучи такой разсудительной и умной женщиной, можешь увлекаться такими пустяками...

— Ты пожалуйста мнѣ зубы-то не заговаривай. Не объ умѣ и не о разсудительности рѣчь; я тебѣ говорю, что вонъ у другихъ бархатъ, да шелкъ...

Онъ, желая доказать своей супругѣ на сколько бархатъ и шелкъ суть вещи, не заслуживающія вниманія, спѣшилъ, конечно, опереться на авторитетъ древнихъ, и для того, чтобы сильнѣе произвести впечатлѣніе, становился въ классическую позу, приподнимая указательный палецъ высоко надъ головой.

— Плутархъ,—говорилъ онъ,—въ своемъ сочиненіи о Лакедемонянахъ, описываетъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права пріобрѣтать себѣ какихъ бы то ни было предметовъ роскоши, и было постановлено законами имѣть только одни предметы необходимости.

— Я тебя слушать не хочу. Ты мнѣ своими Плутархами всѣ уши прожужжалъ...

— Маркъ Теренцій Варро,—продолжалъ онъ, не слушая возраженія,—ученѣйшій римлянинъ своего времени (онъ родился въ 16 году до Рожд. Христ.), описывая нравы римлянъ, перечисляетъ до какого безумства доходила ихъ роскошь, и какія послѣдствія имѣла она на нравственность народа...

— Замолчи! Я тебѣ говорю, замолчи. Ты этимъ отъ меня не отдѣлаешься. У меня вонъ салопишко чуть на плечахъ держится, и ты тамъ какъ хочешь, какихъ Теренціевъ къ разговору ни приплетай, а все-таки салопъ мнѣ купи. Слышишь?

Она схватывала его за руку и трясла, а онъ, между тѣмъ, увлекшись воспоминаніями о жизни древняго міра, продолжалъ:

— До первой Пунической войны, бывшей, какъ извѣстно, за 264 г. до Р. Х., нравы были просты, потребности ограниченны, и вслѣдствіе этого народъ былъ совершенно счастливъ и жилъ въ довольствѣ и спокойствіи; а между тѣмъ, спустя триста лѣтъ, во времена Тиберія, роскошь дошла до того, что одинъ мотъ, Маркъ Габбій Апицій, и другой, совершенно подобный ему въ мотовствѣ, а именно, Варій Авитій Вассіанъ...

— Вотъ навязался съ своими проклятыми Авитіями и Вассіанами!—гнѣвно перебивала супруга, затыкая уши.

Историческія доказательства, впрочемъ, не столько по сущности самыхъ фактовъ, сколько по массѣ собственныхъ именъ, до того иногда сильно дѣйствовали на голову супруги Ильи Петровича, что она бросалась вонъ изъ комнаты, отмахиваясь обѣими руками.

VII.

Было въ его жизни одно весьма важное обстоятельство, которое время отъ времени выплывало наружу и дѣйствительно отвлекало его отъ серьезныхъ занятій, такъ что въ этомъ случаѣ оказывались безсильными всѣ древніе народы и весь чарующій интересъ ихъ политической и гражданской жизни.

Это обстоятельство, впрочемъ, можно разсматривать, какъ спасительный аппаратъ, употребляемый во время купанья неумѣющими плавать: оно мѣшало Ильѣ Петровичу окончательно погрузиться на самое дно моря науки. Самъ по себѣ Илья Петровичъ, можетъ быть, и не обратилъ бы на это обстоятельство вниманія, т.-е. вѣрнѣе сказать, совершенно забылъ бы о немъ. Но случилось иначе.

Дѣло въ томъ, что былъ у Ильи Петровича какой-то дальній родственникъ, до того дальній, какъ будто вовсе и не родственникъ. Онъ, по слухамъ, былъ очень разумный человѣкъ, чему, впрочемъ, служило несомнѣннымъ доказательствомъ его большое «благопріобрѣтенное». Илья Петровичъ имѣлъ о немъ самыя смутныя понятія. Въ дни своей молодости, когда послѣ смерти отца мать переселилась изъ проданной за долги усадьбы въ уѣздный городъ, онъ часто слыхалъ отъ нее про богатаго родственника и подъ ея диктовку писалъ къ нему просительныя письма, въ которыхъ и именовалъ его милымъ дядюшкой; но о послѣдствіяхъ этого въ воспоминаніяхъ Ильи Петровича ничего не сохранилось. Потомъ, когда мать умерла, и онъ по волѣ судьбы оказался въ гимназіи губернскаго города,

то, по совѣту практическихъ людей, писалъ дядюшкѣ поздравительныя письма на всѣ высокоторжественные праздники и дни именинъ, причемъ душевно желалъ ему многолѣтняго здравія и всѣхъ благъ. Объ этомъ Илья Петровичъ при поступленіи въ университетъ иногда вспоминалъ съ большой досадой и обвинялъ добрыхъ совѣтниковъ за то, что они заставляли его унижаться. Конечно досадно: писалъ, писалъ — и никакого проку; самолюбіе страдало, такъ сказать, совершенно безплатно. Потомъ, въ первые годы учительства, порою доходили до него слухи, что дядя овдовѣлъ, схоронилъ единственную дочь и переѣхалъ куда-то въ другой городъ, купилъ себѣ старый разваливающійся домишко и живетъ совершенно одинъ, прислуги не держитъ, свѣчъ въ домѣ не жжетъ и печей не топитъ, а въ сильные морозы ходитъ въ комнатѣ одѣтый въ шубу, теплые сапоги и мѣховую шапку. По этимъ отзывамъ Илья Петровичъ заключилъ, что у дяди экономическая часть въ хозяйствѣ по расходной смѣтѣ доведена до совершенства, и въ минуты веселаго расположенія духа говаривалъ, что такой человѣкъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи былъ-бы находка. Что же касается вопроса о доходахъ дяди и о количествѣ его капитала, Илья Петровичъ хотя и зналъ, что крайняя экономія въ хозяйствѣ дяди не могла быть вызвана бѣдностью, а скорѣе доказывала его богатство, но быть обладателемъ этого богатства, или, по крайней мѣрѣ, имѣть виды на какую-либо его часть, ему и въ голову не приходило.

Будучи уже женатымъ, Илья Петровичъ имѣлъ какъ-то неосторожность, разсказывая женѣ свою родословную, упомянуть о богатомъ родственникѣ.

— Да ты что же это смотришь!—воскликнула она при этомъ извѣстіи, сразу понявъ, по свойственной въ этомъ случаѣ женщинамъ проницательности, что нужно возобновить съ дядей переписку...

— А что же мнѣ смотрѣть?—въ удивленіи спросилъ онъ.

— Какъ что! Ты говоришь, онъ богатый человѣкъ, и сидишь тутъ, какъ медъ киснешь.

— Да мнѣ-то что же?

— Какъ что? Боже мой! Ахъ, какой ты несносный человѣкъ!..

Жена всплеснула при этомъ руками и стала доказывать Ильѣ Петровичу необходимость возобновить съ родственникомъ переписку. Онъ, было, какъ говорится, и руками и ногами отбивался, но всякій женатый человѣкъ знаетъ, легко-ли отбиться отъ того, что захочетъ сдѣлать жена. И вотъ опять было отправлено къ родственнику письмо, но однако-жъ, несмотря на его нѣжный тонъ, отвѣта отъ родственника не послѣдовало.

Отправлено было еще два-три письма, но дядя упорно отмалчивался.

Жена видимо, сознавъ всю тщету принятыхъ мѣръ, нѣсколько поуспокоилась. Илья Петровичъ отъ всего сердца послалъ дядю ко всѣмъ чертямъ, да кстати при этомъ и жену ругнулъ порядочно, опять-таки за то, что его самолюбіе безденежно страдаетъ. Какъ-то во время каникулъ, жена снова стала настаивать, чтобы Илья Петровичъ съѣздилъ на родину и повидался съ дядей, авось молъ что-нибудь изъ этого и выйдетъ. Но это предложеніе онъ съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства отвергнулъ, не хочу, молъ, я кланяться всякому выжившему изъ ума самодуру.

Какъ жена ни настаивала, но добиться поѣздки не могла.

— Нѣтъ ужъ, матушка, извини, послушалъ тебя разъ, а теперь ужъ ни за что...

Такъ проходили годы.

Въ праздники являлся изъ гимназіи сынъ и нѣсколько разнообразилъ своимъ появленіемъ домашній бытъ. Мать болѣе обыкновеннаго хлопотала на кухнѣ, чтобы сытнѣе и вкуснѣе былъ обѣдъ. Илья Петровичъ меньше оставался въ своемъ кабинетѣ и иногда экзаменовалъ сына, но мать старалась и этому мѣшать.

— Ну ужъ ты,—говорила она, увлекая сына къ себѣ въ комнату,—только и знаешь, что мучить ребенка.

VIII.

На сорокъ второмъ году онъ овдовѣлъ и убитый горемъ бродилъ по многолюднымъ улицамъ города. Первое время онъ не могъ совсѣмъ оставаться въ своей квартирѣ: въ ней все напоминало ему о недавней утратѣ, и онъ не зналъ, куда дѣваться, чтобы заглушить боль сердца. Хотѣлъ взять къ себѣ изъ гимназіи сына для того, чтобы онъ жилъ дома и только ходилъ туда на уроки, и взялъ было, но потомъ сообразилъ, что это не поможетъ его горю, и остался опять одинъ. Что-же отрывать отъ мѣста, подумалъ онъ, пусть доканчиваетъ, ужъ немного осталось. Вечерами, сидя за чайнымъ столомъ, онъ даже плакалъ и не разъ рѣшалъ, что жизнь человѣческая и вообще существованіе всего міра есть величайшая безсмыслица.

Въ самомъ дѣлѣ обидно: жила-жила жена и вдругъ умерла. На что-же это похоже!

Онъ не захотѣлъ вступать во второй законный бракъ. Не женится, говорили знакомые, потому что не надѣется найти такую прекрасную подругу жизни, какою была его покойная жена. Другіе-же говорили, что онъ въ этомъ случаѣ опасается попасть снова на подобную женщину. Такъ отзывались враги. Тѣ и другіе ошибались.

Сынъ окончилъ курсъ въ университетѣ и поступилъ на государственную службу. Онъ какъ-то скоро успѣлъ видвинуться чѣмъ-то и оказалъ какія-то способности, не въ смыслѣ только почтительности и умѣнья угодить начальству, но былъ замѣченъ даже со стороны знанія дѣла. Это способности особаго рода, они ничего общаго съ обыкновенными человѣческими способностями не имѣютъ, это, такъ сказать, служебныя, чиновничьи способности. Пріобрѣтая ихъ, свѣжій че-

ловѣкъ «съ воли» сначала головными болями страдаетъ, дико ему какъ-то, потому что на службѣ совсѣмъ другая атмосфера, другой міръ и другія понятія и вѣрованія. Талантливый человѣкъ и талантливый чиновникъ ничего общаго между собою не имѣютъ. Иной и всякія ученыя степени произошолъ и въ юридическихъ наукахъ, какъ говорится, съѣлъ собаку вмѣстѣ съ шерстью, а поступилъ на службу — глядишь, оказывается ровно ни на что не годнымъ, нужно начинать сначала, многое прежнее отбросить, многое измѣнить и поддѣлаться подъ существующій тонъ. Пробуетъ, пробуетъ,—не можетъ поддѣлаться, все какъ-то проглядываетъ въ немъ «частное», нѣтъ того особеннаго букета, какой бросается въ носъ отъ настоящаго чиновника, отъ его физіономіи, костюма, манеры, отъ каждой составленной имъ бумаги. Иной не выдерживаетъ и бѣжитъ вонъ и радъ, точно изъ сумашедшаго дома вырвался. Между тѣмъ тамъ, въ какомънибудь департаментѣ, его считаютъ за сумасшедшаго и даже жалѣютъ, вотъ, молъ, какіе на свѣтѣ несчастные бываютъ. Другіе скоро осваиваются съ новой атмосферой и, увеличивая запасъ своихъ служебныхъ достоинствъ, мало по малу измѣняются, даже въ мелочахъ, даже въ манерѣ излагать свои мысли, словомъ, оказываются способными. Посмотришь на такого способнаго въ то время, когда уже онъ отличился, оперился, увѣсился различными знаками его заслугъ и достоинствъ, и не узнаешь: нѣтъ и слѣда прежнихъ человѣческихъ стремленій, радостей, волненій и страданій; все то, что составляетъ жизнь и не даетъ человѣку заплѣсневѣть, исчезло и замѣнилось надменнымъ самодовольствіемъ и полнѣйшимъ пренебреженіемъ ко всякому живому чувству: окаменѣлъ человѣкъ въ гордомъ самосознаніи своего крошечнаго величія, и все у него свелось на томы, статьи, да циркуляры, и терзаетъ онъ непривычное ухо своими вѣчными—имѣя въ виду, да принимая во вниманіе, да руководствуясь такой-то статьей, такого-то тома, такого-то примѣча-

нія къ такому-то пункту, и, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси.

Сынъ Ильи Петровича попалъ уже на эту дорожку и пока еще не оперился и особенныхъ знаковъ отличій не имѣлъ, но, впрочемъ, въ петличкѣ уже что-то такое «отличающее» было.

Въ квартирѣ отца онъ занималъ двѣ комнаты, въ одной была спальня, въ другой—кабинетъ. Чистота въ его комнатахъ была невообразимая, каждая вещь имѣла свое опредѣленное мѣсто. Садясь за письменный столъ, онъ предварительно оглядывалъ его—все-ли на своемъ мѣстѣ лежитъ, потомъ сдувалъ пыль, обтиралъ перо, особой нарочно для этого купленной суконкой, въ формѣ бабочки съ цвѣтными крыльями, и затѣмъ уже принимался за работу.

Самъ Илья Петровичъ со времени смерти жены помѣщался въ одной комнатѣ, тутъ у него была и спальня и кабинетъ, кроватью ему служилъ диванъ. Сынъ и отецъ другъ другу не мѣшали и мало какъ-то между собою видались. Утромъ Илья Петровичъ вставалъ рано, зимою задолго до свѣта, и пилъ чай у себя въ кабинетѣ, сидя за письменнымъ столомъ. Для этого у него имѣлся особенный самоварчикъ, маленькій такой, но толстенькій и объемистый въ срединѣ. Онъ по фигурѣ своей даже немножко смахивалъ на Илью Петровича, было что-то между ними общее и даже въ характерѣ обоихъ находились родственныя свойства: самоваръ удивительно скоро согрѣвалъ воду и скоро потомъ охлаждался.

Принесетъ ему старуха Ѳедора, единственная ихъ прислуга, этотъ самоварчикъ, а Илья Петровичъ ужъ давно сидитъ въ своемъ старенькомъ халатѣ за письменнымъ столомъ и строчитъ что-нибудь. Если работа хорошо идетъ, и онъ отъ этого въ пріятномъ расположеніи духа, то иногда, не оглядываясь, окликнетъ Ѳедору.

— Это ты?

— Я, батюшка, Илья Петровичъ.

— Самоваръ принесла, да? Ну, заваривай чай, заваривай, заваривай.

Потомъ повернется къ ней лицомъ и спроситъ:

— Ну, старуха, здравствуй. Каково спала, что во снѣ видѣла? а?

Ѳедора знала по этому, что Илья Петровичъ въ духѣ, и вступала съ нимъ въ такое время въ бесѣду.

— Какой сонъ, батюшка, поясница все болитъ...

— Это не хорошо... Ты бы спиртомъ растерла.

— Терла, батюшка. Вы ужъ объ этомъ мнѣ изволили говорить, разъ никакъ восемь терла...

— Ну, другого не знаю. Самъ я съ болѣзнями никогда не вожусь, да и тебѣ не совѣтую.

Иногда утро начиналось совсѣмъ иначе.

Только что Ѳедора принесетъ мѣднаго пузанчика въ комнату и поставитъ его на переддиванный столъ, а Илья Петровичъ, не повертываясь отъ стола, уже торопливо повторяетъ:

— Ну, ну, поскорѣй. Уходи, уходи. Не мѣшай мнѣ, пожалуйста...

И Ѳедора знаетъ, что Илья Петровичъ сильно занятъ, а потому и спѣшитъ поскорѣе уйти, притворяя за собой поплотнѣе дверь.

Онъ такъ иногда заработается, что уже совсѣмъ разсвѣтаетъ, и надо въ гимназію идти.

Сынъ, между тѣмъ, въ это время еще спитъ и только къ одиннадцати часамъ отправится въ департаментъ.

За обѣдомъ Илья Петровичъ разговаривать не любилъ и къ питанію тѣла относился съ особенною заботливостью. Иногда впрочемъ, въ антрактахъ, между блюдами, въ особенности передъ пирожнымъ, когда уже потребности желудка почти удовлетворены, Илья Петровичъ велъ приличный случаю разговоръ, поясняя, напримѣръ, сыну, какія блюда подавались на столъ древнихъ гастрономовъ.

— Представь себѣ, Ѳедя,—говаривалъ онъ,—до какой изысканности доходилъ вкусъ древнихъ римлянъ. На-

примѣръ, о римскомъ императорѣ Авлѣ Вителіи (онъ родился въ 15 г. по Рожд. Христ.) разсказываютъ, что для его стола павлины привозились съ острова Самоса, куры изъ Фригіи, журавли изъ Мелоса, козлята изъ Ефіопіи...

— Чортъ знаетъ что такое,—ворчитъ сынъ себѣ подъ носъ, тревожно повертываясь на стулѣ, видимо волнуемый предметомъ разговора.

Илья Петровичъ, не замѣчая между тѣмъ тревожныхъ взглядовъ сына, продолжаетъ объяснять далѣе.

— Представь себѣ, изъ Халкедоніи въ Римъ привозили тумаковъ, изъ Тартероса мурепей, устрицы везлись изъ Тарента, раковины изъ Хіоса, жолуди изъ Испаніи, финики изъ Египта, орѣхи изъ Фазоса...

— Фу, чортъ побери,—думаетъ сынъ, ошеломленный массой собственныхъ именъ,—этакая влокачественная у него память!

Такъ шла жизнь Ильи Петровича въ періодъ его вдовства, и прошло такимъ образомъ еще лѣтъ пять-шесть. Сынъ сдѣлалъ себѣ карьеру, получилъ мѣсто съ хорошимъ окладомъ, женился и переѣхалъ на другую квартиру. Илья Петровичъ остался одинъ, и, казалось, болѣе не могло быть въ его жизни никакихъ перемѣнъ.

Но вдругъ обстоятельства круто повернули въ другую сторону, и въ жизни Ильи Петровича случились необычайныя событія.

X.

Было ясное лѣтнее утро. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, кругомъ обложенный раскрытыми книгами и бумагами. Сквозь пыльныя оконныя стекла проникали въ комнату, хотя и въ незначительной степени, солнечные лучи и, падая свѣтлой полосой на окно, освѣщали въ то же время и маленькую лысину на головѣ Ильи Петровича, низко наклоненной надъ письменнымъ столомъ. Въ этой комнатѣ никогда не

бывало особенно свѣтло, все какъ-будто на дворѣ сумерки, и на этотъ разъ, несмотря на яркое солнечное утро, предвѣщавшее жаркій день, она по прежнему казалась подваломъ, и запахъ въ ней какой-то слышался особенный, подвальный.

Комната была маленькая, а книгъ было много, такъ что даже на полу и на окнахъ лежали книги и все большія, толстыя, нѣкоторыя въ кожаныхъ переплетахъ, нѣкоторыя въ холщевыхъ; одна, лежавшая на стулѣ, около письменнаго стола, имѣла даже желѣзную цѣпь и висячій замокъ довольно солидныхъ размѣровъ, хотя ни къ столу, ни къ стулу она не была прикрѣплена. Это, разумѣется, доказывало увѣренность Ильи Петровича, что книгу никто не украдетъ и что сама она, по отсутствію въ ней охоты къ перемѣнѣ мѣстъ, тоже никуда не убѣжитъ. Однако онъ цѣпи и замка съ нея почему-то не снималъ, можно предположить, что онъ на это не имѣлъ права, такъ какъ книга, по всему вѣроятію, не составляла его собственности, а находилась въ квартирѣ временно, принадлежала, можетъ-быть, какому-нибудь древнему книгохранилищу, можетъ-быть Московской Синодальной библіотекѣ или Погодинскому. На стѣнахъ были двѣ-три литографическія картины классическаго содержанія: чей-то тріумфъ въ Капитоліѣ, битва какая-то, едва-ли не Марафонская, и Развалины древняго Карѳагена.

Когда-то на стѣнѣ висѣла еще картина, изображавшая смерть Юлія Цезаря, но пріятель, попросивъ ее къ себѣ, для того, чтобы, какъ онъ говорилъ, снять копію, сдѣлалъ на поляхъ ея крупными буквами надпись: «Свобода! Вольность! Мертвымъ палъ тираннъ!» Это Ильѣ Петровичу очень не понравилось. Онъ поссорился съ пріятелемъ изъ за взглядовъ на значеніе Юлія Цезаря, а картину, въ видахъ предосторожности, спряталъ поглубже въ письменный столъ. (На грѣхъ,—говорилъ онъ,—мастера нѣтъ, оборони Богъ, заварится каша—не расхлебаешь).

На окнахъ между книгами было нѣсколько подозри-

тельныхъ вещей, какъ-будто ошибкой попавшихъ съ мостовой, какіе-то обломки желѣза, костяная рукоятка отъ какого-то оружія, имѣвшая большую трещину по срединѣ; на краю письменнаго стола лежало что-то похожее на кусокъ кожи, какъ-будто отъ поношенной рукавицы.

Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спасителя, самимъ Ильей Петровичемъ написанный давно, еще въ то отдаленное время, когда онъ былъ въ гиназіи и колебался въ выборѣ карьеры, не зная тогда своего настоящаго призванія. Надъ окномъ висѣла клѣтка, въ которой уже много лѣтъ печально проводилъ жизнь молчаливый чижъ, любимый Ильей Петровичемъ собственно за то, что никогда не пѣлъ и, слѣдовательно, не мѣшалъ его ученымъ занятіямъ. Засимъ, конечно, мебели потребное количество, диванъ, два-три стула и шкапикъ тоже съ книгами. Но въ этомъ шкапикѣ, на нижней его полкѣ, между прочимъ, было небольшое отдѣленіе, гдѣ помѣщались два-три графинчика съ разными настойками, для извѣстной потребности, однако не очень большихъ размѣровъ, скорѣе, самыхъ малыхъ. Тутъ-же между книгами, ужъ Богъ знаетъ для чего, лежалъ булыжникъ, довольно объемистый и съ отбитымъ угломъ, что наводитъ на нѣкоторыя соображенія по части пытливости Ильи Петровича узнавать и изслѣдывать сущность вещей, такъ сказать, до самаго ихъ корня. Еще лежалъ въ шкапикѣ осколокъ бомбы, впрочемъ онъ, какъ равно и спинка стула, прислоненная къ стѣнѣ, — одна только спинка, безъ переднихъ ножекъ и безъ подушки, — не принадлежали собственно Ильѣ Петровичу, а составляли собою имущество какого-то офицера, оставившаго ихъ на сохраненіе, по случаю отъѣзда своего въ отпускъ.

Какимъ образомъ эти вещи оказались въ кабинетѣ Ильи Петровича, онъ и самъ, за давностью времени, забылъ, а помнилъ только, что появленіе ихъ въ его квартирѣ имѣло какую-то связь съ тѣмъ періодомъ, когда отдавались комнаты для жильцовъ. Это имуще-

ство, какъ лишенное всякаго археологическаго значенія, онъ подумывалъ было вынести изъ кабинета на чердакъ, но все какъ-то позабывалъ, а потомъ, за неприкосновенностью кабинета для жены и прислуги, и оно получило тоже характеръ неприкосновенности.

И такъ, онъ сидѣлъ и строчилъ что-то. Вдругъ въ прихожей раздался сильный звонокъ. Илья Петровичъ былъ такъ углубленъ въ свои занятія, что не обратилъ на это вниманія. Сейчасъ же вслѣдъ за ударомъ звонка чрезъ прихожую торопливо вошелъ въ комнаты, почти вбѣжалъ, молодой человѣкъ, прилично одѣтый, очевидно знакомый, потому что прямо, не спрашиваясь, направился къ двери кабинета и такъ сильно ее распахнулъ, что она стукнулась о стѣну и затрещала. За нимъ слѣдовалъ другой, весьма угловатый, широкоплечій и съ запахомъ пива и колбасы, повидимому сапожникъ. Этотъ послѣдній вошелъ въ кабинетъ медленнѣе и пугливо оглянулся по сторонамъ при видѣ книгъ, причемъ нѣсколько разъ кашлянулъ, заслоняя ротъ рукою.

Илья Петровичъ, не привыкшій къ такимъ неожиданнымъ посѣщеніямъ, испуганно поднялся съ кресла и торопливо запахнулъ халатъ, въ особенности около ногъ. Молодой человѣкъ, не здороваясь, прямо началъ говорить и что-то скоро такъ, задыхаясь и размахивая руками. Сапожникъ видимо былъ человѣкъ положительный и молчалъ, сознавая, что его очередь впереди, и только когда услышалъ въ рѣчи говорившаго свое имя, утвердительно закивалъ головой и ткнулъ раза два себѣ рукою въ грудь, какъ бы говоря: это вотъ, молъ, я-то самый и есть.

Илья Петровичъ недоумѣвалъ и порывался было поднять указательный палецъ надъ головой, чтобы сказать что-то внушительное, но молодой человѣкъ видимо зналъ, что въ этомъ вся сила краснорѣчія Ильи Петровича, и сразу обезоружилъ его тѣмъ, что удержалъ поднимавшуюся руку.

— Да что вы меня за руки хватаете?

Молодой человѣкъ опять заговорилъ и замахалъ ру-

ками, потомъ обратился къ нѣмцу и потребовалъ отъ него какую-то бумагу.

— Вотъ читайте,—предложилъ молодой человѣкъ, почти насильно давая въ руки Ильи Петровича письмо.

Когда ему стало ясно, что онъ оказывается единственнымъ наслѣдникомъ, котораго уже болѣе мѣсяца ищутъ, почувствовалъ головокруженіе, прислонился къ кудреватой спинкѣ кресла и покачнулся вмѣстѣ съ нимъ.

— Что съ вами?—испуганно спросилъ молодой человѣкъ, поддерживая его и усаживая на диванъ.

А Илья Петровичъ уже и языкъ высунулъ, чуть дышитъ.

— Воды! Воды!—закричалъ что есть силы молодой человѣкъ и бросился изъ комнаты.

Нѣмецъ остался одинъ и приблизился къ дивану, очевидно съ намѣреніемъ въ случаѣ надобности помочь. Тотчасъ же прибѣжали Ѳедора и молодой человѣкъ.

— Что это съ нимъ, батюшка, что это вы съ нимъ надѣлали!—зашептала она; но Илья Петровичъ уже выпилъ воды и нѣсколько оправился.

— Ну что? лучше вамъ? лучше?—шепталъ молодой человѣкъ.

Илья Петровичъ только вздохнулъ полной грудью, но ничего не отвѣтилъ.

— Ахъ, батюшка!—шептала Ѳедора.

— Ничего, ничего, прошло!—успокаивалъ молодой человѣкъ.

— Ну-съ, Илья Петровичъ, поздравляю васъ,—сказалъ онъ чрезъ нѣсколько времени.

Этого поздравленія Илья Петровичъ ни понять, ни слышать не могъ, и смотрѣлъ на обоихъ пришедшихъ и на Ѳедору совершенно безсмысленными глазами, точно набожная нѣмка во время патетической рѣчи пастора.

Оказалось, что дальній родственникъ Ильи Петровича отдалъ Богу душу, переселился въ лучшій, будто бы, міръ, и имѣніе свое, за оказавшеюся при пересе-

леніи совершенною его ненадобностью, оставилъ на землѣ. Расхитить это имѣніе было невозможно, потому что, кромѣ именныхъ банковыхъ билетовъ, у родственника ничего не было. Въ то недавнее, впрочемъ, время, нравы на Руси были проще и по части поддѣлки духовныхъ завѣщаній мастеровъ настоящихъ не было, въ особенности въ уѣздныхъ городахъ, отдаленныхъ отъ центровъ цивилизаціи.

— Такъ, значитъ, дядюшка... померъ? — спросилъ чрезъ нѣсколько времени Илья Петровичъ, озадаченный извѣстіемъ.

— Да-съ, какъ видите, померъ...

— И такъ-таки совсѣмъ померъ?—повторилъ онъ, пугливо глядя на обоихъ, принесшихъ это извѣстіе.

— Померъ, померъ. Вотъ теперь-то и ищутъ наслѣдника, а никого нѣтъ, вы одни только и имѣете право на наслѣдство. Сто тысячъ, подумайте, это—не шутка!

— Господи! какъ же это такъ?—печально воскликнулъ Илья Петровичъ, точно случилось съ нимъ какое-то несчастіе, и долго сидѣлъ, охвативъ обѣими руками голову.

Молодой человѣкъ немного даже струсилъ за него, а нѣмецъ сталъ поглядывать на дверь, какъ будто желалъ позвать кого-нибудь еще на помощь или послать за докторомъ.

Но Илья Петровичъ скоро пришелъ въ себя, совершенно оправился и просвѣтлѣлъ; у него въ сердцѣ зародились уже новыя ощущенія, никогда еще прежде не испытанныя имъ. Онъ торопливо запахнулъ халатъ, быстро приподнялся съ дивана и сталъ суетиться, видимо не зная, что же ему теперь нужно дѣлать.

Первое, что пришло на мысль, это послать за сыномъ. Дворнику тотчасъ же было приказано гнать сломя голову на первомъ попавшемся извозчикѣ на квартиру къ сыну (онъ тутъ же неподалеку и жилъ) и передать, что его просятъ немедленно прибыть. Отдавъ это приказаніе, Илья Петровичъ опять тре-

вожно засуетился, взялъ было со стола какую-то книгу и неизвѣстно зачѣмъ переложилъ ее на окно, потомъ вдругъ точно вспомнилъ, что надо прежде всего возблагодарить Бога за такія оказанныя милости, опустился предъ образомъ на колѣни и почему-то началъ читать: «Помилуй мя Боже», но на первыхъ же словахъ спутался, поднялся на ноги, бросился на шею молодого человѣка и сталъ его цѣловать. Нѣмецъ, при видѣ этого, тотчасъ отеръ рукавомъ губы, сообразивъ, что и до него должна дойти очередь облобызать Илью Петровича. Дѣйствительно, Илья Петровичъ и его облобызалъ, потомъ опять бросился на шею молодого человѣка; на долю старой Ѳедоры досталось тоже нѣсколько поцѣлуевъ, причемъ Илья Петровичъ заплакалъ.

Вообще Илья Петровичъ впалъ въ восторженное состояніе, до того сильное, что и самъ не зналъ, что такое съ нимъ дѣлается.

Въ это время въ дверяхъ показался Ѳедоръ Ильичъ.

— Ѳедя! Ѳедя! Голубчикъ!—завопилъ Илья Петровичъ, бросаясь къ нему навстрѣчу съ распростертыми руками.

Сынъ въ удивленіи попятился и вопросительно оглянулъ всѣхъ присутствующихъ. Молодой человѣкъ хотѣлъ было поздороваться съ нимъ, но Илья Петровичъ уже принялъ сына въ объятія и началъ его цѣловать, заливаясь при этомъ слезами.

— Что такое? Что такое съ вами? — спрашивалъ сынъ, стараясь избавиться отъ родительскихъ ласкъ:

— Вотъ этотъ господинъ, — захлебываясь, объяснялъ Илья Петровичъ, — этотъ прекраснѣйшій человѣкъ передалъ мнѣ извѣстіе...

Нѣмецъ сдѣлалъ шагъ впередъ, громко кашлянулъ и угловато поклонился.

— Онъ получилъ письмо отъ своего брата... онъ пишетъ ему, что дядя померъ...

— Ну что же изъ того, что у нѣмца дядя померъ?

— Не у нѣмца, не у нѣмца. Онъ аптекарь, какой тамъ у него можетъ быть дядя... Мой дядя, то-есть,

строго говоря, онъ, пожалуй, мнѣ и не дядя, но только родственникъ, близкій, очень близкій родственникъ... Помнишь, Григорій Александровичъ Стародубовъ..

— Не слыхивалъ такого,—угрюмо замѣтилъ сынъ.

— Какъ не слыхивалъ! Сколько разъ при покойной твоей матери говаривали о немъ, помнишь, въ карты-то мать часто гадала про него?

— Ничего не помню!

— Ахъ, да, вѣдь это въ самомъ дѣлѣ было очень давно... Но все равно, помнишь или нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Главное, — дядюшка Григорій Александровичъ померъ...

— Такъ, значитъ, царство ему небесное и вѣчный покой!—пожимая плечами, замѣтилъ сынъ,—наслѣдство, небойсь, осталось; крохи какія-нибудь?

— Какъ крохи? Сто тысячъ по твоему крохи!..

Сына точно вдругъ окатили холодной водой. Онъ вскочилъ со стула и въ удивленіи вытаращилъ глаза.

— И вы говорите, что осталось 100 тысячъ?

— Именно! Именно!..

Но одушевленіе сына было не въ такой степени сильно, какъ отца. Онъ, какъ хорошій чиновникъ, скоро сознался необходимость разсмотрѣть обстоятельства дѣла болѣе основательно.

— Но на какомъ основаніи, папенька, вы построили свои восторги?

— А письмо-то? Письмо-то? Позвольте-ка,—обратился Илья Петровичъ къ нѣмцу,—позвольте-ка сюда письмо.

Нѣмецъ торопливо вынулъ письмо изъ бокового кармана и спѣшилъ высвободить его изъ конверта.

— Ничего, ничего, давайте въ конвертѣ... На, Ѳедя, читай, читай скорѣе. Я, знаешь, давеча, въ торопяхъ... да и разобрать не могу... читай, читай скорѣе.

Ѳедоръ Ильичъ сѣлъ на диванъ, и по департаментскому обыкновенію, сначала осмотрѣлъ письмо, такъ сказать, съ внѣшней его стороны, т.-е. отъ какого

числа и есть-ли подпись; ему представилось даже, что вотъ, молъ, исходящаго номера нѣтъ, но принимая во вниманіе, что письмо отъ частнаго лица и на иностранномъ языкѣ, онъ это обстоятельство «оставилъ безъ послѣдствій» и принялся за разсмотрѣніе существа дѣла. Чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ болѣе хмурилось и дѣлалось серьезнѣе его лицо, и эта серьезность невольно какъ-то отразилась и на всѣхъ остальныхъ лицахъ. Илья Петровичъ, замѣчая, что сынъ нахмурился, сталъ внимательно слѣдить за движеніями его глазъ и какъ будто чего-то испугался. Потомъ, когда при дальнѣйшемъ чтеніи, Ѳедоръ Ильичъ еще болѣе нахмурился, Илья Петровичъ такъ на него уставился, какъ будто намѣревался влѣзть въ его душу, для того, чтобы узнать, что именно онъ въ это время думаетъ.

— Что? что, Ѳедя? что? — шопотомъ спрашивалъ онъ по временамъ, не сводя съ сына глазъ.

Ѳедоръ Ильичъ молча дочиталъ письмо и молча передалъ его отцу, не перемѣняя своего прежняго положенія.

— Ну, что, Ѳедя? — съ замирающимъ сердцемъ спросилъ Илья Петровичъ.

Онъ самъ собственно не могъ бы объяснить, отчего ему сдѣлалось такъ вдругъ неловко и страшно даже какъ-то.

— Ничего! — холодно отвѣтилъ сынъ и пытливо оглянулъ нѣмца.

Молодой человѣкъ, закурившій было папиросу, торопливо бросилъ ее на полъ и затопталъ, удивленный, съ своей стороны, холоднымъ тономъ отвѣта.

— Какъ ничего? Какъ ничего? — почти завизжалъ Илья Петровичъ, суетливо кидаясь къ сыну,—какъ ничего?

— Да такъ, ничего пока!—по прежнему отвѣтилъ сынъ.

Неясныя сомнѣнія, наводившія неопредѣленный страхъ во время чтенія письма, вдругъ совершенно выяснились.

— Что же по твоему,—уже въ гнѣвѣ и досадѣ и чуть не въ слезахъ занылъ Илья Петровичъ,—что же по твоему, все пуфъ что-ли?

— Га! это ошень не вѣрно! мой братъ ошень хорошо знаитъ, што писалъ,—съ амбиціей замѣтилъ нѣмецъ.

Ѳедоръ Ильичъ пытливо и съ особеннымъ вниманіемъ еще разъ оглянулъ нѣмца съ головы до ногъ, потомъ спросилъ.

— Скажите пожалуйста, вы здѣшній?

— Да, я здѣсь въ Петербургѣ живу.

— Какія ваши занятія?

— Я есть сапожный магазинъ...

Илья Петровичъ закипѣлъ пуще прежняго.

— Что ты тутъ за допросы выдумалъ? Я тебя спрашиваю, что въ письмѣ-то написано...

Ѳедоръ Ильичъ медленно поднялся съ дивана, вынулъ изъ кармана платокъ и отеръ себѣ лобъ, чувствуя, что потъ на немъ сильно выступаетъ.

Илья Петровичъ судорожно смялъ въ рукѣ письмо и ждалъ, что скажетъ сынъ.

— Видите-ли, папенька,—ясно и отчетливо началъ онъ,—это письмо есть ни болѣе ни менѣе какъ частное извѣщеніе, и оно никакого особеннаго значенія не имѣетъ. Разсматривая его по существу, во-первыхъ, видно, что свѣдѣнія, сообщаемыя въ немъ, не подкрѣплены какими-либо указаніями на совершившіяся дѣйствія, со стороны мѣстной администраціи, о признаніи васъ, именно васъ, законнымъ наслѣдникомъ, а во-вторыхъ, нѣмецъ Адольфъ Шпигель, авторъ настоящаго письма...

Илья Петровичъ не могъ вынести этой длинной рѣчи.

— Боже мой!—заголосилъ онъ, выходя изъ себя и хватая сына за руки,—вѣдь это что же ты говоришь! Вѣдь ты чортъ тебя знаетъ что говоришь... Вѣдь точно ты, прости меня Христа ради, вѣдь точно ты изъ меня душу всю вытянуть хочешь!.. Что ты мнѣ чепуху-то

городишь? Я единственный наслѣдникъ... Ты выслушай, ты выслушай. Видишь-ли, покойный Григорій Александровичъ былъ родной братъ Афанасья Александровича, а Афанасій Александровичъ моему отцу, Петру Карповичу, приходился двоюродный дядя. Въ 1817 г., послѣ смерти дѣда, Ѳедора Спиридоновича, осталось шесть человѣкъ дѣтей...

Илья Петровичъ съ жаромъ сталъ перечислять родословную съ подробнымъ переименованіемъ лицъ, именъ и годовъ. Они всѣ вдругъ воскресли въ его памяти и затмили собою всѣхъ древнихъ героевъ со всѣми ихъ знаменитыми дѣяніями.

Ѳедоръ Ильичъ нахмурилъ лобъ, что доказывало его внимательность и серьезное отношеніе къ дѣлу.

Минуту спустя, онъ что-то замѣтилъ отцу. Отецъ, будучи въ это время чуткимъ до крайности, принялъ замѣчаніе за прямое оспариванье его правъ на наслѣдство и сильнѣе прежняго закипятился.

Нѣмецъ и молодой человѣкъ только дивились—откуда такая прыть берется. Старая Ѳедора, стоя въ дверяхъ, вздыхала, качая головой и не понимая, что-же это такое вдругъ случилось...

Силы небесныя! Это-ли Илья Петровичъ, ничего не вѣдавшій до настоящей минуты, кромѣ древнихъ книгъ и рукописей, не любившій никакихъ сокровищъ, кромѣ археологическихъ рѣдкостей? Онъ ли это суетливо бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, отшвыривая ногой въ сторону лежащія на полу книги и горячо,споря о какихъ-то правахъ на наслѣдство? То же солнце свѣтитъ сквозь пыльныя стекла его недавно еще мирнаго пріюта, тотъ же чижъ молча сидитъ въ своей клѣткѣ, можетъ быть, не менѣе насъ удивленный вдругъ происшедшей въ немъ рѣзкой перемѣной, та же обстановка. Но не тотъ уже Илья Петровичъ! Нѣтъ уже того Ильи Петровича, который, не болѣе часа тому назадъ, мирно сидѣлъ за письменнымъ столомъ и ви-

талъ мыслью гдѣ-то далеко въ глубинѣ прошедшихъ вѣковъ...

«Страшно! за человѣка страшно!»

Да, страшно... Но точно также думалъ и Илья Петровичъ не далѣе, какъ вечеромъ того же самаго дня, въ который получилъ извѣстіе о смерти своего родственника.

Онъ снова сидѣлъ одинъ въ кабинетѣ около письменнаго стола и хотя не занимался своей обыкновенной работой, но по окружающей его обстановкѣ можно было, пожалуй, заключить, что, какъ будто, въ жизни его никакихъ особенныхъ перемѣнъ не произошло. По прежнему лежали на полу, на окнахъ и на столѣ книги и рукописи, по прежнему комната оставалась полутемной, и свѣтъ лампы изъ-подъ толстаго картоннаго абажура падалъ только на столъ. Онъ сидѣлъ бокомъ къ письменному столу, голова низко наклонилась къ груди, и глаза были полузакрыты, точно онъ дремалъ. Но это только такъ казалось, потому что лицо его было въ тѣни. Если-бы толстый абажуръ былъ снятъ, то каждый, даже и незнакомый человѣкъ сразу-бы замѣтилъ, что Илья Петровичъ чѣмъ-то сильно утомленъ, измученъ, и не смотря на это утомленіе и общую физическую усталость, бодрствуетъ духомъ своимъ и тревожно о чемъ-то размышляетъ. По выраженію лица его, то нахмуреннаго и сердитаго, то печальнаго и изумленнаго, можно было заключить, что охватывающія его думы часто смѣняются одна другой, торопятся, бѣгутъ, мучатъ его и не даютъ ему сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ.

По временамъ онъ поднимался съ кресла, дѣлалъ по комнатѣ два-три шага и опять садился, но лишь на нѣсколько минутъ, а потомъ опять вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ, садился то на кресло, то на диванъ, видимо, не находилъ себѣ мѣста.

Въ этотъ день онъ почти не обѣдалъ, такъ только, какъ говорится, немного пощипалъ кой-чего за столомъ, торопливо хватился за жаркое и не сталъ его ѣсть,

потомъ опять попросилъ супу и его тоже оставилъ не тронутымъ, да такъ съ тѣмъ и изъ-за стола вышелъ. Легъ было соснуть, но сонъ рѣшительно не удался. Онъ даже и не дремалъ ни минуты, и лежалъ на диванѣ, только ворочаясь съ боку на бокъ и дыша тяжелѣе обыкновеннаго.

Переходъ отъ сильно возбужденнаго состоянія, вызваннаго неожиданно налетѣвшимъ извѣстіемъ о предстоящемъ полученіи наслѣдства, начался въ немъ какъ-то незамѣтно. Сначала онъ, какъ извѣстно, обрадовался, потомъ, вслѣдствіе противорѣчій и сомнѣній со стороны сына, немного погорячился и покричалъ; но потомъ, когда сынъ высказалъ окончательное свое мнѣніе въ благопріятномъ для дѣла смыслѣ, Илья Петровичъ опять было воодушевился, но уже не въ такой степени и не надолго.

Между тѣмъ, нѣмецъ, успокоенный надлежащимъ обѣщаніемъ «не забыть его потомъ», ушелъ съ низкимъ поклономъ изъ квартиры; Ѳедоръ Ильичъ остался было для дальнѣйшихъ переговоровъ съ отцомъ; но отецъ пожелалъ сосредоточиться въ самомъ себѣ.

— Ты теперь, Ѳедя, пойди, пойди,—шопотомъ просилъ Илья Петровичъ, поминутно хватаясь за голову,— ты пойди... послѣ, послѣ вечеромъ сообразимъ дальнѣйшее, я положительно ослабѣлъ...

Сынъ ушелъ, тоже съ поклонами и пожеланіями. Всѣ, какъ-то незамѣтно для самихъ себя, вдругъ измѣнились въ отношеніи къ Ильѣ Петровичу, невольно какъ-то само собой ихъ охватило чувство уваженія къ нему и готовность исполнять его желанія. И онъ самъ даже не замѣтилъ этой перемѣны, какъ будто такъ всегда было и прежде.

Оставшись одинъ, онъ затворился въ своей комнатѣ и въ первыя минуты былъ, казалось, доволенъ и спокоенъ, голова немного, впрочемъ, болѣла; но потомъ какое-то неясное, тоскливое чувство стало имъ по немногу овладѣвать и, развиваясь все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ совершенно охватило его собою.

Что это такое было: грусть, тоска, опасеніе за неизвѣстное будущее или сомнѣніе о прошломъ, которое съ этого дня оборвалось и невозвратно кануло въ вѣчность?

Онъ уныло оглянулъ свою комнату, глубоко вздохнулъ и печально склонился утомленной головой на письменный столъ.

Такъ иногда на веселомъ сельскомъ праздникѣ, въ звукахъ плясовой народной пѣсни, незамѣтно, точно крадучись, пробивается грустная нотка. Раздаваясь все яснѣе и яснѣе, она, наконецъ, совершенно овладѣваетъ слушателями и самимъ хоромъ пѣвцовъ; подъ вліяніемъ ея они уже затянули печальную лучинушку, и куда дѣвалось недавнее веселье: повѣсили головы разодѣтыя въ яркіе наряды крестьянскія дѣвушки, за минуту предъ тѣмъ заливавшіяся веселымъ хохотомъ, глядя, какъ разудалый парень ухарски отплясывалъ трепака и выкидывалъ ногами хитрыя колѣнца, и стоитъ въ сторонѣ самъ плясунъ, печально опершись рукою о заборъ; а грустные звуки лучинушки раздаются все тоскливѣе и тоскливѣе, и давятъ и щемятъ сердца слушателей непонятной тоской...

XI.

Сильно возбужденное состояніе, вызванное утренними событіями, было только порывомъ, временнымъ, страннымъ и мало свойственнымъ характеру Ильи Перовича и его понятіямъ о благахъ міра сего. И въ самомъ дѣлѣ, съ чего вдругъ такъ человѣкъ обрадовался, растерялся, потомъ началъ сердиться? На что ему богатство, на что оно могло ему пригодиться, и для него-ли, для него-ли, всѣмъ своимъ существомъ возлюбившаго совершенно иныя сокровища, для него-ли могутъ имѣть значеніе деньги, хотя бы въ суммѣ, громадной до безобразія?

Вотъ объ этомъ-то онъ и самъ думалъ съ той ми-

нуты, какъ остался одинъ, и не переставалъ думать потомъ, сидя вечеромъ за письменнымъ столомъ.

— Да,—думалъ онъ,—странное созданіе человѣкъ: сколько ни шлифуй и ни улучшай его духовную сторону, все-таки не отчистишь той грязи, которую густыми комьями налѣпили на него различныя историческія условія, имъ же самимъ, впрочемъ, созданныя... Дрянь, дрянь... Это я, я самъ дрянь, сущая, недостойная прощенія дрянь... Удивительно! Обрадовался, надурилъ, наговорилъ Богъ знаетъ чего!.. И оказывается, что я напрасно осуждалъ другихъ когда-то, напрасно подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ люди хлопочутъ, страдаютъ, гоняясь за деньгами... И какъ это справедливо, глубоко справедливо сказано: Medice, cura te ipsum!

Онъ тяжело вздохнулъ и приподнялъ голову. Глаза его остановились на какой-то книгѣ, ребромъ лежавшей въ углу комнаты у стѣны, корешкомъ вверхъ. Книга своимъ положеніемъ оставляла слѣды недавно еще совершавшихся въ кабинетѣ бурныхъ событій. Илья Петровичъ удивился, какъ это онъ давеча, приводя въ порядокъ разбросанныя книги, не замѣтилъ этой, такъ рѣзко упрекавшей его своимъ положеніемъ. Онъ поднялся съ кресла, бережно взялъ книгу въ руки и перелистовалъ ее нѣсколько, видимо желая убѣдиться, не сдѣлалось ли какихъ въ ней поврежденій; потомъ такъ-же бережно взялъ ее въ руки и началъ оглядывать комнату, очевидно отыскивая для книги болѣе почетное мѣсто, точно хотѣлъ этимъ загладить свою недавнюю небрежность въ обращеніи съ ней. Онъ заглянулъ въ шкапикъ, потомъ на его верхъ, потомъ опять въ шкапикъ, но книгу туда не положилъ, а подошелъ съ ней къ письменному столу и внимательно прочиталъ ея заглавіе, точно желалъ убѣдиться, стоитъ-ли выбирать для нея почетное мѣсто; потомъ задумался на нѣсколько мгновеній и вдругъ бросилъ книгу на окно, прямо на кучу какихъ-то обломковъ, тамъ лежавшихъ. Это уже ясно давало знать, что заботы о книгѣ оказались вдругъ

совершенно нелѣпыми и торопливо уступили мѣсто какимъ-то другимъ соображеніямъ.

Онъ снова сѣлъ въ кресло, склонившись головой на руку, и опять глубоко вздохнулъ.

— Стыдно, стыдно, самого себя стыдно... Однако, какъ это онъ вдругъ померъ, взялъ да и померъ... Теперь вотъ тутъ и возись съ наслѣдствомъ... Впрочемъ, это что-жъ за бѣда, это ничего. Пусть Ѳедя ѣдетъ туда и устраиваетъ, и получаетъ, вѣдь ему же все должно достаться, я-то тутъ при чемъ. Да, пусть онъ и ѣдетъ... Однако, какъ все это странно!.. Жилъ я въ такомъ тихомъ уголкѣ и, по справедливости говоря, все-таки въ очень жалкомъ положеніи—и вдругъ такая перемѣна. Но... собственно, какая же особенная перемѣна можетъ быть? Вѣдь въ сущности для меня въ этомъ что же особеннаго... Ну, да, для Ѳеди, конечно, для Ѳеди это очень хорошо. Еще бы, ему это очень хорошо... Ну, и мое положеніе, конечно, будетъ лучше.

Онъ оглянулъ комнату, долго блуждалъ глазами по потолку, по стѣнамъ, по полу, точно въ первый разъ вошелъ въ нее.

Да, конечно, тѣсновато и мрачно, книги Богъ знаетъ какъ разбросаны и душно какъ-то здѣсь... Вообще, квартира-то плохова-ва-а-та, ужасно какъ далеко отъ гимназіи, шагаешь, шагаешь, иной разъ дождь, вѣтеръ... Квартиру-то собственно давно бы нужно перемѣнить... Переѣздъ только непріятенъ, эта возня начнется... Однако, что-жъ я думаю, самъ не зная о чемъ... Гм... Мнѣ вѣдь что-то сдѣлать нужно, что, бишь, я хотѣлъ сдѣлать? — Зайти, кажется, нужно куда-то... Совсѣмъ забылъ, не могу никакъ припомнить... Надо будетъ завтра Ѳедѣ сказать, пусть собирается ѣхать, я самъ, собственно, не поѣду, что мнѣ тамъ дѣлать. Довѣренность, конечно, нужно; ну, довѣренность, такъ довѣренность, мнѣ-то что-жъ до этого... Ахъ, да,— нѣмца-то вознаградить слѣдуетъ, конечно, слѣдуетъ, еще бы за такую вѣсть да не вознаградить. Стыдно бы было! Да и обѣщалъ, наконецъ. Я всегда былъ

своему слову господинъ. Ѳедору... ну что же Ѳедору? Ее, разумѣется, оставлю у себя, куда же ей дѣваться—человѣкъ бѣдный...

Такъ думалъ Илья Петровичъ, перескакивая отъ одной мысли къ другой, думалъ несвязно, порывисто, то отдаваясь воспоминаніямъ прошедшаго дня, то строя планы будущаго, то упорно отказываясь отъ нихъ, какъ бы желая сохранить прежній порядокъ въ образѣ своей жизни. Давно уже наступило время вечерняго чая; Ѳедора ждала въ кухнѣ съ самоваромъ и, не дождавшись приказанія, осторожно пріотворила дверь въ кабинетъ. Илья Петровичъ по прежнему сидѣлъ въ креслѣ, углубленный въ свои думы; она нѣсколько времени смотрѣла на него, очевидно не рѣшаясь, сказать-ли, что самоваръ готовъ, или уйти, не спрашивая, назадъ.

— Илья Петровичъ,—наконецъ спросила она почти шопотомъ.

— Что тебѣ, Ѳедора?—грустно и тихо обратился къ ней Илья Петровичъ, медленно поднимаясь съ кресла.

— Самоваръ-то прикажете подавать?

— Гм, да; развѣ уже пора?

— Не знаю, пора-ли; только, вонъ, 10 часовъ ужъ пробило.

— 10 часовъ... неужели 10 часовъ!—въ удивленіи воскликнулъ онъ,—какъ же это я не замѣтилъ...

— Ѳедоръ Ильичъ приходили, да не пошли къ вамъ въ кабинетъ, боялись разбудить, думали, вы все еще спите.

— Я совсѣмъ не спалъ... Но, впрочемъ, это все равно, онъ вѣрно поутру зайдетъ... Ну, давай самоваръ... Да пожалуй,—началъ онъ, медленно вытягивая слово за словомъ, пожалуй, я что-нибудь бы съѣлъ.

— Такъ я накрою тутъ же и ужинъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ что скушаете.

— Накрой пожалуй...

Ѳедора ушла, а онъ, самъ того не замѣчая, снова началъ переноситься мыслью съ одного предмета на другой и опять не замѣтилъ, какъ шло время.

— Сундукъ надо купить, есть такіе несгораемые, я видѣлъ на Невскомъ, они... Впрочемъ, къ чему это, —еще убьютъ изъ-за денегъ-то. Лучше всего положить ихъ въ банкъ, спокойнѣе... Ну, да это тамъ какъ хочетъ Ѳедя, мнѣ-то что до этого за дѣло...

Но несмотря на то, что за обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ, чай ему, какъ говорится, не лѣзъ въ горло, а про ужинъ и упоминать нечего: опять пощипалъ кой-чего по кусочкамъ и торопливо ушелъ въ кабинетъ. Тамъ ему казалось какъ будто удобнѣе было и спокойнѣе.

Какъ онъ ни старался увѣрить себя, что совершившіяся въ этотъ день событія въ сущности не должны имѣть на его жизнь никакого вліянія, а оказывалось совсѣмъ наоборотъ. И ночь прошла скверно, до невозможности скверно: онъ все вертѣлся съ боку на бокъ и не могъ заснуть до свѣту; заснувши потомъ, спалъ тревожно, поминутно просыпался, бормоталъ что-то сквозь сонъ, и грезились ему то разныя нелѣпости, то ужасы; часовъ въ шесть онъ, наконецъ, измучившись, заснулъ крѣпко и проспалъ до девяти часовъ, чего съ нимъ прежде, конечно, никогда не бывало.

Онъ не ошибся: утромъ въ 9 часовъ Ѳедоръ Ильичъ дѣйствительно явился. И его, по всей вѣроятности, извѣстіе о смерти богатаго родственника сильно занимало.

— Что съ вами, папенька?—въ удивленіи спросилъ онъ, видя отца въ такое время полусоннымъ.

— Да что! это все вчерашняя исторія... Чортъ ее знаетъ, прости меня Господи, всю ночь промучился, не могу заснуть... Ну, а ты, Ѳедя, какъ?

— Да мнѣ что-жъ... Я ничего,— спокойно отвѣтилъ сынъ и растворилъ дверь изъ кабинета въ зальце— душно ему казалось.

— Какъ, тебѣ что? Тебя это еще больше, чѣмъ меня кас... гм, да,—спохватился вдругъ Илья Петровичъ, —т. -есть, я хочу сказать, вѣдь и на твое положеніе

нѣсколько должны эти обстоятельства... Впрочемъ, это послѣ... Видишь-ли, я все думаю, какъ же теперь быть насчетъ поѣздки туда.

— Вчера вы, какъ будто, говорили, что нужно вамъ самимъ ѣхать...

— Вчера-то я рѣшилъ... Вообще, вчера-то я ужасно много нелѣпаго надѣлалъ... Я рѣшительно не понимаю, что со мною вчера сдѣлалось... Ты пожалуйста извини меня, я, можетъ быть, что-нибудь сказалъ лишнее тебѣ и рѣзкое, можетъ быть...

— Помилуйте, папенька! Развѣ я не понимаю: событіе совершенно исключительное, изъ ряду вонъ; да и какъ бы тамъ ни было, къ чему извиненія...

Онъ и раньше былъ вѣжливъ и остороженъ въ отношеніи къ отцу, а теперь эта вѣжливость и осторожность перешли уже въ угодливость.

Теперь онъ имѣлъ даже намѣреніе помочь отцу въ надѣваніи халата, и когда тотъ отъ этого уклонился, онъ искалъ глазами, не нужно-ли что-нибудь ему подать и чѣмъ-нибудь услужить.

Отецъ ушелъ на кухню умываться. Ѳедоръ Ильичъ, оставшись одинъ, сталъ оглядывать кабинетъ, въ особенности бумаги на столѣ, какъ будто надѣялся встрѣтить какую-нибудь записку, замѣтку или хотя что-нибудь такое, что бы могло сколько-нибудь разъяснить, какъ думаетъ распорядиться Илья Петровичъ съ доставшимся ему богатствомъ; но на столѣ никакихъ слѣдовъ его думъ не оказывалось. Ему хотѣлось бы поскорѣе узнать объ этомъ и повѣрить свои собственныя догадки, но спросить отца онъ не рѣшался, почему-то боясь навести его на мысли о своихъ видахъ на наслѣдство. Изъ недосказанной фразы отца онъ уже кой-что успѣлъ сообразить и понять, хотя впрочемъ очень смутно и неясно.

— Всего скорѣе должно такъ случиться, что онъ мнѣ передастъ всѣ деньги. На что онѣ ему, да онъ и счету-то въ нихъ не знаетъ,—подумалъ потомъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Что это онъ какъ долго тамъ булькается,—соображалъ онъ, — ишь, какъ пыхтитъ, даже сюда слышно.

Случайно взглянувъ на полъ, онъ замѣтилъ около письменнаго стола оборванный полулистъ бумаги и поднялъ его. Полулистъ оказался мѣстами исписанный какими-то ничего неозначающими рисунками, перечеркнутыми по нѣскольку разъ и перемаранными. Онъ перевернулъ листъ на другую сторону и увидѣлъ на ней надписи: «Стародубовъ, Стародубовъ. Григорій Александровичъ Стародубовъ», а потомъ дальше были написаны цифры: «сто тысячъ, сто тысячъ» и опять надпись: «Стародубовъ, Григорій Александровичъ Стародубовъ. Милѣйшій дядюшка».

— Ага!—подумалъ Ѳедоръ Ильичъ,—онъ, однако, тутъ что-то соображалъ. Это что такое!—спрашивалъ онъ самъ себя, внимательно всматриваясь далѣе,—а-га! проценты вычислялъ. Вишь ты... Нѣтъ, онъ не такъ простъ, какъ я думалъ. Онъ уже о доходахъ соображаетъ.

Заслыша приближеніе отца, Ѳедоръ Ильичъ швырнулъ полулистъ на прежнее мѣсто и сталъ всматриваться въ картинку, изображавшую развалины Карѳагена.

— Ты меня, Ѳедя, извини,—сказалъ Илья Петровичъ, войдя въ кабинетъ съ полотенцемъ на шеѣ,—я видишь-ли голову холодной водой мочилъ.

— Ничего, папенька, помилуйте, что за извиненія.

— Вотъ что, Ѳедя, говорилъ онъ, усаживаясь за чайный столъ,—поѣзжай ты одинъ и устраивай это дѣло. Я тебѣ выдамъ довѣренность...

— Хорошо, папенька. Значитъ, надо сейчасъ ѣхать въ департаментъ, взять отпускъ...

— Да надо видно ужъ такъ... Впрочемъ, погоди-ка, сообразимъ немного.

Чрезъ полчаса сынъ поѣхалъ отъ него съ ясно опредѣлившимся рѣшеніемъ только о томъ, что они ѣдутъ съ нимъ вмѣстѣ; относительно же вопроса о

наслѣдствѣ, т.-е. какую часть его Илья Петровичъ думаетъ отдать сыну, и думаетъ-ли онъ отдавать,— Ѳедоръ Ильичъ ничего не узналъ, да и узнать не было возможности, ибо и самъ Илья Петровичъ по этому вопросу имѣлъ весьма смутныя и неопредѣленныя понятія.

— Зачѣмъ-же вамъ вмѣстѣ ѣхать?—спрашивала Ѳедора Ильича жена, — или онъ, или ты, — кто-нибудь одинъ.

— Да какъ-же его одного пустить? Онъ, пожалуй, тамъ Богъ знаетъ что надѣлаетъ.

— Помилуй! Что же онъ надѣлаетъ.

Хотя Ѳедоръ Ильичъ говорилъ, что боится за разсѣянность отца, но въ сущности было другое. Ѳедоръ Ильичъ имѣлъ привычку не вдругъ говорить то, что думаетъ, а думалъ-то онъ о томъ, что отецъ прекрасно сдѣлалъ, пригласивъ его съ собой.

Вечеромъ слѣдующаго дня они оба выѣхали изъ Петербурга.

XII.

Илья Петровичъ и Ѳедоръ Ильичъ быстро прокатились по желѣзной дорогѣ на Москву, на Владиміръ, на Нижній-Новгородъ; изъ Нижняго сѣли на пароходъ и поплыли по Волгѣ, а потомъ круто повернули на почтовыхъ куда-то къ сѣверу. Путь сдѣлался утомительнѣе и скверно дѣйствовалъ на расположеніе духа обоихъ спутниковъ. Угрюмые лѣса, бѣдныя деревеньки, сплошь состоящія изъ лачугъ, крытыхъ соломой, грязныя почтовыя станціи, а всего болѣе трясучія перекладныя телѣги, неудобнѣе которыхъ нѣтъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, — не разъ заставляли Илью Петровича пожалѣть о своемъ покойномъ мѣстѣчкѣ въ Кирочной.

— И зачѣмъ это я...—думалось ему не разъ. Лучше-бы Ѳедя одинъ ѣхалъ. Мнѣ-то на что это наслѣдство... Жилъ себѣ такъ покойно, а теперь вдругъ... Господи!— бормоталъ онъ, укладываясь спать въ душныхъ и грязныхъ почтовыхъ станціяхъ.

— А-га! — злобствовалъ про себя сынъ, тоже не меньше отца чувствовавшій утомленіе, — такъ тебя и надо, не суйся туда, куда тебѣ вовсе не слѣдуетъ...

Но не этимъ однимъ злобствованіемъ ограничивались его дорожныя думы. Во время всего путешествія его занимали и сильно заботили соображенія о томъ, когда именно померъ старикъ Стародубовъ. Еще наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга, т.-е. съ того дня, какъ получилось извѣстіе о предстоящемъ наслѣдствѣ, онъ сталъ досадовать, что изъ письма, доставленнаго нѣмцемъ, нельзя было узнать о времени смерти богатаго родственника. Въ ночь наканунѣ отъѣзда и цѣлый день, почти до самой минуты, какъ они собрались уже въ дорогу, трое его подчиненныхъ рылись въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, отыскивая публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ Стародубова, но найти не могли, и можетъ быть потому, что очень торопились. Онъ хотѣлъ сказать объ этомъ отцу, но побоялся, справедливо опасаясь, что, пожалуй, отецъ, пользуясь этимъ случаемъ, затянетъ отъѣздъ; а тутъ того и гляди, еще срокъ пропустишь,—подумалъ онъ, да такъ ужъ и рѣшилъ ничего не говорить, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, когда бы Стародубовъ ни умеръ, во всякомъ случаѣ ѣхать нужно немедленно.

Наконецъ, ихъ дорожныя муки кончились. Пріѣхали они въ какой-то бѣдный уѣздный городишко, въ которомъ никакой гостиницы не оказалось. Это ихъ, какъ знакомыхъ съ русскою жизнью только по Петербургу, сильно удивило. Пріѣхали-же они позднимъ вечеромъ; на улицахъ городишка было пусто, мертвенно, точно онъ былъ безъ жителей. Куда-же ѣхать, гдѣ остановиться, соображали они въ полнѣйшей безнадежности и положились на волю ямщика — вези, молъ, куда знаешь. Ямщикъ завезъ ихъ въ домишко какого-то мѣщанина. Прежде чѣмъ въѣхали во дворъ, долго шли переговоры, кто, да откуда, да зачѣмъ, и переговорамъ этимъ не мало мѣшали собаки, собравшіяся со всей улицы и завывавшія въ сотни глотокъ. Изъ сосѣднихъ

домовъ стали высовываться испуганныя лица мирныхъ обитателей города, не менѣе собакъ изумленныхъ нарушеніемъ ихъ тихаго, невозмутимаго житья-бытья.

Кой-какъ состоялось соглашеніе о квартирѣ, и такимъ образомъ Растеряевы пріютились. Ѳедоръ Ильичъ сейчасъ-же, не откладывая ни минуты, принялся за дѣло. Онъ потребовалъ къ себѣ домохозяина, чтобы предварительно разузнать все, что въ городѣ извѣстно объ умершемъ Стародубовѣ. Илья Петровичъ съ своей стороны тоже нашелъ заботы сына основательными: но, оказалось, что отъ домохозяина было трудно добиться толку, потому что онъ былъ сильно старъ да къ тому же еще и слѣпой. Однако-жъ его привели въ комнаты Растеряевыхъ.

— Ну, дѣдушка, скажи-ка ты намъ, зналъ ты здѣсь Стародубова Григорія Александровича? — спросилъ Ѳедоръ Ильичъ.

Но старикъ, не слушая вопроса, вѣрный издревле принятымъ правиламъ жизни, сначала помолился въ тотъ уголъ, гдѣ, по его соображеніямъ, должны были находиться иконы, а потомъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ, сказалъ гостямъ привѣтствіе, здравствуйте, молъ, и выразилъ удивленіе, что въ ихъ глухую дальнюю сторону пріѣхали гости изъ самаго Питера.

Ѳедора Ильича это начинало уже сердить, ему хотѣлось поскорѣе начать свои разспросы, а Илья Петровичъ оборвалъ даже пуговицу своего сюртука, какъ будто разсерженный, что она не разстегивается, а въ сущности просто въ досадѣ на пустую болтовню старика.

— Ну, дѣдушка, такъ зналъ ты Стародубовато, а?

— Зналъ, зналъ, какъ-же, зналъ.

— Давно онъ померъ-то?

— Да ужъ умеръ, надо быть. Какъ не помереть. Много вѣдь ему, видишь ты, годовъ-то было. Померъ чай. Всѣ помремъ. Теперь я такъ думаю, что чуть-ли ужъ не за мной очередь-то...

— Что-же у Стародубова-то капиталъ послѣ смерти остался?—спросилъ Ѳедоръ Ильичъ, желая навести его на настоящую тему разговора; но старикъ продолжалъ свое.

— Нѣтъ еще, надо быть, мнѣ не пора умирать-то. Кажись, теперь очередь Семену Григорьеву. Тутъ у насъ есть старикъ такой. Ему теперь чередъ; я еще безъ штанишекъ бѣгалъ, когда его женили. Ему, ему...

Старика привелъ къ Растеряевымъ мальчикъ, котораго, принимая въ соображеніе его молодыя лѣта, Ѳедоръ Ильичъ не нашелъ нужнымъ разспрашивать. Онъ попробовалъ сдѣлать еще два-три вопроса старику, но толку не добился и узналъ только, что, по его соображеніямъ, очередь отправляться на тотъ свѣтъ какому-то Семену Григорьеву, и что онъ, старикъ, хотя боленъ, но еще десятокъ годовъ думаетъ пожить.

Отправили старика назадъ и объяснили мальчику, чтобы прислалъ къ нимъ хозяйку дома, авось, думали, отъ нея получатъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія. Не терпѣлось до утра. Мальчишка чрезъ минуту воротился и объявилъ, что хозяйка легла уже спать. Илья Петровичъ, будучи деликатнымъ человѣкомъ, сначала сталъ-было отговаривать сына, не тревожить ее, но потомъ сообразилъ, что хозяйка навѣрное вретъ, потому что не болѣе пяти минутъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она, осторожно пріотворивъ дверь ихъ комнатъ, прислушивалась къ разговорамъ. Это Илья Петровичъ замѣтилъ и, вспомнивъ, сообщилъ сыну.

Ѳедоръ Ильичъ подошелъ къ двери и громко сталъ ее звать къ себѣ. Хозяйка должно быть сообразила, что отъ гостей отдѣлаться не легко, пришла, но видимо чего-то сильно перепугалась и на первый-же вопросъ, почти не дождавшись его окончанія, прямо, на отвѣтъ, объявила, что она знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, и что ея дѣло женское.

Ѳедоръ Ильичъ замѣтилъ ея смущеніе и старался быть съ ней ласковѣе.

— Садитесь, пожалуйста. Садитесь...

Хозяйка робко опустилась на стулъ, тутъ же около двери при самомъ входѣ, и утерла себѣ губы концомъ шали, облекавшей ея плечи.

— Вы, пожалуйста, не бойтесь,—уговаривалъ Ѳедоръ Ильичъ,—мы васъ не по казенному дѣлу разспрашиваемъ. Мы родственники Стародубова, Григорія Александровича и хотѣли бы узнать о его смерти. Знавали вы такого?

— Знавала,—робко, почти шепотомъ, отвѣтила хозяйка, точно на исповѣди попу.

— Ну, такъ вотъ скажите, пожалуйста, когда онъ померъ?—спросилъ Ѳедоръ Ильичъ, подсаживаясь къ ней поближе.

— Хорошо не упомню. Слышала, что померъ... а можетъ, и живъ... я не знаю...—путаясь и въ смущеніи отвѣчала хозяйка, не поднимая отъ полу глазъ.

— Но вы говорите сами, что слышали о его смерти,—повторилъ вопросъ Илья Петровичъ, и повторилъ погромче сына, такъ какъ предположеніе хозяйки о томъ, что Стародубовъ «можетъ, живъ», ему не понравилось.

Хозяйка же этимъ вопросомъ еще болѣе смутилась и поспѣшно поднялась со стула.

— Простите меня,—заговорила она, чуть не въ слезахъ,—простите... я... мое дѣло женское... я не знаю...

Ѳедоръ Ильичъ предложилъ было отцу отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ мѣстному начальнику, но самъ-же сталъ отговаривать отъ этого, указывая на поздній часъ ночи. Илья Петровичъ, видимо, чувствуя необходимость узнать поскорѣе все, что можно, о смерти Стародубова и раздраженный неудачами по разспросамъ домохозяевъ, настаивалъ на томъ, что нужно идти.

— Что-же, Ѳедя, поздній часъ, да поздній часъ. Дѣло серьезное и нечего разбирать позднихъ часовъ.

— Нельзя, папенька, я самъ сознаю, что поторопился вамъ предложить это. Необходимо соблюсти приличіе. Надо же свое достоинство поддерживать...

Утромъ Илья Петровичъ одѣлся въ лучшую пару платья, Станислава съ короной повѣсилъ себѣ на шею, надѣлъ высокіе воротнички и широкій галстукъ, и при такомъ нарядѣ хотя и лишился возможности свободно повертывать головой по сторонамъ, но за то въ общемъ получалось впечатлѣніе внушающее. Нужно замѣтить, что предусмотрительный Ѳедоръ Ильичъ объ этомъ своевременно позаботился еще до отъѣзда изъ Петербурга и теперь настоялъ, чтобы отецъ одѣлся «по формѣ».

Пошли. Но пѣшкомъ пришлось имъ пройти только до квартиры исправника. Послѣ первыхъ же словъ о томъ, кто Илья Петровичъ, зачѣмъ пріѣхалъ, къ его услугамъ явился экипажъ исправника.

А потомъ оказалось «пожалуйте откушать», а потомъ: «да я вамъ найду болѣе приличное вашему званію и положенію помѣщеніе». Словомъ, исправникъ понялъ, что люди могутъ пригодиться. Откушать Растеряевы не отказались, квартиру получше взяли, но все это ихъ мало утѣшало, потому что дѣло по полученію наслѣдства затягивалось на четыре мѣсяца. Оказалось, что пріѣхали они за его полученіемъ рано: нужно было или ждать на мѣстѣ окончанія срока вызова наслѣдниковъ, или ѣхать обратно. Но за то они получили другое утѣшеніе, а именно, что капиталъ, оставшійся послѣ смерти Стародубова, лежалъ въ сохранномъ мѣстѣ, а именно, въ сундукѣ мирового судьи, хранившемся въ казначействѣ, а въ то время, еще только въ первый годъ по открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій, на мирового судью смотрѣли, какъ на самого Господа Бога. Кромѣ того, и денегъ оказалось не 100 тысячъ, а сто двадцать пять, такъ какъ покойный владѣлецъ этого капитала не имѣлъ привычки отрѣзывать отъ процентныхъ бумагъ купоны. Это послѣднее извѣстіе сильнѣе всего обрадовало Ѳедора Ильича; и онъ уже окончательно увѣровалъ, что эти двадцать пять тысячъ какъ бы самой судьбой предназначены на его долю, хотя въ то же

время еще не совсѣмъ потерялъ надежду, что его отецъ, можетъ, и остальныя деньги всѣ передастъ ему. Илья Петровичъ самъ-то не очень обрадовался этой неожиданной прибавкѣ, ему какъ-будто было все равно, что сто тысячъ, что сто двадцать пять. Его всего болѣе озаботило количество времени, которое нужно было переждать, а пережидать не было ровно никакого желанія, хотѣлось бы получить деньги, да поскорѣе выбраться «изъ глуши», точно онъ былъ общественный человѣкъ и жаждалъ столичныхъ развлеченій.

XIII.

Получивъ всѣ необходимыя свѣдѣнія отъ обязательнаго исправника, они тотчасъ-же отправились въ камеру мирового судьи, въ вѣдѣніи котораго находилось имѣніе, оставшееся послѣ смерти Стародубова.

Судья, узнавъ, кто такіе его новые посѣтители и зачѣмъ пріѣхали, пріостановилъ засѣданіе и пригласилъ ихъ въ свои комнаты. Оставшаяся въ камерѣ публика начала перешептываться, спрашивать, объяснять и перебирать все, что въ теченіе вечера, ночи и утра, прошедшихъ съ минуты пріѣзда Растеряевыхъ, накопилось въ городѣ, къ качествѣ самоновѣйшихъ свѣжихъ сплетенъ. Двѣ три женщины, пришедшія къ мировому судьѣ «за правдой» и злобно сверкавшія глазами на своихъ противницъ, съ выходомъ судьи вмѣстѣ съ Растеряевыми въ свои комнаты, забыли главную причину своего прихода въ камеру и присоединились къ общему говору публики. Говоръ незамѣтно мало-помалу усиливался и перешелъ въ споръ. Секретарь судьи не разъ вставалъ съ своего мѣста и просилъ о тишинѣ; но новость была такъ велика, что на его просьбу никто и вниманія не обратилъ. Секретарь сталъ просить, чтобы публика разошлась, ибо,—говорилъ онъ,—сегодня уже не будетъ болѣе разбираться дѣлъ; но публика желала еще разъ посмотрѣть петербургскихъ гостей и главное—богатыхъ наслѣдниковъ,

нетерпѣливые даже стали ходить мимо оконъ комнатъ судьи, надѣясь хоть мелькомъ посмотрѣть на интересныхъ пріѣзжихъ.

Растеряевы, между тѣмъ, разузнавали отъ судьи о положеніи своего дѣла, и то, что имъ сообщилъ исправникъ, оказалось вѣрно во всѣхъ подробностяхъ. Оставалось покориться обстоятельствамъ и терпѣливо переждать необходимое время; но Ильѣ Петровичу этого очень не хотѣлось, несмотря на то, что это пережиданіе могло такъ хорошо, щедро вознаградиться. Ѳедоръ Ильичъ давно уже понялъ, что тутъ, какъ говорится, ничего не подѣлаешь, и хотѣлъ было «вразумить» отца; но Илья Петровичъ стоялъ на своемъ, что всѣ эти пережиданія совершенно излишни. Онъ даже погорячился, увѣряя судью, что больше никакихъ наслѣдниковъ явиться на вызовъ не можетъ и не можетъ потому, что таковыхъ, кромѣ него, нигдѣ нѣтъ.

— Законъ!—отвѣчалъ ему судья, съ сожалѣніемъ пожимая плечами.

Но Илья Петровичъ не хотѣлъ понять всей важности этого короткаго слова и толковалъ свое.

— Позвольте,—объяснялъ онъ,—позвольте. Потрудитесь выслушать: покойный Григорій Александровичъ былъ, какъ я вамъ уже докладывалъ, родной братъ Аѳонасія Александровича, а этотъ послѣдній...

Илья Петровичъ намѣревался (счетомъ уже въ четвертый разъ) изложить подробно всю свою родословную, но Ѳедоръ Ильичъ, болѣе его искушенный въ дѣлахъ, касающихся толкованій закона, не далъ ему договорить.

— Это уже вы, папенька, разсказывали,—перебилъ онъ.

— Я хочу какъ возможно яснѣе изложить господину судьѣ обстоятельства дѣла, а ты мнѣ, самъ не знаешь для чего, препятствуешь въ этомъ...

— Обстоятельства дѣла совершенно ясны,—успокоивалъ судья, — но, ранѣе опредѣленнаго закономъ срока, васъ все-таки нельзя ввести во владѣніе...

— Но что-же законъ? Законъ мертвая буква. Вы примите во вниманіе... Я въ жизни своей не сказалъ ни одного раза неправды,—продолжалъ онъ,—и если угодно, могу фактами доказать, что наслѣдниковъ, кромѣ меня, нѣтъ и быть ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Если угодно, я могу вамъ дать подписку, удостовѣреніе,—словомъ, какія угодно обязательства...

Какъ ему ни объясняли, что это совершенно лишнее и ни къ чему не ведетъ, онъ твердилъ свое и сердился, что сынъ ему мѣшаетъ. А сынъ, съ своей стороны, вслушиваясь въ слова отца, только хмурился и тревожно бѣгалъ глазами по комнатѣ, точно отыскивая мѣста, гдѣ бы ему поудобнѣе на время провалиться сквозь землю, пока отецъ его «мелетъ околесную».

— Чортъ его знаетъ, что городитъ!—сердился онъ, мысленно причисляя своего родителя къ бабамъ.

На квартирѣ сынъ и отецъ между собою не мало спорили, и Илья Петровичъ даже такъ сильно разсердился, что хотѣлъ уйти гулять, желая остаться наединѣ самъ съ собою, какъ обыкновенно дѣлывалъ, когда его сердили.

— Но вы, папенька, напрасно гнѣваетесь. Я только замѣтилъ вамъ, что вы не очень сильны въ юридическихъ наукахъ...

— Убирайся ты отъ меня со всѣми своими юридическими науками!.. Ну что-жъ, по твоему сидѣть что-ли тутъ четыре мѣсяца и ждать, да?

— Какъ хотите. Это дѣло ваше,—коротко отвѣтилъ сынъ, какъ-будто немного обидѣвшись.

— Да, но по твоему-то какъ, по твоему-то, сидѣть и ждать, да?

— Зачѣмъ сидѣть. Можно уѣхать...

— Ну, ну? а потомъ, потомъ что-же?

— А потомъ, въ свое время пріѣхать...

— Гм... Да; ну, а если, вдругъ да безъ насъ кто-нибудь...

Илья Петровичъ даже самъ своей собственной мысли испугался и вспыхнулъ до ушей, такъ ему

вдругъ стало не по себѣ. Ѳедоръ Ильичъ понялъ его, но виду не подалъ, что его разбираетъ смѣхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ѳедя, это невозможно, рѣшительно невозможно. Уѣхать и... да одно разстояніе чего стоитъ. Тамъ когда-то узнаешь, а тутъ такъ все обработаютъ, что любо-дорого.

— Помилуйте, папенька! Никакой опасности быть не можетъ. Вы и сами отлично знаете, что кромѣ васъ никто не можетъ заявить свои права на наслѣдство.

— Это-то такъ. Да все какъ-то...—медленно и задумавшись отвѣчалъ онъ и вдругъ поспѣшно добавилъ:— а подставного наслѣдника развѣ не могутъ подвернуть, а?

— Что за выдумка! — пожимая плечами, отвѣчалъ сынъ и подумалъ про себя: «однако-жъ, старичокъ-то мой, тово»...

— Ну такъ какъ же быть-то?—приставалъ чрезъ нѣсколько времени Илья Петровичъ.

— Пожалуй, останьтесь вы здѣсь. Я поѣду въ Петербургъ и потомъ въ свое время явлюсь къ вамъ на помощь.

— Да, такъ... но какъ же я здѣсь... и одинъ.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте. Повѣрьте, все равно, что здѣсь вы, что нѣтъ. Всѣ требуемые документы доставлены, въ полученіи ихъ у меня взяты квитанціи. Положитесь на мою опытность...

Но однако-жъ Илья Петровичъ не уѣхалъ и прожилъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ до осени. Ѳедоръ Ильичъ съѣздилъ въ Петербургъ и явился обратно ко времени полученія наслѣдства.

Наступило, наконецъ, давно ожидаемое время. Начались вводы во владѣніе и утвержденіе въ правахъ наслѣдства. Пришлось съѣздить въ сосѣдній губернскій городъ, да еще и не одинъ разъ, а нѣсколько, пришлось испытать на своихъ карманахъ разныя, даже вовсе и непредвидѣнныя непріятности. Къ нимъ со всѣхъ сторонъ стали льнуть, и въ несмѣтномъ количествѣ, полчища чающихъ подачки, кто за совершеніе записи, кто за то, что принесъ какую-то копію, кто

просто въ видахъ благопріятнаго случая юлилъ вокругъ Ильи Петровича и извивался мелкимъ бѣсомъ въ чаяніи получить за это вознагражденіе. Такъ комнатныя собачонки прыгаютъ на заднихъ лапкахъ и неистово вывертываютъ хвостами въ надеждѣ на лакомый кусочекъ.

Это тяготило Илью Петровича.

— Что-же это такое, Ѳедя? Вѣдь просто конца этому нѣтъ,—вздыхалъ онъ, давая деньги.

— Давайте, папенька, давайте. Скорѣе все кончится...

— Но вѣдь это что-же.... Бездна какая-то... Вѣдь сто тысячъ не Богъ знаетъ какія деньги...

— Давайте, папенька, давайте; близко конецъ.

— Но сколько-же еще? Сколько?..

— Какъ онъ измѣняется! Какъ онъ страшно измѣняется,—охалъ въ свою очередь сынъ, въ изумленіи замѣчая происходящія въ Ильѣ Петровичѣ перемѣны.

— Какъ же вы, папенька, жалѣете,—вкрадчиво замѣтилъ онъ, — получая даже болѣе того, сколько ждали?..

— Какъ болѣе? Какъ болѣе? Развѣ по-твоему домишко Стародубова чего-нибудь стоитъ?

— А процентовъ-то сколько на капиталъ наросло?

— Ахъ, да, проценты-то.., но вѣдь все таки, Ѳедя, за что-же бросать деньги.

Наступилъ, наконецъ, и часъ выѣзда. Деньги давно уже были Ильей Петровичемъ приняты изъ казначейства и бережно уложены въ нарочно купленный для этого сундучекъ устюжской работы. Сынъ наблюдалъ, какъ отецъ укладывалъ деньги, и ждалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ что-нибудь, въ родѣ того, напримѣръ: «вотъ, молъ, Ѳедя, это твоя часть, и ты ее, по пріѣздѣ въ Петербургъ, получишь». Но Илья Петровичъ ничего не сказалъ, только пыхтѣлъ сильнѣе обыкновеннаго, потому что стоялъ, низко наклонившись надъ сундучкомъ. Вотъ онъ захлопнулъ крышечку, повернулъ ключъ, при чемъ при запорѣ замка раздались какіе-то дрожащіе звуки. Илья Петровичъ заботливо

поставилъ сундучекъ подъ подушку своей постели и бережно спряталъ ключикъ въ карманъ. Ѳедоръ Ильичъ все наблюдалъ за нимъ и думалъ:

— Что-же это онъ въ самомъ дѣлѣ, шутитъ что-ли. Спросить развѣ его: что-же, молъ, папенька, какъ-же это вы... Но нѣтъ, рано...

Спросить онъ не рѣшился и пришелъ къ такому заключенію, что, вѣроятно, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Илья Петровичъ передастъ ему часть денегъ. Получить всѣ онъ уже потерялъ надежду: по всему какъ-то стало замѣтно, что Илья Петровичъ всѣхъ денегъ не отдастъ; но часть ихъ, и именно случайно открывшіяся двадцать пять тысячъ, Ѳедоръ Ильичъ положительно считалъ своими.

Выѣхали, наконецъ. Дорогой Ѳедоръ Ильичъ не разъ пробовалъ издалека заводить разговоръ о полученномъ наслѣдствѣ, съ цѣлью узнать, что именно предполагаетъ дѣлать съ этими деньгами отецъ. Начиналось, обыкновенно, съ того, что вотъ, молъ, папенька, какая съ вами произошла въ жизни перемѣна, а потомъ рѣчь постепенно направлялась на разсужденія о выгодахъ, которыя можно извлечь изъ полученнаго капитала. Илья Петровичъ только слушалъ да покрякивалъ, впрочемъ, справедливо говоря, онъ и слушалъ-то мало, — все что-то соображалъ про себя, лишь изрѣдка, наведенный разговорами сына на воспоминанія о своемъ прошломъ, со вздохомъ замѣчалъ:

— Да, Ѳедя, да; судьбы Божіи неисповѣдимы!

Какъ только они пріѣхали въ Петербургъ, Илья Петровичъ въ тотъ же день, ни минуты не теряя понапрасну, положилъ деньги въ банкъ на свое имя. Сынъ даже и не зналъ объ этомъ. Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Илья Петровичъ засѣлъ въ своемъ кабинетѣ и сталъ перерывать и пересматривать свои бумаги; впрочемъ, за работу въ первые дни не садился и вообще немного поохладѣлъ къ своей комнатѣ. На слѣдующій день подалъ прошеніе объ оставкѣ и отказался отъ всякихъ уроковъ.

Прошло дней пять. Переждать это время у Ѳедора Ильича хватило терпѣнія; его хватило-бы и на пять лѣтъ; человѣкъ-то онъ былъ выдержанный; но по собственнымъ его соображеніямъ выходило такъ, что ждать больше не нужно, а слѣдуетъ объясниться съ отцомъ.

— Предчувствую,—думалъ онъ, предчувствую, что объясненія мои ни къ чему хорошему не поведутъ; а объясниться все-таки надо...

Пришелъ онъ къ отцу какъ-то утромъ. Илья Петровичъ сидѣлъ въ зальцѣ на диванѣ въ халатѣ. Халатъ на немъ былъ уже не прежній, а новый, суконный, съ шелковымъ малиноваго цвѣта воротникомъ. Онъ перелистывалъ небольшую книжку, и книжка-то была не похожа на тѣ фоліанты, какіе хранились въ его кабинетѣ, и перелистывалъ онъ ее какъ-то иначе, не по прежнему: то отхлебнетъ чаю, то полуразвалится на диванѣ, то посидитъ и перевернетъ двѣ-три страницы. По всему было видно, что онъ чувствуетъ себя въ пріятномъ покоѣ и сознаетъ свое полнѣйшее независимое положеніе.

— А! Ѳедя!—весело привѣтствовалъ онъ вошедшаго сына,—здравствуй.

— Здравствуйте, папенька. Съ добрымъ утромъ.

— Здравствуй, здравствуй. Чаю не хочешьли?

— Нѣтъ, благодарю, пилъ сейчасъ...

— А я вотъ перелистываю книгу. Вчера мимоходомъ замѣтилъ и купилъ. Только что на-дняхъ появилась... Интересно. Изслѣдованіе весьма, весьма толко-вое.

Похваливъ книгу, Илья Петровичъ сталъ прихлебывать чай изъ стакана и что-то замолчалъ вдругъ. Ѳедоръ Ильичъ тоже похвалилъ книгу и тоже замолчалъ, покуривая папироску.

— Что-же вы, папенька,—спросилъ онъ наконецъ,—какъ намѣреваетесь поступить съ деньгами?..

Илья Петровичъ просто обомлѣлъ и широко раскрылъ глаза при этомъ вопросѣ, такъ онъ показался ему страннымъ и вовсе неумѣстнымъ.

— Что это значитъ, Ѳедя, «какъ поступить?»

— Да, то-есть что вы намѣрены сдѣлать съ капиталомъ...

— Я положилъ всѣ деньги въ банкъ.

— Уже! А я думалъ...

— Безопаснѣе...

— Да это такъ, разумѣется, безопаснѣе...

— А ты, Ѳедя, неужели думалъ, что я ихъ буду дома держать? Помилуй! Это невозможно! Еще, пожалуй, сохрани Богъ, ограбятъ.

— Да, да, это вы, папенька, конечно, сдѣлали благоразумно...

Онъ помолчалъ нѣсколько мгновеній и потомъ вкрадчивѣе и тише прежняго продолжалъ:

— Я, папенька, имѣлъ надежду, что на мою долю вы можетъ быть думаете удѣлить какую-либо часть...

— Да тебѣ, Ѳедя, зачѣмъ?—пренаивнѣйшимъ тономъ спросилъ Илья Петровичъ.

— А тебѣ зачѣмъ?—мелькнуло въ головѣ сына, но онъ этого не сказалъ, а выговорилъ болѣе мягкую фразу:—мнѣ, папенька, пріятно-бы имѣть...

— Но вѣдь все равно, что онѣ у тебя, что въ банкѣ.

— Съ этой стороны, разумѣется, папенька, все равно...

— Вотъ, погоди, Ѳедя, дай сначала осмотрѣться, а потомъ...

— Слѣпецъ я, слѣпецъ!—укорялъ самъ себя сынъ,—чего я ждалъ?.. Да развѣ можно было ждать...

По привычкѣ украдкой наблюдать за отцомъ, Ѳедоръ Ильичъ посмотрѣлъ на него какъ-то сбоку; но на этотъ разъ почему-то его заняло совсѣмъ не то, что думаетъ отецъ и какъ смотритъ, а что-то другое. Онъ взглянулъ сначала на его голову, потомъ на шею, потомъ глаза перешли на грудь и спустились затѣмъ до ногъ.

— Проживетъ еще долго. Если не двадцать, то пятнадцать навѣрное проживетъ,—подумалъ онъ.

Со времени полученія наслѣдства прошелъ годъ.

Выйдя въ отставку и затѣмъ вскорѣ поселившись въ купленномъ домѣ, Илья Петровичъ предполагалъ было заняться чѣмъ-то и заняться, по его словамъ, «вплотную»; но работа почему-то шла вяло и, по правдѣ сказать, не особенно его занимала. Онъ завелъ себѣ секретаря, вѣрнѣе сказать, на писарскія обязанности, но радъ былъ, когда иной разъ онъ почему-нибудь не являлся. Пользуясь его отсутствіемъ, Илья Петровичъ преспокойно заваливался на кушетку съ книгой, съ намѣреніемъ «почитать»; но вмѣсто чтенія не разъ дремалъ. Нельзя сказать, что онъ сдѣлался, какъ говорится, «увальнемъ» и ничего не дѣлалъ; напротивъ, онъ о дѣлѣ подумывалъ и серьезно подумывалъ. Разговоровъ по этому предмету было до такой степени много, что сынъ и его жена, — жившіе, понятно, вмѣстѣ съ нимъ въ новокупленномъ домѣ,—даже не мало этимъ тяготились. На второй годъ по полученіи наслѣдства Илья Петровичъ уже переставалъ стѣсняться своего секретаря и преспокойно отсылалъ его домой, объявляя прямо, что намѣренъ «кой-что сообразить». Иногда при этой фразѣ онъ подмигивалъ секретарю, кивая головой на кушетку, и такимъ намекомъ явно давалъ знать о сущности предстоящихъ соображеній. Потомъ онъ сталъ поговаривать, что его «тяготятъ» дѣла, и что пора все управленіе домомъ передать сыну, иногда даже говорилъ, что не только управленіе домомъ, а «вообще» все пора передать сыну и успокоиться. Ѳедоръ Ильичъ упорно на это отмалчивался, и если-бы Илья Петровичъ былъ нѣсколько понаблюдательнѣе, то могъ бы иногда, во время своихъ жалобъ на тягость отъ дѣлъ, замѣтить на лицѣ сына оттѣнки такого выраженія, которое явно не ладилось съ его вѣчно скромной, учтивой и почтительной рѣчью.

Въ описываемое время они гостили въ имѣніи помѣщика Сумракова. Знакомство съ нимъ относилось къ тому времени, когда Илья Петровичъ еще учительство-

валъ, а Сумраковъ былъ полковникомъ. Сумраковъ имѣлъ большую библіотеку, и она-то ихъ сблизила. Потомъ, когда Илья Петровичъ поселился въ своемъ домѣ, Сумраковъ сдѣлался его квартирантомъ, и старое знакомство перешло въ дружбу. Въ лѣтнее время Илья Петровичъ частенько пріѣзжалъ въ имѣніе Сумракова погостить. Пользуясь этимъ, и Ѳедоръ Ильичъ тоже по временамъ ѣздилъ туда подышать свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, хотя и нанималъ въ Павловскѣ дачу. Есть основаніе думать, что онъ пріѣзжалъ къ Сумраковымъ больше изъ угожденія отцу.

Здѣсь-то мы впервые встрѣтили Илью Петровича разгуливавшаго по лѣсамъ и полямъ сумраковскаго имѣнія въ довольствѣ своимъ положеніемъ и въ полнѣйшемъ нравственномъ покоѣ. Здѣсь же, въ этомъ имѣніи, въ одинъ несчастный день довольство и спокойствіе Ильи Петровича замѣнились совершенно противоположными чувствами.

Такъ иногда, въ ясный солнечный день, облака, незамѣтно подымаясь вверхъ по окраинѣ неба, и сгущаясь, и разстилаясь, переходятъ потомъ въ темныя тучи, и путникъ, захваченный врасплохъ на открытомъ мѣстѣ, уныло жмется и ежится подъ дождемъ и пугливо озирается при раскатахъ грома...

Но теперь, разсказавъ прошедшее Ильи Петровича, не будемъ опережать событій.

XIV.

Когда Илья Петровичъ медленно возвращался съ прогулки, на балконѣ богатаго помѣщичьяго дома уже давно сидѣлъ и дремалъ самъ владѣлецъ усадьбы, генералъ Николай Саввичъ Сумраковъ, старикъ, давно оставившій службу и жившій на покоѣ.

Онъ не долго дремалъ въ своемъ креслѣ, не долго голова его, наклоненная нѣсколько на бокъ и опираясь на мягкую спинку кресла, оставалась въ недвиж-

номъ положеніи. Какъ всѣ старики, онъ дремалъ чутко, такъ что каждое движеніе, каждый легкій звукъ могли тотчасъ же нарушить его дремоту. Такъ случилось и теперь, впрочемъ, еще задолго до прихода Ильи Петровича. Бойкій вѣтерокъ, вдругъ ни откуда взявшійся, пронесся по балкону: дрогнули листья растеній, закачались молодыя вѣтви березъ, разсаженныхъ близъ балкона, и запрыгали фестоны маркизы, — старикъ проснулся. Онъ лѣниво открылъ глаза, медленно и почти безсознательно, по привычкѣ, рука его потянулась къ трубкѣ, которую онъ, даже и въ настоящемъ снѣ, могъ всегда найти ощупью, потому что твердо помнилъ ея постоянное мѣстопребываніе около его кресла. Потянувъ разъ-другой изъ трубки, старикъ сердито нахмурилъ сѣдыя брови и позвонилъ въ колокольчикъ, стоявшій на маленькомъ кругломъ столикѣ, тутъ же вблизи. На зовъ тотчасъ же явился слуга во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Онъ молча остановился у дверей зала, выходящихъ на балконъ, и апатично ждалъ приказаній.

— Попроси сюда Владиміра,—проговорилъ старикъ, не поворачивая головы къ лакею.

— Они приказали передать вашему превосходительству, что отправились къ Михаилу Николаевичу для занятій урокомъ...

Старикъ молчалъ, что-то соображая. Лакей переступалъ съ ноги на ногу въ ожиданіи, что скажетъ на это генералъ.

— Прикажете позвать?..

— Дай огня...

Огонь былъ поданъ, отвѣта на вопросъ не послѣдовало, и слуга тихо вышелъ въ залъ, чутко настороживъ ухо, для того чтобы, при первомъ ударѣ колокольчика, снова появиться на балконѣ.

Генералъ медленно и долго сосалъ трубку, оставляя ее по временамъ для того, чтобы пошамкать губами, и затѣмъ снова бралъ чубукъ въ ротъ, не замѣчая, что трубка давно остыла. Такъ просидѣлъ онъ не мало

времени, закрывалъ глаза, дремалъ, потомъ открывалъ ихъ и какъ будто вслушивался во что-то. Но вслушиваться было не во что: вездѣ стояла полнѣйшая тишина, слышно только было, какъ изрѣдка вѣтеръ шелестѣлъ листьями и слабо колыхались фестоны маркизы. Позвонивъ еще разъ слугу, старикъ опять принялся курить. Курилъ онъ лѣниво и вяло, видимо больше изъ привычки «сосать» трубку. Потомъ онъ взялъ лежавшія на столѣ газеты и какъ-будто углубился въ чтеніе.

Между тѣмъ сынъ его, отдавшій приказаніе слугѣ передать отцу, что отправляется въ комнату брата, юркнулъ совсѣмъ въ другую сторону. Минуя березовыя аллеи, которыя шли отъ балкона въ разныя части сада, Владиміръ Николаевичъ, невѣдомыми путями, около кустовъ малинника и смородины, пробрался въ отдаленную часть сада къ оранжереѣ. Если-бы посторонній человѣкъ замѣтилъ его въ это время, то пришелъ бы въ крайнее удивленіе, не понимая, что за цѣль избѣгать ровной дороги по аллеямъ и пробираться Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ какъ. Владиміръ, пробираясь, часто наклонялся, чтобы не очень была видна изъ-за кустовъ его фигура, хотя эта цѣль и не достигалась. Яркіе лучи солнца, какъ нарочно, падали прямо на зелень кустарника; бѣлый китель Владиміра и военная фуражка на его головѣ рѣзко отдѣлялись отъ земли, несмотря на то, что онъ пробирался согнувшись и скорчивши ноги, такъ сказать, сокративъ свой ростъ болѣе чѣмъ на половину.

Такія оригинальныя прогулки Владиміръ Николаевичъ совершалъ не то, чтобы очень часто, и не то, чтобы очень рѣдко. Ему всего болѣе въ этомъ случаѣ не нравилось то, что приходится ходить днемъ, — онъ предпочиталъ бы вечернія прогулки, но добиться ихъ пока не представлялось возможности. Именно для того, чтобы добиться этой возможности, онъ и «путешествовалъ» такимъ оригинальнымъ образомъ. Путь его всегда лежалъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась оранжерея.

Его тянула туда не столько красота растеній и пріятный запахъ всякой благодати, щедро произраставшей тамъ, сколько возможность встрѣтить вблизи оранжереи одну молоденькую дѣвочку, дочку садовника, за которой онъ такъ, между прочимъ, по причинѣ деревенской однообразной жизни, немножко ухаживалъ. Тѣ уроки, на которые онъ ссылался, дѣйствительно лежали на его обязанности: его младшій братъ, Михаилъ Николаевичъ, два года сидѣлъ въ одномъ и томъ же классѣ петербургской N-ской гимназіи. Михаилъ Николаевичъ, или, попросту, Миша былъ моложе старшаго брата лѣтъ на десять. Владиміръ былъ живой, впечатлительный; Миша не по годамъ молчаливый и угрюмый. По отношенію къ гимназіи онъ отличался нѣкоторымъ постоянствомъ и вовсе не заботился о переходѣ изъ одного класса въ другой. Отецъ, боясь, чтобы за любовь къ этому постоянству сына не выключили изъ гимназіи, обязалъ старшаго брата, то-есть этого самаго путешественника по невѣдомымъ дорожкамъ, способствовать младшему выдержать переходный экзаменъ. Какъ ни непріятно было это порученіе старшему, но волей-неволей онъ его изрѣдка исполнялъ. Если-бы онъ могъ предвидѣть, что на его долю выпадетъ гувернерская должность, то онъ предпочелъ-бы лучше не пріѣзжать въ деревню на время отпуска, а укатить куда-нибудь въ другое болѣе пріятное мѣсто или остаться въ Петербургѣ. Были, впрочемъ, причины, которыя неотразимо тянули его въ деревню, а именно безденежье и надежда на возможность нѣкоторой субсидіи отъ мамаши. На папеньку по этой части онъ давно рукой махнулъ.

Чрезъ нѣсколько времени генералъ небрежно отбросилъ отъ себя газетный листъ, который, прикоснувшись къ краю столика, медленно опустился на полъ и снова попалъ къ ногамъ генерала, шелестя и раскрываясь отъ дуновенія вѣтра. Генералъ отпихнулъ его отъ себя и снова позвонилъ.

Вошелъ лакей, молча поднялъ съ полу номеръ га-

зеты, положилъ его на столъ и, сдѣлавъ назадъ два шага, сталъ ждать приказаній.

— Попроси сюда Владиміра и Михаила, — сказалъ старикъ лакею хриплымъ и дребезжащимъ голосомъ.

Не безъ труда дѣти были отысканы: старшій въ оранжереѣ, младшій на конюшнѣ, и оба вмѣстѣ, сдѣлавъ значительный кругъ чрезъ весь дворъ усадьбы, вошли на балконъ чрезъ зало.

— Что вы тамъ такъ долго? Васъ, какъ и всегда, скоро не дозовешься... Гдѣ носитесь, что дѣлаете, одному Богу извѣстно,—заговорилъ старикъ навстрѣчу идущимъ дѣтямъ и закашлялся.

— Вы, папенька, просили меня позаняться съ Мишей,—почтительно сказалъ старшій.

— Что такое? — сердито поводя сѣдыми бровями, спросилъ старикъ.

— Я говорю, вы просили меня помочь Мишѣ приготовиться къ экзамену.

— Я тебя вовсе не просилъ. Я тебя никогда не думалъ просить и никогда этого себѣ не позволю. Я тебѣ поручилъ, а не просилъ тебя. Было-бы очень много чести, да... — гнѣвнымъ дрожащимъ голосомъ продолжалъ старикъ, приподнимаясь съ кресла, — я тебѣ поручилъ, понимаешь, поручилъ, а не просилъ тебя...

— Ну да, поручили, папенька. Я совершенно согласенъ съ вами.

— Гм... Что-жъ мнѣ твое согласіе. Я тебя объ этомъ согласіи могу и не спрашивать. Да.

Старикъ смолкъ и уставилъ пытливый взглядъ на старшаго сына, какъ-будто надѣясь при помощи этого взгляда узнать, что̀ именно думаетъ онъ въ эти минуты.

Старшій сынъ, замѣтивъ по тону отцовскаго голоса, что старикъ сильно не въ духѣ, нѣсколько смѣшался и не могъ выдержать его пытливаго взгляда. Онъ робко опустилъ глаза, переступилъ разъ-другой съ ноги-на ногу, сталъ даже въ замѣшательствѣ перебирать брелоки своей цѣпочки, висѣвшей на груди поверхъ ки-

теля, и, вообще, изобразилъ всей своей фигурой смущеніе. Это смущеніе было отчасти и искреннее, а отчасти поддѣльное, словомъ, сынъ захотѣлъ усугубить свое смущеніе и выказать этимъ, такъ сказать, необыкновенную кротость своего нрава,—желаніе, весьма сильно проявляющееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ у тѣхъ именно личностей, которыя этою кротостью не отличаются.

Старикъ дѣйствительно удовольствовался напускнымъ смиреніемъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ искренно довѣрялъ ему.

Взглянувъ туда, гдѣ стоялъ другой сынъ, онъ вдругъ заговорилъ громко, торопливо и сердито.

— Ты что тамъ, а? что ты тамъ дѣлаешь? Помѣшалъ тебѣ что-ли этотъ цвѣтокъ, что ты его трогаешь?

Оказалось, что другой сынъ, въ то время, когда отецъ пытливо смотрѣлъ на старшаго, преспокойно обрывалъ одну за одной розы, только-что успѣвшія распуститься, и, казалось, намѣревался истребить ихъ сколько возможно болѣе.

— Ты что это вздумалъ истреблять цвѣты?

Въ отвѣтъ на это сынъ, уличенный на мѣстѣ преступленія, молча положилъ въ цвѣточный горшокъ остававшіеся въ его рукахъ листочки цвѣтка и нахмурился тоже, опустивъ глаза въ полъ.

Но этотъ сынъ уже не выражалъ своей фигурой смиренія, ни истиннаго, ни напускного; его нѣсколько нахмуренный лобъ, губы съ рѣзко очерченными углами, носъ съ едва замѣтнымъ горбикомъ и загнувшійся книзу, какъ у хищныхъ птицъ, все это знакомило съ характеромъ, противуположнымъ характеру старшаго брата. Въ то время когда старшій корчилъ изъ себя смиреніе, младшій ничего не хотѣлъ корчить и ничего не хотѣлъ скрывать, онъ, казалось, сознавалъ только одну «необходимость терпѣнія» и потому не уходилъ отъ отца и слушалъ его выговоръ.

Старикъ долго распекалъ его и даже стучалъ костылемъ о полъ. Къ этому преступленію, т.-е. обры-

ванію цвѣтовъ, было приплетено столько другихъ проступковъ, что ихъ не представляется никакой возможности перечислить; упоминалось и о страсти къ лошадямъ, и о продолжительномъ сидѣніи въ одномъ и томъ-же классѣ гимназіи, и о томъ, что у него нахмуренное лицо, и что онъ любитъ ѣсть сладкое, и проч. и проч. Мальчикъ, которому, кстати сказать, было уже шестнадцать лѣтъ, молча слушалъ выговоръ, и видно было по его лицу, что это его нисколько не волнуетъ. Онъ, видимо, не разъ уже слыхалъ подобныя перечисленія его «проступковъ» и теперь только ждалъ, скоро-ли, наконецъ, окончится скучная нотація.

Старшій сынъ послѣ того, какъ отецъ обратился къ младшему, отошелъ нѣсколько въ сторону и стоялъ опершись осторожно о спинку стула. Онъ тоже ждалъ, скоро-ли старикъ кончитъ свой длинный перечень преступленій, въ которыхъ обвинялъ обрывателя цвѣтовъ. Генеральша, наблюдавшая изъ окна за происходившимъ на балконѣ, оставила свой наблюдательный постъ и куда-то скрылась, вѣроятно сообразивъ, что отеческія бесѣды старика съ своими дѣтьми не могутъ имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Старикъ, не переставая говорить, двинулся впередъ и, опираясь на костыль, медленно подошелъ къ ступенямъ балкона. Дѣти стояли около перилъ и ждали, чѣмъ все это окончится. Окончивъ нотацію, онъ перешелъ къ слѣдующему разговору:

— Я васъ звалъ не столько для того, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли вы дома, сколько для того, чтобы... сколько потому...

И вдругъ, точно вспомнивъ ту настоящую тему разговора, на которую до сихъ поръ не пришлось попасть, генералъ заговорилъ медленнѣе и еще суровѣе, чѣмъ раньше, упирая на каждое слово, точно желая дать своей рѣчи насколько возможно болѣе вѣса и значенія.

— Помните, что у меня наслѣдственнаго, родового не много; у матери вашей еще того меньше, да. Въ

настоящее время имѣнія уже потеряли прежнюю стоимость. Теперь этимъ имѣніемъ безъ запаснаго капитала можно только перебиваться, да... Скажу яснѣе: того, что по закону составляетъ неотъемлемое право наслѣдниковъ моихъ, достанетъ только на расплату за починку платья... Да, только за починку; а если захочется сшить новое, то для этого почтенные наслѣдники должны будутъ изыскивать другіе пути...

Злая, ироническая улыбка пробѣжала по морщинистому лицу генерала, и глаза сверкнули какимъ-то непріятно-зеленоватымъ блескомъ.

Сыновья попрежнему стояли молча около перилъ. Старикъ, опершись на костыль, покачивался на краю ступеньки и продолжалъ говорить, взглядывая то на одного, то на другого изъ сыновей.

— Я говорю вамъ такъ подробно о родовомъ имѣніи для того, чтобы вы знали, какъ далеко простираются ваши законныя права на наслѣдство, да. Все остальное, что я имѣю, принадлежитъ лично мнѣ, да, и я, какъ хочу, такъ имъ и распоряжусь...

Его обстоятельная рѣчь на нѣсколько времени прервалась, пріостановленная кашлемъ.

— Если вы не будете достойны... — началъ было онъ, оглянувъ поочередно обоихъ сыновей, но опять остановился, глянулъ для чего-то назадъ, точно хотѣлъ удостовѣриться, не высунулся-ли, «не кстати», слуга на балконъ, и потомъ продолжалъ:

— Имѣйте въ виду и помните постоянно, сколько возможно чаще, что каждый изъ васъ получитъ наслѣдство не по праву наслѣдства, а по личнымъ своимъ достоинствамъ...

— Это ужъ мы слыхали, знаемъ, что ты на половину врешь и хочешь только запугать насъ, знаемъ, что при такомъ имѣніи, какъ наше, можно очень и очень хорошо пожить,—подумалъ Владиміръ, не переставая почтительно слушать рѣчь отца.

Миша угрюмо смотрѣлъ въ полъ и ждалъ, скоро-ли все это окончится, и можно будетъ уйти. Онъ только

нѣкоторыя слова успѣвалъ уловить изъ отцовской рѣчи и, коротко разобравъ ихъ, отбрасывалъ въ сторону, въ родѣ того, напримѣръ: «ну, это вздоръ», «это тоже неправда», и, отбросивъ такъ нѣсколько словъ, снова принимался думать: «да скоро-ли же, ну тебя совсѣмъ!»

Старикъ, опершись на костыль, продолжалъ попрежнему развивать свою тему. Что говорилъ онъ далѣе, Миша уже совсѣмъ не слушалъ и какъ-то покорно-тупо ждалъ, когда можно будетъ, наконецъ, уйти. Владиміръ хотя, казалось, и слушалъ, что говорилъ старикъ, хотя, казалось, и глядѣлъ прямо ему въ глаза, а самъ между тѣмъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о томъ, что, если-бы костыль, упирающійся на послѣднюю половицу около лѣстницы, вдругъ оборвался, какое-бы положеніе приняло тогда тѣло старика, теперь поддерживаемое этимъ костылемъ, сколько-бы поворотовъ должно было сдѣлать это тѣло въ то время, пока докатилось-бы до садовой дорожки, и какія-бы послѣдствія были конечнымъ результатомъ этого случая?

Старикъ говорилъ, Владиміръ смотрѣлъ ему въ глаза, а въ головѣ все-таки мысль вертѣлась:

— Въ самомъ дѣлѣ,—думалъ онъ, — что, если-бы этотъ костыль... вдругъ... оборвался?..

— Каждый получитъ по своему достоинству,—продолжалъ старикъ, стоя все въ той же опасной, по мнѣнію Владиміра, позѣ на краю лѣстницы,—каждому будетъ дано столько, сколько онъ будетъ заслуживать...

— Голова-бы его въ это время сдѣлала полукругъ въ воздухѣ и ударилась-бы о ступень...—продолжалъ соображать Владиміръ, — а потомъ, необыкновенно быстро падая съ одной стороны на другую, тѣло старика было-бы въ весьма непрезентабельномъ видѣ...

XV.

Ѳедоръ Ильичъ имѣлъ намѣреніе отправиться гулять съ Владиміромъ Николаевичемъ, но намѣреніе это такъ

и осталось однимъ намѣреніемъ, потому что Владиміръ Николаевичъ, по обыкновенію, не сдержалъ своего слова. Онъ имѣлъ ту особенность, что могъ давать какія угодно обѣщанія, могъ, напримѣръ, дать слово двумъ разнымъ лицамъ, живущимъ въ разныхъ частяхъ города, быть у нихъ въ одинъ и тотъ-же часъ и обмануть того и другаго, безъ всякаго, впрочемъ, намѣренія обманывать. Эту привычку онъ пріобрѣлъ и развилъ въ себѣ, благодаря частымъ столкновеніямъ съ своими кредиторами, которые, какъ извѣстно, до поры до времени народъ весьма сговорчивый. Чтобы только отдалить непріятное впечатлѣніе, возбуждаемое появленіемъ фигуры кредитора, Владиміръ Николаевичъ, не долго думая, скоро, и даже какъ-будто безъ участія головы, такъ машинально давалъ обѣщаніе «быть чрезъ полчаса» и въ ту-же минуту, какъ только непріятная фигура скрывалась отъ глазъ, совершенно забывалъ свое слово и увлекался другимъ. Появлялась новая фигура, давалось новое обѣщаніе и такъ-же, какъ первое, забывалось. Такъ иногда въ одинъ часъ такихъ обѣщаній Владиміръ Николаевичъ давалъ по пяти, нисколько не думая о томъ, что на другой день кредиторы снова явятся и, можетъ быть, даже озлобленные тѣмъ, что онъ ихъ обманываетъ. Наступалъ другой день, кредиторы снова являлись, и начиналась старая исторія. Когда наступалъ конецъ ихъ терпѣнію, тогда Владиміръ умѣлъ утѣшить ихъ, точно владѣлъ какими-то магическими словами. Утѣшеніе это тоже не было прочно и устроивалось такъ «на скорую руку», лишь для того, чтобы «уладить» дѣло. Дѣйствительно дѣло улаживалось, кризисъ отдалялся, хотя на одинъ день, на одинъ часъ, а все-таки отдалялся, и Владиміръ Николаевичъ находилъ возможнымъ воспользоваться этимъ временемъ болѣе пріятно.

Такъ случилось и съ Ѳедоромъ Ильичемъ: Владиміръ Николаевичъ, вмѣсто скучной прогулки съ Растеряевымъ, нашелъ возможнымъ лучше провести время и совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи. Ѳедоръ Ильичъ

пошелъ гулять одинъ. Возвращаясь съ прогулки, уже довольно поздно вечеромъ, онъ такъ-же не успѣлъ прійти домой до дождя, какъ и Илья Петровичъ. Въ этомъ случаѣ сынъ оказался практичнѣе отца: вмѣсто того, чтобы мокнуть на дождѣ, онъ укрылся подъ листьями высокой сосны и переждалъ дождь. Но тутъ случилось нѣчто такое, что̀ имѣло тѣсную связь съ секретными путешествіями Владиміра Николаевича «по невѣдомымъ дорожкамъ» между кустарниками малины и смородины, что имѣло связь съ частыми посѣщеніями оранжереи, словомъ, случилось то, что Ѳедоръ Ильичъ оказался почти свидѣтелемъ свиданія Владиміра Николаевича съ своей Дульцинеей, имѣвшей несчастіе влюбиться въ генеральскаго сына и повѣрить его «клятвамъ». Будь на мѣстѣ Ѳедора Ильича другой человѣкъ, то навѣрное можно сказать, что генеральскому сыну пришлось-бы плохо. Но Ѳедоръ Ильичъ, замѣтивъ шашни Владиміра, не обратилъ на нихъ вниманія.

Дождь пересталъ. Ѳедоръ Ильичъ вышелъ изъ подъ вѣтвей сосны, гдѣ скрывался отъ дождя, и пошелъ своимъ путемъ. Владиміръ Николаевичъ увидѣлъ его, выходя изъ риги, и вернулся назадъ; но давъ ему пройти шаговъ десять, самъ пустился въ другую сторону и затѣмъ, обогнувъ небольшой перелѣсокъ, вышелъ навстрѣчу Ѳедору Ильичу.

— А я шелъ къ вамъ навстрѣчу. Гдѣ это вы такъ запропали?.. Удивительно, — васъ даже и дождь не замочилъ... А! Вотъ аккуратный человѣкъ — и дождь его не смѣетъ мочить...

— Я дождь переждалъ подъ сосной, — коротко отвѣтилъ Ѳедоръ Ильичъ.

— А я, знаете, по привычкѣ, увлекся и, вмѣсто того чтобы идти по той дорогѣ, какъ мы съ вами условились, попалъ совершенно въ другую сторону...

Онъ выдумалъ какую-то исторію и добросовѣстно разсказывалъ ее, стараясь скрыть настоящіе слѣды

своихъ похожденій. Этого, собственно, и не требовалось: во-первыхъ, Ѳедоръ Ильичъ зналъ, что Владиміръ вретъ, а во вторыхъ, для него было все равно, гдѣ-бы ни былъ Владиміръ и что бы ни дѣлалъ. Если-бъ онъ разсказалъ ему, что убилъ въ это время человѣка, то Ѳедоръ Ильичъ только замѣтилъ-бы: охота, молъ, вамъ разсказывать; какое мнѣ дѣло до вашихъ преступленій. Въ этомъ случаѣ Ѳедоръ Ильичъ, пожалуй, предупредилъ-бы еще Владиміра—имѣйте, молъ, въ виду, что я ничего не слышалъ о вашихъ поступкахъ, ничего не знаю и знать не хочу.

Разговоръ ихъ, наконецъ, перешелъ на скорый отъѣздъ Ѳедора Ильича и его отца изъ усадьбы.

— Безъ васъ у насъ будетъ такая тоска. По крайней мѣрѣ съ вами можно подѣлиться мыслями...

Владиміръ началъ льстить, имѣя какую-то заднюю мысль. Ѳедоръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, подозрѣвая намѣренія Владиміра. Отъ льстивыхъ разглагольствованій о томъ, что Ѳедоръ Ильичъ своимъ пребываніемъ въ усадьбѣ оживляетъ скучную жизнь семейства Сумраковыхъ, Владиміръ перешелъ къ разговору о погодѣ, о томъ, что такимъ временемъ нужно пользоваться; но на всѣ его рѣчи Ѳедоръ Ильичъ отвѣчалъ только учтивыми замѣчаніями.

— Я бы давно и самъ отсюда уѣхалъ, — началъ потомъ Владиміръ, перебираясь поближе къ той темѣ, на которую хотѣлъ навести разговоръ, — я-бы давно махнулъ, да, видите-ли, есть нѣкоторыя обстоятельства, которыя меня насильно удерживаютъ...

— Подъѣзжаетъ,—подумалъ Ѳедоръ Ильичъ,—сворачиваетъ съ проселка на настоящую дорогу.

— Въ самомъ дѣлѣ, какая прекрасная погода,— сказалъ онъ вслухъ, — дѣйствительно превосходное время стоитъ...

— Да, послѣ дождя... грязно только,—нехотя подсказалъ Владиміръ и, чтобы дальше не блуждать по проселкамъ, прямо обратился къ цѣли.

— Ахъ, да, кстати,—точно спохватившись, началъ

онъ и вдругъ опустился на шопотъ,—у меня, Ѳедоръ Ильичъ, есть къ вамъ просьба...

— Проворно!—подумалъ догадливый собесѣдникъ.

— Что такое? готовъ услужить, чѣмъ могу конечно...—съ участіемъ продолжалъ онъ вслухъ.

— Да пустое дѣло,—безпечно и бойко продолжалъ Владиміръ, — нѣтъ ли у васъ свободныхъ сотни три рублей?..

Ѳедоръ Ильичъ скорчилъ озабоченную физіономію.

— Къ сожалѣнію... не имѣю. Только на дорогу остается нѣсколько рублей.

— Досадно!—сказалъ вслухъ проситель и подумалъ про себя: не вѣритъ!

Прошли молча шаговъ сто. Ѳедоръ Ильичъ не особенно старался выражать участіе къ положенію Владиміра. Ему было, пожалуй, все равно, что бы ни думалъ о немъ генеральскій сынокъ, но уже какъ-то по привычкѣ онъ не обрѣзалъ его просто, что «не дамъ» или не вѣрю, а отговорился болѣе деликатно.

Владиміръ мысленно бранилъ Ѳедора Ильича и въ то же время соображалъ, нѣтъ-ли еще какой-нибудь возможности поддѣлаться къ нему.

Становилось совершенно темно. Издали виднѣлись огоньки, начинавшіе показываться въ крестьянскихъ избушкахъ; на колокольнѣ звонарь ударилъ десять разъ въ колоколъ, и медленные удары этого колокола тихо замирали одинъ за другимъ въ тепломъ воздухѣ лѣтней ночи.

— Однако, какъ поздно! — спохватился Ѳедоръ Ильичъ.

— Не очень,—коротко отвѣтилъ Владиміръ.

Опять пошли молча. Владиміръ измыслилъ новый планъ и спѣшилъ воспользоваться въ этомъ случаѣ совѣтомъ Ѳедора Ильича.

— Вотъ что,—заговорилъ онъ опять,—ссли я попрошу у вашего отца...

— Что-жъ. Это можно...

— Какъ вы думаете, дастъ онъ или нѣтъ.

— Я думаю, что не дастъ.

— Если-бы чрезъ васъ...—заискивающимъ голосомъ проговорилъ Владиміръ.

— Этакая нахальная свинья, обругалъ Ѳедоръ Ильичъ Владиміра, про себя конечно, и затѣмъ скромно обращаясь къ нему, отвѣчалъ:

— Владиміръ Николаевичъ! Вы знаете, что я у отца никогда не прошу...

— Знаю, знаю,—вздыхая перебилъ Владиміръ,—знаю... Да вѣдь нужно!

— Что же за нужда такая?

— Вдовушка тутъ есть, въ сосѣдней деревнѣ, на дачѣ у знакомыхъ... То есть не у знакомыхъ, а такъ... а такъ... Ну словомъ, гоститъ тамъ вдовушка.

— Такъ что-же?

— Божество!

— Желаете, слѣдовательно, вступить во временное владѣніе?

— Да не въ этомъ дѣло. Поймите, совсѣмъ не въ этомъ дѣло... Ее не купить, она скорѣе насъ всѣхъ купитъ, заложитъ и опять выкупитъ.

— Ну, и что-же?

— А вотъ что: наслѣдства ждать хотя, можетъ быть, и не долго,—отецъ старъ, но точно опредѣлить время невозможно.

— Вѣрю!.. А вы таки поджидаете наслѣдства, какъ видно, съ большимъ нетерпѣніемъ и... очень откровенно...

— Кто-же этого не знаетъ, что дѣти богатаго отца, да еще и стараго, живутъ ожиданіемъ.

— Ну не всѣ,—серьезно замѣтилъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Я думаю, что всѣ, я думаю, извините меня,—я думаю даже и вы тоже... только не откровенничаете.

— Вотъ ужъ совершенно напротивъ: я-то вотъ именно никогда и не думаю о наслѣдствѣ...

— Дѣло, видите-ли, въ томъ, что я рѣшилъ лучше искать руки вдовушки и ея богатства, это, главное, скорѣе...

— Похвально... Но зачѣмъ-же тутъ ваша нужда примѣшалась?

— Въ томъ-то и бѣда, что меня преслѣдуетъ судьба. Поймите, эта вдовушка, какъ я узналъ стороной, на-дняхъ ѣдетъ въ Петербургъ; конечно, мнѣ ее терять изъ виду нельзя, ищи тамъ послѣ въ Петербургѣ, доискивайся случая завести знакомство, а теперь для этого самый удобный случай. Досадно, чортъ возьми, что не было возможности ранѣе познакомиться; теперь остается одно,—нужно слѣдомъ за ней, по возможности необходимо попасть на одинъ поѣздъ, въ одинъ даже вагонъ.

— Ужели у васъ и на дорогу нѣтъ денегъ?

— Нѣту,—съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ Владиміръ,—да кромѣ того,—продолжалъ онъ,—мнѣ въ Петербургъ безъ двухъ-сотъ рублей глазъ показать нельзя: откровенно вамъ скажу, что тамъ меня уже ждутъ какъ вороны падали...

— Жалѣю, что не могу вамъ помочь...

Владиміръ попробовалъ еще разъ попросить ходатайства, но снова получилъ вѣжливый и ласковый отказъ.

Въ это время они подошли къ дому.

Ѳедоръ Ильичъ отправился къ себѣ во флигель, а Владиміръ Николаевичъ, минуя парадное крыльцо, прошелъ чрезъ другой ходъ въ свою комнату.

Ѳедоръ Ильичъ, войдя во флигель, замѣтилъ по выраженію лица слуги, что въ его отсутствіе что-то случилось; но не спрашивая объ этомъ, прошелъ въ комнаты. Отца не было въ залѣ. Ѳедоръ Ильичъ подумалъ, не ушелъ-ли Илья Петровичъ въ большой домъ, и, чтобы удостовѣриться въ этомъ, заглянулъ въ его спальну.

Заглянувъ туда, онъ изумился, увидя отца лежащимъ въ постели и закутаннымъ шубами и одѣялами.

— Что съ вами папенька?—въ удивленіи спросилъ онъ.

— Боленъ, Ѳедя, боленъ,—слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ проговорилъ Илья Петровичъ.

— Что это? Отчего?

— Простудился. Совсѣмъ простудился. Хочу хорошенько пропотѣть... Жаръ, ознобъ...

Ѳедоръ Ильичъ посмотрѣлъ его голову, взялъ руку.

— Зачѣмъ вы такъ встрѣвожились. Вы мнительны очень.

— Какая тебѣ мнительность! Галюцинаціи, братецъ, начинались, а онъ—мнительность..

— Я, конечно, не докторъ... Но что-же, вы приняли какія-нибудь мѣры?

— Охъ, принялъ, принялъ... Что-то не помогаетъ: не могу хорошенько пропотѣть...

XVI.

Владиміра Николаевича можно было узнать по его комнатѣ, стоило только внимательно ее оглянуть. Она была лучшая во всемъ домѣ. Въ давно прошедшіе годы въ ней былъ кабинетъ Николая Саввича. Теперь никто иной могъ занимать ее, какъ только Владиміръ Николаевичъ, любимый сынокъ Марьи Львовны. Три большія окна этой комнаты выходили на южную сторону, и изъ нихъ открывался прелестнѣйшій видъ на отдаленныя горы, на дремучіе хвойные лѣса, покрывавшіе сплошной массой эти горы, на поля усадьбы и на горную рѣчку, съ шумомъ катившую свои холодныя воды чрезъ владѣнія Сумракова. Въ ясный теплый день, среди далекихъ, вѣчно зеленыхъ лѣсовъ, виднѣлась на горѣ бѣлая церковь, оживляя и смягчая собою сѣверный, нѣсколько суровый характеръ мѣстности.

Этотъ видъ нравился и самому Николаю Саввичу. Онъ не отдалъ-бы свой прежній кабинетъ не только Владиміру, но никому, а оставилъ бы его для себя, чтобы въ часы грустнаго расположенія духа приходить въ него и молча сидѣть у оконъ. Еще не такъ давно, не болѣе трехъ лѣтъ назадъ, Николай Саввичъ

самъ занималъ эту комнату, но теперь ему составило бы большую трудность подниматься туда по высокой лѣстницѣ.

Владиміръ жилъ въ этой комнатѣ не стѣсняясь, въ увѣренности, что отецъ никогда не заглянетъ къ нему, а мать, если и зайдетъ, то обратитъ вниманіе исключительно только на драгоцѣнное для нея здоровье любимаго сынка.

Какъ ни прибиралъ лакей комнаты, въ ней всегда былъ безпорядокъ: то сапоги валялись на диванѣ или на креслахъ, то форменный мундиръ подъ стуломъ и проч. Порядокъ сохранялся только на стѣнѣ, гдѣ висѣли смертоносныя оружія, да и то лишь потому, что до нихъ никто не касался, и самому Владиміру они давно наскучили. Онъ всего болѣе слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ томъ случаѣ, когда въ дверяхъ покажется фигура матери, успѣть припрятать соблазнительныя, по его мнѣнію, въ сущности-же ничего, кромѣ отвращенія, не внушавшія, карточки и книги, и задернуть занавѣсъ, за которымъ помѣщалась кровать.

Въ то время, когда во флигелѣ совершалось торжественное посѣщеніе больного Ильи Петровича, и Николай Саввичъ читалъ ему приличную нотацію за то, что онъ не бережется и рискуетъ своимъ здоровьемъ,—Владиміръ Николаевичъ расхаживалъ вдоль и поперекъ своей комнаты, занятый вопросомъ о деньгахъ.

— Вотъ, справедлива пословица,—думалъ онъ,—что не на ловца звѣрь бѣжитъ: мнѣ-бы такого отца, какъ этотъ чучело, Илья Петровичъ, я-бы его обработалъ. Чортъ его знаетъ, что за дуракъ этотъ форменный вицъ-мундиръ, Ѳедоръ Ильичъ. Важничаетъ тоже... а самъ не имѣетъ настолько смыслу, чтобы вытянуть изъ своего старика весь сокъ. Тьфу, только тоску наводитъ!

Цѣлый часъ онъ шагалъ по комнатѣ, измышляя средства для поправленія своего положенія, и, не найдя исхода, позвонилъ слугу. Слуга долго не показывался.

Онъ растворилъ дверь своей комнаты и еще позвонилъ.

— Гдѣ ты тамъ пропадаешь? — сердито спросилъ онъ.

— Илья Петровичъ очень заболѣли, — сказалъ слуга.

— Ну чортъ съ нимъ. Мнѣ-то какое дѣло!..

— Генералъ туда пошли...

— Замолчи, оселъ... Что ты болтаешь!

— Что угодно вамъ?—мрачно спросилъ слуга, недовольный тѣмъ, что новость не произвела ожидаемаго впечатлѣнія.

— Принеси сюда бутылку лафита.

Лакей что-то долго не показывался, по крайней мѣрѣ такъ думалось Владиміру, что «лакей пропалъ». Между тѣмъ при рѣшеніи вопроса о добычѣ денегъ встрѣчались все новыя и новыя затрудненія, и для того, чтобы поскорѣе найти способъ къ этой добычѣ, Владиміръ открылъ шифоньерку, гдѣ хранилась у него между бѣльемъ фляга съ коньякомъ. Онъ приложился къ ней губами, глотнулъ разъ десятокъ и потомъ спряталъ ее обратно въ прежнее мѣсто. На закуску явились изъ письменнаго стола конфекты, которыхъ онъ и съѣлъ нѣсколько штукъ, въ ожиданіи пока принесутъ лафитъ.

Чрезъ нѣсколько времени вино было принесено. Владиміръ Николаевичъ закурилъ сигару, развалился въ мягкомъ креслѣ, ноги закинулъ на столъ.—Американецъ! — самодовольно подумалъ онъ, оглянувъ свои ноги, и началъ продолжать свои размышленія, потягивая по временамъ изъ стакана.

Въ отуманенной винными парами головѣ строились различныя предположенія все по тому-же вопросу о деньгахъ. Въ его воображеніи ясно рисовалась отцовская комната, его кровать, несгараемый шкапъ, стоявшій около этой кровати, письменный столъ, въ которомъ, по его мнѣнію, хранились ключи отъ этого шкапа; представлялась дряхлая фигура старика отца, какъ строгаго хранителя сокровищъ, находившихся въ шкапу.—Я честный человѣкъ и потому никогда не

рѣшусь на такую подлость, — рѣшилъ онъ вдругъ, вставая съ постели.

Не зажигая свѣчи, онъ подошелъ къ окну, видимо остановился на какой-то мысли, которую хотѣлъ привести въ исполненіе. Чрезъ нѣсколько минутъ на столѣ комнаты снова горѣлъ огонь, но Владиміра уже не было въ ней.

Онъ скорыми шагами спустился внизъ въ прихожую.

— Гдѣ папенька?

— Они въ своемъ кабинетѣ... Полагать надо, скоро позвонятъ, чтобы гасить огонь.

Владиміръ дальше не слушалъ. Онъ прошелъ чрезъ столовую въ залъ, почему-то минуя кратчайшую дорогу, ведущую туда изъ прихожей.

— Пойду къ отцу, — рѣшилъ онъ, — и прямо въ глаза выскажу ему всю правду. Довольно, къ чему такое телячье смиреніе... Вотъ еще, есть чего бояться!..

Онъ смѣло прошелъ дальше.

Одинокая лампа, подъ бѣлымъ матовымъ шаромъ, тускло освѣщая большую комнату и отражаясь въ громадныхъ зеркалахъ, далеко на другой стѣнѣ пустыннаго зала, еще болѣе увеличивала его размѣры и пустоту. Въ широкія окна мрачно смотрѣла темная ночь, и бѣлыя занавѣси, висѣвшія надъ окнами, казалось, служили одеждой какихъ-то невѣдомыхъ темныхъ фигуръ, выступавшихъ изъ мрачной темноты оконъ.

Владиміру какъ-то стало жутко: подѣйствовала-ли на него полутемная, полусвѣтлая обстановка большой комнаты, или уже такъ онъ настроенъ былъ, что долженъ былъ пугаться, пожалуй, даже самого себя; но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки шелъ впередъ. Окончивъ половину пути до отцовскаго кабинета, онъ пошелъ медленно и потомъ остановился по срединѣ комнаты. Прошло два-три мгновенія. Онъ повернулъ въ сторону къ одному изъ зеркалъ и, уже не топая ногами, а осторожно ступая на кончикахъ пальцевъ, подошелъ къ зеркалу и старался вглядѣться въ свое лицо.

— Замѣтитъ! Положительно, замѣтитъ, что я немножко не въ своей тарелкѣ, да и изо рта слышно... Можно, пожалуй, благодаря этому необдуманному шагу, все испортить... Не лучше-ли отложить...

Владиміръ не успѣлъ рѣшиться идти или не идти къ отцу, какъ дверь кабинета растворилась, и Николай Саввичъ, медленно передвигаясь, вышелъ въ залъ.

— Кто тутъ?—раздался глухой и короткій вопросъ.

— Я, папенька...

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я, папенька, шелъ къ вамъ, чтобы... чтобы пожелать вамъ спокойной ночи...

Старикъ протянулъ руку, Владиміръ ее поцѣловалъ и даже болѣе усердно приложился къ ней, чѣмъ обыкновенно это дѣлалъ, и пошелъ въ свою комнату. Идя медленно по лѣстницѣ вверхъ въ мезонинъ, онъ проклиналъ себя за то, что выговорилась не та фраза, какую слѣдовало.

— Нѣтъ, ужъ теперь кончено!.. Завтра рѣшительно буду объясняться.

— Что, если-бы ускорить его смерть? Ну, много-ли ему надо... Съ террасы по лѣстницѣ кувыркомъ слетѣть и—готово... Оступился, молъ... мало-ли какихъ случаевъ не бывало... оступился и — кончено. Ищи тамъ, разузнавай; фактъ совершился... Да какой чортъ будетъ разузнавать...

— А будетъ-ли онъ опять въ точно такой позѣ стоять на краю лѣстницы? — вдругъ представилось Владиміру,—когда еще это будетъ, а тутъ мука, каждый день, каждый часъ... а если онъ... да уцѣлѣетъ... Живучъ, хоть и старъ... Ну, если? Что тогда?.. Нѣтъ, это неудобно, рискованно... ну, положимъ, упадетъ и больше не встанетъ... Но это долгая исторія—дожидайся, когда представится случай... Хлороформу-бы закатить, это повѣрнѣе будетъ...

Между тѣмъ Николай Саввичъ, выслушавъ скромное и почтительное пожеланіе сына, снова вернулся въ свой кабинетъ и началъ медленно двигаться по ком-

натѣ изъ угла въ уголъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ опять вышелъ въ залъ; пройдя по немъ раза два изъ одного конца въ другой, онъ пересталъ шлепать туфлями и сѣлъ въ кресло, чтобы собраться съ силами. Посидѣлъ, посидѣлъ и, медленно приподнявшись съ кресла, опять принялся шлепать, дѣлая куриные шаги. О чемъ онъ думалъ въ это время—Богъ знаетъ.

Слуга, сидя на ларѣ въ прихожей, дремалъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, боясь лечь, чтобы не заснуть.

Страдая безсонницей, Сумраковъ иногда засиживался далеко за полночь и когда, наконецъ, рѣшался лечь въ постель, то сильно и продолжительно звонилъ въ колокольчикъ, что означало время, въ которое можно гасить лампу въ залѣ.

XVII.

Илья Петровичъ проснулся по утру безъ всякихъ признаковъ болѣзни, и хотя онъ съ аппетитомъ напился чаю; но на прогулку вышелъ совсѣмъ не такъ, какъ выходилъ до этого времени. Несмотря на то, что день былъ жаркій, и солнце пекло немилосердно, онъ, увлеченный своею болѣзнью, нашелъ нужнымъ надѣть драповое пальто и шелъ какъ-то особенно, не той обыкновенной своей походкой, мелкими частыми шагами, напоминая нѣсколько «иноходца», нѣтъ, онъ двигался значительно медленнѣе, такъ сказать, степеннѣе, точно случилось съ нимъ дѣйствительно что-нибудь особенное. Такъ идутъ истинные говѣльщики изъ церкви послѣ того, какъ высказали своему духовному отцу грѣхъ вольные и невольные, и уже находятся въ предвкушеніи ожидающаго ихъ на слѣдующее утро таинства причащенія. Илья Петровичъ шелъ такъ не потому, чтобы «предвкушалъ» что, а исключительно по той причинѣ, что все еще находился подъ вліяніемъ своей роли больного человѣка, чуть ли не добровольно, изъ особаго усердія, на себя принятой.

Владиміръ Николаевичъ, искавшій случая увидѣться съ нимъ, встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и разсыпался, какъ говорится, мелкимъ бѣсомъ.

— Что это вы, Илья Петровичъ, что это вы, батюшка мой, говорятъ, хворать вздумали, а? Какъ это вамъ не грѣшно!..

На лицѣ Ильи Петровича хранилось еще облачко нѣкоторой скорби о своемъ недугѣ. Печально и слабымъ, по возможности, голосомъ онъ, въ отвѣтъ на горячее привѣтствіе Владиміра, повѣдалъ, что «немножко простылъ».

— И представьте,—продолжалъ онъ, печально наклонивъ голову, — представьте: бредъ, галлюцинаціи, видѣнія такія поднялись, что я, положительно... Положительно... знаете... испугался!

— А! А! Слѣдовательно, не на шутку, а-а!..— серьезно и важно протянулъ Владиміръ.

— Какая, голубчикъ, тутъ шутка!

Илья Петровичъ глубоко вздохнулъ. Владиміръ молчалъ, желая дать Ильѣ Петровичу возможность высказать подробности о дальнѣйшемъ ходѣ его серьезной болѣзни.

— Впрочемъ, я теперь,—продолжалъ Илья Петровичъ нѣсколько повеселѣе,—теперь я, благодаря Бога, чувствую себя удовлетворительно. Но все еще слабъ... Наше время, знаете, ничего подобнаго съ отдаленными вѣками древности не имѣетъ, — печально продолжалъ онъ,—да-съ, то время, когда напримѣръ люди, такіе какъ, хотя бы недалеко взять, хотя бы жители знаменитой Спарты...

Зная его слабость увлекаться разсказами о жизни древнихъ, Владиміръ Николаевичъ постарался свести разговоръ на другую тему и спросилъ, куда собственно онъ направляетъ свои стопы. Илья Петровичъ, вспомнивъ вчерашнія предположенія о раскопкахъ, заговорилъ уже не слабымъ болѣзненнымъ голосомъ, а почти тѣмъ самымъ, какимъ одарила его природа.

— Знаете что, батенька, Владиміръ Николаевичъ,

кстати вамъ сказать, чтобы не забыть, вѣдь я тово-съ, пожалуй, что и открытіе могу сдѣлать, да, и уже высмотрѣлъ для этого соотвѣтствующее мѣсто...

— Что такое? Что такое?—съ притворнымъ участіемъ спросилъ Владиміръ, довольный тѣмъ, что удачно поворотилъ мысли Ильи Петровича въ желаемую сторону.

— Замѣтилъ я тамъ около рѣчки курганъ. Вы, вѣроятно, видали его, тамъ, знаете, вблизи деревни...

— Гдѣ это?

— Ну да все равно.

Въ голосѣ Ильи Петровича уже нисколько не было слышно слабости и того печально-болѣзненнаго тона, какимъ онъ говорилъ двѣ минуты тому назадъ. Онъ не имѣлъ терпѣнія «доигрывать свою роль» и, увлеченный возможностью открытія, оставилъ ее, какъ болѣе не нужную.

— Вѣроятно вы видали,—продолжалъ онъ объяснять Владиміру Николаевичу,—вѣроятно видали, но только не обращали вниманія, потому что вѣдь это, изволите видѣть, такой предметъ, который требуетъ нѣкотораго навыка... Но, не въ этомъ дѣло. Курганъ этотъ, примите во вниманіе, около рѣчки, да. Итакъ, вотъ этакъ... (Илья Петровичъ развелъ для чего-то руками) надъ берегомъ рѣчки возвышается... Имѣйте въ виду, что помимо бѣглыхъ наблюденій, сдѣланныхъ мимоходомъ, на лету, я еще успѣлъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія. Вотъ это, собственно говоря, и было причиной, что я едва не заболѣлъ... но вѣдь я не могъ! Голубчикъ, повѣрьте, ну могъ ли я обращать въ то время вниманіе на какой-нибудь жалкій дождь, когда я былъ увлеченъ другими, значительно болѣе важными и болѣе цѣнными предметами, чѣмъ мое собственное здоровье.

— Скажите пожалуйста,—перебилъ Владиміръ потокъ рѣчи Ильи Петровича, — этотъ курганъ вблизи моста?

— Именно, именно вблизи моста.

— Неправда ли, вѣдь замѣчательное мѣсто?

— Вы, Илья Петровичъ, не увлекайтесь. Я отдаю полнѣйшее преимущество вашему навыку и знанію, но, какъ житель здѣшнихъ мѣстъ, прошу васъ выслушать меня спокойно.

И принялся отлично врать какую-то исторію, сочиняя ее экспромтомъ.

Илья Петровичъ спасовалъ предъ разсказаннымъ фактомъ.

— А я думалъ,—началъ было онъ, уже значительно понизивъ тонъ и представивъ собою нѣкоторую ворону, попавшую неожиданно въ супъ.

Владиміръ добросовѣстно докончилъ исторію и заключилъ ее слѣдующимъ образомъ:

— Одно досадно, что времени у меня свободнаго осталось мало, да кромѣ того, чортъ знаетъ, какъ-то странно сложились обстоятельства... Вотъ все это и лишаетъ меня возможности серьезно заняться изслѣдованіемъ...

— Да гдѣ же это, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ, гдѣ же это такое мѣстечко, а?

— Гм... Гм... Это я берегу впрочемъ до болѣе благопріятныхъ дней,—продолжалъ онъ сдержанно и началъ толковать о возможности найти древнія вещи, особенно монеты и утварь, указывая всего больше на то (при этомъ, разумѣется, вставляя необходимую фразу: «какъ вамъ и самимъ хорошо извѣстно»), что въ давно-прошедшія, до-историческія времена, когда между славянскими племенами были частыя распри и междоусобія,—цѣнныя вещи болѣе негдѣ было спасать, какъ только въ землѣ, зарывая ихъ въ извѣстныя мѣста.

Владиміръ приплелъ къ своему разсказу и варяговъ, и норманновъ, и греческихъ купцовъ, и арабовъ, и кстати тутъ-же, какъ-то мимоходомъ, помѣстилъ голландцевъ,—авось, молъ, въ общей кучѣ сойдетъ. Онъ указывалъ на то, что прежніе торговые пути пролегали именно въ этихъ мѣстахъ,—и можетъ быть,—восторженно заключилъ онъ, можетъ быть даже вотъ

здѣсь, вотъ по этимъ горамъ, которыя мы съ вами, уважаемый Илья Петровичъ, теперь попираемъ ногами.

— Да, да, да, можетъ быть, можетъ быть... зачастилъ Илья Петровичъ.

Онъ увлекался краснорѣчіемъ генеральскаго сына и уже готовъ былъ въ ту-же минуту летѣть на всѣхъ парусахъ въ горы и рыть, копать, сваливать камни и дѣлать все что угодно, лишь бы открыть древности.

— Ну что-жъ, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ...

— Теперь я не могу...

— Не могу! Вы мнѣ скажи—теотчего?

— Силы мало!

— Я вамъ помогу, голубчикъ, пойдемте вмѣстѣ... я съ полной готовностью... Вы даже не работайте, вы только мѣсто укажите.

— Нѣтъ-съ, это все не то...—началъ Владиміръ, какъ-будто, наконецъ, рѣшаясь посвятить Илью Петровича въ тайны своихъ, тоже археологическихъ слабостей,—тутъ, Илья Петровичъ, однимъ личнымъ трудомъ нельзя ограничиться. Тутъ, я вамъ доложу, нужно организовать нѣчто правильное, ассигновать на это нѣкоторую сумму денегъ, даже, можетъ быть, до трехъ сотъ рублей...

Рука Ильи Петровича потянулась къ затылку.

Владиміръ ошибся въ расчетѣ: онъ думалъ, что Илья Петровичъ въ увлеченіи сейчасъ-же вынетъ бумажникъ, отсчитаетъ деньги и скажетъ: «голубчикъ, берите, дѣйствуйте, помогайте».

Вышло совсѣмъ наоборотъ.

Илья Петровичъ въ замѣшательствѣ, даже въ нѣкоторомъ недоумѣніи, безсвязно отвѣчалъ:

— Мнѣ, знаете ли, теперь было-бы неудобно, а впослѣдствіи, осенью, я съ удовольствіемъ... Теперь я, знаете, больше такъ, нѣсколько... отъ нечего дѣлать...

— Сорвался! подумалъ Владиміръ, и, стараясь казаться безпечнымъ, небрежно отвѣтилъ: какъ хотите, это дѣло ваше!..

XVIII.

— Осенью! Да, какже, осенью!.. Чучело ты этакое,—бормоталъ Владиміръ себѣ подъ носъ про Илью Петровича:—жди отъ тебя добра осенью,—тогда ты и серьезно пожалуй снарядишь цѣлую ватагу мужичья рыть землю...

Онъ постоялъ нѣсколько времени на мѣстѣ, гдѣ оставилъ его Илья Петровичъ, взглянулъ съ пренебреженіемъ на Мишу, сидѣвшаго вдали, на садовой скамейкѣ и усердно нашептывавшаго что-то себѣ подъ носъ, и пошелъ по аллеямъ сада.—А поумнѣлъ старикашка,—думалъ онъ:—нѣтъ уже въ немъ того увлеченія, какое было раньше... Чортъ знаетъ, во всемъ прогрессъ, только я безъ гроша сижу.

Въ раскрытыя рамы оранжереи по прежнему лился ароматъ цвѣтовъ и растеній, и въ отдаленной ея части, изъ за густой зелени, порой выглядывало молодое личико дочки садовника. Она ждала взгляда Владиміра; приближаясь къ этому мѣсту, онъ замѣтилъ ее, лѣниво улыбнулся, небрежно кивнулъ головой и повернулъ назадъ.

Не вѣря въ счастливую случайность найти деньги, онъ возложилъ опять надежду на свою маменьку, такъ часто прежде выручавшую его изъ многихъ бѣдъ, но эта надежда омрачалась только тѣмъ, что у мамаши была зубная боль.

— Вотъ въ самомъ дѣлѣ,—думалъ онъ, такая пустая, ничтожная причина, какъ болѣзнь зубовъ, да и то еще старыхъ, которые чуть держатся, можетъ служить препятствіемъ ко многому; попробуйте попросить денегъ у человѣка взаймы въ то время, когда онъ страдаетъ зубной болью, попробуй—и ни шиша не получишь, ни шиша, что называется!

Онъ въ этомъ случаѣ бралъ отчасти грѣхъ на свою душу: мать его не настолько была стара, чтобы у ней едва держались зубы; ей всего было сорокъ пять лѣтъ.

Выразился такъ онъ потому, что былъ въ «стѣснительныхъ обстоятельствахъ» и досадовалъ на все.

Миша, одержавшій сомнительную побѣду въ битвѣ съ плюсами и минусами, прервалъ размышленія брата

— Ну, Володя, повѣряй,—я кончилъ.

Миша старался отдать ему листъ, исписанный карандашомъ, но Владиміръ не бралъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ,—продолжалъ онъ,—бросилъ все ученье къ чорту; къ чему оно? Что въ немъ?.. Я вотъ и учился, да что-жъ изъ этого, — все равно денегъ нѣтъ...

— Какъ что? Папенька на отрѣзъ сказалъ, что если я нынче не перейду въ слѣдующій классъ, то больше мнѣ не будетъ выдаваться карманныхъ денегъ...

— Это онъ тебя только пугаетъ...

— Да, пугаетъ! Нѣтъ, братъ, онъ шутить не любитъ...

— Велики деньги двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Этакая невидаль!..

— Да еще кромѣ того угрожаетъ тѣмъ, что наслѣдства, говоритъ, лишу...

— Пугаетъ!..

Во время этого разговора Илья Петровичъ, имѣвшій намѣреніе отправиться къ замѣченному имъ наканунѣ кургану, воротился назадъ, такъ какъ въ ватномъ пальто не было возможности идти по жарѣ, и подходилъ уже къ оранжереѣ съ противоположной стороны.

— Чепуха чепухой и останется, понимаешь,—продолжалъ Владиміръ: — какъ онъ тамъ ни мели всякій вздоръ, наслѣдники все-таки мы, все наше. Бояться ни въ какомъ случаѣ нечего, потому что у отца много родового и наслѣдственнаго, а на родовое и наслѣдственное никто не имѣетъ права, кромѣ насъ, прямыхъ наслѣдниковъ.

Миша подсѣлъ рядомъ на скамейку и забылъ про свой урокъ: онъ замѣтилъ, что братъ начинаетъ говорить что-то дѣльное.

— Лучше бы было еще, если бы эту развалину поскорѣе пришибло ударомъ...

— Отчего же, Володя, развѣ изъ этого можетъ быть для насъ какая нибудь разница?

— А оттого же! То то и есть, что ты мало смышлишь.

— Оттого, что тогда онъ не будетъ дѣлать никакихъ глупостей, какія имѣютъ привычку дѣлать люди передъ смертью, т.-е. завѣщать на разныя богоугодныя дѣла: на церкви, на бѣдныхъ. А ужъ это непремѣнно случится, если онъ будетъ умирать, какъ говорятъ, «по-христіански». Всѣ такъ дѣлаютъ, то-есть всѣ тѣ, которые по-христіански умираютъ. Ты небойсь думаешь, что они это отъ усердія, изъ религіознаго чувства такъ-то дѣлаютъ? Да, какъ же, все это только отъ страха, съ испугу: видятъ, что дѣло плохо, приспичило такъ, что дыханіе захватываетъ, сейчасъ конецъ, — ну и отваливаютъ тысячами, авось, молъ... Другой изъ страха при представленіи будущей жизни, изъ боязни попасть въ адъ, — всѣ одинаково съ перепугу хотятъ задобрить Бога жертвами.

— Къ чему же ты все это, Володя, говоришь?

— А къ тому, что было бы лучше, если бы отца хорошенько пристукнуло вдругъ. Лучше это даже и для него: по крайней мѣрѣ безъ хлопотъ и не страшно, окочурился—и конецъ. Тогда-то ужъ все наше, все до послѣдней садовой скамейки...

— Гм... это ты... нерѣшительно замѣтилъ Миша.

— «Это ты!» Не это ты, а нужно сообразить, исчислить, когда же все это совершится!.. Да!.. А такого математика и нѣтъ подъ рукой! Вотъ что!.. Я бы теперь такому математику Богъ знаетъ что заплатилъ... то-есть, понимаешь, если бы нашелся такой человѣкъ, который бы высчиталъ навѣрное сколько еще времени намъ мучиться...

— Отъ этого не легче!—коротко отвѣтилъ Миша.

— Вотъ то-то и есть, что ты еще глупъ. Не легче! Эхъ ты! Тогда, зная время, легче ждать...

XIX.

Все это, отъ слова до слова, слышалъ Илья Петровичъ.

Онъ совсѣмъ спутался, смѣшался и, какъ бываетъ съ угорѣвшимъ человѣкомъ, началъ мѣтаться во всѣ стороны, двигаясь въ то же время только на шагъ впередъ и назадъ. Курганъ, всѣ древности, недавняя болѣзнь,—все вылетѣло изъ головы, точно кто ударилъ его по ней такъ сильно, что лишилъ памяти и способности осмыслить свое положеніе. Если бы въ эти минуты встрѣтилъ его кто-нибудь изъ членовъ семейства Сумраковыхъ, то и представить себѣ нельзя, что бы сталъ говорить Илья Петровичъ, и если бы даже встрѣтились съ нимъ въ то время, когда онъ немножко оправился, то и тогда навѣрное могли подумать, что Илья Петровичъ тронулся разсудкомъ. Такъ сильно онъ былъ пораженъ тѣмъ, что̀ пришлось услышать. Оправившись нѣсколько отъ своего смущенія, онъ успѣлъ сообразить, что «подслушивать не хорошо».

— Да, да, не хорошо,—думалъ онъ:—это-то я знаю. Нужно поскорѣе уйти подальше отъ нихъ, подальше отъ этого ужаснаго разговора.

Но уйти онъ не имѣлъ никакой возможности. Разговоръ сыновей Сумракова былъ для него необыкновенной, выходящей изъ предѣла всякаго вѣроятія, новостью. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ему не разъ приходилось читать или слыхать разсказъ о «непослушныхъ» дѣтяхъ, даже, можетъ быть, «о дурныхъ, о развращенныхъ»; но услышать прямо изъ устъ самихъ дѣтей и услышать такой откровенный разговоръ,—это для него было превыше всякаго вѣроятія. Добрый отъ природы, онъ никогда въ жизни не могъ себѣ представить, чтобы дѣти его лучшаго друга, дѣти, о которыхъ онъ былъ всегда прекраснаго мнѣнія, могли вести такіе переговоры.

— Надо уйти, надо уйти поскорѣе... Ахъ, Гос-

поди! Поскорѣе, поскорѣе и дальше отъ нихъ,—думалъ онъ, а самъ—ни съ мѣста.

Въ это время тишина, царившая въ саду, нарушилась: гдѣ-то далеко въ концѣ сада раздался лай собачонки, неизмѣнной спутницы генеральской племянницы, Оли.

Наконецъ лай затихъ въ другой части сада, и Илья Петровичъ снова могъ слышать разговоръ Владиміра и Миши.

— Мнѣ въ долгъ не даютъ,—замѣтилъ Миша.

— Пробовалъ?

— Пробовалъ—ни подъ росписку, ни подъ вексель не даютъ, говорятъ—несовершеннолѣтній...

— Глупъ ты и все. Мало, значитъ, процентовъ даешь...

— А много-ли нужно давать?—поучался Миша.

— Сколько спросятъ, столько и давай.

— Тяжело...

— Что тяжело?

— Платить тяжело.

— Да развѣ свои платить будешь? Эхъ ты, глупая сорока!.. А ты приписывай къ старому долгу и бери еще вновь.

— Хорошо разсуждать тебѣ! Мнѣ однажды зимой какъ-то далъ еврей сто рублей, да я теперь и не радъ этому долгу...

— Это еще что такое?

— Да то же, что теперь изъ-за этихъ несчастныхъ ста рублей я уже переплатилъ ему сколько... Занялъ у другого, да ему далъ въ уплату процентовъ 50 рублей, а долгъ все на мнѣ...

— Дуракъ!.. Говорю, приписывать надо, а не платить, платить будешь тогда, когда отецъ умретъ...

— Да, жди!..

— Конечно, жди.

— А какъ узнаетъ онъ при жизни о долгахъ?

— Умѣй скрывать...

— Да, умѣй. Я, вонъ, въ прошедшемъ году еще

свои часы въ залогъ отдавалъ, измучился: думаю, ну, если отецъ спроситъ: гдѣ часы? что ему отвѣтить?..

— Дуракъ! И тутъ даже не зналъ что сказать—въ починкѣ у часовщика—и конецъ.

— А онъ можетъ спросить,—у какого, можетъ послать удостовѣриться...

— Тогда выкупить...

— А деньги?

— Занять, конечно!..

— Хорошо говорить, на дѣлѣ-то не такъ бываетъ!..

— На словахъ-то, Володя, мы очень врытки только вотъ здѣсь, а какъ придется съ отцомъ объясняться, такъ хвостъ-то и прижмешь... И ты тоже не очень храбро съ отцомъ-то разговариваешь, не правда, что-ли?

Владиміръ возмутился этимъ отвѣтомъ. Онъ торопливо поднялся со скамьи и заговорилъ, нѣсколько возвысивъ голосъ.

— Вѣдь вотъ, подумаешь, живетъ человѣкъ! Ну, спросить его, для чего онъ живетъ, ну, для чего? Вѣдь ужъ пора, давно пора! Дремлетъ себѣ цѣлые дни!..

Миша оглянулся по сторонамъ. Несмотря на свои молодые года, онъ понималъ, что ихъ разговоръ выходитъ изъ ряда «гласныхъ».

— Смотри, Володя, ты что-то больно раскипятился, пожалуй еще кто-нибудь услышитъ,—замѣтилъ Миша.

— Э! Чортъ ихъ возьми, все равно!—съ досадой возразилъ Владиміръ и самъ тоже оглянулся.

— Какому дураку интересно насъ подслушивать,—заключилъ онъ и замолчалъ.

— А что, если вскочить мнѣ,—думалъ Илья Петровичъ, когда братья перемѣнили тему разговора,—вскочить и крикнуть на нихъ хорошенько, погромче, чтобы сразу испугать: «Какое, молъ, вы, шалопаи, мальчишки, вѣтрогоны, имѣете право такъ разсуждать, а? Какое? Какое? Кто позволилъ? Когда? Гдѣ вы можете найти историческіе примѣры такого развращенія нравовъ въ дѣтяхъ?» Припугнуть ихъ такъ хорошенько: «кто, молъ,

вамъ далъ разрѣшеніе, школьники вы этакіе, кто вамъ далъ разрѣшеніе забрать себѣ въ головы такія ужасныя мысли?»

Онъ опять начиналъ прислушиваться и въ то же время находилъ, что такъ прикрикнуть не ловко, грубо, пожалуй, можетъ чортъ знаетъ что выйти: узнаетъ прислуга, мужики, — не хорошо. Нѣтъ, лучше вотъ какъ, думалъ онъ: лучше просто-себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, тихонечко встать, да пойти къ Николаю Саввичу, разсказать ему все. Да нѣтъ, этого невозможно, рѣшительно невозможно: вѣдь этимъ я старика совсѣмъ поражу.

— Чу! Ссориться начинаютъ,—думалъ Илья Петровичъ, вслушиваясь: — ахъ вы, заговорщики, заговорщики...

— Ну, положимъ,—говорилъ Владиміръ,—живи старый драбантъ, живи,—смерть мнѣ его, собственно, не нужна:—что въ ней... Живи, да отдай же деньги-то, что надъ ними корпѣть. Умретъ, вѣдь не возьметъ же ихъ съ собой, намъ же все останется, такъ зачѣмъ же томить, мучить, ставить насъ въ такое положеніе, что мы невольно задаемся думами о томъ: «а скоро ли, молъ, сподобимся узрѣть твою кончину».

— О, Господи! Вѣдь это онъ, пожалуй, говоритъ основательно, вѣдь это отчасти и на правду похоже!— мелькнуло въ головѣ Ильи Петровича.

Миша пересталъ уже интересоваться разговоромъ по поводу смерти отца и полученія наслѣдства, онъ нашелъ, что разсужденія объ этомъ безплодны, и интересъ болѣе близкаго времени, чѣмъ смерть отца, занялъ его.

— А что,—спросилъ онъ,—какъ ты думаешь, Володя, сдамъ я свой экзаменъ или нѣтъ?

— Дуракъ! Нашелъ о чемъ спрашивать!—съ пренебреженіемъ отвѣтилъ Владиміръ,—стоитъ объ этомъ говорить... Вотъ отецъ помретъ, нечего будетъ заботиться...

— Жди!

— Вотъ посмотри, Богъ дастъ къ зимѣ будетъ готовъ!..

Эти послѣднія слова Владиміръ сказалъ, уже уходя отъ оранжереи. Миша пошелъ за нимъ слѣдомъ.

XX.

— Ушли! Слава Богу, ушли, думалъ Илья Петровичъ, еще не вставая съ мѣста и прислушиваясь. А! Каковы молодцы! Вотъ драматизмъ положенія бѣднаго старика, почтеннаго и уважаемаго Николая Саввича!..

Онъ обогнулъ уголъ оранжереи, подошелъ къ той скамейкѣ, на которой нѣсколько секундъ назадъ сидѣлъ Владиміръ, и смотрѣлъ на нее, точно удивляясь, отчего она остается въ спокойномъ положеніи.

Гдѣ-то снова послышался лай собаченки и чрезъ нѣсколько времени старая нянька, Мавра, прислуживавшая въ комнатѣ Оли, подошла торопливыми шагами къ Ильѣ Петровичу, молча сидѣвшему на скамьѣ, съ грустно поникшей головой.

— Не видали-ли, батюшка, Илья Петровичъ, барышниной собаченки?—спросила она погромче.

— Убирайся.

— Ну, такъ ужъ простите, коли...

Въ это время, откуда ни взявшись, появилась у оранжереи Оля, запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся отъ быстраго бѣга.

— Мавра! Мавра! Что-же это ты остановилась? Бѣги-же, ищи скорѣе Амишку.

— Илья Петровичъ! Илья Петровичъ!—зазвенѣлъ въ воздухѣ ея свѣтлый голосъ:—смотрите, смотрите сюда, скорѣе смотрите...

— Что такое вы тамъ увидѣли?—отрывисто спросилъ Илья Петровичъ.

— Кавалькада! Кавалькада!..

Илья Петровичъ лѣниво, только изъ приличія, приподнялся съ своего мѣста и посмотрѣлъ.

— Вдовушка, сосѣдка, что гоститъ въ селѣ, она, она въ амазонкѣ.

— Ничего не бывало, вы выдумываете, Оля,—недовольнымъ голосомъ замѣтилъ Илья Петровичъ и опять сѣлъ.

— Можетъ быть вы изволите выдумывать, да-съ, это вѣрнѣе. Вы вотъ опоздали, не видѣли и надулись отъ этого...

— Вотъ еще! Стоитъ того!

— Зачѣмъ вы такъ? Она хорошенькая. Очень, очень хорошенькая... Она невѣста теперь и, говорятъ, богата какъ, чудо!—Вотъ бы вамъ, Илья Петровичъ, она была парочка: вы вдовецъ, она вдовушка; ахъ, какъ-бы это было мило!..

Мавра пошла вдоль по аллеѣ, Оля прыгнула отъ Ильи Петровича, не докончивъ своего разсказа, и чрезъ нѣсколько времени вдали сада раздавался опять звонкій ея голосъ, призывавшій собаченку.

Илья Петровичъ сидѣлъ по-прежнему на скамейкѣ и страдалъ.

— И эта, можетъ быть, тоже, какъ ея братцы,— думалъ онъ:—Боже! Господи милосердный! Да что-же это, въ самомъ дѣлѣ, такое, на что это, наконецъ, похоже!.. Неужели всѣ дѣти таковы? Неужели и Ѳедя мой способенъ такъ развращенно думать?.. Гм... Это ужъ было-бы Богъ знаетъ на что похоже... Тогда бы я... Да куда-же тогда мнѣ дѣваться, что-же въ такомъ случаѣ намъ старикамъ дѣлать, или въ самомъ дѣлѣ руки на себя накладывать, чтобы очищать дорогу такимъ молодцамъ?.. Да это Богъ знаетъ что такое! Но какъ же мнѣ въ этомъ ужасномъ случаѣ поступить? Какъ вести себя въ отношеніи къ нимъ, къ Николаю Саввичу? Однако-жъ распренесчастнѣйшій этотъ старикъ, Николай Саввичъ!.. А я-то счастливъ?

Илья Петровичъ совершенно упалъ духомъ при одной мысли о томъ, «что можетъ быть». Онъ низко опустилъ голову и предался своимъ мрачнымъ раз-

мышленіямъ. Въ такомъ положеніи и засталъ его Ѳедоръ Ильичъ.

XXI.

— Я васъ ищу, папенька!

Илья Петровичъ торопливо оправился и, казалось, хотѣлъ скрыть отъ сына свои печальныя думы.

— А! Ѳедя! Я тебя, Ѳедя, сегодня... да... Я тебя кажется...

Онъ почему-то запутался въ словахъ и тревожно посмотрѣлъ по сторонамъ, точно боясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ его.

— Что съ вами такое?—спросилъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Ничего, ничего, Ѳедя,—торопливо успокоивалъ его Илья Петровичъ,—да; я тебя сегодня, кажется... Гдѣ это ты цѣлое утро...

Онъ хотѣлъ сказать «пропадалъ», но это слово показалось ему неделикатнымъ, и онъ опять смѣшался.

— Да, да, помню, знаю... Ты вѣдь все съ своими бумагами возишься... Не напрасно-ли ты такъ много работаешь, а? Вѣдь это не очень здорово... Да, бишь, я не то хотѣлъ сказать... Да, да, вотъ именно отъ того-то я тебя и не видѣлъ, что ты все тамъ... съ бумагами... гм... гм...

— Что съ вами, папенька? Вы ужасно чѣмъ-то встревожены.

Илья Петровичъ тревожно началъ оглядываться.

— Ты погоди, ты сначала погоди, я тебѣ все разскажу, а потомъ... Потомъ уже ты тамъ, какъ хочешь, такъ и разсуждай...

Снова тревожный взглядъ по сторонамъ и затѣмъ слѣдующее таинственное объясненіе.

— Владиміръ Николаевичъ совсѣмъ дурной человѣкъ.

— Денегъ, вѣроятно, попросилъ,—подумалъ Ѳедоръ Ильичъ,—отецъ ему не далъ, а тотъ, по свойственной ему милой привычкѣ, наговорилъ ему взякихъ дерзостей.

— Не далѣе, какъ вчера, папенька, вы такъ хвалили его.

— Вчера не было извѣстно того, что стало извѣстно теперь...

— Что-же такое стало вдругъ извѣстно?

— Ты, Ѳедя, не знаешь, что здѣсь разговаривали они,—таинственно продолжалъ онъ, нервически дергая сына за руку.

— Кто-же это они?

— Ахъ, Боже мой! Что ты меня мучишь? Ну, они, конечно, кто больше: тотъ остолопъ-то, да этотъ маленькій сосулька. Это братъ, Ѳедя, просто ума помраченіе... Голова кругомъ идетъ, вотъ что!.. Кругомъ, понимаешь, вотъ такъ, круги какіе-то въ глазахъ,—ничего не разберешь!.. Они, эти самыя развращенныя дѣти,—пояснялъ Илья Петровичъ,—они тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты меня встрѣтилъ, говорили о томъ, что Николаю Саввичу пора умереть, что въ немъ нѣтъ никакого проку и не будетъ его никогда, что для ихъ счастія ничего не нужно, кромѣ его смерти. Понимаешь? Это они о немъ-то, о Никалѣ-то Саввичѣ! И потомъ этотъ, Володька-то, началъ цинически разсуждать о томъ, что нужно желать, чтобы Николая Саввича прихлопнуло ударомъ, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Потомъ я не разслышалъ, чортъ его знаетъ, прости меня Господи,—что-то тоже необыкновенно грубо и цинически говорилось о духовныхъ завѣщаніяхъ.—Я не могу! Я рѣшительно не могу! не въ состояніи... У меня языкъ не поворачивается...

— Если вы не можете, папенька, объяснить подробностей ихъ дальнѣйшаго разговора, то все-таки вѣроятно можете сказать въ чемъ-же заключалась его сущность?

— Въ смерти! Вся сущность въ смерти! Все, Ѳедя, укладывается въ два слова, какъ, помнишь, въ Рогнѣдѣ Сѣрова: «Смерть ему! Смерть ему!»

— Успокойтесь, папенька, прошу васъ.

— И это тебя нисколько не волнуетъ! Это тебѣ какъ будто «съ гуся вода»!.. Ахъ, Ѳедя! Ѳедя!

Ѳедоръ Ильичъ молчалъ и ждалъ. Онъ отчасти уже

начиналъ догадываться въ какую сторону дуетъ вѣтеръ.

— Послушай, Ѳедя...

— Что угодно, папенька. Я слушаю.

— Ѳедя! откровенно, не скрывая, скажи мнѣ, много-ли у тебя долговъ?

Такой вопросъ былъ уже совершенно неожиданнымъ для Ѳедора Ильича. Онъ на мгновеніе растерялся, даже легкій румянецъ пробѣжалъ по его лицу, и хотя это въ тотъ-же моментъ и исчезло, но чуткое сердце Ильи Петровича угадало уже причины этого непродолжительнаго замѣшательства.

— Къ чему такой вопросъ?—спокойно и даже какъ будто небрежно замѣтилъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Ѳедя! Ты меня не перебивай, ты не перебивай... Не мучь. Я тебѣ чистосердечно говорю, что всѣ твои долги уплачу и ни слова о нихъ никогда тебѣ не скажу... Ну, говори же... Вѣдь ужъ я догадался. Я по лицу твоему замѣтилъ, какъ тебя испугалъ мой вопросъ... Ну?

Ѳедоръ Ильичъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ прямо въ глаза отцу, еще что-то обдумывая, и потомъ рѣшительно проговорилъ.

— Да, я имѣю долгъ...

— Большой?—чуть слышно спросилъ Илья Петровичъ.

— Какъ будете смотрѣть,—пожалуй, большой...

— Да говори яснѣе, — все равно ужъ... Ну? Много?

— Не очень много... Опять таки, какъ будете смотрѣть...

— Господи, Боже мой! Да говори же.. Много?

— Пять тысячъ рублей.

Илья Петровичъ взглянулъ на него какъ-то сбоку, пугливо, растерянно и въ то же время пытливо.

— Только, Ѳедя?

— Да, папенька, только.

XXII.

Они подходили къ дому.

— Ѳедя!—обратился опять Илья Петровичъ къ сыну. Голосъ его вдругъ какъ-то измѣнился, точно въ горлѣ у него пересохло.

— Что, папенька, вамъ угодно?—почтительно спросилъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Пройдемся еще немного. Вотъ сюда...

— Пройдемтесь...

Ѳедоръ Ильичъ повернулъ за отцомъ, и они опять молча пошли по одной изъ боковыхъ аллей.

Илья Петровичъ первый прервалъ молчаніе.

— Отчего-же ты, Ѳедя... мнѣ никогда объ этомъ прежде не говорилъ?

— Случая не было.

— Гм... Случая!.. Какъ такъ? Случая? Этого я, Ѳедя, не понимаю...

— Очень просто. Не представлялось случая вамъ сказать.

— Имѣя такой долгъ на себѣ,—продолжалъ Илья Петровичъ,—долгъ, хотя, конечно, не очень значительный, принимая въ соображеніе мои средства, но все-таки, Ѳедя, имѣя его, такъ сказать, на своей собственной шеѣ, ты, Ѳедя, на что-же разсчитывалъ?

— Вотъ онъ, настоящій-то допросъ когда выступаетъ на очередь,—подумалъ сынъ.

— Вѣдь во всякомъ случаѣ, ты, Ѳедя, на мою смерть не могъ разсчитывать. Вѣдь этакъ пришлось-бы долго ждать... Конечно, животомъ и смертью Богъ владѣетъ, но вѣдь это и къ тебѣ такъ же примѣнимо, какъ и ко мнѣ...

— Завираться, батенька, начинаешь!—подумалъ Ѳедоръ Ильичъ и, съ упрекомъ взглянувъ на отца, сказалъ печальнымъ тономъ.

— Папенька! Вамъ не грѣхъ такъ говорить?

— Извини. Ну, извини!.. Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать.. Ты видишь, я въ волненіи. Я не скрываю...

я въ волненіи... Значитъ, ты платишь ужасные проценты?..

— Можетъ быть и не ужасные...

— Хотя бы и не ужасные... Да развѣ это хорошо? Развѣ это хорошо?

— Я не могу понять, зачѣмъ вы такъ волнуетесь?..

— Господи! Онъ не можетъ понять! У него долги—и мнѣ не волноваться! Ѳедя!.. Боже мой, Ѳедя! Что ты это говоришь только! У тебя, вдругъ, противъ всякаго моего ожиданія, оказывается долгъ въ пять тысячъ, и ты-же говоришь, зачѣмъ я волнуюсь...

— Я вамъ, папенька, уже объяснилъ, что нисколько не прошу васъ объ уплатѣ!.. Еслибы не этотъ несчастный случай, то вамъ бы, конечно, никогда не пришлось узнать о моемъ долгѣ. Я-бы преспокойно его выплатилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ своего жалованья, изъ наградныхъ... Я совершеннолѣтній и за свои дѣйствія сумѣю отвѣтить самъ. Зачѣмъ вамъ себя безпокоить и тревожиться... Долгъ этотъ былъ сдѣланъ тогда, когда мы переѣхали въ собственный домъ. Я вахотѣлъ получше меблировать свои комнаты. Просить у васъ или, вообще, сказать вамъ объ этомъ мнѣ не хотѣлось. Въ то время, помните вы, такъ было много расходовъ... то-есть, вамъ казалось, что много... Вслѣдствіе этого я разсудилъ, лучше умолчать...

— Вотъ, видишь, ты какой... вотъ!.. Я, можетъ быть, тогда такъ сгоряча что-нибудь замѣтилъ, а ты ужъ и намоталъ себѣ на усъ... Ты, Ѳедя, самолюбивый, гордый. Это не хорошо, не хорошо... А я, вотъ видишь, какой, я вотъ не только прошу позволенія уплатить долгъ, а даже страдаю за то, что не предусмотрѣлъ, да, не предусмотрѣлъ...

Въ это время они подошли къ террасѣ и стали подниматься по лѣстницѣ. Николай Саввичъ медленно бродилъ около стола, на которомъ былъ давно приготовленъ завтракъ.

— Ты, Ѳедя, пожалуйста, веди себя осторожнѣе:

о томъ, что я тебѣ сказалъ—ни гу-гу, ни словомъ, ни намекомъ,—торопливо прошепталъ Илья Петровичъ.

Ѳедоръ Ильичъ утвердительно кивнулъ головой.

XXIII.

Послѣ обѣда Илья Петровичъ сѣлъ у окна въ своей спальнѣ и предался тяжелымъ размышленіямъ.

— Все прахъ, суета всяческая,—думалъ онъ,—сегодня живъ, а завтра—нѣтъ тебя на свѣтѣ... Но каково жить, когда человѣкъ знаетъ, что каждую минуту дѣти его съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, скоро-ли, молъ, а? скоро-ли, молъ, ты съ Божіею помощію ноги протянешь?.. Каково! Да, и Ѳедя, въ этомъ случаѣ, да... Его обходить нельзя,—рѣшился наконецъ онъ,—нельзя и его обходить... Ангелъ онъ, что-ли? Я увѣренъ только въ томъ, что ему въ голову никогда не забирались «развращенныя понятія», т.-е. въ такой формѣ, въ какой мнѣ пришлось ихъ слышать высказанными сегодня; въ такой формѣ они въ его голову попасть не могли. Ѳедя человѣкъ деликатный, у него все такъ выходитъ мягко, благородно, тонко... Да, Боже мой, Боже мой! Развѣ тутъ дѣло въ формѣ? Что форма—дрянь! Сущность-то, сущность-то понятій его какова? Вотъ надо что раскусить, вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ подумать! А форма такъ и останется одной формой. Въ чемъ-же сущность его понятій по вопросу о наслѣдствѣ? Онъ знаетъ, что полный наслѣдникъ всѣхъ моихъ капиталовъ... Да что-же это я, точно самъ себя стараюсь обмануть, хитро и намѣренно избѣгаю того, о чемъ долженъ серьезно подумать. Дѣло вовсе не въ томъ, знаетъ онъ или не знаетъ,—конечно знаетъ, развѣ я это отъ него скрываю... Но... Но... вотъ гдѣ загвоздка, вотъ:—желаетъ-ли онъ, чтобы я... того... «ударомъ?»

Любившій до настоящаго дня жену Ѳедора Ильича, какъ родную дочь, Илья Петровичъ, въ минуты этихъ размышленій, открылъ въ ея характерѣ такія свойства, которыя должны были непремѣнно привести Ѳедора

Ильича къ тому, чтобы пожелать наивозможно-скорѣйшаго обладанія капиталами своего отца, а слѣдовательно пожелать наивозможно-скорѣйшей его смерти.

Въ это время онъ открылъ въ ея характерѣ поразительныя сходства съ характеромъ своей покойной жены и представилъ себѣ съ мельчайшими подробностями, какъ жена Ѳедора Ильича «сбиваетъ» своего мужа съ толку. Ему какъ-то жалко стало, что его Ѳедя не изъ ученыхъ и не будетъ въ состояніи противустоять ея хитростямъ.

— Я, другое дѣло, —думалъ Илья Петровичъ, — я человѣкъ закаленный, я былъ преданъ наукѣ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и потому не увлекался ничѣмъ житейскимъ. Я и теперь человѣкъ чуждый всего этого... Гдѣ жъ ему? Развѣ онъ можетъ сравниться со мной? Я не ждалъ наслѣдства, отбивался отъ него...

Думалъ онъ, думалъ и додумался, наконецъ, до того, что все это напрасно, что и думать собственно не слѣдуетъ, что нужно «просто на просто» отдѣлить сына, выдать ему часть капитала, да на этомъ все дѣло и покончить.

Размышленія его прервали. Вошелъ посланный изъ большого дома, звать къ чаю. Илья Петровичъ заерошилъ на головѣ у себя волосы и сказалъ: «Хорошо, сейчасъ!»

— Никогда не нужно въ гости ѣздить!—злобствовалъ онъ, оставшись одинъ,—только стѣсненіе...

XXIV.

Ночь для Ильи Петровича прошла тревожно. Онъ уже не просыпался для того, чтобы съѣсть пару жареныхъ цыплятъ и все то, что было услужливо ему наканунѣ во время болѣзни предложено догадливымъ слугой, а лежалъ съ открытыми глазами почти до разсвѣта. Все тѣ-же думы тревожили его, которыми онъ мучился со времени подслушаннаго разговора.

Предъ разсвѣтомъ онъ уже окончательно рѣшился.

— Да! Конечно! Пусть будетъ такъ!.. Много-ли мнѣ нужно, ну много-ли? Я уже, если по правдѣ-то говорить, я уже дѣйствительно начинаю старѣться. Пора мнѣ на покой. Пусть теперь Ѳедя съ Анютой всѣмъ, всѣмъ распоряжаются, а мнѣ что... Мнѣ еще, если по правдѣ-то говорить, мнѣ что... Да мнѣ еще спокойнѣе будетъ. Ей-Богу спокойнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, какъ это странно,—удивлялся онъ самъ себѣ,—съ чего я такъ томился, страдалъ, мучился, когда все дѣло такъ легко и просто разрѣшается?.. Вѣдь вотъ какъ удивительно созданъ человѣкъ, никогда ему хорошая мысль сразу въ голову не придетъ, Богъ знаетъ чего-чего не передумаешь, пока не нее наткнешься... И въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ размышлять, весело ухватившись за «хорошую мысль»,—мнѣ-же спокойнѣе будетъ. Къ чему мнѣ работы, хлопоты, когда у меня за плечами чуть не шестьдесятъ лѣтъ? Моя пѣсня спѣта. Слава Богу, пожилъ, потрудился, пора и успокоиться... Оставлю я себѣ на собственныя нужды рублей 1000 или 1500 въ годъ — и благодареніе Создателю. Выдѣлю изъ общей суммы капитала 20 тысячъ и доходами съ нихъ буду довольствоваться...

На этой мысли снова нѣкоторая тучка намѣревалась омрачить спокойствіе духа Ильи Петровича; но онъ не поддался и очень ловко вывернулся изъ подъ ея вліянія.

— На эти двадцать тысячъ Ѳедя уже не будетъ имѣть никакихъ видовъ. Это ужъ я устрою. Эта сумма никогда, ни въ какомъ случаѣ никому не должна поступать. Пусть она останется неприкосновенной. Собственно и я самъ на нее не буду имѣть права: она не моя. Я только доходами съ этой суммы могу пользоваться. Послѣ моей смерти она должна израсходоваться на добрыя дѣла... Это чудесно! Это и спокойно, и безобидно, ну словомъ, лучшаго въ сто лѣтъ не выдумаешь... И въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ еще хлопотать.

На этомъ онъ заснулъ. Снилась ему тихая келья, окна которой выходили на берегъ широкаго озера; вечерніе лучи солнца отражались въ тихихъ зеркальныхъ водахъ; въ воздухѣ благоухала зелень деревьевъ, слышались голоса птицъ... Онъ видѣлъ себя сидящимъ у окна кельи и погруженнымъ въ воспоминанія о томъ времени, когда Грозный, сидя можетъ быть у этого же окна, искалъ покоя своей душѣ «страдающей и бурной».

XXV.

На другой день рано утромъ Илья Петровичъ и Ѳедоръ Ильичъ выѣхали изъ усадьбы. День былъ пасмурный, шелъ мелкій дождь, и по небу тянулись разрозненные клочья сѣрыхъ облаковъ. Дорога была грязная и тянулась все перелѣсками, то поднимаясь въ гору, то опять прячась въ березовыхъ и осиновыхъ рощахъ. Такая погода и тихая ѣзда хоть на кого могла навести тоску; между тѣмъ Илья Петровичъ тоски не чувствовалъ и хотя страдалъ, но совершенно по другимъ причинамъ, которыя ничего общаго съ дурной погодой и тихой ѣздой не имѣли. Онъ томился сложившимся въ немъ желаніемъ передать поскорѣе свои капиталы сыну и «порадоваться»; но въ тоже время онъ хотѣлъ сохранить свое рѣшеніе до пріѣзда въ Петербургъ и вслѣдствіе этого страдалъ. Ѳедоръ Ильичъ нѣкоторое время молчалъ, въ ожиданіи, не будетъ-ли говорить отецъ по поводу ихъ вчерашнихъ объясненій; но Илья Петровичъ упорствовалъ и только велъ себя какъ-то необыкновенно странно: то высунется наружу изъ подъ фордека и мокнетъ на дождѣ, то вдругъ тревожно завертится на своемъ мѣстѣ, точно почувствуетъ подъ собой что-нибудь острое. Такія движенія начинали тревожить Ѳедора Ильича и мѣшали ему покойно сидѣть; онъ уже не разъ за это ругнулъ про себя родителя; даже слуга съ козелъ нѣсколько разъ оглядывался на Илью Петровича и думалъ: «экъ онъ какъ егозитъ, должно быть опять объѣлся».

— Что съ вами, папенька? — спросилъ наконецъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Ничего, ничего,—коротко и торопливо отвѣчалъ Илья Петровичъ, безпокойно вертясь изъ стороны въ сторону, и раза два уже посмотрѣлъ прямо въ глаза своему Ѳедѣ, видимо желая что-то сказать, но успѣлъ побороть это желаніе.

Ѳедоръ Ильичъ рѣшился занять чѣмъ-нибудь отца, думая, не будетъ ли онъ вслѣдствіе этого нѣсколько спокойнѣе сидѣть. Такъ иногда опытныя старухи-няньки умѣютъ успокаивать дѣтей сказками.

— Вотъ здѣсь, папенька,—началъ Ѳедоръ Ильичъ,— вотъ здѣсь бывало прежде, какъ разсказывалъ мнѣ старикъ садовникъ, здѣсь Николай Саввичъ цугомъ на четверкѣ скакалъ по горамъ во всю прыть въ рессорномъ экипажѣ, а сзади два лакея на запяткахъ кареты едва могли держаться, припрыгивая въ ямахъ и рытвинахъ Теперь онъ, я думаю, часа по четыре тащится эти десять верстъ до желѣзной дороги...

Илья Петровичъ пересталъ высовываться изъ экипажа, но все еще по временамъ тревожно вертѣлся на своемъ мѣстѣ и съ какимъ-то особенно страннымъ выраженіемъ взглядывалъ на Ѳедора Ильича.

— Помогаетъ! — подумалъ Ѳедоръ Ильичъ и продолжалъ:

— Иногда, говорятъ, бывало такъ, что въ то время, какъ коляска летѣла на всемъ скаку, слуга сваливался съ запятокъ, и Николай Саввичъ не считалъ нужнымъ останавливаться, только, бывало, прикрикнетъ на удержавшагося: «стой хотя ты, олухъ, крѣпче». Теперь не то...

— Теперь не то, Ѳедя, теперь не то... — подсказалъ и Илья Петровичъ, въ сущности самъ не зная о чемъ говоритъ.

Ему было трудно удерживать секретъ и хотѣлось поскорѣе высказаться; но онъ все еще имѣлъ силы молчать. Пріѣхали на желѣзную дорогу, взяли билеты, сѣли, поѣхали. Илья Петровичъ крѣпился, хотя съ

большими усиліями, но онъ все-таки велъ себя значительно сдержаннѣе, чѣмъ въ экипажѣ, можетъ быть потому, что въ вагонѣ были посторонніе люди.

Ѳедоръ Ильичъ начиналъ догадываться, что съ его родителемъ происходитъ что-то особенное, но настоящей причины этого понять не могъ.

— Не можетъ быть,—думалъ онъ,—чтобы отецъ такъ тревожился вслѣдствіе вчерашняго разговора, тутъ есть что-нибудь другое.

И онъ опять заговорилъ съ отцомъ, по обыкновенію, заведя рѣчь изъ далека.

— Вы замѣтили давеча,—началъ онъ,—что священникъ изъ усадьбы Николая Саввича тоже на этотъ поѣздъ взялъ билетъ.

— Нѣтъ, Ѳедя, я не замѣтилъ... я, Ѳедя, теперь, все... того...

Онъ не могъ дольше молчать — и разсказалъ сыну свою «новость».

XXVI.

Ѳедоръ Ильичъ готовъ былъ ждать всего, всякой невѣроятности, всякой неожиданности, словомъ, призналъ, что совершается что-то такое, совершенно невозможное, что-то необычайно странное и выходящее изъ рода обыкновенныхъ событій. Впечатлѣніе новости было до того сильно, и самая новость была такъ необыкновенна, что онъ, несмотря на все умѣнье «держаться», никакъ не могъ справиться самъ съ собою вполнѣ. Ему невольно пришло въ голову, да не сошелъ-ли отецъ въ самомъ дѣлѣ съ ума, но, взглянувъ въ глаза Ильѣ Петровичу, пришлось въ этомъ разубѣдиться, такъ они умно и весело свѣтились.

— Ѳедя!—прошепталъ Илья Петровичъ, обращаясь къ сыну,—Ѳедя! Анютѣ не говори ни слова, слышишь, ни слова, я самъ ей все разскажу...

Изъ предосторожности, чтобы Ѳедоръ Ильичъ не измѣнилъ слову, не передалъ-бы женѣ о «новости», Илья Петровичъ не пустилъ его слѣдовать за Анной

Ивановной въ ея комнату и удержалъ при себѣ. Онъ предвкушалъ наслажденіе при одной только мысли о томъ, какое интересное впечатлѣніе произведетъ на нее его «новость», и медлилъ, точно хотѣлъ себя подолѣе помучить въ видахъ бо̀льшаго удовольствія. Такъ истинный гастрономъ, при видѣ вкуснаго, любимаго блюда, нѣсколько времени томитъ себя, довольствуясь голько однимъ созерцаніемъ прелести видимаго, отдаляя минуту наслажденія. На вопросы Анны Ивановны Илья Петровичъ отвѣчалъ нѣсколько таинственно и повторялъ все одну и ту же фразу. Фраза, имъ повторяемая, заключала въ себѣ самый легкій, такъ сказать, до невозможности тонкій намекъ на совершившіяся событія, такъ что изъ этой фразы собственно никакого намека и не выходило, получалось что-то такое, чего и понять было нельзя.

— Да,—говорилъ онъ, потирая руки,—слава Богу, но слава, благодаря только нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

Достаточно натѣшившись таинственными намеками по поводу предстоящей передачи всего имѣнія сыну, Илья Петровичъ велѣлъ собраться въ залъ всему своему «домашнему штату» и оффиціально заявилъ, что съ завтрашняго дня, онъ, отставной статскій совѣтникъ, Илья Петровичъ, сынъ Растеряевъ, болѣе ни въ какія дѣла не вмѣшивается; что все управленіе домомъ, какъ-то: взиманіе доходовъ, производство расходовъ и «вообще» все переходитъ къ Ѳедору Ильичу, его родному сыну, единственному и полному наслѣднику всего имѣнія.

XXVII

На другой день онъ, веселый, здоровый, поѣхалъ куда нужно, чтобы привести свои предположенія о передачѣ всего имѣнія сыну къ окончательному осуществленію. Съ билетами онъ скоро все обдѣлалъ, перевелъ ихъ на имя сына, а дарственный актъ нѣсколько было позатянулся; но и тутъ, благодаря старшему

нотаріусу, дѣло приняло надлежащій ходъ въ тотъ-же день, хотя и позднимъ уже вечеромъ. Словомъ, въ одинъ день все было сдѣлано, даже и публикаціонныя деньги за припечатаніе въ сенатскихъ вѣдомостяхъ о переходѣ имѣнія были уплачены и еще осталось столько времени свободнаго, что Илья Петровичъ успѣлъ (независимо отъ того, что цѣлый день всѣмъ знакомымъ разсказывалъ о своей «новости»), успѣлъ еще заѣхать въ два-три мѣста и объявить, что онъ передалъ все сыну. Такъ въ этотъ день было много работы и хлопотъ, что не выдалось ни одной минуты для того, чтобы задуматься. Выдайся такая одна минута,—Богъ знаетъ что-бы вышло. Такъ весь день онъ, какъ говорится, кипѣлъ въ котлѣ и носился по Петербургу изъ одного мѣста въ другое, отъ городового нотаріуса въ банкъ, изъ банка къ старшему нотаріусу, отъ старшаго къ члену окружного суда и вездѣ встрѣчалъ знакомыхъ, вездѣ имѣлъ случай разсказать «новость», выставить себя дѣйствующимъ лицомъ и—главное, дѣйствующимъ необыкновенно — благородно, въ примѣръ другимъ. Сколько было переговорено въ этотъ небольшой, сравнительно, промежутокъ времени, сколько было сказано объ отношеніяхъ дѣтей къ отцамъ, отцовъ къ дѣтямъ, дѣтей Богъ знаетъ къ кому, и Богъ знаетъ кого къ дѣтямъ, не передать этого въ цѣлый мѣсяцъ. День, наконецъ, прошелъ и прошелъ благополучно, то есть благополучно для Ѳедора Ильича и его супруги. На сколько былъ благополученъ и какое значеніе имѣлъ этотъ день для Ильи Петровича, онъ рѣшить не могъ, ибо не былъ одаренъ способностью оцѣнивать и критиковать событія, еще не кончившіяся и не выяснившіяся. Съ нѣкотораго времени обстоятельства, какъ извѣстно, стали такъ складываться, что волей-неволей приходилось надъ ними задумываться; но привычка не останавливаться долго надъ разсмотрѣніемъ одного и того же вопроса заставляла Илью Петровича спѣшить въ этомъ дѣлѣ, какъ спѣшилъ онъ во всемъ. Задѣтый за живое разговоромъ дѣтей Сумракова, онъ не имѣлъ

возможности исподволь, не торопясь разсмотрѣть выступившій на очередь вопросъ и разрѣшилъ его сразу, не откладывая, безъ промежутковъ для занятія чѣмъ-нибудь другимъ. Другимъ онъ въ такое время и заняться-бы не могъ, это было не въ его натурѣ. Затѣмъ, покончивъ въ теоріи «вопросъ», онъ тоже не могъ успокоиться, пока не осуществилъ его на практикѣ. Когда-же тутъ разсматривать значеніе совершающихся событій?

День прошелъ. Наступила ночь. Наступилъ слѣдующій затѣмъ день, это былъ уже третій счетомъ послѣ пріѣзда изъ усадьбы Сумракова и этотъ третій день прошелъ такъ-же счастливо. Илья Петровичъ съ утра удралъ къ старшему нотаріусу по дѣлу о передачѣ имѣнія сыну, оттуда пошелъ въ департаментъ за сыномъ, захватилъ его съ собой и затѣмъ вернулся вмѣстѣ съ нимъ домой, уже окончательно переведя на его имя домъ. За обѣдомъ немного выпили и очень много говорили, т.-е. собственно говорилъ Илья Петровичъ. Послѣ обѣда тотчасъ-же отправились на острова, «чтобы не спать», и вернулись поздно. Такъ благополучно миновалъ и этотъ день.

XXVIII.

На четвертый день послѣ пріѣзда изъ усадьбы расположеніе духа Ильи Петровича и направленіе его мыслей сильно измѣнилось.

Оттого-ли, что съ того времени, съ котораго Илья Петровичъ успокоился отъ всѣхъ тревогъ прошедшаго дня, т.-е. съ полночи, пошелъ дождь, да такой назойливый, что хлесталъ въ окна до разсвѣта; оттого-ли, что вѣтеръ всю ночь завывалъ подъ окнами и, посвистывая, точно надъ чѣмъ-то посмѣиваясь, тревожилъ сонъ Ильи Петровича, или вой собаки, продрогшей на дворѣ сосѣдняго дома, безпокоилъ его, — это трудно объяснить: но только во всякомъ случаѣ, отчего-бы тамъ ни было, а расположеніе духа Ильи Петровича

и направленіе его мыслей съ наступленіемъ третьяго утра сильно измѣнилось. Проснулся онъ рано, быстро вскочилъ съ постели и остановился неподвижно у кровати, какъ будто что-то припоминая; онъ приложилъ обѣ руки къ головѣ, все еще находясь подъ вліяніемъ припоминанія, и не двигался съ мѣста, хотя-бы для того, чтобы накинуть на плечи халатъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Потомъ онъ медленно отнялъ руки отъ головы, и онѣ какъ будто сами собой, безъ участія его воли, опустились внизъ, а вѣки глазъ расширились до необычайныхъ размѣровъ.

— Тьфу ты пропасть, какой однако скверный... день сегодня!—сказалъ наконецъ вслухъ Илья Петровичъ.

По выраженію его лица можно было видѣть, что тутъ дурная погода не при чемъ, что «не тѣмъ въ то время сердце было полно».

Совершившіяся наканунѣ событія стали предъ нимъ мало-по-малу выясняться и, выясняясь, казалось, пугали его все болѣе и болѣе. Онъ, какъ будто по наитію свыше, получилъ способность уразумѣть ихъ настоящій смыслъ. Такимъ образомъ, только что порѣшивъ вопросъ и осуществивъ его на практикѣ, пришлось его снова разсматривать.

Думалъ онъ и говорилъ самъ съ собою слѣдующее:

— Что это я такое сдѣлалъ? Очумѣлъ я что-ли, или уже окончательно съ ума сошелъ? Тьфу, чортъ побери, какія событія совершились и какъ это все скоро, вдругъ... Этакая, съ позволенія сказать, свинья этотъ нотаріусъ и всѣ его проклятые помощники! Всѣ свиньи, конечно, онъ всего болѣе. Ну, что бы ему стоило не послушать меня и затянуть дѣло до сегодняшняго утра... Да и я хорошъ! Съ чего это меня нелегкая сунула перевести все имѣніе на имя Θеди? Да и что за крайность такая? Гдѣ-же подобные примѣры бывали, какой такой дуракъ и при какихъ обстоятельствахъ способенъ былъ совершить этакую... этакую... нелѣпость. Именно нелѣпость. Господи! Что это такое

за наказаніе на меня. Жилъ, жилъ спокойно, тихо, невозмутимо, сколько лѣтъ и вдругъ... Да что-же это такое? Не болѣе трехъ-четырехъ дней прошло, какъ я только отдѣлался было отъ этихъ проклятыхъ думъ, а теперь опять!.. Ужасно все странно вышло, необъяснимое что-то совершается надо мной. Вѣдь никогда ничего подобнаго не бывало... Гм... Кажется все предусмотрѣлъ, а вышло чортъ знаетъ что!.. Какимъ образомъ могъ я позабыть великое произведеніе великаго Шекспира, представившаго въ безсмертной трагедіи «Король Лиръ», какъ опасно переводить домъ и всѣ банковые билеты на имя сына! Тьфу, чортъ побери, мысли даже путаются. И этотъ ужасный сонъ, который я сегодня видѣлъ, не приснился-же мнѣ вчерашнюю ночь; нѣтъ, какъ нарочно, грезилось все что-то такое идиллическое...

— Этакая мерзость... А тутъ еще этотъ сонъ: теперь онъ еще будетъ мучить и подливать масло въ огонь. Это ужъ извѣстно, одна бѣда всегда другую накликаетъ... Да нѣтъ, вздоръ все, вздоръ!.. Никакихъ причинъ нѣтъ, такъ приснилось просто, никакого тутъ и смысла нѣтъ...

Онъ хотѣлъ самъ себя успокоить относительно нелѣпости видѣннаго въ эту ночь сна и забыть про него, а забыть не могъ.

— Какой, однако скверный этотъ сонъ,—шепталъ онъ, медленно почесывая у себя въ затылкѣ,—скверный сонъ и... знаменательный, чортъ его побери!

Сонъ былъ дѣйствительно скверный и знаменательный, въ особенности, если принять во вниманіе впечатлительную натуру Ильи Петровича.

Въ эту ночь онъ видѣлъ себя утопающимъ въ волнахъ бурнаго моря; волны набѣгали на утесистый берегъ и разбивались о его скалы, высоко разбрасывая отъ себя брызги, и съ этими волнами, то исчезая въ глубинѣ ихъ, то появляясь снова на поверхности, боролся Илья Петровичъ и изнемогалъ, теряя послѣднія силы. На крутомъ берегу, на самомъ обрывѣ скалы,

стоялъ Ѳедоръ Ильичъ, въ вицъ-мундирѣ и съ портфелемъ подъ мышкой, точно только что вышелъ послѣ утренняго чая изъ квартиры и стоитъ на парадномъ крыльцѣ, въ ожиданіи пока подадутъ экипажъ, чтобы отправиться въ департаментъ.

— Ѳедя! Ѳедя!.. Спаси! Спаси меня!.. Утопаю!..— кричалъ Илья Петровичъ, и казалось ему, что если Ѳедоръ Ильичъ лишился способности слышать умоляющій голосъ своего отца сквозь шумъ и вой вѣтра, то не могъ же онъ вдругъ лишиться и органа врѣнія и не видѣть, въ какомъ отчаянномъ положеніи находится его великодушный родитель, такъ щедро надѣлившій его наслѣдствомъ. Между тѣмъ, Ѳедоръ Ильичъ стоялъ себѣ на берегу, спокойный, безмолвный, и покуривалъ сигару точно передъ нимъ были не волны, въ которыхъ нырялъ Илья Петровичъ, какъ бочка, а какой-то томъ свода законовъ, изъ котораго надлежало вытянуть подходящую къ дѣлу статью. — Погибаю!.. Спаси-и!.. снова кричалъ Илья Петровичъ и чувствовалъ, что захлебывается въ поглотившей его волнѣ.

— Конечно, надъ сномъ не стоитъ задумываться, все это вздоръ... Однако, въ теоріи сновидѣній, помнится мнѣ, говорится, что сны имѣютъ отношенія не къ будущему, а къ прошедшему, связь какую-то они имѣютъ съ прошлымъ... Да не въ этомъ дѣло, ну ихъ совсѣмъ. Это все пустяки, сны эти, мало-ли что можетъ присниться. Снилась же мнѣ и раньше всякая чепуха... Напрасно я вчера съ вечера много ѣлъ и выпилъ, кажется, на радостяхъ, что-то лишнее... На радостяхъ!.. Удивительная радость! Господи! Почто наказуеши!..

Случайно взглянувъ на самого себя въ зеркало, въ которомъ отражалась его фигура во всей прелести утренняго неглиже, онъ нашелъ нужнымъ приступить къ туалету и медленно сталъ натягивать на себя халатъ, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ подавлявшихъ его размышленій.

— Замѣчательно то,—думалъ онъ,—что вслѣдствіе

Богъ знаетъ какихъ-то особенныхъ причинъ, у меня выходитъ всегда такъ, что я начинаю обдумывать дѣло въ то время, когда оно уже рѣшено и исполнено.

Затѣмъ полѣзли въ голову мысли о томъ, что Ѳедоръ Ильичъ не имѣетъ дѣтей, и имѣніе все, послѣ его смерти, можетъ перейти Богъ знаетъ кому.

— Какъ-же я этого-то не предусмотрѣлъ? Ну, что я послѣ этого за человѣкъ? Вотъ такъ вся моя жизнь шла, все ищу, роюсь, думаю что-то большое сдѣлать, а самъ дальше своего носа ничего не вижу...

Такъ проходило утро часъ за часомъ.

Илья Петровичъ метался въ своихъ размышленіяхъ.

— Теперь еще пока дѣло поправимо,—думалъ онъ,— теперь еще, слава Богу, по горячимъ слѣдамъ можно все поправить. Можно все возстановить въ прежнемъ видѣ, все исправить. Возстановить? А какимъ это такимъ чудодѣйственнымъ способомъ можно все поправить и возстановить въ прежнемъ видѣ? Какимъ это?.. Гм... Штука!.. Способъ одинъ: взять билеты обратно, перевести домъ обратно на мое имя, ну словомъ сдѣлать такъ, какъ было до вчерашняго утра. Это, чортъ возьми, интересно-бы, въ самомъ дѣлѣ... но какъ-же взять? Основанія, вѣдь, однако, нужны-же... Ну, конечно, еще-бы, конечно основанія нужны... Да мало-ли какихъ основаній можно придумать. Сказать вотъ, что, молъ, Ѳедя, я вѣдь, молъ, пошутилъ, я вѣдь нарочно, только такъ, для шутки... Нѣтъ! Нѣтъ! Это неудобно, нѣтъ надо не такъ, не такъ, вовсе не такъ. Сказать вотъ, что, молъ, Ѳедя, я раздумалъ, передумалъ, я нахожу нужнымъ, вообще... Считаю необходимымъ... Но вѣдь это сканда-а-лъ, вѣдь это... Это... Что-же, на смѣхъ всѣмъ, на смѣхъ, да еще на какой смѣхъ-то!.. Господи!.. Вѣдь это на что-же будетъ похоже!.. Нѣтъ, нѣтъ, и языкъ даже не поворотится выговорить такую фразу. Считаю необходимымъ... А онъ можетъ мнѣ самымъ спокойнѣйшимъ тономъ (на это вѣдь онъ мастеръ, я вѣдь его знаю)... онъ мнѣ самымъ деликатнѣйшимъ тономъ отвѣтитъ, что не угодно-ли, скажетъ,

вамъ объяснить, отчего, зачѣмъ и почему... Да это еще слава Богу, а то можетъ такъ себѣ просто сказать, что вы, молъ, можете считать необходимымъ, а я не считаю. Вы, скажетъ, считали необходимымъ, не далѣе какъ вчера, передать и передали все на законномъ основаніи. Этакъ, пожалуй, вы, скажетъ, завтра опять заговорите: считаю необходимымъ все отдать обратно; это, скажетъ, ни на что не похоже...

— Если я сдѣлалъ ошибку,—продолжалъ думать Илья Петровичъ,—то именно тѣмъ, что въ одинъ день успѣлъ протрубить по всему городу, что вотъ, молъ, хочу успокоиться, хочу все передать сыну... Какое хочу? Не говорилъ я развѣ по совершеніи дарственной записи, даже еще и до ея совершенія, когда только именные билеты перевелъ на имя Ѳеди, не говорилъ я развѣ встрѣчному и поперечному изъ своихъ знакомыхъ, не заѣзжалъ развѣ нарочно къ нимъ, чтобы сказать (дьяволъ точно меня таскалъ по всему городу), чтобы сказать, что я болѣе не хозяинъ въ своемъ домѣ, что теперь все и вся принадлежитъ моему несравненному Ѳедѣ. Вотъ ошибка...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Предки Сумракова съ давнихъ временъ были богаты и знатны. Дѣдъ его когда-то построилъ въ усадьбѣ у себя церковь и обезпечилъ на вѣчныя времена существованіе причта, а затѣмъ, какъ тому и быть слѣдовало, въ свое время померъ. Николай Саввичъ, владѣющей въ настоящее время этой усадьбой, по годамъ, какъ извѣстно, тоже дѣдъ, да къ тому же еще и превосходительный: значитъ, со времени постройки церкви прошло годовъ довольно. Несмотря на это, она стоитъ до настоящихъ дней прямо, и аккуратно каждое воскресенье въ ней совершается служба.

Эта церковь не отличается грандіознымъ величіемъ пятиглаваго собора, на золоченый куполъ котораго доброхотные датели расходуютъ деньги тысячами, удовлетворяя этимъ не столько религіозное чувство, сколько суетное тщеславіе, искони вѣковъ охватившее собою весь человѣческій міръ. Нѣтъ вблизи ея громадной колокольни, напоминающей собою безсильныя попытки строителей вавилонской башни, и не слышенъ гулъ тысячепудоваго колокола, какіе любятъ жертвовать богобоязненные купцы, надѣющіеся искупить массой мѣди свои грѣхи вольные и невольные...

Я живо представляю себѣ эту маленькую церковь. Во всѣ времена года она одинаково нравилась мнѣ

когда-то въ давнопрошедшее время. Помню я жаркіе лѣтніе дни, когда при полномъ блескѣ солнца живетъ и дышетъ вся природа, и сумрачные осенніе вечера, когда темныя тучи сгущаются въ воздухѣ, и бурный вѣтеръ воетъ подъ сердитые раскаты грома, и освѣщаются молніей, тòчно заревомъ пожара, деревенскія жилища вмѣстѣ съ испуганными лицами ихъ обитателей; помню зимнюю холодную пору, когда едва виднѣются изъ-подъ снѣга полузакрытыя его сугробами крестьянскія избушки, и дни весны, когда въ лѣсахъ, поляхъ и въ шумѣ водъ, вездѣ чувствуется необъятная сила, оживляющая душу истомленнаго человѣка. Все это воскресаетъ въ моемъ воображеніи при воспоминаніи деревенской жизни, и я снова вижу маленькую церковь. Самая ветхость ея, сѣровато-темный цвѣтъ стѣнъ, двѣ-три плакучія ивы, поникнувшія своими вѣтвями на церковную крышу, свѣтъ лампады, пробивающійся въ окна, — все это когда-то казалось такъ поэтически прекрасно и необъяснимо привлекательно, и все это теперь навѣваетъ только тихую грусть о чемъ-то давно, давно прошедшемъ и гдѣ-то невозвратно утраченномъ...

Вблизи церкви, нѣсколько въ сторонѣ отъ крестьянскихъ избъ, находился когда-то небольшой, въ три окна домикъ для священника. Домикъ давно разрушился и замѣнился новой избой. Стараго священника замѣнилъ молодой, рѣзкій голосъ котораго странно какъ-то звучитъ въ тишинѣ ветхой церкви, въ противоположность тихимъ и мягкимъ возгласамъ его предшественника.

Этотъ предшественникъ и его жена, подобно нѣкоторымъ другимъ героямъ этой повѣсти, давно уже окончили свое земное странствіе, но они еще живутъ въ моемъ воспоминаніи, и я считаю себя счастливымъ, что имѣю возможность оставить въ сторонѣ и забыть на время весь тотъ волнующійся и утопающій въ своихъ личныхъ интересахъ кружокъ людей, описаніемъ жизни которыхъ я до сихъ поръ занималъ вниманіе читателя. Я

считаю себя счастливымъ, забывая ихъ для того, чтобы дать мѣсто инымъ интересамъ, инымъ стремленіямъ, болѣе чистымъ и высокимъ...

II.

Зелень березъ и липъ, окружавшая домикъ священника съ трехъ сторонъ, придавала ему особенную прелесть, а изъ-за этой зелени выглядывали на церковную площадь всегда безукоризненно бѣлыя занавѣсы оконъ съ вѣчно блестящими стеклами рамъ и съ разнообразными цвѣтами комнатныхъ растеній, начиная отъ скромныхъ гвоздикъ и гераніума и доходя до китайской розы.

Каждый, въ первый разъ посѣщавшій усадьбу, невольно любовался, глядя на этотъ домикъ, и мысленно завидовалъ тому счастливцу, который въ немъ обиталъ.

Если любознательность посѣтителя простиралась до того, что онъ рѣшался переступить калитку воротъ и заглянуть во дворъ домика, то и тамъ находилъ тоже нѣчто достойное вниманія и изученія. Его даже, такъ сказать, поражало отсутствіе того, что обыкновенно случается видѣть во всѣхъ деревенскихъ дворахъ: не торчала разсыхающаяся на солнцѣ старая полубочка, обручи которой давно разбросаны шаловливыми ребятами по всему двору и бьютъ по ногамъ каждаго, кто неосторожно на нихъ наступаетъ; не видно было на этомъ дворѣ изломанной телѣги, которую хозяинъ съ незапамятныхъ временъ собирается починить и все не можетъ собраться за недосугомъ; не было разбросано по двору даже клочьевъ сѣна и соломы,—вездѣ было чисто и все находилось на своемъ мѣстѣ. Подъ навѣсомъ, гдѣ стояла окрашенная въ голубой цвѣтъ одноколка, былъ отведенъ цѣлый уголъ подъ помѣщеніе куръ и горластаго пѣтуха, служившаго грозою всѣмъ остальнымъ пѣтухамъ деревни, какъ по причинѣ его непомѣрной физической силы и ловкости, такъ и по громадности голосовыхъ средствъ. Дворъ всегда такъ

чисто содержался, что двѣ свиньи съ поросятами, какъ будто сознавая, что имъ неприлично быть на такомъ чистомъ дворѣ, избрали своимъ пребываніемъ мѣсто за конюшней, гдѣ и чесали спины о заборъ, къ вящшему соблазну полусоннаго борова, лежавшаго въ грязи и покрякивавшаго отъ удовольствія при видѣ этого процесса.

Когда кому-либо случалось въ первый разъ войти внутрь самаго домика, то онъ въ невольномъ изумленіи останавливался при входѣ въ комнаты, очарованный уютно-мирнымъ характеромъ обстановки ихъ... Но здѣсь вкралось не точное выраженіе: нельзя сказать «при входѣ въ комнаты», потому что собственно комната была только одна, хотя и раздѣлялась при помощи обтянутой ситцемъ ширмы на двѣ неравныя части, одна въ два окна, а другая въ одно; первая половина называлась гостиной, а вторая—спальной. Кухня и прочія хозяйственныя помѣщенія находились въ пристройкѣ, соединявшейся съ домикомъ небольшимъ навѣсомъ, подъ которымъ помѣщалось крыльцо, вѣчно посыпанное свѣжею зеленью лѣтомъ и чистою циновкою зимой.

Таковъ былъ по внѣшнему виду маленькій домикъ съ его безукоризненно чистымъ дворомъ.

Казалось, въ этомъ тихомъ уголкѣ не можетъ имѣть мѣста гнѣвъ, зависть и другіе пороки, которыми въ большей или меньшей степени отличается отъ прочихъ животныхъ человѣкъ, именующій себя царемъ природы и вѣнцомъ творенія. И дѣйствительно, можно-ли было подумать, глядя на блестящій, какъ зеркало, полъ, устланный бѣлыми половиками, чтобы по нимъ могъ озлобленно топать ногами кто-либо изъ живущихъ въ этомъ домикѣ? Можно-ли было предположить, при видѣ аккуратно уложенныхъ на передиванномъ столѣ книгъ и симметрически поставленныхъ на немъ двухъ вазочекъ съ цвѣтами, что обитатели домика отличаются дикостью нрава, грубыми и невѣжественными привычками? Напротивъ, взглянувъ на тихо мерцающую въ переднемъ углу лампаду передъ образомъ, въ кіотѣ

котораго стояли украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи, никакъ нельзя было допустить той мысли, чтобы въ этомъ домикѣ могли жить какія-либо другія чувства кромѣ чувства мира и любви. Въ этомъ должны были убѣдить и литографическія картинки, висѣвшія по стѣнамъ съ изображеніемъ символа вѣры и молитвы Господней въ лицахъ.

Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Варѳоломей Григорьевичъ Златорунскій, съ своей супругой, Анной Аѳанасьевной.

Въ этомъ домикѣ никогда не было мира, бывало только перемиріе; въ немъ рѣдко бывало тихо, и тишина всегда предшествовала бурѣ: чѣмъ тишина бывала продолжительнѣе, тѣмъ сильнѣе потомъ злобствовала буря. И странное дѣло: война называлась междоусобной, а велъ ее только одинъ изъ обитателей домика, безъ всякаго желанія на это со стороны другого. Одинъ и тотъ же человѣкъ велъ войну, заключалъ перемиріе, нарушалъ его и снова возобновлялъ; другой же вѣчно оставался въ какомъ-то странномъ положеніи, котораго онъ самъ себѣ никакъ не могъ объяснить съ достаточною опредѣленностью. Ему казалось, что онъ въ этой войнѣ никакого участія не принимаетъ и ограничивается только ролью спокойнаго наблюдателя; но въ то же время чувствовалось, что онъ какъ-будто бы совсѣмъ не наблюдатель, а непосредственно дѣйствующій въ домашней войнѣ, называемой имъ, вслѣдствіе этого, междоусобной. Иногда даже, начиная опредѣлять свое положеніе, онъ томился и страдалъ при мысли о томъ, что «самъ во всемъ виноватъ», что «самъ усугубляетъ междоусобіе». Между тѣмъ, говоря откровенно, онъ на себя просто клеветалъ по извѣстной его слабости принимать на свою голову всякія вины и проступки другихъ людей: въ дѣйствительности со стороны его никакихъ усугубленій дѣлаемо не было, потому что онъ никогда не имѣлъ въ сердцѣ другихъ чувствъ, кромѣ чувства любви, мира, добра и правды.

Человѣкъ, отличавшійся такими качествами, былъ отецъ Варѳоломей; войну же вела, заключала перемирія и нарушала ихъ его супруга, Анна Аѳанасьевна.

Когда война достигала невѣроятныхъ размѣровъ и обрушивалась на совершенно не подходящія къ этому вещи, какъ-то на стулья и столы, предметы даже вовсе неодушевленные, въ то время отецъ Варѳоломей старался вооружаться и вооружался до нѣкоторой степени безукоризненно, ибо миръ и спокойствіе въ это время занимали въ его сердцѣ главное мѣсто. Когда супруга его въ припадкѣ воинственнаго азарта гнѣвно сверкала глазами, швыряя во всѣ стороны что ни попадало въ руки, глаза отца Варѳоломея были по обыкновенію тихи и кротки и, казалось, могли бы укротить всякаго звѣря, кромѣ только его неукротимой супруги. Укротить супругу было невозможно; она укрощаться могла только сама, по собственной волѣ, и укрощалась иногда на довольно продолжительное время, такъ, напримѣръ, дней на пять или на шесть, а иногда даже и на цѣлую недѣлю. Послѣднее, впрочемъ, бывало рѣдко и всегда предвѣщало большую бурю въ скоромъ времени.

О. Варѳоломей былъ въ отношеніяхъ къ своей супругѣ ласковъ и внимателенъ, называлъ ее обыкновенно матушкой и только въ то время, когда Анна Аѳанасьевна грозила обратить свой гнѣвъ на неодушевленные предметы или принять ихъ въ союзники, отецъ Варѳоломей переставалъ обращаться къ ней, какъ къ матушкѣ, и хотя по-прежнему кротко, но называлъ ее уже просто попадьей. Иногда, впрочемъ, это послѣднее обращеніе употреблялось и не въ самомъ разгарѣ «междоусобій», но только уже во всякомъ случаѣ не въ мирное время.

Сидитъ, напримѣръ, у отца Варѳоломея гость, заѣзжій ли дьяконъ изъ сосѣдняго села, управитель-ли какого-нибудь имѣнія, или экономъ дома Сумракова,— сидитъ онъ вдвоемъ съ отцомъ Варѳоломеемъ, и ведутъ они мирную бесѣду. Въ комнатѣ полнѣйшая тишина и

только раздаются тихіе звуки мѣрной и отчасти медленной рѣчи отца Варѳоломея, да по-временамъ слышно, какъ кошка царапаетъ что-то, злодѣйски всматриваясь въ угловую дыру половицы. Это нисколько не тревожитъ отца Варѳоломея, онъ доволенъ и крайне счастливъ, ибо любитъ бесѣдовать. Вдругъ появляется изъ кухни матушка, и какъ бурный вихрь нарушаетъ прелесть тихаго вечера, такъ мгновенно нарушаетъ матушка мирный характеръ бесѣдующихъ. Въ противоположность медленной и тихой рѣчи отца Варѳоломея раздается громкая и торопливая фраза, съ шумомъ и трескомъ отдвигается въ сторону попавшійся на дорогѣ стулъ, и Анна Аѳанасьевна начинаетъ посвящать гостя въ подробности своихъ воинственныхъ отношеній къ сосѣдственнымъ жителямъ. Отецъ Варѳоломей старается смолчать и дать возможность своей супругѣ высказаться; но такой образъ дѣйствій не достигаетъ своей цѣли, ибо супруга не умолкаетъ и уже принимается кого-то за что-то распекать, очевидно кого-нибудь изъ сосѣднихъ непріятелей, которыхъ у ней развелось великое множество. Терпѣніе отца Варѳоломея сильно страдаетъ, и всего болѣе потому, что онъ любитъ миръ и тишину, а громкія жалобы супруги на сосѣдей, Богъ-вѣсть для чего приплетенныя къ ихъ бесѣдѣ, давно ему извѣстны и, по справедливости говоря, достаточно сильно уже намозолили уши. Онъ ласково взглядываетъ на свою супругу, какъ-бы прося ее умолкнуть, и приступаетъ къ продолженію прерваннаго разговора. Анну Аѳанасьевну это оскорбляетъ, но она сдерживаетъ свой гнѣвъ и только время-отъ-времени срываетъ его на противорѣчіяхъ, которыми путаетъ мирную бесѣду отца Варѳоломея съ гостемъ. Отецъ Варѳоломей нѣкоторое время не обращаетъ на это вниманія, но такъ какъ вмѣшательство супруги принимаетъ все большіе размѣры и доходитъ до того, что на каждое слово о. Варѳоломея является критическая замѣтка, онъ не выдерживаетъ и рѣшается снова «утруждать» свою супругу.

— Матушка, удостойте выслушать мою всепокорнѣйшую просьбу,—говоритъ онъ.

— Ну, что тебѣ нужно, говори скорѣй, не размазывай? — вопрошаетъ довольно рѣзко Анна Аѳанасьевна.

— Сдѣлайте хотя единожды мнѣ такое одолженіе, оставьте, пожалуйста, втунѣ ваши противорѣчія и пререканія.

Это кроткое обращеніе принимается Анной Аѳанасьевной уже за открытое объявленіе войны. Тонъ ея голоса поднимается сразу на нѣсколько нотъ и, забираясь все выше и выше, достигаетъ, наконецъ, такихъ предѣловъ, за которыми уже, собственно говоря, голоса и не слышно, а раздается только нѣчто похожее на писк поросенка, упрятаннаго, противъ его желанія, въ глухой мѣшокъ.

Иногда гость неожиданно, къ великому своему удивленію, слышалъ отъ матушки, что причина споровъ есть именно онъ самъ съ своими нравственными, умственными и физическими недостатками. Не успѣвалъ еще онъ опомниться отъ этой новости, какъ уже былъ осыпаемъ различными упреками, все въ томъ-же духѣ, и за жену свою, если былъ человѣкъ женатый, и за мать, не принимая во вниманіе была-ли она въ числѣ живыхъ или мертвыхъ, и даже за всю свою родню. Нужно замѣтить, что Анна Аѳанасьевна не церемонилась и умѣла порой выражаться смѣло и рѣшительно. Въ такое бурное время отецъ Варѳоломей начиналъ сильно безпокоиться, приходилъ въ крайнее смущеніе и сидѣлъ не поднимая глазъ; если же онъ замѣчалъ, что гость дѣйствуетъ безтактно и «усугубляетъ» войну своими оправданіями, то дѣлалъ ему таинственные знаки или украдкой дергалъ его за полу одежды, давая знать, что путь ко спасенію только въ одномъ молчаніи. Бывало такъ, что гость оказывался посредникомъ между мужемъ и женою и долженъ былъ выслушивать жалобы Анны Аѳанасьевны на о. Варѳоломея за то, что онъ не хозяинъ, «не скопи-

домъ», и ея похвалы самой себѣ за то, что «ею одной все держится».

Въ томъ и другомъ случаѣ одинаково должна была прерываться мирная бесѣда о. Варѳоломея съ гостемъ. Въ первомъ случаѣ, то-есть въ то время, когда Анна Аѳанасьевна опорочивала гостя во всевозможныхъ преступленіяхъ, прекращалась не только мирная бесѣда о. Варѳоломея, но гость совсѣмъ уходилъ, и иной даже давалъ себѣ клятвы не приходить болѣе никогда въ описываемый домикъ; но въ послѣднемъ случаѣ, во время избранія гостя посредникомъ, бывало такъ, что о. Варѳоломей, выждавъ желаемый моментъ, вставалъ съ своего мѣста и, приложивъ руку къ сердцу, говорилъ:

— Матушка, я уже нѣсколько разъ вамъ объяснялъ, и это, конечно, извѣстно всему околотку, что настоящая, такъ-сказать, глава всего есть вы, а не я, и паки повторяю то же.

Анна Аѳанасьевна вслѣдствіе такой благопріятной тактики мужа нѣсколько подавалась на заключеніе перемирія.

— Такъ не угодно-ли вамъ будетъ, матушка,—ласково продолжалъ о. Варѳоломей,—распорядиться изготовленіемъ чаю.

Иногда такими словами предупреждались крупныя событія. Это доставляло о. Варѳоломею большое утѣшеніе, даже, пожалуй, нѣкоторое счастье, хотя и въ весьма микроскопическихъ размѣрахъ. Случалось, что и такая, повидимому, весьма благопріятная тактика не приносила надлежащей пользы и даже оказывала вредныя послѣдствія. Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ, что о. Варѳоломей всего болѣе желаетъ ея удаленія изъ комнаты, въ видахъ удовольствія пріятной бесѣды, напускалась уже непосредственно на него самого и начинала его бранить, неизвѣстно, впрочемъ, за какія провинности. Онъ въ отвѣтъ на эту брань тихо улыбался, посматривая на гостя, какъ-бы желая дать ему нѣкоторыя понятія о младенчески-невинныхъ, по его

мнѣнію, притязаніяхъ Анны Аѳанасьевны; но когда такія младенчески-невинныя притязанія, даже по мнѣнію о. Варѳоломея, выходили изъ своихъ предѣловъ, тогда онъ терялъ терпѣніе и, приложивъ по обыкновенію руку къ сердцу, убѣдительно возражалъ:

— Попадья!—говорилъ онъ,—есть въ тебѣ Богъ, или нѣтъ?

— Есть! Есть!—громко перебивала Анна Аѳанасьевна, и снова звенѣлъ ея голосъ, уподобляясь вышеупомянутому визгу.

Отецъ Варѳоломей выжидалъ удобную минуту и снова возражалъ:

— Я такъ предполагаю, что Онъ тебя если еще и по сіе время не оставилъ, то по-истинѣ весьма скоро оставитъ за твое постоянно гнѣвное со мною обращеніе.

Это уже было обиднѣе всякой обиды, и Анна Аѳанасьевна по нѣкоторымъ стратегическимъ соображеніямъ находила нужнымъ отъ наступательнаго дѣйствія перейти къ другому способу. Она, какъ-бы пораженная «ужасными» словами своего супруга, въ изнеможеніи опускалась на стулъ, а если его по близости не оказывалось, то на полъ, начинала выть, называя себя несчастной жертвой строптиваго мужа. «Ужасныя» слова мужа какъ-будто наполняли до краевъ чашу ея какихъ-то страданій; подъ вліяніемъ ихъ она переносилась мыслью въ воспоминанія своей давно прошедшей юности и начинала высказывать слезливымъ голосомъ свои сожалѣнія о томъ времени, когда у ней были въ виду хорошіе женихи, изъ безчисленнаго количества которыхъ она могла выбрать достойнѣйшаго спутника жизни, ни въ чемъ не похожаго на о. Варѳоломея. Вой перемѣшивался съ жалобами на отца и мать, на судьбу и даже на самого Бога. Перепуганный, какъ воемъ и плачемъ супруги, такъ въ равной степени и ея жалобами на Бога, о. Варѳоломей сильно терялся и не зналъ, что ему дѣлать, хотя, казалось, онъ могъ-бы давно пріобрѣсть полную возможность привыкнуть къ такимъ рѣзкимъ переходамъ супруги.

Онъ торопливо бросался за водой и предлагалъ супругѣ «освѣжиться».

— Попадья!.. Попадья!..—печально говорилъ онъ,— не малодушествуй... Ну, выпей вотъ воды... Ну, ежели ужъ такъ, ну, я во всемъ виновенъ... приношу покаяніе...

— Зачѣмъ я, несчастная, на свѣтъ родилась! Зачѣмъ не убьетъ меня Господь!..—продолжала съ воемъ Анна Аѳанасьевна.

— Попадья! зачѣмъ ты богохульствуешь... Говорю тебѣ, не малодушествуй... Вспомни, что безъ воли Божьей ни единый власъ съ главы не свалится.

Гость чувствовалъ себя въ весьма щекотливомъ положеніи и не зналъ какъ ему быть, въ особенности если онъ былъ человѣкъ еще не достаточно коротко знакомый съ жизнью Златорунскихъ. Близкіе знакомые отца Варѳоломея привыкли уже къ этому. Они даже принимали участіе въ успокоеніи Анны Аѳанасьевны и улаживали дѣло.

Но опять-таки нужно оговориться, что такіе случаи утѣшеній составляли тоже явленіе не частое, потому что Анна Аѳанасьевна не принадлежала къ числу нервныхъ женщинъ, пересчитать которыхъ въ наше время такъ же трудно, какъ звѣзды на небѣ. Она была женщина, одаренная замѣчательнымъ здоровьемъ и никогда не хворала, а потому и вой ея всего болѣе напоминалъ собою завываніе волка, когда онъ, уныло двигаясь по снѣжнымъ сугробамъ пустынной степи, горько жалуется на голодъ и пугаетъ страшнымъ завываніемъ проѣзжаго человѣка. Анна Аѳанасьевна выла собственно потому только, что это вытье составляло одинъ изъ лучшихъ способовъ одерживать побѣду.

Иногда во время крупной домашней сцены входитъ гость, человѣкъ весьма уважаемый и чтимый даже Анной Аѳанасьевной, для которой, между прочимъ сказать, людей, достойныхъ почитанія, было немного. Изъ уваженія къ чтимому гостю она умолкаетъ и какъ будто ни въ чемъ не бывало уходитъ за ширмы, въ

другую половину комнаты. Отецъ Варѳоломей принимаетъ гостя, усаживаетъ его на почетное мѣсто, на диванѣ, самъ беретъ стулъ, придвигаетъ его къ столу, и казалось бы, что крупной сценѣ положенъ конецъ. Но Анна Аѳанасьевна не успокоилась и изыскиваетъ способы, чѣмъ бы досадить о. Варѳоломею. Способъ находится скоро. Она подходитъ къ шкапику съ посудой, стоящему за ширмой, вынимаетъ изъ него тарелки и начинаетъ ими сильно гремѣть. О. Варѳоломей старается не глядѣть въ ту сторону, гдѣ стоитъ ширма и «отвратить свой слухъ» отъ производимаго супругой громыханья. Онъ спѣшитъ вступить въ пріятную бесѣду съ гостемъ и забыть о томъ, что происходитъ за ширмой. Но забыть и «отвратить слухъ» не представляется возможности, потому что Анна Аѳанасьевна съ каждой секундой начинаетъ гремѣть все сильнѣе и сильнѣе. О. Варѳоломей приходитъ, по обыкновенію, въ сильное смущеніе, теряется и не можетъ продолжать бесѣды.

— Попадья!—слышится его робкій возгласъ.

За ширмой молчаніе. Слышенъ только громъ тарелокъ.

— Попадья! чѣмъ-же такъ повинны предъ тобою тарелки, что ты ими громыхаешь до послѣдней степени?

Молчаніе. Слышенъ нѣкоторый трескъ чего-то разбившагося.

— Такимъ образомъ совершенно безвинно можетъ пострадать и разрушиться вся посуда!..

На этотъ послѣдній возгласъ Анна Аѳанасьевна отвѣчаетъ тѣмъ, что швыряетъ посуду какъ ни попало въ шкапъ и уходитъ въ кухню, сильно хлопнувъ дверью, такъ что стѣны домика потрясаются и изъ потолка сыплется земля.

Отецъ Варѳоломей находится нѣкоторое время въ совершенномъ недоумѣніи, не зная какъ выдти изъ такого затруднительнаго положенія. Ему хочется выразить свое удивленіе по этому поводу словами стихиры,

содержаніемъ своимъ соотвѣтствующей случаю, въ родѣ, напримѣръ: «Ужасеся о семъ небо и земли удивившася концы»; но въ то же время въ немъ является желаніе «оградить» супругу отъ людскихъ навѣтовъ, а оградить, между тѣмъ, возможности никакой не представляется: уже слишкомъ ясно совершившійся фактъ говоритъ самъ за себя. Не видя никакихъ способовъ, которыми можно было оправдать поступокъ Анны Аѳанасьевны, о. Варѳоломей проситъ извинить ее «ради слабости человѣческой». Онъ быстро, опытными руками, снимаетъ со стола книги, вазочки съ цвѣтами, стряхиваетъ съ бѣлой скатерти насыпавшуюся съ потолка землю и снова по-прежнему въ томъ же порядкѣ устанавливаетъ все на столѣ, не переставая въ то же время приносить оправданіе передъ гостемъ за свою супругу.

— Главная причина ея гнѣва та, что она безплодна,— повѣствуетъ онъ печально гостю.—Вотъ это есть первая и послѣдняя причина. Господь, какъ и вамъ самимъ это не безызвѣстно, не благословилъ меня потомствомъ...

Онъ подавляетъ вздохъ и взглядываетъ съ выраженіемъ кроткой покорности въ передній уголъ на тотъ самый образъ, гдѣ стоятъ украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи.

Гость только что хочетъ что-нибудь сказать въ утѣшеніе о. Варѳоломею, но онъ уже торопливо поднимается со стула и, приложивъ руку къ сердцу, спѣшитъ перебить рѣчь гостя, какъ-будто боясь со стороны его возраженій относительно характера Анны Аѳанасьевны.

— Повѣрьте! Повѣрьте!.. Она, вообще, нрава тихаго и кроткаго, но главное — безплодіе. Это главная причина. Безплодіе ее озлобляетъ. Вотъ если-бы Господь даровалъ мнѣ потомство,—продолжалъ онъ,—то въ такомъ случаѣ жизнь моя могла уподобиться земному раю.

— Да, это вы, батюшка, справедливо,—вставляетъ свое слово гость.

— Справедливо!—со вздохомъ повторяетъ отецъ Варѳоломей и, находясь подъ вліяніемъ только что высказанной мысли о возможности уподобить свою жизнь земному раю, грустно добавляетъ, печально склонивъ голову на бокъ: — что дѣлать! не сподобился!..

Желая и на это что-нибудь сказать для поддержки разговора, гость протягиваетъ:—Н-да-а-съ... Жизнь!.. Это...

Но о. Варѳоломей успѣлъ уже оправиться отъ охватившей его грусти и, нѣсколько возвысивъ тонъ, продолжаетъ:

— Не сподобился!—уже съ нѣкоторой укоризной самому себѣ говоритъ онъ,—но что-жъ изъ сего, что я не сподобился... Могу-ли я знать, какія послѣдствія могли наступить при иныхъ обстоятельствахъ? Не могъ-ли бы я тогда возгордиться, возмечтать о себѣ многое... Повѣрьте!—уже воодушевившись продолжаетъ онъ:—повѣрьте! Милосердый Господь нашъ болѣе насъ, грѣшныхъ, о насъ же самихъ печется... Это нужно памятовать каждодневно, ежечасно... Человѣческому уму недоступно прозрѣвать мысленнымъ окомъ въ будущее. Господь, словами апостола Павла, глаголетъ: «Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну». Нужно вполнѣ, всею душою, всѣмъ сердцемъ и всѣми чувствами своими предаться промыслу Божію, и тогда ничто не въ состояніи будетъ нарушить мира нашей души... Повѣрьте!..

Онъ прикладываетъ по обыкновенію руку къ сердцу и продолжаетъ:

— Вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія...

Подтверждать свои заключенія разсказами изъ жизни, приводя въ примѣръ различныя достойныя вниманія событія, отецъ Варѳоломей весьма любилъ, и это составляло нѣкоторую его слабость. Такая слабость даже ставила его иногда въ затруднительное положеніе, хотя онъ и умѣлъ его преодолѣвать. Начиналъ онъ, напри-

мѣръ, излагать какое-нибудь достойное вниманія событіе, увлекался различными мелкими подробностями, незамѣтно уклонялся отъ первоначальной темы и запутывался въ такихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ для другого въ этомъ случаѣ не представилось бы ни малѣйшей возможности выбраться; но о. Варѳоломей, какъ опытный проповѣдникъ, всегда умѣлъ ловко свести концы съ концами: искусно и почти совершенно незамѣтно онъ перебирался чрезъ всѣ, имъ же самимъ воздвигнутыя, препятствія на старую тему и заключалъ свой разсказъ какими-нибудь текстами изъ священнаго писанія. Противъ священнаго текста гость, конечно, уже не находилъ возможности что-либо возразить и, утомленный ожиданіемъ запоздавшаго самовара, уныло начиналъ взглядывать на дверь, ведущую въ кухню.

Иногда гость, уже привыкшій слышать въ домикѣ отца Варѳоломея громкій, визгливый голосъ Анны Аѳанасьевны, изумлялся тишинѣ, царствовавшей въ домикѣ. Такъ странно было не слышать ея громкаго голоса, или хотя отдаленныхъ звуковъ его со двора, съ улицы, съ огорода. Въ такое время, въ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ такой тишины, отецъ Варѳоломей грустно подсмѣивался надъ своимъ собственнымъ положеніемъ и поясняль, что въ настоящее время матушка немножко не въ духѣ. Передавая это извѣстіе, отецъ Варѳоломей робко оглядывался на дверь, ведущую въ кухню, боясь, чтобы она не услыхала его смѣлыхъ отзывовъ. Боязнь эта имѣла свои основанія, потому что Анна Аѳанасьевна иногда любила подслушать, о чемъ именно ея мужъ разговариваетъ съ гостемъ, и бывали случаи, что она, какъ разсказывалъ самъ отецъ Варѳоломей, влетала «въ мгновеніе ока» въ комнату и «громогласно» начинала уличать своего супруга «яко-бы во лжесвидѣтельствѣ». Такимъ образомъ, оглянувшись изъ предосторожности на дверь, отецъ Варѳоломей тише прежняго продолжалъ, что въ настоящее время у него въ домѣ еще «неспокойно»,

и что о томъ времени, когда собственно должно послѣдовать замиреніе, онъ достовѣрно сказать ничего не можетъ.

Увлекшись иногда подробностями разсказа, отецъ Варѳоломей забывался до такой степени, что начиналъ подсмѣиваться надъ своимъ положеніемъ и находилъ его весьма комичнымъ. Иногда даже руками разведетъ въ заключеніе разсказа и, сдерживая просящійся наружу смѣхъ, закроетъ ладонями ротъ, чтобы не фыркнуть. Гость, слушая отца Варѳоломея, забываетъ совершенно о томъ, что разсказчикъ горько смѣется не надъ кѣмъ-либо другимъ, а надъ самимъ же собою, тоже заражается смѣхомъ и сдерживается, чтобы не фыркнуть. Замѣтивъ такое дѣйствіе своихъ рѣчей, отецъ Варѳоломей вдругъ овладѣваетъ собою и уже отчаянно машетъ обѣими руками надъ головой гостя и убѣдительнымъ шепотомъ проситъ его успокоиться. Иной смѣшливый гость до того заражался смѣхомъ, что выбѣгалъ, какъ угорѣлый, изъ комнаты, и случалось такъ, что сталкивался въ самыхъ дверяхъ съ Анной Аѳанасьевной и фыркалъ ей прямо въ лицо. Анна Аѳанасьевна нѣсколько мгновеній недоумѣвала, но потомъ начинала гнѣваться и распекать гостя, справедливо подозрѣвая, что можетъ быть ея отношенія къ супругу были поводомъ этого смѣха. Отецъ Варѳоломей считалъ своимъ долгомъ отклонить и разсѣять всякія подозрѣнія и оправдывалъ гостя тѣмъ, что онъ «ослабѣлъ».

Иногда и изъ-за этого поднималась буря. Такъ шло изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и изъ года въ годъ. Такъ началось съ перваго года женитьбы отца Варѳоломея, когда онъ щеголялъ еще своею темнорусой бородкой, нѣсколько клинообразной, и съ удовольствіемъ расчесывалъ длинные, вившіеся кудрями волосы, такъ шло и теперь, когда его темнорусая бородка уже засеребрилась сѣдыми волосами и вмѣсто длинныхъ кудрей на головѣ оказались весьма рѣдкіе во. осы пепельнаго цвѣта, которые онъ все-таки тща-

тельно всегда расчесывалъ, потому что любилъ имѣт
«видъ благообразный».

Вообще говоря, онъ любилъ во всемъ «благообразіе»
Хотя Анна Аѳанасьевна и ставила себя во главѣ дома
но это только могло относиться къ экономической сто
ронѣ дѣла: чистота и порядокъ во всемъ поддержива
лись самимъ отцемъ Варѳоломеемъ. Анна Аѳанасьевн
и за это его иногда распекала, будучи недовольна, чт
онъ «суется» не въ свое дѣло, какъ, напримѣръ, ме
тетъ иногда комнаты, отираетъ пыль съ мебели, моет
цвѣты. Онъ покушался не разъ забрать подъ свое не
посредственное вѣдѣніе мытье пола и даже изобрѣл
для этого особый снарядъ, чтобы можно было мыт
не сгибая спины, но Анна Аѳанасьевна снарядъ «со
крушила» и нашла, что такое занятіе священнослу
жителю не благопристойно. Отецъ Варѳоломей и сам
съ этимъ согласился, хотя внутренно остался при своем
убѣжденіи, что неблагопристойнаго въ этомъ ничег
нѣтъ, ибо всякій трудъ, служащій на поддержаніе чи
стоты въ жилищѣ, не только полезенъ для человѣка
но пріятенъ и Богу. На эту тему онъ когда-то в
давно прошедшіе дни написалъ даже стихотвореніе
трудѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что:

«Трудъ—веселье благодатное,
Трудъ—и радость, и покой,
Трудъ—услада необъятная
Въ нашей юдоли земной».

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что, кромѣ этог
«гимна» труду, онъ переложилъ когда-то на стих
тропарь Николаю Чудотворцу, который начинался такъ

Ты вѣры правило, ты кротости законъ,
Ты воздержанія есть истинный учитель.
Явилъ тебя Господь, послалъ ко стаду Онъ,
И это истина, нашъ пастырь-просвѣтитель...

и т. д., весьма близко къ подлиннику.

Какъ эти стихотворенія, такъ и нѣкоторыя другія
большею частію религіознаго содержанія, отецъ Вар

ѳоломей покушался когда-то «предать печати» подъ заглавіемъ: «Скромный плодъ вдохновенія, навѣяннаго смиренной музой»; но по зрѣломъ размышленіи покушеніе это оставилъ втунѣ, боясь заразиться тщеславіемъ.

Это было давно, еще въ первые годы его священнослужительства. Послѣдующія событія, и вообще говоря, «волны житейскаго моря» лишили его піитическаго дарованія. Впрочемъ нѣкоторое стремленіе къ литературнымъ трудамъ сохранилось въ немъ до сѣдыхъ волосъ, какъ объ этомъ читатель узнаетъ въ свое время.

III.

Между множествомъ причинъ, вызывавшихъ, по словамъ отца Варѳоломея, «междоусобія», главное мѣсто занимало не одно то именно обстоятельство, на которое онъ указывалъ, т.-е. безплодіе Анны Аѳанасьевны, но и нѣкоторыя другія. Анна Аѳанасьевна имѣла страсть къ благамъ міра сего, заключавшимся, по ея понятіямъ, въ деньгахъ и въ различнаго рода приношеніяхъ со стороны прихожанъ, между тѣмъ отецъ Варѳоломей относился къ этимъ предметамъ весьма равнодушно и о благахъ міра имѣлъ совершенно другія понятія. Для него составляло удовольствіе помочь нуждающемуся чѣмъ возможно, а если еще при этомъ представлялся случай пріятно побесѣдовать, то онъ уже былъ неска занно счастливъ. Анна Аѳанасьевна этимъ не ограничивалась. Ее даже иногда сердило то, зачѣмъ мужъ ея такъ спокоенъ; она, можетъ быть, даже завидовала, что его ничто не волнуетъ, не выводитъ изъ себя и вслѣдствіе этого еще болѣе начинала сердиться и досаждовать на отца Варѳоломея. Несмотря на свою повидимому не веселую жизнь, со всегдашними «междоусобіями», онъ, казалось, мало тяготился ею и какъ будто находилъ, что иначе и быть не можетъ; а если иногда и приходилось ему жутко, то только въ самый

разгаръ битвы; чрезъ пять минутъ по ея окончаніи онъ уже о ней совершенно позабывалъ. Слова: «междоусобія и битва» не нужно понимать въ ихъ настоящемъ значеніи, потому что, какъ сказано выше, войну вела только одна Анна Аѳанасьевна, она заключала перемирія, она ихъ нарушала, а отецъ Варѳоломей, вѣрнѣе говоря, былъ только наблюдателемъ, даже очень спокойнымъ. Но такъ какъ, опредѣляя свои отношенія къ супругѣ, онъ употреблялъ именно эти выраженія и сопричислялъ себя къ числу тоже воинственныхъ людей, то они и остаются въ нашемъ повѣствованіи въ томъ самомъ значеніи, какъ ихъ понималъ отецъ Варѳоломей, т.-е. въ значеніи болѣе комическомъ.

Относясь спокойно и холодно къ благамъ міра сего, т.-е. къ приношеніямъ прихожанъ, отецъ Варѳоломей вызывалъ, конечно, заслуженный гнѣвъ своей супруги. Мало того, что онъ довольствовался за свои труды тѣмъ, что ему дадутъ, но еще часто исполнялъ всякія требы безплатно и такого рода противозаконными, по мнѣнію Анны Аѳанасьевны, дѣйствіями выводилъ ее изъ терпѣнія. Ей казалось, что онъ такъ поступаетъ на зло ей, чтобы только досадить, вывести ее изъ терпѣнія, и за это она, послѣ каждаго такого случая, обрушивалась на него всею силою своего строптиваго нрава.

Въ двухъ верстахъ отъ усадьбы Сумракова была деревня Ульяновка, принадлежавшая какому-то давно разорившемуся и разорившему своихъ крестьянъ помѣщику; мужики этой деревеньки были бѣдные, часто голодали и перебивались кое-какъ отъ жатвы до жатвы. Случалось такъ, что они обращались къ отцу Варѳоломею и просили его посредничества предъ владѣльцемъ усадьбы, отставнымъ генераломъ, Николаемъ Саввичемъ Сумраковымъ, не надѣясь сами выпросить у него помощи. Отецъ Варѳоломей, конечно, съ величайшею заботою выслушивалъ ихъ просьбы и неотступно ходатайствовалъ за бѣдныхъ крестьянъ предъ

Николаемъ Саввичемъ, забывая въ это время про то, что Николай Саввичъ «вельможа» и вельможа важный, порой сурово-строгій и даже неприступный.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ о. Варѳоломей, не только предъ лицомъ Николая Саввича, но даже заочно, отзывался о немъ съ большою почтительностью и почти съ боязнью, какъ о лицѣ слишкомъ высоко стоящемъ на ступеняхъ общественной лѣстницы, въ особенности по отношенію къ нему, совершенно безвѣстному сельскому священнику; въ случаяхъ же ходатайства за мужиковъ весь страхъ его исчезалъ, и онъ изъ робкаго, застѣнчиваго человѣка превращался въ неотступнаго просителя. Николай Саввичъ хмурился, сердито ворчалъ, и такъ какъ каждую весну при посѣвѣ хлѣба повторялись подобныя просьбы, то онъ, наконецъ, отказался помогать, обвиняя мужиковъ въ пьянствѣ. Отецъ Варѳоломей начиналъ молить, упрашивать, точно этою помощью должна была рѣшиться его собственная роковая участь. Однажды Николай Саввичъ, несмотря на продолжительныя просьбы о. Варѳоломея, на его горячую, полную чувства рѣчь о томъ, что всѣ мы должны носить тягость другъ друга, наотрѣзъ отказался сдѣлать какую бы то ни было помощь и даже застучалъ о полъ своимъ костылемъ; о. Варѳоломей заплакалъ и упалъ предъ нимъ на колѣни. Николай Саввичъ до того былъ пораженъ этимъ, что самъ бросился поднимать о. Варѳоломея и заморгалъ глазами, стараясь скрыть набѣжавшую слезу. Этотъ случай навсегда остался въ памяти Сумракова: онъ положилъ за правило, уже безъ всякихъ просьбъ о. Варѳоломея, выдавать каждую весну извѣстное количество хлѣба ульяновскимъ мужикамъ, такъ какъ поля ихъ не унаваживались за неимѣніемъ нужнаго количества скота, и урожаи всегда были плохи. Съ этого же времени онъ началъ, каждый разъ при встрѣчѣ съ о. Варѳоломеемъ, протягивать ему руку для полученія благословенія, чего прежде за нимъ не водилось, и приказалъ своему управляющему увеличить содер-

жаніе о. Варѳоломея, справедливо сознавая, что этимъ увеличеніемъ дѣлаетъ добро многимъ.

Такія ходатайства за совершенно постороннихъ людей сердили Анну Аѳанасьевну и возстановляли противъ мужа, потому что она хотѣла бы лучше для себя добиться помощи, чѣмъ для другихъ. Бывали и такіе случаи, что о. Варѳоломей не только дѣлался посредникомъ между бѣдными мужиками и Николаемъ Савичемъ, а помогалъ имъ самъ изъ своихъ небогатыхъ средствъ.

Приходитъ, напримѣръ, мужикъ съ просьбой о помощи и валится въ ноги о. Варѳоломею, начиная во все горло выть. Отецъ Варѳоломей строгимъ шепотомъ начинаетъ усовѣщевать просителя:

— Молчи! Молчи!—въ ужасѣ шепталъ онъ:—молчи!

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ,—вопилъ мужикъ, стукаясь лбомъ о полъ.

— Вставай! Вставай! Грѣховникъ ты этакой! Кому ты кланяешься? Кому? Ты долженъ Господу Богу поклоняться и Ему единому служить... Вставай!..

Мужикъ лѣниво поднимается и начинаетъ громко разсказывать свое горе, что давно хлѣба нѣтъ, что семья третій день сидитъ голодная, что ходилъ и туда и туда...

Отецъ Варѳоломей только руками машетъ и проситъ говорить тише, а самъ оглядывается, не слышитъ-ли Анна Аѳанасьевна. Удостовѣрившись, что ея нѣтъ дома, онъ «тихими стопами» отправляется въ свою амбарушку для того, чтобы исполнить просьбу бѣдняка.

— Ты, главное, много не говори,—замѣчаетъ при этомъ о. Варѳоломей,—помни, что въ многоглаголаніи нѣсть спасенія, а потому, касательно снабженія тебя хлѣбомъ ты лучше умолчи. Я съ великою готовностью радъ тебѣ услужить и помочь. Но ты помни слова Господа нашего, который глаголетъ: «ищите прежде царствія Божія и правды его, а вся временная блага приложатся вамъ». Вотъ, напримѣръ, я тебѣ, братецъ мой, скажу, было однажды достопамятное событіе въ

царствованіе въ Бозѣ почившаго благовѣрнаго государя нашего Александра Благословеннаго. Во время одного изъ своихъ путешествій по государству онъ долѣе обыкновеннаго оставался на почтовой станціи...

Мужикъ стоялъ предъ о. Варѳоломеемъ съ открытой головой и внимательно слушалъ разсказъ; а разсказчикъ, уже не обращая вниманія на то, что амбарушка еще не заперта и мужицкая телѣга съ мѣшкомъ хлѣба стоитъ посреди его двора, обстоятельно со всѣми подробностями разсказывалъ про достопамятное событіе.

Подъ вліяніемъ представившагося случая сдѣлать добро ближнему и даже еще имѣть возможность побесѣдовать съ нимъ, отецъ Варѳоломей совершенно забывалъ про то, что матушка въ это время можетъ возвратиться домой и уличить его на мѣстѣ преступленія въ томъ, что онъ «расточаетъ» свое имѣніе. Несмотря на то, что уже бывали такіе случаи и вели за собою весьма продолжительныя «пререканія», о. Варѳоломей былъ неисправимъ. Въ первое время онъ пугался, когда Анна Аѳанасьевна нападала на него въ расплохъ, и даже не зналъ что говорить, тѣмъ болѣе, что улика была на лицо: тутъ стоялъ и мужикъ съ открытой головой, тутъ же стояла и тощая клячонка съ мѣшкомъ муки на телѣгѣ; но отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ о. Варѳоломей обтерпѣлся и на упреки жены «за расточительство» указывалъ ей на ея малодушіе.

— Попадья! Попадья!—говорилъ онъ,—отчего ты не памятуешь о житіи святаго Филарета Милостиваго? Ужели въ твоемъ воспоминаніи не осталось никакихъ слѣдовъ изъ монхъ разсказовъ о дѣяніяхъ сего замѣчательнаго угодника Божія...

Но указывать на малодушіе ему приходилось не долго, потому что чрезъ двѣ-три минуты Анна Аѳанасьевна уже визжала на весь дворъ, и изъ ея устъ лились одно за другимъ, въ безконечномъ количествѣ, различныя опредѣленія касательно нравственныхъ

свойствъ о. Варѳоломея: тутъ слышались и «аспидъ», и «василискъ», и такія непонятныя слова, которыя могла придумать только разсерженная супруга о. Варѳоломея, строгая блюстительница его хозяйственныхъ интересовъ.

Крестьянинъ, послужившій новою причиною продолженія «междоусобій», спѣшилъ поскорѣе ретироваться, и если успѣвалъ, то увозилъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, а если нѣтъ, то оставлялъ его на полѣ битвы до слѣдующаго благопріятнаго случая, когда Анны Аѳанасьевны не будетъ дома. О. Варѳоломей, замѣчая, что авторитетъ Филарета Милостиваго сильно страдаетъ въ этомъ междоусобіи, благоразумно отступалъ и оставлялъ поле битвы. Онъ удалялся внутрь домика, плотно затворивъ за собою дверь для того, чтобы не слышать, какъ раздается во дворѣ звонкій голосъ Анны Аѳанасьевны, не видѣть, какъ испуганныя этимъ крикомъ куры, вмѣстѣ съ солидно ходившимъ до того времени пѣтухомъ, торопливо улепетываютъ въ отдаленную часть поповскаго двора, въ болѣе безопасное, по ихъ понятіямъ, мѣсто.

Отецъ Варѳоломей, вслѣдствіе неудавшагося случая сдѣлать добро и вообще вслѣдствіе «возникшихъ» вновь непріятностей, печально склонялся головой на передиванный столъ и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

Если кому-либо изъ читателей случалось видѣть въ Эрмитажѣ картину Бруни «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду», то онъ отчасти вѣрно можетъ представить себѣ выраженіе лица о. Варѳоломея въ то время, когда онъ, поднявъ голову отъ стола, смотрѣлъ въ передній уголъ на икону, слабо освѣщенную свѣтомъ лампады.

Какъ ни далеко заходили иногда домашнія непріятности, какъ ни было трудно и, главное, обидно переживать ихъ, въ особенности въ такихъ случаяхъ, когда замѣшивался и страдалъ при этомъ интересъ третьяго лица, но о. Варѳоломей умѣлъ переживать: судя по его же собственнымъ словамъ, всѣ страданія сердца

и боль, иногда «мгновенно» охватывавшая душу, разсѣевались при одномъ только взглядѣ на икону Долготерпѣливаго, при одной мысли о неисповѣдимомъ Его промыслѣ, разсѣевались такъ же, какъ во храмѣ «ѳиміамъ куренія».

Успокоивъ такимъ образомъ свои взволнованныя чувства, о. Варѳоломей уже начиналъ обдумывать, какъ бы поскорѣй устроить, чтобы мѣшокъ съ мукой передать по принадлежности. А во дворѣ между тѣмъ все еще гремитъ голосъ Анны Аѳанасьевны. Она, какъ говорится, расходилась и сама не можетъ собою владѣть. Сосѣди, прильнувъ лицомъ къ щелямъ забора, наблюдаютъ за теченіемъ событій во дворѣ о. Варѳоломея; Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ это, начинаетъ ихъ распекать и въ досадѣ швыряетъ въ нихъ первое попавшееся подъ руку, не разбирая, полѣно-ли попало, камень или что другое. Однажды въ азартѣ она кинула въ сосѣдній дворъ даже посохъ о. Варѳоломея, который онъ только-что было выкрасилъ въ голубой цвѣтъ, сильно имъ, между прочимъ сказать, любимый.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ оканчивались соображенія о передачѣ мужику мѣшка съ хлѣбомъ, о. Варѳоломей осторожно подходилъ къ двери, прикладывалъ ухо къ ея скважинѣ и начиналъ вслушиваться въ неумолкающій визгъ Анны Аѳанасьевны, печально повторяя про себя: «соблазнъ! соблазнъ!..» Дождавшись, наконецъ, того времени, когда во дворѣ возстановлялась тишина, онъ глубоко, глубоко вздыхалъ, точно по окончаніи тяжелой работы, и садился за книгу, чтобы забыться окончательно и успокоиться, для чего и надвигалъ на носъ старинныя серебряныя очки солидныхъ размѣровъ. Иногда междоусобіе этимъ и оканчивалось; супруга, сознавъ свое превосходство и восторжествовавъ надъ мужемъ, сурово принималась за свои домашнія дѣла, не обращая вниманія на о. Варѳоломея.

Вслѣдствіе этого онъ уже совершенно успокоивался и углублялся въ чтеніе духовной книги; но читая, на-

примѣръ, о битвѣ филистимлянъ съ израильтянами во время Саула и Іонаѳана, онъ какъ-то невольно задумывался надъ вопросомъ о томъ, къ которому собственно изъ ихъ лагерей могла быть сопричислена его воинственная супруга.

Такъ дешево отдѣлаться за посягательство «расточать» свое имѣніе о. Варѳоломею приходилось не часто, потому что Анна Ѳанасьевна не всегда ограничивалась тѣмъ, что срывала большую часть гнѣва на сосѣдяхъ, его оставалось и на долю о. Варѳоломея достаточное количество. Въ такомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ на нѣкоторое время «удалиться» изъ своего дома, чтобы дать возможность скорѣе утихнуть домашнимъ волненіямъ. Онъ уходилъ въ поле, бродилъ по лѣсу, забирался на горы и совершенно забывалъ о томъ, какія причины вызывали его изъ дома. Иногда въ такое время домашнихъ баталій его можно было встрѣтить сидящимъ на крутомъ обрывѣ горы и наблюдающимъ закатъ солнца. Сидитъ онъ и смотритъ, какъ уходитъ за дальнія горы великое свѣтило, какъ постепенно скрывается отъ глазъ его послѣдняя блестящая точка, и во всѣ стороны неба изъ яркаго пламени вечерней зари разстилаются полукругомъ его блѣднѣющіе лучи; вотъ оно уже совершенно скрылось отъ глазъ, а лучи все еще видны на небѣ и прорѣзываются сквозь легкія облака, озолоченныя и окрашенныя необъяснимо-чудными цвѣтами. Сидитъ о. Варѳоломей и все смотритъ, и только порывистѣе и порывистѣе дѣлается его дыханіе, видно, что на глубинѣ души его что-то творится и просится наружу; онъ, наконецъ, не выдерживаетъ, встаетъ на ноги, снимаетъ шляпу и начинаетъ пѣть со слезами на глазахъ: «Величитъ душа моя Господа»!..

Но тем нѣетъ все болѣе горизонтъ; догорающая заря, тихая предвѣстница ночи, кладетъ на лѣсъ и поли и горы какой-то таинственный мягкій полусвѣтъ и постепенно скрываетъ ихъ отъ глазъ отца Варѳоломея. Вотъ уже скрылись «подъ пологомъ ночи» всѣ отда-

ленные предметы, милліоны звѣздъ заблистали въ невѣдомомъ, непостижимомъ человѣческому уму пространствѣ, таинственная полоса млечного пути раскинулась по всему небу, и блѣдная луна, какъ ночи стражъ, медленно поднимаясь съ востока, стала совершать свое шествіе, покорная вѣчнымъ и незыблемымъ законамъ міросданія.

— День прешедъ, благодарю тя Господи,—шепчетъ о. Варѳоломей, отправляясь обратно въ свой домикъ, и нипочемъ уже для него всякія междоусобія, распри, и все, все, что человѣка мучитъ, волнуетъ, давитъ.

IV.

Не всегда же такъ шла жизнь о. Варѳоломея, что онъ долженъ былъ искать успокоенія только въ созерцаніи природы и въ вызываемыхъ ею восторженно-духовныхъ настроеніяхъ. Бывали и другіе дни, и не бывать они не могли, ибо какой бы злой мачихой ни была судьба, но и ей можетъ наскучить постоянно сыпать колотушки на неповинную голову своего питомца.

Извѣстно, что нѣтъ такого мѣста на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ небо постоянно покрыто тучами, гдѣ не перестаетъ завывать буря, и подъ шумными раскатами грома изливается на землю безконечный дождь. Хотя на непродолжительное время, но и въ такихъ мѣстахъ, которыя самимъ Богомъ обижены, свѣтитъ ясное солнце и даетъ возможность угрюмому жителю пустынныхъ мѣстъ видѣть рѣдкаго небеснаго гостя, ненадолго выглядывающаго изъ-за густыхъ слоевъ мрачныхъ и грозныхъ тучъ. Такъ и въ жизни о. Варѳоломея бывали такіе дни, когда прекращались всякія «междоусобія», не только по отношенію къ нему, но и ко всѣмъ обитателямъ ближнихъ и дальнихъ избъ сумраковскаго пмѣнія. Казалось, возстановлялся прочный миръ. Но при наступленіи такихъ дней отецъ Варѳоломей, искушенный жизненнымъ опытомъ, нѣсколько малодуше-

ствовалъ, недовѣрчиво относясь къ прочности и продолжительности наступившаго мира, и печально «мнилъ», что не представляютъ-ли наступившіе дни собою чего-либо другого. Его думы всего болѣе склонялись къ тому, что этотъ миръ есть только скоропреходящее перемиріе; что, вѣроятно, чрезъ непродолжительный періодъ времени до его слуха опять донесутся со двора громкіе звуки голоса Анны Аѳанасьевны, предвѣщая начало новой войны, можетъ-быть даже такой, которой послѣдствія отразятся на немъ, и что, можетъ быть, эта война будетъ даже «горшѣе первыхъ». Онъ, конечно, имѣлъ уважительныя основанія такъ думать, потому что бывали въ прошедшее время случаи необыкновенно быстраго перехода отъ мирнаго хода событій къ самой шумной баталіи. Достаточно было того, чтобы какой-нибудь пятилѣтній мальчуганъ пустилъ камнемъ въ голосистаго пѣтуха, до небесъ превозносимаго Анной Аѳанасьевной, и поднималась такая перепалка, во время которой не только безслѣдно пропадалъ во дворѣ сосѣдей голубой посохъ о. Варѳоломея, но грозила такая же опасность даже фіолетовой скуфьѣ, полученной имъ за примѣрный порядокъ и исправность по службѣ. Но иногда мнительность о. Варѳоломея, къ счастью его, не оправдывалась: миръ дѣйствительно наступалъ, Анна Аѳанасьевна успокоивалась и дѣлалась примѣрной супругой, скромной и любящей подругою жизни. Другой, со стороны глядя, могъ только изумляться такъ быстро наступившей перемѣнѣ въ характерѣ Анны Аѳанасьевны. Она какъ будто утомлялась, наконецъ, постоянными междоусобіями и искала отдохновенія, какъ ищетъ его всякій воинъ послѣ продолжительныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій. Она, казалось, начинала ощущать потребность тишины и даже не обращала вниманія на такіе проступки сосѣдей, за которые въ другое время могла ихъ сильно распечь. Можетъ быть эта потребность тишины являлась вслѣдствіе того гордаго сознанія, что «порядокъ возстановленъ», по крайней мѣрѣ, на

нѣкоторое время. Такое возстановленіе порядка, а слѣдовательно и относительную прочность мира о. Варѳоломей узнавалъ по несомнѣннымъ признакамъ: въ кухнѣ его домика появлялись жители сосѣднихъ избъ, по преимуществу женскаго пола (даже можно сказать: «исключительно»), кипѣлъ самоваръ совершенно не въ указанное время, и слышались звуки мирной, отчасти весело-шумной бесѣды о курахъ, поросятахъ и о разныхъ предметахъ, относящихся до сельскаго хозяйства. Распивая чаи съ своими недавними врагами, Анна Аѳанасьевна не забывала и своего супруга: она сама, какъ онъ говорилъ, «собственною своею персоною» приносила ему чаю, безъ всякаго въ его стороны объ этомъ напоминанія, и, поставивъ стаканъ на переддиванный столъ, нѣсколько разъ трепала своего супруга по плечу, а иногда даже и цѣловала въ лобъ, приговаривая: «Охъ, ты мой попикъ смирненькій». О. Варѳоломей млѣлъ и таялъ отъ такой ласки и за эту одну ласку готовъ былъ перенести тысячи новыхъ баталій. Ласки и внимательность Анны Аѳанасьевны не ограничивались только этимъ: въ такіе дни она вспоминала, какія кушанья любитъ о. Варѳоломей, и за обѣденнымъ столомъ неожиданно появлялись уха изъ свѣжей рыбы, творогъ со сметаной и прочая благодать. Что чувствовалъ въ такое время о. Варѳоломей, выразить и передать невозможно, хотя бы даже въ блѣдномъ очеркѣ.

— Ну что, попикъ, сытъ? — спрашивала въ такіе дни Анна Аѳанасьевна послѣ обѣда.

— Сытъ, матушка!—отвѣчалъ о. Варѳоломей, приложивъ руку къ груди,—премного сытъ и необъяснимо признателенъ вамъ...

— Не хочешь-ли къ вечеру простоквашки съ корицей и съ сахаромъ? а? Попикъ? Хочешь? — вопрошала Анна Аѳанасьевна, подсаживаясь къ нему рядомъ на диванъ.

— Что-жъ, простокваши хорошо... не отяготительно и для желудка...

— Ну, то-то... А можетъ и ягодокъ бы съѣлъ съ сахаромъ, а?

— Нѣтъ, къ чему же? Простокваши достаточно... Только, я думаю, не очень-ли вы много, матушка, заботитесь...

— Ну, ну, молчи... Поцѣлуй меня! Охъ ты, лысенькая моя головушка!..

— Неужли-жъ я, матушка, уже лысенькій? Я предполагаю, что такое названіе нѣсколько преждевременно...

— Ну, чего преждевременно! Лысый будешь не сегодня — завтра... До лысины дожилъ, а дѣтей не нажилъ...

Это напоминаніе нѣсколько омрачаетъ прелесть минуты. Отецъ Варѳоломей вздыхаетъ; Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ вздохъ, хочетъ развлечь своего супруга чѣмъ-нибудь и иногда въ припадкѣ нѣжности наклонитъ его голову къ себѣ на колѣни и дастъ ему нѣсколько ударовъ въ спину, какъ будто въ наказаніе за то, отчего, доживъ до лысины, не нажилъ себѣ дѣтей.

— Виноватъ, матушка, простите по великодушію вашему... Не сподобилъ Господь...—оправдывается о. Варѳоломей, не имѣя возможности поднять приклоненную къ колѣнямъ супруги голову.

— То-то, не сподобилъ Господь!..

И опять въ припадкѣ нѣжности Анна Аѳанасьевна угощаетъ его тумаками.

Вообще, все какъ-то у нея выходило рѣзко, крупно и грубо, даже самыя ласки.

Во всѣ дни мира о. Варѳоломей бывалъ въ необыкновенно пріятномъ и сладостно-спокойномъ расположеніи духа.

Хотя такое состояніе онъ испытывалъ иногда и во времена междоусобій, но тогда оно вызывалось совершенно-другими причинами, и послѣдствіемъ его было духовное наслажденіе, въ состояніи котораго о. Варѳоломей какъ бы отрѣшался отъ всего земного, и становился выше его. Но домашній миръ вызывалъ въ

немъ нѣкоторыя другія дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ было не отрѣшеніе отъ всего земного, а тихое наслажденіе имъ. Въ такое время онъ любилъ, напримѣръ, расхаживать по своей комнатѣ, заложивъ руки за широкій поясъ подрясника, вышитый шерстями яркихъ цвѣтовъ, и расхаживалъ онъ не такъ, какъ обыкновенно бывало, т.-е. нѣсколько сгорбившись, а высоко закинувъ голову, какъ бы обозрѣвая на потолкѣ щели, въ которыя во времена междоусобій сыпалась земля. Расхаживая такимъ образомъ, онъ распѣвалъ нѣжнымъ теноромъ ирмосы и въ особенности: «Понтомъ покрывъ Фараона съ колесницами», можетъ-быть потому, что этотъ ирмосъ по содержанію своему отчасти соотвѣтствовалъ событіямъ текущаго дня. Анна Аѳанасьевна даже любила слушать его пѣніе, такъ оно было пріятно, и какъ будто даже кстати. Насладившись пѣніемъ, о. Варѳоломей любилъ посидѣть на диванѣ въ полулежачемъ положеніи и порадоваться на свое счастье. Подъ вліяніемъ этого счастья онъ иногда вдругъ снова закидывалъ высоко кверху голову и начиналъ, собственно ни къ кому не обращаясь, разсказывать о прелестяхъ мира въ его семейной жизни и разсказывалъ, случалось, довольно долго; но въ сущности это былъ не разсказъ, а нѣчто напоминающее лирическое стихотвореніе, въ которомъ восторженный поэтъ выражаетъ свои чувства.

— Какъ сладко жить на свѣтѣ,—говорилъ онъ въ услажденіе самому себѣ,—какъ сладко жить человѣку, когда божественная благодать, немощная врачующая и оскудѣвающее наполняющая, снисходитъ на его кровъ. Какъ безпредѣльна и безконечна милость Божія къ такому грѣшному и недостойному рабу, каковымъ всегда и по достоинству именую я себя... и т. д. въ этомъ родѣ.

Возблагодаривъ Создателя міровъ за незаслуженныя, будто бы, наслажденія благами жизни, о. Варѳоломей отправлялся обозрѣвать свой дворъ, огородъ, и все это казалось ему въ такое время отличающимся чѣмъ-

то особенно хорошимъ, точно вмѣстѣ съ нимъ вся природа и все его домашнее хозяйство готово было запѣть какой-нибудь торжественный ирмосъ, въ родѣ того же «Понтомъ покрывъ».

Въ такіе дни «возстановленія порядка» Анна Аѳанасьевна не ставила въ вину о. Варѳоломею даже и того, что онъ «шлялся по больнымъ», тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ она за это распекала постоянно и, будучи мнительна, заставляла его, по возвращеніи отъ больныхъ, снимать и провѣтривать все верхнее платье. Нужно замѣтить, что когда впервые зашла рѣчь объ этомъ, о. Варѳоломей усумнился въ справедливости словъ своей супруги и подумалъ, что она шутитъ; но когда оказалось, что Анна Аѳанасьевна нисколько и не думаетъ шутить, а хочетъ въ дѣйствительности ввести такія строгія карантинныя мѣры, о. Варѳоломей рѣшился протестовать. Главное, было обидно то, что онъ не былъ объ этомъ предувѣдомленъ заблаговременно: Аннѣ Аѳанасьевнѣ вдругъ пришло въ голову ввести эту мѣру, и именно въ то время, когда онъ только-что возвратился отъ больного и хотѣлъ войти въ комнату.

— Вѣдь это, матушка, совершенно неблагопристойно,—обиженно замѣтилъ онъ.

— А неблагопристойно, такъ оставайся на дворѣ до сумерекъ; въ комнату до того времени не пущу...

— Мнѣ, по сану моему, неблагопристойно быть даже безъ рясы, а вы требуете, чтобы я и подрясникъ снялъ. Это нѣсколько странно... Наконецъ, я не могу знать предѣловъ вашего желанія, можетъ быть вы потребуете моего совершеннаго разоблаченія посреди двора при свѣтѣ дня...

Но Анна Аѳанасьевна была непреклонна и сдѣлала только незначительную уступку, а именно порѣшила на томъ, что о. Варѳоломей, по возвращеніи отъ больныхъ, можетъ требовать «перемѣнку» и переоблачаться въ прихожей. Иногда эти путешествія по больнымъ сильно раздражали Анну Аѳанасьевну, и долго послѣ

«переоблаченія» ему приходилось выслушивать упреки супруги. Но въ дни мира она не только не упрекала о. Варѳоломея въ полнѣйшемъ, будто бы, невѣжествѣ въ дѣлѣ лѣченія болѣзней, но даже сама сопутствовала ему въ посѣщеніи какого-нибудь Сидора или Ефрема, «изнемогающаго въ недугѣ». Стоило только о. Варѳоломею въ такое время сказать, что, «по справедливости говоря, матушка», намъ надлежало бы посѣтить такого-то, и она, безъ всякихъ споровъ и возраженій, соглашалась ему сопутствовать. Согласіе свое на посѣщеніе больного она выражала тѣмъ, что молча накидывала на голову красный шерстяной платокъ, торопливо совала подъ него выбившіеся на лобъ волоса и кротко отвѣчала: «Ну, пойдемъ»,—что доказывало о приносимой ею жертвѣ въ угоду мужу.

О. Варѳоломей всегда очень соболѣзновалъ о томъ, что не искусенъ «въ наукѣ врачеванія тѣлесныхъ болѣзней», и подъ вліяніемъ этого, а также и по сохранившейся страсти къ литературнымъ занятіямъ, написалъ однажды докладъ по начальству о необходимости преподаванія нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣній въ семинаріяхъ. Хотя въ этомъ докладѣ и говорилось предварительно о небесномъ Врачѣ, исцѣляющемъ всякіе недуги, говорилось даже весьма пространно, и затѣмъ очень осторожно было приступлено къ необходимости оказыванія нѣкоторой помощи земными средствами; но докладъ высшему начальству не понравился, и о. Варѳоломей получилъ за него изрядную нахлобучку. «Богъ съ ними,—говаривалъ онъ по этому поводу,—съ нихъ взыщется. Будетъ время, будутъ другіе люди и другіе порядки, а я, непотребный, чѣмъ могу, тѣмъ и служу». Въ ожиданіи лучшаго будущаго онъ ограничивался тѣмъ, что приносилъ больному чаю «на запарочку» или сушоной малины, другихъ средствъ для излѣченія болѣзней онъ не зналъ, ибо и самъ другими средствами никогда не лѣчился.

Случалось, что и Анна Аѳанасьевна приглашала его сопутствовать, но только уже не къ больнымъ, а

на скотный дворъ, чтобы посмотрѣть въ какомъ с
стояніи здоровья находится ихъ собственная стельна
корова. О. Варѳоломей изъявлялъ, конечно, полнѣйшу
готовность и шелъ на скотный дворъ; приходил
смотрѣли на стельную корову и иногда любовалис
глядя, какъ она пережевываетъ солому. Если являлос
какое-либо сомнѣніе относительно состоянія ея здоровь
то о. Варѳоломей обходилъ ее со всѣхъ сторонъ, вн
мательно оглядывалъ и старался успокоить Анну Аѳ
насьевну, говоря, что «по веселому взору животна
дурного предположить ничего нельзя».

Возвращались домой, мирно садились за ужинъ (уж
нали всегда въ кухнѣ) и, отходя ко сну, о. Варѳоломе
усердно благодарилъ Создателя за то, что Онъ не п
достоинству и не по заслугамъ награждаетъ его зе
ными благами.

Такъ въ одинъ изъ такихъ дней, въ домикѣ о. Вар
ѳоломея былъ миръ и спокойствіе, и даже болѣе в
«сугубой» степени, потому, можетъ быть, что на сл
дующій день утромъ о. Варѳоломей долженъ был
отправиться въ Петербургъ по дѣламъ службы и по
тому, можетъ быть, Анна Аѳанасьевна была въ этот
вечеръ особенно кротка, любезна и внимательна к
мужу. Уже совершенно стемнѣло. О. Варѳоломе
изъявилъ желаніе поужинать; но только что Анна Аѳ
насьевна приготовилась подавать ужинъ, и босонога
дѣвочка, единственная прислуга въ ихъ домѣ, потащил
изъ печки кушанье, какъ изъ дома Сумраковыхъ явило
посланный и передалъ о. Варѳоломею, что Николай Са
вичъ желаетъ его сегодня видѣть.

— Что же, матушка, отложимъ на нѣкоторое врем
ужинъ? — суетливо предложилъ о. Варѳоломей.

— Ну, отложимъ. Иди, да только не болтайся до
го-то... Слышишь?

— Слышу, слышу, матушка... Конечно, я не з
медлю. Любопытно мнѣ узнать, какая настоятельна
надобность его превосходительству во мнѣ и въ тако
время,—говорилъ онъ, отыскивая свою шляпу.

— Ну, что ты испугался, что ты суешься изъ гла въ уголъ, точно угорѣлъ?—замѣтила Анна Ѳеасьевна, видя, что поиски о. Варѳоломея ни къ чему е ведутъ.

— Отчего же мнѣ пугаться, я такъ предполагаю, то провинностей за мною никакихъ нѣтъ, отчего же я уду пугаться...

— Нашелъ что ли? Мелешь, самъ не зная что... ашелъ?—нетерпѣливо спрашивала супруга.

— Вы, матушка, успокойтесь, я отыщу, я въ самомъ скоромъ времени отыщу,—увѣрялъ онъ, тщательно глядывая всѣ углы, и потомъ вдругъ снова увлекся еожиданностью приглашенія.

— Любопытно мнѣ знать, какая такая настоятельная надобность...

— Да нашелъ-ли ты, наконецъ, шляпу-то? Господи!...

— Благодареніе Создателю, — вотъ она!—торжественно оповѣстилъ о. Варѳоломей и, объяснивъ еще супругѣ, что пугаться ему нѣтъ никакого основанія, тронулся наконецъ въ путь.

V.

Сидитъ о. Варѳоломей въ почтительной позѣ, на ончикѣ стула, въ кабинетѣ Николая Саввича. Николай Саввичъ медленно и лѣниво сосетъ свой чубукъ и по быкновенію хмурится. Онъ молчитъ, и не то дремлетъ, не то что-то обдумываетъ, всего вѣрнѣе послѣднее, потому что во время дремоты его сѣдыя брови е такъ близко сдвигаются одна къ другой. Отецъ Варѳоломей находится въ большомъ недоумѣніи, ибо ш не получилъ надлежащихъ свѣдѣній о томъ, какая астоятельная надобность встрѣтилась въ немъ въ ночное время. Онъ давно уже допилъ пятый стаканъ чаю (предлагали—совѣстно было отказаться) и держалъ его въ рухахъ, робко поглядывая на дверь, изъ которой онъ ждалъ, по его предположенію, покажется слуга

съ подносомъ. Николай Саввичъ замѣтилъ, наконецъ, его робкіе взгляды и позвонилъ.

— Выпейте еще, о. Варѳоломей,—предложилъ онъ.

— Въ изобиліи, въ изобиліи, ваше превосходительство. Душевно признателенъ,—кланялся о. Варѳоломей, вставъ со стула.

— Вы завтра утромъ ѣдете?

— Да-съ, предполагаю, если Господь благословитъ...

Онъ взглянулъ на образъ и хотѣлъ прощаться.

— Гм... Да... Вы спѣшите. Понимаю. Но присядьте... Мнѣ нужно вамъ передать кой-что,—предложилъ Николай Саввичъ.

— Съ душевною готовностью, ваше превосходительство. Я предполагалъ, что моя бесѣда можетъ быть нѣсколько васъ уже и утомила, потому больше поспѣшилъ...

— Нѣтъ, нисколько,—замѣтилъ Николай Саввичъ.

Это замѣчаніе было совершенно справедливо, потому что въ продолженіе получаса со времени прихода о. Варѳоломея бесѣды собственно никакой не было,—какъ хозяинъ, такъ и гость все время сидѣли молча: одинъ изъ уваженія «къ вельможѣ» пилъ стаканъ за стаканомъ чай, а другой, по всегдашней привычкѣ, сосалъ трубку и хмурился, находя необходимымъ, можетъ быть тоже изъ чувства уваженія, налить сначала гостя чаемъ.

— Присядьте, о. Варѳоломей. Я васъ не задержу...

— Слушаю-съ.

О. Варѳоломей снова помѣстился на кончикѣ стула и, сложивъ на животѣ руки, началъ вертѣть пальцами, въ ожиданіи, что будетъ говорить Сумраковъ.

Николай Саввичъ пошамкалъ нѣсколько губами и, еще болѣе нахмурившись, началъ:

— Я поручилъ бы вамъ, если только не составитъ это для васъ большого труда... Пріищите мнѣ, или, если не успѣете, то поручите кому-либо изъ вашихъ хорошихъ знакомыхъ.. У васъ, помнится мнѣ, есть тамъ знакомые профессора..

Отецъ Варѳоломей утвердительно закивалъ головой.

— Гм... Да. Такъ поручите, пожалуйста, пріискать мнѣ репетитора для младшаго сына... Я назначаю 600 рублей въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ.

— Что-жъ! Я предполагаю, плата весьма достаточная, ваше превосходительство...

— Главное, о. Варѳоломей, обратите вниманіе, чтобы человѣкъ былъ хорошей нравственности.

Николай Саввичъ замолчалъ и сталъ сосать свою трубку.

О. Варѳоломей понялъ, что по поводу порученія сказано все, и потому заговорилъ почти безъ всякой робости.

— Въ виду я, говоря по справедливости, ваше превосходительство, въ настоящее время пока не имѣю такого лица, но въ Санктъ-Петербургѣ, при посредствѣ моего продолжительнаго знакомства съ господиномъ профессоромъ Крестовоздвиженскимъ, я навѣрное могу удовлетворить ваше желаніе.

Онъ помолился на образъ и, раскланявшись, хотѣлъ уйти, но Николай Саввичъ остановилъ его. Медленно приподнявшись съ кресла, онъ всталъ на ноги, протянулъ къ о. Варѳоломею руку и сказалъ: «благословите». Онъ уважалъ о. Варѳоломея и, какъ сказано выше, чтилъ въ немъ не только одинъ санъ, но и замѣчательныя нравственныя достоинства.

Отецъ Варѳоломей спѣшилъ домой къ давно ожидавшему его ужину и уже предчувствовалъ, что Анна Аѳанасьевна распечетъ его за поздній приходъ.

— Всегда ты, всегда, о. Варѳоломей, болтаешься по пяти часовъ,—распекала его по возвращеніи Анна Аѳанасьевна,—да на что же это похоже? Подумай ты, пожалуйста, что же это такое? Я сижу тутъ, жду, жду. Ужинъ давно простылъ... Да есть-ли въ тебѣ хоть капелька стыда!

Отецъ Варѳоломей, стоя въ дверяхъ, печально и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на расходившуюся супругу.

— Ну, что же ты сталъ? Что же ты стоишь-то?..

Господи! Да это я ужъ и не знаю, на что это похоже... Завтра утромъ уѣзжаетъ и — скажите пожалуйста,— слова не хочетъ отвѣтить.

— Матушка!—отвѣтилъ, наконецъ, о. Варѳоломей, кладя шляпу на столъ,—насколько ты неблагоразумна!

— Это еще что за новости?.. Говори, отчего ты такъ долго тамъ болтался?

— Насколько ты неблагоразумна,—повторилъ еще о. Варѳоломей, приложивъ правую руку къ груди и затѣмъ молча сѣлъ за столъ, на которомъ стоялъ давно уже остывшій ужинъ.

Потому ли, что въ этотъ день съ утра установился въ домикѣ о. Варѳоломея прочный миръ или вслѣдствіе сознанія того, что «попикъ» на слѣдующее утро «разлучается» съ Анной Аѳанасьевной, она не долго распекала его за позднее возвращеніе, и смѣлый отзывъ, высказанный имъ относительно, будто бы, ея неблагоразумія, ни къ какимъ «пререканіямъ» не повелъ. Онъ удовлетворилъ ея женское любопытство относительно причинъ, по которымъ былъ вызванъ «въ позднее время» къ Николаю Саввичу, затѣмъ все кончилось благополучно, тихо, мирно, въ сладкихъ радостяхъ супружеской любви и счастья.

Утромъ слѣдующаго дня онъ тащился въ своей голубой, всему околотку извѣстной, таратаечкѣ по направленію къ желѣзной дорогѣ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ крестьянскій мальчикъ, взятый вмѣсто кучера. Провожая ихъ въ дорогу, Анна Аѳанасьевна поучала мальчика относительно того собственно, какъ онъ долженъ ѣхать обратно одинъ, и грозила побить его, если онъ что-либо изломаетъ у знаменитой одноколки или измучитъ лошадь скорой ѣздой. Поученіе началось собственно въ то время, когда уже о. Варѳоломей взялъ вожжи въ руки, чтобы тронуться въ путь, и продолжалось такъ долго, что о. Варѳоломей даже согрѣшилъ, подумавъ: «а, ну-ка я уѣду, не дождавшись конца», но уѣхать такъ не рѣшился.

— Да если только ты смѣешь!.. Да если только я

замѣчу!.. наговаривала Анна Аѳанасьевна мальчику, который, кажется, тоже думалъ: «да что это батюшка смотритъ, стегнулъ бы по лошади—и шабашъ».

— Матушка, я могу такимъ образомъ опоздать... Позвольте уже тронуться въ путь...—попросилъ наконецъ о. Варѳоломей.

— Ну, съ Богомъ. Только, пожалуйста, ты дорогой-то ему побольше говори о томъ, какъ онъ долженъ обратно ѣхать,—крикнула еще вслѣдъ Анна Аѳанасьевна.

Но о. Варѳоломей только-что выѣхалъ за деревню какъ забылъ уже о порученіи супруги.

По пріѣздѣ на станцію онъ къ ужасу своему замѣтилъ, что поѣздъ уже пришелъ и потому бросился совсѣхъ ногъ къ кассѣ, не сказалъ даже своему маленькому кучеру, что поѣзжай, молъ, домой, передай матушкѣ почтеніе, скажи, что доѣхали и т. п., и только на бѣгу махнулъ ему шляпой въ ту сторону, гдѣ находилась усадьба Сумракова, какъ бы желая указать направленіе пути. На станціи, какъ на грѣхъ, скопилось много пассажировъ: со всѣхъ сторонъ валилъ народъ, у кассы тѣснилась большая толпа, и волей-неволей нужно было идти очень медленно поочереди. «Опоздаю, опоздаю»,—шепталъ о. Варѳоломей и нетерпѣливо заглядывалъ впередъ, желая удостовѣриться, скоро-ли ему придется взять желаемый билетъ. Сзади налетѣлъ кто-то съ чемоданомъ и ткнулъ имъ о. Варѳоломея въ спину, не думая извиняться.

— Можно поблагороднѣе, я такъ предполагаю,— оскорбившись замѣтилъ о. Варѳоломей, и довольный тѣмъ, что успѣлъ, наконецъ, взять билетъ, торопливо проскользнулъ подъ саквояжемъ какого-то пассажира и выбѣжалъ на платформу станціи. Но тутъ встрѣтилась ему крестьянка съ охапкой калачей и съ узломъ за плечами, красная, какъ полымя; она лѣзла на него въ упоръ, и едва переводя духъ, торопилась протискаться въ двери станціи.

— Что же ты, ошалѣла! Ахъ, какая! Нѣтъ въ

васъ нисколько благородства,—сказалъ онъ совершенно растерявшейся женщинѣ, отстраняя ее отъ себя обѣими руками.

— Ахъ, матушки-и, да вѣдь никакъ я опоздала-а! Родимые!—раздался позади о. Варѳоломея отчаянный крикъ женщины.

Онъ было-остановился, по привычкѣ чутко отзываться на всякій голосъ, нуждающійся въ помощи, но неумолимый звонокъ въ третій разъ занылъ въ воздухѣ, и о. Варѳоломей всплеснулъ только руками, оглянулся кругомъ точно отыскивая, кому бы поручить попеченіе о бабѣ, и бросился бѣгомъ впередъ по направленію къ вагонамъ третьяго класса. Онъ бѣжалъ такъ быстро, что полы его рясы раздулись, какъ два паруса. На бѣгу замѣтилъ онъ знакомаго помѣщика, сидѣвшаго у окна въ вагонѣ 1-го класса, и даже не поклонился ему.

«Не хорошо, ахъ, какъ не хорошо, — все-таки успѣлъ подумать онъ, — не хорошо: неуваженіе съ моей стороны. Нужно по возвращеніи непремѣнно побывать у него, засвидѣтельствовать почтеніе и извиниться».

Онъ вбѣжалъ, или вѣрнѣе сказать, вспрыгнулъ на площадку вагона и, наткнувшись на кондуктора всей грудью, испуганно заговорилъ:

— Простите великодушно, что я васъ нѣсколько обезпокоилъ. Такая суета суетствій!

— Ничего. Наше дѣло привычное. Пожалуйте,— отвѣчалъ мрачный кондукторъ.

«Какого онъ, однако, багрянаго цвѣта,—успѣлъ подумать и про него о. Варѳоломей, но затѣмъ тотчасъ же прибавилъ:—Господи, прости мое согрѣшеніе, самъ не вѣдаю, что позволяю себѣ.

Только-что онъ вошелъ въ двери вагона, какъ тутъ же на самомъ порогѣ и остановился въ полнѣйшемъ изумленіи, не зная какъ идти впередъ и гдѣ присѣсть: вагонъ былъ, какъ говорится, биткомъ набитъ пассажирами.

— Какое, между прочимъ сказать, большое стече-
е публики, — проговорилъ онъ вслухъ, пробираясь
торожно впередъ и собственно ни къ кому не обра-
аясь, потому что пассажиры большею частью еще
али или дремали, угрюмо тыкаясь носами впередъ.
Въ вагонѣ было тихо, только въ углу на рукахъ
енщины нылъ грудной ребенокъ. Она не переста-
ла его утѣшать укачиваньемъ и грустнымъ припѣ-
мъ, который то затихалъ, то громче раздавался,
отря по тому, тише или сильнѣе начиналъ плакать
бенокъ. Подъ это тоскливое нытье, перекинувшись
ловой чрезъ спинку скамьи, спалъ какой-то счастли-
цъ, широко раскрывъ ротъ, при чемъ храпѣлъ, и
клокоченная борода торчала кверху, какъ помело,
лѣе, кто-то безцеремонно перекинувъ ноги на проти-
оположную скамью и загородивъ такимъ образомъ
оходъ, уткнулся головой въ стѣну вагона, и каза-
сь, хотѣлъ изобразить своей фигурой быка, когда
ъ разгнѣванный, роетъ рогами землю и мычитъ.
тецъ Варѳоломей осторожно перешагнулъ чрезъ та-
е встрѣтившееся на пути препятствіе, но далѣе
редстояло другое: въ проходѣ, между скамьями, спалъ
лдатъ, широко раскинувшій руки и ноги; онъ былъ
вершенно недвижимъ, точно шальная пуля не дала
у выговорить слова и свалила замертво убитымъ на
мъ мѣстѣ, гдѣ застала.

Тяжелый спертый воздухъ, ноющій ребенокъ и
къ маятникъ качающаяся фигура измученной матери,—
е это могло навести невыносимую тоску, въ особен-
сти еще и при невозможности найти мѣсто, прит-
уться хотя гдѣ-нибудь на уголкѣ; все это, послѣ
ревенскаго простора полей и лѣсовъ, послѣ чистаго
здуха, сразу вдругъ охватившее, могло показаться
стомъ заключенія, тюрьмой, наказаніемъ за не-
вѣстныя провинности. Такъ былъ тяжелъ переходъ
ъ воли» въ вагонъ третьяго класса.

. Варѳоломей тоже не чуждъ былъ этого чувства
и пробираясь чрезъ встрѣчающіяся по пути препят-

ствія, только шепталъ про себя: «Господи помилуй, какая духота».

VI.

На слѣдующей станціи отецъ Варѳоломей уже успѣлъ оглядѣться въ вагонѣ, какъ говорится, обтерпѣлся и возымѣлъ положительное намѣреніе побесѣдовать, но для бесѣды подходящихъ личностей не находилось: въ сосѣдствѣ сидѣли все какія-то пасмурныя, сердитыя лица; было нѣсколько крестьянъ, но бесѣдовать съ ними особеннаго вожделѣнія о. Варѳоломей не чувствовалъ, ибо такихъ собесѣдниковъ и въ усадьбѣ встрѣчалось достаточно.

Былъ въ виду одинъ молодой человѣкъ, наружность котораго о. Варѳоломею очень понравилась, но завязать съ нимъ разговоръ онъ отчасти робѣлъ, потому что молодой человѣкъ казался ему какъ-будто нѣсколько гордымъ и какъ будто въ то же время не гордымъ, а печальнымъ, вообще непонятнымъ. О. Варѳоломей долго присматривался, вздыхалъ, томимый желаніемъ побесѣдовать, но, наконецъ рѣшился:

— Въ Санктъ-Петербургъ изволите? — вкрадчиво спросилъ онъ.

— Да,—тихо и коротко отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Та-а-к-съ,—протянулъ о. Варѳоломей

Помолчали нѣсколько времени.

Сложивъ на животѣ руки, о. Варѳоломей завертѣлъ пальцами и снова украдкой исподлобья оглянулъ молодого человѣка.

— Та-а-к-съ. По служебнымъ дѣламъ изволите путешествовать?

— Нѣтъ, по своимъ

— Гм... Гм... По собственнымъ!.. Та-к-съ... Боже очисти мя!..

Онъ опять вздохнулъ и смолкъ.

— Вѣроятно коммерческія дѣла вынуждаютъ ѣхать

въ столицу?—снова послышался его тихій, нѣсколько робкій вопросъ.

— Нѣтъ, я такъ ѣду...

— Поблаженствовать?—съ заискивающей улыбкой спросилъ о. Варѳоломей.

— Нѣтъ, такъ...

— Это довольно неопредѣленно,—замѣтилъ о. Варѳоломей, и какъ-будто нѣсколько сконфузился.

— Да, дѣйствительно неопредѣленно, отвѣтилъ молодой человѣкъ и задумался, точно самъ себѣ хотѣлъ сначала опредѣлить, зачѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ.

— Это даже нѣсколько странно... А впрочемъ, можетъ статься, вы имѣете свои уважительныя причины хранить по этому случаю молчаніе,—вкрадчиво спросилъ о. Варѳоломей.

— Нѣтъ, нисколько. Я ѣду, батюшка, поискать счастія,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вотъ ка-а-къ! Счастія! Это назидательно!—уже оживившись подсказалъ любопытный собесѣдникъ, — это крайне любопытно и назидательно. — Гм... Гм... крякнулъ онъ, предвкушая сладость предстоящей бесѣды, и обратился къ мужику, сидѣвшему рядомъ съ молодымъ человѣкомъ:

— Уступите мнѣ, достопочтеннѣйшій, на нѣкоторое время вашего мѣстечка.

Тотъ молча уступилъ.

— Душевно признателенъ,—поблагодарилъ о. Варѳоломей, и сѣлъ.

— Въ чемъ же, собственно, ваши поиски будутъ состоять?—обратился онъ къ молодому человѣку.

— Не знаю пока...

— Такъ. Это справедливо. Да.

Помолчали. О. Варѳоломей съ большимъ трудомъ переносилъ это молчаніе, какъ неизбѣжную деликатность: «нельзя же такъ вдругъ,—думалъ онъ,—нужно поблагороднѣе».

— Есть знакомые въ столичномъ городѣ? — спросилъ онъ спустя минуту-другую.

— Да, два-три...
— Покровители?
— Нѣтъ, такъ, знакомые...
— Званіе ваше?
Молодой человѣкъ объяснилъ.
— Имѣете родственниковъ, родителя, напримѣръ, родительницу?
— Да, имѣю.
— Такъ-съ. Гм... Гм... Очень пріятно познакомиться. Во время пути, сами изволите знать, медленно и однообразно проходятъ часы.
— Да, пожалуй.
— А какъ по фамиліи?
— Чухлымовъ.
— Позвольте узнать имя, отчество.
— Иванъ Петровичъ.
— Иванъ Петровичъ! У меня дѣдъ покойникъ былъ Иванъ Петровичъ! Очень, очень пріятно познакомиться.

Несмотря на отрывочные отвѣты, о. Варѳоломей исподволь, потихоньку продолжалъ свои разспросы, видимо довольный представившимся благопріятнымъ случаемъ побесѣдовать.

Поѣздъ остановился на станціи. Молодой человѣкъ казалось былъ радъ, что имѣлъ поводъ оставить любопытнаго собесѣдника; но только что поѣздъ тронулся въ путь, какъ о. Варѳоломей опять попросилъ мужика, сидѣвшаго рядомъ съ Чухлымовымъ, уступить «на нѣкоторое время» мѣсто и возобновилъ разговоръ. Хотя Чухлымовъ туго поддавался на разспросы, какъ-будто даже тяготился отвѣтами, но о. Варѳоломей въ увлеченіи этого не замѣчалъ и лаконическіе отвѣты молодого человѣка относилъ непосредственно къ его характеру.

«Нѣсколько тугонекъ и молчаливъ,—подумалъ онъ про него,—но такъ надо предположить, что человѣкъ очень хорошій и кроткій».

Разспрашивая такимъ образомъ молодого человѣка,

о. Варѳоломей освѣдомился объ имени и отчествѣ его родителя и родительницы не столько потому, чтобы это его очень интересовало, сколько по той уважительной причинѣ, что желалъ «разговориться». Разговоръ, между тѣмъ, все вязался туго; спросивъ «здравствуютъ-ли они», о. Варѳоломей уже непосредственно изъ любопытства освѣдомился о ихъ лѣтахъ; затѣмъ, при отвѣтѣ на вопросъ о «здравіи» дѣдушки и бабушки, глубоко вздохнулъ, точно сожалѣя о ихъ ранней смерти и печально произнесъ:

— Да, конечно, предѣлъ, его же не прейдеши! Всѣ будемъ тамъ, всѣ помремъ, только не въ одно время!

— Это справедливо,—подсказалъ, вздыхая въ свою очередь, сосѣдъ мужикъ,—это вы, батюшка, точно...

О. Варѳоломей нѣсколько воодушевился.

— Нѣтъ, вотъ я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія событіе,—началъ онъ, возвысивъ голосъ и многозначительно оглядывая сермяги сосѣдовъ-мужиковъ, какъ бы призывая ихъ къ слушанію: — одна женщина, имени и званія ея, къ сожалѣнію, не упомню. бывъ довольно въ преклонныхъ лѣтахъ, изнемогала въ болѣзни довольно продолжительный періодъ времени...— Приснилось ей видѣніе...

Началось подробное и обстоятельное объясненіе приснившагося видѣнія.

— И представьте, Иванъ... Отчество ваше запамятовалъ...

— Петровичъ,—тоскливо отвѣтилъ Чухлымовъ.

— Да, да! Иванъ Петровичъ! Представьте, Иванъ Петровичъ, эта изнемогающая женщина, находясь, можно сказать, на смертномъ одрѣ, вдругъ почувствовала нѣкоторую бодрость, стала приходить въ движеніе, приподнялась на ослабѣвшія ноги... И исцѣлилась! — заключилъ чрезъ нѣсколько времени о. Варѳоломей, торжественно оглядывая слушателей.

— Боже мой! Господи помилуй!—вздыхали сермяги.

«Какъ-бы мнѣ поделикатнѣе отъ него избавиться»,—

размышлялъ Чухлымовъ, цѣпляясь то за одно, то за другое средство, но всѣ они казались ему недостаточно вѣжливымъ предлогомъ для того, чтобы улизнуть въ другой вагонъ. Онъ раскаивался, что не сдѣлалъ этого ранѣе, когда разговоръ ограничивался исключительно только разспросами и не касался еще «достойныхъ вниманія событій». Раскаяніе было совершенно безполезно, потому что «улизнуть» въ другой вагонъ не представлялось почти никакой возможности, по крайней мѣрѣ Чухлымовъ ее не находилъ; ему казалось неловко, невѣжливо такъ вдругъ встать и уйти, не дослушавъ. Къ тому же о. Варѳоломей до того уже увлекся бесѣдой, что придерживалъ Чухлымова за пуговицу пальто и какъ только оканчивалъ разсказъ, такъ тотчасъ же сообщалъ о какомъ-нибудь новомъ случаѣ, находя почему-то нужнымъ приплести его къ разговору.

— Конечно, сказано: «по вѣрѣ вашей дастся вамъ»...—продолжалъ онъ по какому-то поводу,—вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу достойное вниманія...

И въ такомъ родѣ шла нескончаемая бесѣда.

Проѣхали еще нѣсколько станцій. Только что Чухлымовъ вставалъ, чтобы уйти, подъ предлогомъ прогулки, отецъ Варѳоломей тоже вставалъ.

— Вы, конечно, имѣете намѣреніе нѣсколько поразмяться?—заботливо спрашивалъ онъ.

— Да, я хотѣлъ бы...

— Превосходно! Я буду вамъ съ готовностью сопутствовать. Не угодно-ли?

— Гм... Гм... Отчего же, я съ удовольствіемъ...— нехотя соглашался Чухлымовъ.

И шли вмѣстѣ.

Такимъ образомъ Чухлымовъ вдругъ неожиданно попалъ подъ самый строгій надзоръ. О. Варѳоломей слѣдилъ за всѣми его движеніями, боясь потерять изъ виду такого пріятнаго собесѣдника. Онъ точно принялъ на себя обязанности тѣхъ личностей, которымъ поручаются наблюденія «по особенно важнымъ дѣламъ».

Разспросивъ все, о чемъ только можно было разспросить и сообщивъ еще нѣсколько «по истинѣ достойныхъ вниманія» случаевъ, о. Варѳоломей добрался до благочинныхъ того губернскаго города, который былъ родиной Чухлымова, и, наконецъ, освѣдомился даже о томъ: «какое, собственно, разстояніе отъ архіерейскаго дома до собора».

— Не могу вамъ навѣрное сообщить,—сдерживая улыбку, отвѣтилъ Чухлымовъ,—близко кажется...

Отецъ Варѳоломей послѣ этого вопроса и самъ добродушно засмѣялся.

— Конечно, не измѣрять же... Хе! хе! хе! Ужъ вы меня извините, я, знаете, по простотѣ, люблю побесѣдовать.

Такъ шло время часъ за часомъ. Мелькали мимо телеграфные столбы, оставались назади станціи съ неизбѣжными звонками, свистками локомотива и вѣчной суетой пассажировъ, постоянно одержимыхъ страхомъ за скоропроходящія минуты остановокъ; встрѣчались на пути и быстро исчезали изъ виду обдаваемые паромъ и дымомъ поѣзда, печальныя деревеньки, «жилища бѣдности, невѣжества и, можетъ быть, спокойствія»; узкая проселочная дорога, вся изрытая ямами и выбоинами и наводящая на жителя какую-то неопредѣленную грусть и тоску, уныло пряталась въ сторону, точно сама грустила и тосковала за свое печальное положеніе. Мутныя рѣчки съ глинистыми топкими берегами, въ которыхъ вѣчно вязнутъ деревенскія коровы и телята вмѣстѣ съ оборванными и загорѣлыми мальчишками; животрепещущіе мосты, неизъяснимымъ чудомъ спасающіе отважнаго путника, когда онъ, ради храмового праздника, хватитъ черезъ край зелена-вина и, заломивъ шляпу на бекрень, дуетъ чрезъ него въ хвостъ и гриву на тощей клячонкѣ, такъ что мостъ вздрагиваетъ и долго потомъ еще покачивается, когда уже отъ угорѣлаго человѣка и слѣдовъ не осталось, и только слышенъ еще гдѣ-то далеко его дикій отчаянный крикъ; рѣдкіе и скудные растительностью пе-

релѣски и вѣчно низменныя болотистыя равнины,—все это безслѣдно пропадало для о. Варѳоломея, увлеченнаго бесѣдою съ своимъ новымъ знакомымъ. Въ другое время онъ и самъ любилъ сидѣть у окна вагона и всматриваться въ быстро мелькающіе предметы; но теперь всѣмъ этимъ наблюденіямъ предпочитался Чухлымовъ.

Къ полудню матеріалы для разговора, казалось, истощились, и о. Варѳоломей какъ будто почувствовалъ нѣкоторое утомленіе и даже раза два вздохнулъ, произнося: «Боже, милостивъ буди ми»... Воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ къ прекращенію «бесѣды», Чухлымовъ торопливо выдернулъ изъ саквояжа газету и хотѣлъ искать въ ней спасенія такъ же, какъ утопающій ищетъ спасенія въ первомъ подвернувшемся подъ руку предметѣ, не разбирая, насколько онъ можетъ быть полезенъ. Газета не спасла: о. Варѳоломей не понялъ тактики Чухлымова, не догадался, чего онъ ищетъ, или, вѣрнѣе сказать, понялъ совершенно наоборотъ,—онъ подумалъ, что Чухлымовъ взялъ газету отъ скуки, только по случаю прекратившагося разговора, и поэтому обратился съ новымъ вопросомъ:

— Ужъ очень мнѣ... Имя-отчество ваше запамятовалъ...

— Иванъ Петровичъ, пояснилъ Чухлымовъ, изъ деликатности прервавъ чтеніе.

— Да, да. Иванъ Петровичъ. Старъ я становлюсь, память начинаетъ ослабѣвать, но все-таки, благодаря Создателя, въ иныхъ случаяхъ еще достаточно твердая... Да, что бишь я вамъ хотѣлъ объяснить? Да! Ужъ очень мнѣ, Иванъ Петровичъ, лицо ваше понравилось, такое располагающее, апостольское... Представьте себѣ, былъ у меня одинъ благопріятель... Въ то время мы еще были въ первомъ классѣ семинаріи. Родители мои...

И подъ однообразный шумъ колесъ и звукъ дребезжащихъ стеколъ потянулся разсказъ отца Варѳоло-

мея, полѣзли одно на другое различныя придаточныя предложенія, дополнительныя, сокращенныя, распространенныя и совершенно безличныя... Чухлымовъ тоскливо выпустилъ изъ рукъ газетный листъ и слушалъ, въ сущности ничего не понимая, потому что ловилъ слова только, какъ говорится, изъ пятаго на десятое. Прекратить бесѣду, заняться чтеніемъ или грубо оборвать о. Варѳоломея онъ не могъ, не только потому, что это было не въ его характерѣ, но и по той причинѣ, что о. Варѳоломей, при всей своей слабости многоглагольствовать, былъ человѣкъ въ высшей степени симпатичный и необыкновенно кроткій. Найти другой приличный способъ прекратить разговоръ, Чухлымовъ не могъ и только думалъ объ одномъ, скороли поѣздъ придетъ въ Петербургъ.

Разговоръ, наконецъ, дошелъ до того, что о. Варѳоломей нашелъ нужнымъ вкрадчиво и деликатно спросить Чухлымова, бываетъ-ли онъ каждогодно у исповѣди и св. причастія. Тотъ хотѣлъ въ отвѣтъ ухнуть, что не бываю молъ, собственно съ досады, но удержался, и далъ утвердительный отвѣтъ.

— Конечно,—замѣтилъ на это о. Варѳоломей,—въ наше время есть сѣятели, кои сѣютъ плевелы, но благодать Божія не оскудѣваетъ и не оскудѣетъ...—Насъ было у матушки семеро, малъ-мала меньше,—разсказывалъ онъ въ подтвержденіе этого уже о самомъ себѣ...

А Чухлымовъ слушалъ и думалъ:

«За какіе это грѣхи наказываетъ меня Богъ!»

— И представьте,—продолжалъ о. Варѳоломей,—этакое, съ позволенія сказать, полчище надо было прокормить, обуть, одѣть.

На бѣду гдѣ-то поѣздъ долго застоялся на станціи, и такимъ образомъ число часовъ бесѣды еще болѣе увеличилось. Прошелъ, наконецъ, день. Поѣздъ приближался къ Петербургу. Шелъ дождь, небо заволоклось тучами, и скука путешествія еще болѣе увеличилась; по-временамъ, во время остановокъ на станціяхъ

слышалось однообразное стучанье дождя въ желѣзныя крыши вагоновъ.

— А ректоръ семинаріи, — продолжалъ разсказывать о. Варѳоломей,—этотъ вѣчно памятный мнѣ ректоръ, по свойствамъ своего нрава, уподоблялся Ироду..

Но раздался продолжительный свистокъ, и Чухлымовъ вздохнулъ во всю грудь, уже не слыша, что такое сдѣлалъ семинарскій Иродъ.

— Это, по истинѣ говоря, было избіеніе младенцевъ...

Продолжать далѣе уже не представлялось никакой возможности. Публика стала подниматься съ своихъ мѣстъ; нѣкоторые торопливо вскакивали, испуганно осматривались со сна; другіе сладко потягивались и зѣвали во весь ротъ.

Какая-то толстая купчиха, закутанная шалями и шарфами, точно на дворѣ были трескучіе морозы, обхватила въ испугѣ обѣими руками кучу подушекъ, на которыхъ сидя спала, и испуганно зашептала: «ахъ батюшки, не горимъ ли». Вылѣзали изъ подъ скамей и показывались на свѣтъ Божій неизвѣстно откуда взявшіяся лица: проворно вылѣзъ, точно изъ-подъ пола какой-то бѣлобрысый мужиченко и, видя, что появленіе его возбудило хохотъ товарищей, самъ захихикалъ себѣ подъ носъ оттого, что, не просыпаясь, доѣхалъ отъ Волочка до Петербурга; черная борода медленно точно крадучись, высовывалась изъ подъ скамьи, и вылѣзъ оттуда цѣлый татаринъ, да такой толстый, что изъ него легко можно было выкроить троихъ; вскочилъ на ноги, какъ встрепанный, солдатъ и сталъ поспѣшно оправлять свою аммуницію; появились саквояжи, чемоданы, ящики и проч. и проч. Татаринъ, выбравшись изъ своей засады, сѣлъ тутъ же на полу, и предварительно погладивъ ладонью голову, сталъ напяливать на засаленную тюбетейку высокую баранью шапку. Но выбитый изъ своей позиціи общимъ движеніемъ пассажировъ, онъ въ свою очередь поднялся на кор тенькія ноги, сильно крякнулъ и началъ икать. Вы

й, сухощавый, съ длинной сѣдой бородой купецъ дыхалъ на весь вагонъ и, смотря въ темную даль ба, молился Богу. Татаринъ узналъ въ немъ зна-маго.

— Иванъ Сидоричъ, ты?—крикнулъ онъ купцу

Купецъ молча молился, не поворачивая головы.

— Иванъ Сидоричъ, ты?—опять повторилъ тата-инъ, пробираясь поближе къ купцу.

— Ну я, видишь чай,—сердито отвѣтилъ купецъ, кончивъ молитву.

Татаринъ такъ быстро заговорилъ, что кромѣ купца азговоръ этотъ для всѣхъ остальныхъ сливался въ бщую трескотню, только и можно было понять между нтервалами икоты: «я, судырь мой, поѣлъ, судырь ой, и заснулъ, судырь мой, подъ эта самая сидѣнья, удырь мой».

Поѣздъ шелъ между строеніями, и по причинѣ емнаго ненастнаго вечера можно было по временамъ идѣть, какъ вблизи рельсовъ двигались человѣческія игуры съ фонарями, точно мрачные заговорщики въ акомъ-нибудь таинственномъ романѣ. Вѣтеръ сердито ылъ и шумѣлъ; кондукторъ растворилъ дверь вагона сталъ въ проходѣ, оставаясь безучастнымъ къ не-ерпѣнію публики и можетъ быть занятый своими со-браженіями о стеариновыхъ огаркахъ, которые, при оздномъ зажиганіи и раннемъ тушеніи вагонныхъ фо-арей, составляли нѣкоторую статью его доходовъ. ублика тѣснилась къ выходу. О. Варѳоломей расче-ывалъ широкимъ бѣлымъ гребнемъ волосы и, окон-ивъ, такимъ образомъ, приготовленія къ пріѣзду въ толичный городъ, обратился къ Чухлымову:

— До повиданія, достопочтеннѣйшій Иванъ Петро-ъ, до повиданія. Если Господь благословитъ, мо-ъ быть и паки встрѣтимся на пути жизни.

Іопросивъ предварительно позволенія, онъ поцѣ-лся съ Чухлымовымъ на прощанье.

— Вы мнѣ не поставьте въ вину того, что можетъ ч нѣсколько обременилъ васъ своею бесѣдою...

Въ голосѣ его послышалась теплая, задушевная нота, видно было, что ему хотѣлось еще что-то сказать, но онъ не рѣшался, боясь, какъ бы не оскорбить; но, наконецъ, не выдержалъ и, припадая къ уху Чухлымова, началъ ему нашептывать:

— Можетъ быть на первое время нѣсколько стѣснены въ обстоятельствахъ своихъ, такъ не угодно-ли со мною въ качествѣ попутчика: у меня здѣсь въ столицѣ родственники, превосходные люди... Ничего! Повѣрьте! Для нихъ это не составитъ расчету...

— Что вы! что вы, батюшка, помилуйте!

— Повѣрьте! повѣрьте!—шепталъ о. Варѳоломей.

— Я вамъ вѣрю, но... извините меня... я не могу...

— Но по нерѣшительному тону вашей рѣчи, и вообще...

— Ахъ, батюшка, оставимте этотъ разговоръ. Я рѣшительно не могу... Благодарю васъ искренно... но не могу.

— Въ такомъ случаѣ не поставьте мнѣ въ вину этого, я, можетъ быть, впалъ въ заблужденіе... Оставимъ это втунѣ...

Публика безпокоила о. Варѳоломея, начиная выходить, такъ какъ поѣздъ уже остановился. Кто-то, наконецъ, сильно двинулъ его въ спину и увлекъ отъ Чухлымова, который напослѣдокъ услыхалъ только фразу о. Варѳоломея, обращенную уже къ публикѣ:

— Почтенные господа; — недовольнымъ голосомъ произнесъ онъ, стараясь запахнуть рясу,—почтенные господа, нужно поблагороднѣе, я такъ предполагаю...

Мужики вздѣвали на спины мѣшки и совершенно исчезали за ними, такъ что вдругъ въ одномъ концѣ вагона вмѣсто людей оказалась цѣлая куча громадныхъ мѣшковъ, которые, какъ будто сами собой, двигались и расталкивали публику. Недовольные этимъ волшебнымъ превращеніемъ отталкивали отъ себя мѣшки, и тогда точно изъ глубины ихъ слышалось сердитое ворчанье:

— Не налягай больно-то, ей!

— Ослобони маненько, почтенный!

Далѣе послышался громкій крикъ, покрывшій весь шумъ движенія и говоръ толпы.

— Робята, держись плотнѣе, оно ловчѣй будетъ, не свалятъ...

Но надъ этимъ окрикомъ старался взять верхъ другой.

— Не валясь, Микитка, эка обрадовался, дьяволъ!

И затѣмъ всѣ мѣшки высыпали на платформу.

VII.

Чухлымовъ былъ еще въ вагонѣ. Наклонившись, чтобы поднять стоявшій на полу саквояжъ, онъ почувствовалъ подъ ногой что-то мягкое, взялъ въ руку, посмотрѣлъ и вздрогнулъ: поднятая вещь оказалась бумажникъ, повидимому, туго набитый деньгами. Въ памяти Чухлымова быстро возобновились впечатлѣнія вечера: онъ вспомнилъ, что сѣдой купецъ въ сумерки этого дня «отъ нечего дѣлать» укладывался на полу вагона вблизи его мѣста; ему какъ будто снова послышался шопотъ купца, когда онъ, повертываясь на голомъ полу съ боку на бокъ, шепталъ, тяжело вздыхая: «Господи, прости мои великія согрѣшенія», и затѣмъ торопливо считалъ: «семь полтинъ—три съ полтиной».

Чухлымовъ началъ торопливо, нервически хватать свои вещи и такъ сильно дышалъ, какъ будто-бы только что вбѣжалъ, не останавливаясь, на вершину крутой горы. Захвативъ подушки и саквояжъ, онъ бросился впередъ, расталкивая публику, не замѣчая и не слыша, какъ сыплются на него со всѣхъ сторонъ толчки и ругательства. Въ это время онъ думалъ только объ одномъ, какъ-бы догнать купца, который вышелъ уже изъ вагона и, идя рядомъ съ татариномъ, что-то разсказывалъ ему, сильно размахивая длинными рукавами суконной чуйки. Отецъ Варѳоломей тоже подвернулся подъ руку Чухлымова и тоже проворчалъ что-то относительно благородства; но, догадавшись, что

толчекъ полученъ ни отъ кого другого, какъ отъ его недавняго собесѣдника и видя, что этотъ милый собесѣдникъ чѣмъ-то встревоженъ до крайности и ничего не замѣчаетъ вокругъ себя, о. Варѳоломей самъ ускорилъ шаги, слѣдуя за нимъ.

Чухлымовъ, наконецъ, догналъ купца и остановилъ его.

Отецъ Варѳоломей, видя, что Чухлымовъ что-то заговорилъ съ купцомъ, посовѣстился близко подойти и остался въ нѣкоторомъ отдаленіи, какъ говорится, «на сторожѣ», чтобы въ случаѣ надобности подать помощь своему недавнему собесѣднику.

— Послушайте, остановитесь на одну минуту,— задыхаясь сказалъ Чухлымовъ купцу.

— Ась! Что тебѣ, голубчикъ?—удивленно спросилъ купецъ.

— Осмотритесь, не потеряли-ли вы что-нибудь?

— Ни талкуй, чево напрасна,—торопилъ татаринъ, дергая купца за руку,—ни талкуй, иди знай...

— Послушайте...

Но купецъ уже вздрогнулъ и выраженіе испуга охватило его старческое лицо. Онъ быстро распахнулъ свою чуйку, откинулъ полу длиннаго кафтана и, сунувъ руку въ одинъ карманъ, въ другой, вдругъ точно остолбенѣлъ.

— Владычица! Смерть моя!..—прошепталъ онъ потомъ и затрясся весь, точно вдругъ охватилъ его сильнѣйшій припадокъ лихорадки.

— Успокойтесь! успокойтесь!—зашепталъ въ свою очередь Чухлымовъ.

— Голубчикъ! Нашелъ, что-ли? Говори, не томи... Умру!—со слезами бросился къ нему купецъ.

— Шту такая? шту такая?—затараторилъ татаринъ и засуетился, торопливо обращаясь то къ одному, то къ другому; но на него не обращали никакого вниманія.

— Иванъ Сидоришь, шту такая?—приставалъ онъ къ купцу.

— Уйди ты, ради Христа! Уйди! ахъ! ахъ! Господи!—стоналъ купецъ, — да говори-же, голубчикъ... Ахъ!..

— Вы что, собственно, потеряли?—едва могъ спросить Чухлымовъ, самъ до крайности взволнованный испугомъ купца.

— Батюшка! Кормилецъ!.. Бумажникъ обронилъ, бумажникъ съ деньгами... Голубчикъ! отдай... Давай!.. Давай!..

— Какого цвѣта?—силился еще спросить Чухлымовъ, давно готовый возвратить находку.

— Зеленый, родимый мой... Не мучь... Умру!.. Зеленый, краснымъ гайтанчикомъ перевязанъ, этакъ крестъ на крестъ... Царица небесная! Владычица!.. А старуха-то еще сколько наказывала беречь...

О. Варѳоломей стоялъ въ сторонѣ... Да нѣтъ, это не о. Варѳоломей стоялъ около стѣны: это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, блѣдный и испуганный, страдающій: на лицѣ его, точно въ зеркалѣ, отражались всѣ тѣ болѣзненныя ощущенія, которыя испытывалъ купецъ, тревога, испугъ и страшное томительное ожиданіе того, чѣмъ все это, наконецъ, окончится. О. Варѳоломей, казалось, болѣе купца боялся за развязку и ждалъ, ждалъ нетерпѣливо съ замираніемъ сердца...

Чрезъ нѣсколько мгновеній купецъ плакалъ, обнималъ отъ радости Чухлымова и предлагалъ денегъ.

— На, возьми тысячу, голубчикъ, не брезгуй, пригодятся... Не жаль, ей-ей не жаль...

— Что вы, помилуйте! За что-же я буду брать... Я радъ, что все такъ благополучно кончилось,—отвѣтилъ Чухлымовъ и пошелъ дальше.

— Святой человѣкъ! Да скажи хоть имя-то, хоть такъ обинякомъ... Гдѣ живешь-то, хоть скажи.

Но Чухлымовъ шагалъ уже далеко и не оглядывался.

О. Варѳоломей оставался еще нѣсколько времени въ полнѣйшемъ изумленіи, потомъ, точно опомнившись, вдругъ, бѣгомъ пустился впередъ, слѣдомъ за Чухлымовымъ.

Татаринъ и купецъ все еще стояли на томъ же мѣстѣ, гдѣ послѣдній получилъ обратно его бумажникъ. Татаринъ сначала подозрѣвалъ въ Чухлымовѣ какого-нибудь хитраго мазурика (Петербургъ вѣдь, думалъ онъ), но догадавшись въ чемъ дѣло, всплеснулъ руками и почти вслухъ сказалъ: «Шайтанъ (дьяволъ) Хайбулка!» видимо въ укоръ самому себѣ за то, что не тамъ спалъ, гдѣ слѣдовало, какъ оказалось по обстоятельствамъ. Купецъ, между тѣмъ, перекрестившись разъ пятнадцать, сталъ размышлять: «дурачокъ, надо-быть, этотъ паренекъ-то», и чрезъ нѣсколько времени думалъ: «а можетъ статься это вовсе и не человѣкъ, а ангелъ Божій явился во образѣ человѣческомъ»; но еще чрезъ нѣсколько секундъ размышлялъ уже совершенно иначе: «куда ужъ намъ,—думалъ онъ,—до ангельскихъ услугъ,—наше мѣсто въ аду, можетъ, только по милосердію Божію, да за молитвы святыхъ угодниковъ сподобимся принять христіанскую кончину съ покаяніемъ и избавимся мукъ преисподнихъ... Гдѣ ужъ намъ до ангельскихъ услугъ».

Такъ думалъ онъ, все еще тяжело дыша.

— Ухъ, батюшки мои, угодники Божіи! Николай Чудотворецъ! Пресвятая Богородица!..

И опять принялся часто, часто креститься, потомъ вздохнулъ во всю грудь и окончательно порѣшилъ о Чухлымовѣ...

— Нѣтъ, надо-быть такъ какой-нибудь простенькій дурачокъ,—сказалъ онъ и тронулся въ путь.

«Ты шайтанъ, Хайбулка!»—мысленно ругалъ себя татаринъ, идя рядомъ съ купцомъ и искоса взглядывая на его сѣдую бороду.

Купецъ, на этотъ разъ, крѣпко придерживалъ рукою свое сердце, чувствуя его біеніе и чувствуя, что къ этому сердцу прижаты имъ теперь десять тысячъ рублей.

«Видно самъ бугатъ», субака, злобно думалъ татаринъ про Чухлымова.

А купецъ уже совершенно успокоился и началъ

относиться къ поступку Чухлымова съ нѣкоторой ироніей.

«Вотъ дурачина-то, подумаешь!—размышлялъ онъ, —да такихъ только за деньги показывать, ей-ей. Разскажи, теперича, кому хочешь, не повѣрятъ, скажутъ —басня.»

Такъ думалъ онъ искони, по преданію, привыкшій поклоняться золотому тельцу на всякомъ мѣстѣ владычества его и лишенный возможности отнестись къ нему когда-либо иначе.

Купецъ и татаринъ шли молча и тихо. Впереди ожидала ихъ цѣлая стѣна народу, толпившагося въ выходѣ; сзади снова сталъ подходить народъ, еще не успѣвшій выбраться изъ дальнихъ вагоновъ. Размышляя иронически о Чухлымовѣ, купецъ въ то же время, какъ пуганая ворона, подозрительно оглядывалъ тѣснившуюся кругомъ его публику

— «Все Богъ!» заключилъ онъ свои размышленія и, довольный такимъ высокимъ покровительствомъ, погладилъ длинную, сѣдую бороду.

О. Варѳоломей догналъ Чухлымова.

— Голубчикъ! Иванъ Петровичъ!—говорилъ онъ, запыхавшись и, уже безъ всякаго разрѣшенія со стороны Чухлымова, бросился къ нему на шею.

— Видѣлъ, голубчикъ, видѣлъ и все слышалъ,—зашепталъ онъ, цѣлуя его.

— Что вы! Что вы! Батюшка! На насъ смотрятъ...

— Не могу, миленькій Іоаннъ Петровичъ, не могу! Какъ вамъ благоугодно, но не могу... Этакого человѣка... Этакого... Я никогда и въ сновидѣніяхъ не удостоивался...

— Батюшка! Здѣсь не мѣсто... Къ чему распространяться объ этомъ?..

О. Варѳоломей зашепталъ тише:

— Я буду кратокъ, я буду кратокъ...

Они отошли нѣсколько въ сторону.

— Іоаннъ Петровичъ! Благороднѣйшій!.. Высокочестнѣйшій!..

Чухлымовъ нетерпѣливо замахалъ руками.

— Я буду кратокъ, повторяю, буду крайне кратокъ,—умоляющимъ шопотомъ продолжалъ о. Варѳоломей,—но удостойте, удостойте знакомства...

— Сдѣлайте одолженіе. Развѣ я отказываюсь...

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте со мною вкупѣ, къ моимъ родственникамъ... Повѣрьте, превосходнѣйшіе люди.

— Этого я никакъ не могу...

— Позвольте хотя освѣдомиться, гдѣ-же, собственно, могу я васъ встрѣтить.

— Да я и самъ пока не знаю, гдѣ остановлюсь.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пока слѣдовать за вами..

Онъ ближе наклонился къ уху Чухлымова и прошепталъ:

— Повѣрьте, какъ предъ Господомъ, я, можетъ быть, могу вамъ услужить чѣмъ-нибудь: «другъ о другѣ—Богъ обо всѣхъ».

— Это, батюшка, лишнее... Но если ужъ вамъ такъ необходимо нуженъ мой адресъ, то вы можете справиться въ медико-хирургической академіи, тамъ у меня есть одинъ знакомый, старый товарищъ. Онъ постоянно живетъ въ Петербургѣ. Его адресъ въ академіи извѣстенъ, а отъ него и обо мнѣ можете узнать.

О. Варѳоломей торопливо распахнулъ рясу, вытащилъ записную книжечку и записалъ что нужно.

— Повѣрьте, Іоаннъ Петровичъ (онъ съ минуты возвращенія находки почему-то нашелъ необходимымъ произносить его имя по-славянски), по чистой совѣсти вамъ излагаю, что съ этого часа до конца дней моихъ я не забуду вашего поступка.

Наконецъ кое-какъ разстались.

VIII.

Дня чрезъ три послѣ пріѣзда въ Петербургъ, вечеромъ, часу въ девятомъ, о. Варѳоломей поднимался по

грязной лѣстницѣ одного изъ большихъ домовъ Загороднаго проспекта. Онъ останавливался на площадкахъ каждаго этажа и старался разсмотрѣть номера на дверяхъ квартиръ. Тусклый фонарь едва освѣщалъ лѣстницу, что не мало затрудняло отыскиваніе нужнаго номера.

«Какое, однако, мрачное мѣстоположеніе,»—думалъ о. Варѳоломей, поднимаясь все выше и выше. Чѣмъ далѣе онъ поднимался, тѣмъ болѣе брало его раздумье относительно вѣрности даннаго адреса. Нужнаго номера все не отыскивалось. Онъ забрался, наконецъ, на послѣднюю площадку, гдѣ уже вовсе никакого освѣщенія не было и только слабое отраженіе свѣта отъ фонаря съ предыдущей площадки нѣсколько разсѣевало мракъ.

Однакожъ на удачу позвонилъ, хотя, по справедливости говоря, въ сильномъ раздумьи о томъ, не безпокоитъ-ли кого понапрасну.

«Кто ихъ знаетъ, можетъ быть строптивые люди живутъ, всякихъ укоризнъ наслушаешься...»

— Кого нужно?—раздался ворчливый вопросъ.

— Позвольте васъ спросить... Извините, пожалуйста, очень можетъ быть, что я не туда попалъ,—робко началъ о. Варѳоломей.

— Да вамъ кого?

— Я отыскиваю квартиру господина Чухлымова; мнѣ дворникъ объяснилъ, что, якобы, здѣсь; но я такъ предполагаю, что не ошибся-ли можетъ статься.

— Здѣсь. Идите вонъ туда, въ самый конецъ коридора, послѣдняя дверь направо.

Онъ пошелъ по указанному пути. Подойдя къ двери, онъ тихо постучалъ, отвѣта не послѣдовало. Онъ постоялъ нѣсколько времени въ ожиданіи, потомъ взялся за дверную ручку и хотѣлъ сдѣлать нѣкоторый возгласъ въ родѣ того, что пускаютъ-ли, молъ, грѣшныхъ въ рай; но дверь была не заперта и при первомъ нажимѣ ручки растворилась сама собою. Открылась маленькая комната въ одно окно, слабо освѣщенная лам-

пою, стоявшей въ углу на письменномъ столѣ. Около лампы стоялъ самоваръ, видимо давно уже потухшій, и чайный приборъ съ остатками хлѣба; мебели было мало, и ширма, прикрывавшая кровать, еще болѣе уменьшала размѣръ комнаты; въ другомъ углу стоялъ диванъ и на немъ лежалъ кто-то, закинувъ руки за голову и закрывъ глаза. Чухлымовъ не спалъ, но только лежалъ съ закрытыми глазами, о чемъ-то крѣпко задумавшись.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ, быстро поднимаясь съ дивана.

— Это я, Іоаннъ Петровичъ,—отвѣтилъ о. Варѳоломей, предварительно помолясь на образъ.

— А-а!.. Милости прошу,—какъ-то сухо, точно только изъ вѣжливости отвѣтилъ Чухлымовъ.

Тотъ самый о. Варѳоломей, который всегда отличался замѣчательной способностью вести продолжительные разговоры и даже упрекалъ себя за эту, будтобы, «слабость», теперь готовъ былъ обрушить на свою голову «многія укоризны» за то, что не знаетъ о чемъ заговорить.

— Я, собственно, на томъ основаніи посѣтилъ васъ, многочтимый Іоаннъ Петровичъ, что во время нашего общаго съ вами путешествія вы изволили выразиться о неопредѣленности цѣли поѣздки вашей въ С.-Петербургъ, что, какъ помнится мнѣ, сами изволили выразиться о поискахъ счастія и, вообще, высказали совершенно ясно, хотя и очень кратко, о вашемъ, извините за смѣлость, не совсѣмъ отрадномъ положеніи. Я, по-возможности, могъ-бы вамъ нѣсколько услужить и помочь.

Чухлымовъ оживился. Вслѣдствіе-ли того, что онъ въ этотъ день вовсе не выходилъ изъ комнаты, или потому что выраженіе искренняго участія со стороны о. Варѳоломея разогнало его хандру, онъ почувствовалъ желаніе высказаться, отвести, какъ говорится, душу въ откровенной бесѣдѣ. Это было даже какъ-будто болѣзненное чувство,

припадокъ какой-то. Видя человѣка всего только во второй разъ, онъ, нисколько не задумавшись, развернулся предъ нимъ, какъ говорится, весь, нараспашку. Онъ положительно увлекся самъ своими собственными воспоминаніями и совершенно забылъ подумать и сообразить о томъ, насколько кстати его откровенный разговоръ. О. Варѳоломей слушалъ внимательно и ни единымъ словомъ не рѣшался перебивать рѣчи Ивана Петровича, только по-временамъ робко взглядывалъ на него и опять, почтительно склонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, слушалъ и слушалъ.

IX.

— Та среда, въ которой прошли годы моего дѣтства, разсказывалъ Чухлымовъ, и въ которую я послѣ окончанія курса долженъ былъ снова окунуться, показалась мнѣ невыносимой; такъ душно, тяжело. Во время моего восьми-лѣтняго отсутствія, я совершенно измѣнился, а среда, вскормившая меня, осталась все та-же, темная, своекорыстная, грубая. Я не говорю, чтобы она была подлая: я никого не обвиняю... Но у меня ничего не осталось общаго съ тѣми, которые были близки мнѣ прежде. Мы болѣе не понимаемъ другъ друга, точно такъ-же, какъ два человѣка разнаго племени не понимаютъ одинъ другого. То, что по моимъ понятіямъ хорошо, честно, что я считаю благороднымъ, чѣмъ я восторгаюсь, какъ высокимъ движеніемъ человѣческаго духа, то для нихъ мракъ, пустяки, напрасныя глупости и увлеченія. Мнѣ уже нѣтъ возможности снова войти въ тотъ узенькій міръ мелкихъ будничныхъ интересовъ и ограничиться ими. Я не могу быть такимъ, какими вижу ихъ, для того нужно родиться въ другой разъ, словомъ, начать сначала и, можетъ-быть, даже опять дойти до такого-же состоянія по отношенію къ нимъ, до какого дошелъ я. Мнѣ кажется, т.-е., не то что кажется, я не вѣрно выразился, нѣтъ, я положительно убѣжденъ,

что останься я тамъ, примирись съ своимъ положеніемъ, и чрезъ годъ, чрезъ два свезли-бы на кладбище отъ воспаленія въ мозгу. Я не могу дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ они дышатъ, для меня навсегда уже исчезла эта возможность...

— Простите мнѣ мой нѣсколько нескромный вопросъ о томъ собственно, какъ вы разстались съ своими родителями, во гнѣвѣ или...

— И такъ, и иначе. Какъ смотрѣть на это. По моему, я разстался такъ, какъ только слѣдовало, словомъ, поступилъ откровенно и честно, а по ихъ мнѣнію, можетъ-быть, я поступилъ отвратительно, невѣжливо и, главное,—глупо. Это опять зависитъ отъ точки зрѣнія. Послѣднія мои слова были, что я болѣе не въ состояніи оставаться дома и считаю нужнымъ уйти; мнѣ сначала возразили, что это все вздоръ; я повторилъ, что не вздоръ, и затѣмъ, когда они увидѣли, что я дѣйствительно ухожу, сказали: «когда такъ, то съ Богомъ; не хотѣлъ,—добавили еще мнѣ въ видѣ нравоученія,—гусь зернышка, глотаетъ и камешки». Нравоученіе это я выслушалъ, понялъ его настоящій смыслъ и вздохнулъ; на языкѣ вертѣлось соотвѣтственное возраженіе, но я его не высказалъ, подумалъ: — зачѣмъ, все равно не поймутъ,—и ушелъ.

— Но родитель вашъ, какъ, помнится мнѣ, вы изволили упомянуть, достаточно богатый человѣкъ.

— Да, у него большія средства...

— Та-а-к-съ. Это отчасти обидно...

— То-есть, что-же? Что вы хотите этимъ сказать?

— Собственно, ничего. Я только сожалѣю, что такъ все случилось въ вашей жизни... Но можетъ-быть, съ Божіею помощью, все это исправится и снова войдетъ, такъ сказать, въ свои настоящіе предѣлы...

— То есть, что-же вы хотите этимъ сказать?

— А то, что, можетъ-быть, родитель вашъ снова призоветъ васъ къ себѣ и вы возвратитесь...

— Нѣтъ, я не возвращусь...

— Отчего-же бы... Если будетъ изъявлено съ его стороны начало примиренія?

— Я не ссорился...

— Хотя-бы и такъ... Но онъ, можетъ-быть, пожелаетъ предоставить вамъ нѣкоторую свободу дѣйствій...

— Нѣтъ, этого не можетъ случиться, да я и не хочу ничего, никакой ихъ свободы. Мнѣ не зачѣмъ возвращаться. Ничего нѣтъ общаго между мною и ими. Что мнѣ тамъ дѣлать?

— Можно быть и тамъ полезнымъ, Іоаннъ Петровичъ. Торговое дѣло даетъ большія средства, а при средствахъ можно многія полезныя идеи осуществить.

— Такъ. Но это дѣло не по мнѣ. Я не могу никакъ сжиться съ тѣми понятіями, съ которыми они такъ плотно срослись. Имъ не противно то правило, что купецъ долженъ заботиться о томъ, чтобы дешевле купить и дороже продать; а я этого правила никакъ понять не могу, мнѣ кажется, что отъ него такъ и несетъ чѣмъ-то жидовскимъ, чѣмъ-то въ высшей степени несообразнымъ, нелѣпымъ. Они набили себѣ карманы деньгами и важничаютъ, воображаютъ себя полезными дѣятелями, оживляющими торговымъ движеніемъ цѣлый край, тогда какъ они, оживляя край, богатѣютъ или при помощи чужого труда, или насчетъ обитателей этого края. Къ чему-же тутъ важничать-то!.. Другіе изъ нихъ еще хуже: тѣ напускаютъ на себя христіанское смиреніе и твердятъ только о спасеніи души... Боже мой! Какой злой ироніей звучатъ эти слова о смиреніи!.. Отвратительно подумать, до чего можетъ дойти человѣкъ, играя въ это христіанское смиреніе: и представьте, имъ ни на волосъ не стыдно вести эту игру, какъ будто бы никто не понимаетъ, что они за люди. Подумайте, эти люди, изнывающіе о своихъ грѣхахъ и говорящіе только о суетѣ міра, владѣютъ несмѣтными богатствами и знать ничего не хотятъ о томъ, что разбогатѣли насчетъ народа, что этотъ народъ, считаемый милліонами, въ кровавомъ поту зарабатываетъ себѣ кусокъ насущнаго

хлѣба и мрутъ въ неурожайные годы съ голоду. Какъ-будто они этого не видятъ или не понимаютъ... Что нибудь одно: или они дѣйствительно не понимаютъ или... или что-нибудь значительно худшее... Другой сдѣлаетъ доброе дѣло на грошъ (говоря относительно) и величается, я, говоритъ, помогаю бѣднымъ. Помогаетъ грошами тѣмъ, на чей трудъ составилъ себѣ капиталъ...

— Но, Іоаннъ Петровичъ, вы, собственно, насколько мнѣ доступно понять, изволите, кажется, возставать противъ скопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ и какъ-бы желаете полнаго экономическаго равенства?

— Совсѣмъ нѣтъ! Зачѣмъ говорить о томъ, что невозможно, по крайней мѣрѣ еще долго, долго? Понятно, если милліонеръ захочетъ раздѣлить свои милліоны между бѣдными, то по копѣйкѣ на брата не достанетъ... Но поймите, наконецъ, неужели нельзя найти другого, болѣе добросовѣстнаго отношенія къ труду, къ его вознагражденію, вмѣсто того, какой существуетъ теперь? Неужели только тѣмъ и можно помогать народу, что надѣлять его грошами на кусокъ хлѣба?.. Конечно, задавленная и приниженная масса не въ состояніи бороться съ этими «благодѣтелями», она громко восхваляетъ ихъ, и повѣрьте, въ ту же минуту громкаго восхваленія, клянетъ ихъ, конечно только про себя втихомолку... А они себѣ, и въ усъ не дуютъ, они усерднѣйшимъ образомъ просятъ Бога о прощеніи грѣховъ и преспокойно смотрятъ на нужды другихъ. Вотъ ужъ именно ни дать ни взять, какъ въ баснѣ та смиренная мышь, которая отъ суеты мірской удалилась въ голландскій сыръ... Да, Господи! не басню я вамъ разсказываю, а про жизнь, про дѣйствительную жизнь, которая насъ окружаетъ вездѣ, тутъ, здѣсь, вотъ подъ бокомъ у насъ, за стѣной этой комнаты, въ сосѣднемъ домѣ, вездѣ, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только есть живые люди.

— Если вездѣ такъ, Іоаннъ Петровичъ, то, слѣдо-

вательно, не зачѣмъ было вамъ уходить, я такъ предполагаю,—робко замѣтилъ о. Варѳоломей.

— Тамъ еще хуже!—сказалъ Чухлымовъ, съ пренебреженіемъ махнувъ рукой.

— Но въ такомъ случаѣ, Іоаннъ Петровичъ, примиреніе ваше съ родителемъ было-бы полезно въ томъ отношеніи, что вы могли-бы получить наслѣдство и употребить его на благо ближнимъ... можетъ-быть, это случилось бы значительно скорѣе, чѣмъ при настоящихъ отношеніяхъ вашихъ къ родителю...

— Если я, батюшка, ушелъ, если я рѣшился разорвать связь съ тѣмъ міромъ, то, конечно, не для того, чтобы жить ожиданіемъ наслѣдства. Это былобы не только нелѣпо, но и подло. Я долженъ заботиться теперь о томъ, чтобы найти себѣ собственный кусокъ хлѣба, иначе не для чего было-бы и уходить. Сила не въ наслѣдствѣ, не въ томленіи о томъ, скороли наступитъ тотъ день, когда оно получится, а въ сознаніи необходимости труда, въ удовлетвореніи чувства независимости и правды.

— Это вы совершенно справедливо... Но позвольте вамъ замѣтить...

— Въ сознаніи того,—возвышая голосъ перебилъ Чухлымовъ,—что каждый изъ насъ долженъ стремиться къ осуществленію этой независимости, къ торжеству правды и уваженію труда. При такихъ началахъ можетъ быть убито, раздавлено и уничтожено вѣками сложившееся понятіе о рабской покорности капиталу, которому въ жертву, какъ идолу, несетъ слабый человѣкъ свои чистыя убѣжденія, комкаетъ ихъ въ грязь изъ угожденія ему, мараетъ, позоритъ себя и въ концѣ концовъ все-таки погибаетъ, задавленный все тѣмъ-же безобразнымъ идоломъ — деньгами.

— Это дѣло не одного человѣка, Іоаннъ Петровичъ, это подвигъ, который требуетъ громаднѣйшихъ и, такъ-сказать, совокупныхъ силъ многихъ лицъ и весьма продолжительнаго времени...

— Кто-же этого не знаетъ?..

— Такъ-съ... Но если вамъ объ этомъ достаточно извѣстно, то въ такомъ случаѣ какъ-же вы намѣрены поступить?

— Ужели вы думаете, что я, вотъ именно я, одинъ и вышелъ на борьбу съ капиталомъ? Я вовсе этого и не думалъ. Кто-жъ не знаетъ, что воевать противъ мельницъ нелѣпо и смѣшно... Но подумайте (онъ началъ говорить какъ-то особенно грустно и многозначительно), подумайте, ужели-же при сознаніи малости силъ нужно отступиться отъ своихъ убѣжденій, сознаться что бѣлое есть черное, и, склонивъ голову, сказать: вы правы, вы сила, вы можете все гнуть подъ свою тяжелую руку—и я гнусь, покоряюсь предъ вами... Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Этого невозможно! Это было-бы подло, грязно, грѣшно.

Онъ помолчалъ съ минуту, затѣмъ торопливо вставая, снова началъ говорить:

— Можетъ быть, вы думаете, что я имѣю слишкомъ смѣлый взглядъ на возможность передѣлки людскихъ отношеній? Можетъ быть вы думаете, что я бросился сюда въ полнѣйшей увѣренности, что вотъ сейчасъ-же и начну осуществлять свои идеи? Совсѣмъ нѣтъ!—Ничего подобнаго я и не думалъ. Я знаю только то, что долженъ былъ уйти оттуда, и положительно ничего не знаю далѣе. Знаю еще то, что вездѣ скверно... Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, можетъ быть я получу возможность выбрать изъ золъ меньшее... Не найду—брошусь куда-нибудь въ другое мѣсто...

— Собственно, Іоаннъ Петровичъ, что-же еще вы намѣрены отыскивать?

— Ничего не намѣренъ, то-есть бо̀льшого ничего. Хочу работы, нѣкоторой независимости, нѣкотораго забвенія отъ того, что мучитъ, волнуетъ, раздражаетъ... Даже и не полнаго забвенія—его не найдешь. Люди вездѣ грызутъ одинъ другого, кто по-сильнѣе, тотъ осѣдлалъ слабаго и ѣздитъ на немъ до поры до времени, а тамъ, глядишь, его самого осѣдлали и поѣхали. Ловкіе люди дольше ѣздятъ, слабые меньше.

Другіе имѣютъ подъ сѣдломъ по нѣскольку тысячъ человѣкъ. Это считается совершенно правильнымъ и законнымъ. Кому выгодно, тотъ доволенъ, кому тяжело, — ропщетъ и ждетъ случая осѣдлать другого; большинство живетъ только однимъ ожиданіемъ!.. Остервенясь, масса, находящаяся подъ сѣдломъ, пожалуй, можетъ надѣлать большихъ бѣдъ, разрушить, напримѣръ, цѣлые города съ милліонными населеніями, сожечь ихъ... Но ловкіе всадники не особенно объ этомъ заботятся. Они знаютъ, что въ этомъ случаѣ жертвы необходимы, что̀ дѣлать, молъ, съ невѣжественной массой, она глупа, груба. Главное, что въ такихъ случаяхъ всадники необыкновенно искусно и ловко умѣютъ обвинять толпу. Она-же во всемъ и виновата остается, и въ концѣ-концовъ оказывается, что на ея трудѣ всевозможные ущербы возмѣщаются. Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ здоровый, горячій, сильный конь сбросилъ съ сѣдла сѣдока и убѣжалъ въ поле. Кажется, чего-бы еще ему, думалъ я, наблюдая, какъ онъ летѣлъ во весь скокъ по полю; вотъ вырвался на волю и не дастся больше въ руки человѣка: въ полѣ травы и озеръ вдоволь, силы много, — кто теперь можетъ его поймать; а человѣкъ поймалъ и главное кротостью: сначала все посвистывалъ, потомъ корочкой хлѣбной сталъ приманивать; конь повѣрилъ, подошелъ, человѣкъ погладилъ его по спинѣ, а потомъ, улучивъ минуту, схватилъ за уздечку—да и въ сѣдло. На этомъ вся кротость и кончилась. Такъ ловкіе всадники и съ людьми дѣлаютъ: приласкаетъ да корочкой поманитъ—и готовъ; а тамъ, какъ уздечка въ руку попала, пришпориваетъ себѣ сколько угодно. Такъ живетъ міръ искони вѣковъ...

— Справедливо, Іоаннъ Петровичъ,—тихо началъ о. Варѳоломей:—много въ мірѣ грѣха. Сказано: «Міръ во злѣ лежитъ, блюдите, како опасно ходите»... Да,— вздохнулъ онъ,—ученіе Господа нашего Іисуса Христа проповѣдуется только въ храмахъ, люди внимаютъ ему только слухомъ, а сердца ихъ далече отстоятъ отъ

этого ученія... Но простите мнѣ, мой достойнѣйшій Іоаннъ Петровичъ, если я вамъ скажу, что во всякомъ случаѣ нужно памятовать... Богъ съ ними, конечно, они—при своемъ, вы—при своемъ... Извините, я о томъ, что ближе,—нужно, повторяю, памятовать слова заповѣди Господней, въ которой, помните, сказано: «чти и отца твоего и матерь твою, да бла-а-го ти будетъ»... И далѣе: «Люби-и-те враги ваша, добро-о творите ненавидящимъ васъ».

Не успѣлъ еще о. Варѳоломей докончить послѣднихъ словъ, какъ Чухлымовъ вдругъ какъ-то опустился, сгорбился по-прежнему и, медленно подойдя къ дивану, молча сѣлъ.

Въ комнату вошелъ слуга.

— Что вамъ?—слабымъ, точно болѣзненнымъ, разбитымъ голосомъ спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Самоваръ можно взять?

— Подождите, послѣ...

И опять замолчалъ.

О. Варѳоломей нѣсколько смутился, не понимая, что такое случилось съ Чухлымовымъ.

— Что это вы, Іоаннъ Петровичъ, такъ вдругъ, точно преобразились?—спросилъ онъ и потомъ озабоченнымъ голосомъ добавилъ: — можетъ-быть вы чувствуете себя не совсѣмъ въ вожделѣнномъ здравіи?

— Нѣтъ, я такъ... утомился немного,—тихо замѣтилъ Иванъ Петровичъ и снова смолкъ.

Въ эту минуту онъ какъ-то опять нѣсколько сгорбился, перемѣнился и напомнилъ прежняго Чухлымова. Такая быстрая перемѣна произошла съ нимъ оттого, что жаръ увлеченія бесѣдой исчезъ. Слова отца Варѳоломея, безъ всякаго сомнѣнія, всегда были извѣстны ему и не ихъ смыслъ, конечно, былъ причиной того, что онъ такъ быстро перешелъ отъ живого разговора къ полнѣйшему молчанію, точно вдругъ сталъ тяготиться гостемъ и ждать, да скоро-ли же онъ, наконецъ, уйдетъ. Слова заповѣди напомнили только Чухлымову, предъ кѣмъ онъ такъ чистосердечно разверз-

нулъ свою душу; онъ какъ-будто пришелъ въ себя послѣ какого-то необдуманнаго увлеченія, точно раньше не замѣчалъ, кто у него въ гостяхъ и кого это онъ посвящаетъ въ подробности своей жизни, своихъ убѣжденій.

— Что-же это говорилъ я,—подумалъ онъ,—зачѣмъ, для чего? Развѣ батюшка, несмотря на всѣ его личныя достоинства, можетъ раздѣлять мои воззрѣнія?

— Вы, батюшка, извините меня, — сказалъ чрезъ нѣсколько времени Иванъ Петровичъ.

— Въ чемъ-же-съ, сдѣлайте одолженіе, объясните,— чуть не испуганно началъ о. Варѳоломей, недоумѣвая, почему такая перемѣна случилась вдругъ съ Чухлымовымъ.

— Извините меня въ томъ, что я васъ такъ занялъ своею особой. Я увлекся, забылся... Съ вами, съ первымъ человѣкомъ, по выѣздѣ изъ дома мнѣ пришлось такъ вдругъ высказаться... Можетъ-быть, я сказалъ что-нибудь и лишнее...

Онъ всталъ съ своего мѣста и протянулъ отцу Варѳоломею руку.

О. Варѳоломей тихо принялъ ее, ласково и въ то же время съ какимъ-то грустнымъ оттѣнкомъ улыбнулся, и потомъ, не возвышая голоса, началъ:

— Іоаннъ Петровичъ! напрасно вы изволите такъ думать. Мнѣ равно, какъ и вамъ, доступно замѣчать, чувствовать и сознавать многія погрѣшности, существующія въ отношеніяхъ между братьями о Христѣ. Но вообще, я такъ предполагаю, что если разсматривать со стороны житейской взаимныя отношенія людей другъ къ другу, сильнаго къ слабому, богатаго къ бѣдному, то изъ этого разсмотрѣнія являются лишь одни вопросы, для свѣтской науки трудно исчерпаемые и даже—думаю грѣшный человѣкъ — едва-ли доступные къ разрѣшенію.

Чухлымовъ быстро сѣлъ на стулъ и заложилъ обѣ руки въ карманы брюкъ, видимо съ рѣшительною мыслью: ну, молъ, Богъ съ тобой, говори, что хочешь,— я буду терпѣливо ждать конца.

Отецъ Варѳоломей, между тѣмъ, продолжалъ:

— Конечно, Іоаннъ Петровичъ, я въ наукахъ мало искусенъ и не могу съ достаточною твердостью поддерживать возраженія...

— Но вы сами сказали, что сознаете многія погрѣшности въ отношеніяхъ людей между собою, какъ же будете послѣ этого возражать...

— Я... конечно, конечно, Іоаннъ Петровичъ, я сознаю... Но я никакъ не могу стать на ту стезю недовольства, порицанія и нѣкоторой даже — извините меня—ожесточенности... Я уже, помнится, выразилъ вамъ по сему случаю, что этотъ вопросъ со стороны житейской весьма сложный... Вы, собственно, изволите разсматривать его исключительно только со стороны экономической и юридической, такъ сказать, только въ отношеніи земныхъ благъ, въ отношеніи довольства и удобствъ...

— Да, я о царствіи небесномъ не говорилъ,—тихо, какъ бы про себя, замѣтилъ Чухлымовъ.

О. Варѳоломей, смотрѣвшій во все время въ полъ и сидѣвшій, грустно поникнувъ головой, медленно приподнялъ ее и такъ-же тихо, какъ Чухлымовъ, отвѣтилъ:

— Можетъ-быть, вы этимъ краткимъ замѣчаніемъ намѣревались, Іоаннъ Петровичъ, нѣсколько поиронизировать, какъ бы указывая на то, что до царствія небеснаго еще далеко.

— Да, если хотите, пожалуй...

— Въ такомъ случаѣ, помните, сказано: «Царствіе Божіе внутрь васъ есть».

Чухлымовъ вопросительно взглянулъ на собесѣдника.

— Да-съ, Іоаннъ Петровичъ,—продолжалъ о. Варѳоломей,—для меня доступна только эта сторона вопроса и, грѣшный человѣкъ, думаю, что, становясь на точку зрѣнія духовную, въ высшемъ значеніи этого слова, человѣкъ можетъ обрѣсти великія блага...

— Позвольте, позвольте,—перебилъ Чухлымовъ,—

вы сводите вопросъ на награду въ будущей жизни, на утѣшеніе *тамъ*. Я говорю вамъ только о земномъ... я вамъ говорю о томъ, какая кругомъ бѣдность, какое поруганіе правъ человѣческихъ...

— Но, Іоаннъ Петровичъ, и въ дѣлахъ земныхъ единственный путь ко благу—только любовь къ ближнему, и помните, Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ: «больше сія любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

— Мало такихъ, батюшка, нѣтъ ихъ совсѣмъ.

— Тѣмъ печальнѣе, Іоаннъ Петровичъ, жить на свѣтѣ, тѣмъ тяжелѣе на сердцѣ; но тѣмъ паче нужно стремиться всѣми средствами къ развитію въ себѣ этой любви. Все ученье Евангелія основано исключительно только на этомъ, и повѣрьте, повѣрьте, путь ко спасенію и здѣсь, и тамъ только въ одной любви, только въ готовности душу свою положить за другихъ...

— Между тѣмъ, батюшка, люди стараются не о томъ, чтобы свою душу положить за другихъ, а больше о томъ, чтобы отнять у другихъ все...

— Все отнять у человѣка нельзя, Іоаннъ Петровичъ!..

— Какъ нельзя? Бываетъ такъ, что все отнимаютъ, все, и права, и свободу, и унизятъ, и опозорятъ...

Чухлымовъ порывисто всталъ и зашагалъ по комнатѣ. Но отецъ Варѳоломей не смутился его видимою взволнованностью и продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Нѣтъ, Іоаннъ Петровичъ, я такъ предполагаю, что нельзя у человѣка все отнять, нельзя его унизить и опозорить. Есть такія сокровища, которыхъ никто ни на единую крупицу умалить не можетъ. И замѣтьте, Св. апостолъ Павелъ говоритъ: «Кто ны разлучитъ отъ любве Божія: или скорбь, или тѣснота, или гоненіе?». А эта Божія любовь есть любовь къ ближнему, есть самъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, ибо сказано: «Богъ—любы есть».

Чухлымовъ опять сѣлъ и уже, не закладывая рукъ въ карманы, а совсѣмъ въ другой, болѣе смиренной

позѣ и въ молчаніи слушалъ о. Варѳоломея, который, по-прежнему грустно смотря въ полъ и по-прежнему не возвышая голоса, тихо говорилъ о любви къ ближнему и о единственномъ только пути къ счастью при посредствѣ этой любви. И въ тонѣ его голоса, и въ выраженіи лица, и въ самомъ положеніи всей его фигуры, какъ бы согбенной подъ тяжестью думъ о человѣческихъ заблужденіяхъ и о ложности того пути, по которому люди бродятъ, какъ слѣпцы, отыскивая счастья,—чувствовался для Чухлымова особенный, никогда имъ не виданный человѣкъ.

Чрезъ нѣсколько времени, о. Варѳоломей вдругъ поспѣшно оборвалъ свою рѣчь и застыдился какъ-то.

— Вы меня, ради Господа, простите,—торопливо заговорилъ онъ, поспѣшно поднимаясь съ своего мѣста и ловя обѣими руками руку Чухлымова,—я, грѣшный человѣкъ, ужасною слабостью одержимъ, ужасною... надоѣдаю иногда своею бесѣдою, утомляю вниманіе...

— Что вы, батюшка, что вы? Я, напротивъ, готовъ слушать васъ хоть до утра...

— Хе, хе...—вдругъ дѣтски и съ необыкновеннымъ добродушіемъ хихикнулъ о. Варѳоломей, — духъ-бо бодръ, Іоаннъ Петровичъ, плоть немощна: возжелаете сна... Ахъ, позвольте, главное-то едва не ускользнуло изъ памяти. Позвольте вамъ предложить занятія...

— Какія это?

О. Варѳоломей разсказалъ и, видя нерѣшительность Чухлымова, добавилъ:

— Совѣтую, Іоаннъ Петровичъ.. Что-жъ, вознагражденіе достаточное... ну, а тамъ, что ежели, тогда сами увидите...

— Признаюсь вамъ,—въ задумчивости отвѣтилъ Чухлымовъ,—я ищу совсѣмъ другого рода дѣло, а впрочемъ пока...

— Совѣтую, совѣтую... Іоаннъ Петровичъ...

— Видите-ли мнѣ нужно сначала собрать здѣсь справки объ одной близкой родственницѣ... Не знаю,

здѣсь-ли... Нюка я расчитывалъ недѣли двѣ-три пробыть у ней, осмотрѣться...

— А ежели, Іоаннъ Петровичъ,—она въ отсутствіи?

Чухлымовъ молчалъ въ нерѣшительности.

— Вотъ что, Іоаннъ Петровичъ, въ случаѣ, если вы до моего отъѣзда не успѣете окончательно рѣшиться, то я вамъ еще дамъ нѣсколько срока, ибо время весьма терпитъ.

— Гм... гм... но какъ-же тогда быть?

— Я вамъ оставлю адресы, одинъ здѣсь къ господину профессору Крестовоздвиженскому, котораго вы только въ двухъ словахъ можете извѣстить, согласны или несогласны будете; а другой на мое имя въ имѣніе Николая Саввича Сумракова. Даже до десятаго августа можно будетъ это дѣло дотянуть. Далѣе уже, къ сожалѣнію, невозможно... А я ужъ, какъ хотите, Іоаннъ Петровичъ, я до этого времени вакансіи ни кѣмъ не замѣщу.

И еще условившись въ нѣкоторыхъ подробностяхъ по поводу все того-же дѣла, новые знакомые разстались самыми близкими друзьями.

X.

Оставшись одинъ, Иванъ Петровичъ долго ходилъ по комнатѣ, дѣлая по три шага впередъ и назадъ. Тоска какая-то странная и необъяснимая все сильнѣе и сильнѣе имъ овладѣвала. И тѣ недостижимые высокіе идеалы человѣческаго совершенства, о которыхъ говорилъ о. Варѳоломей, и тѣ лица, среди которыхъ онъ, Чухлымовъ, взросъ—все это поднималось въ головѣ и противорѣчило одно другому.

Подъ вліяніемъ тоскливаго чувства онъ вспомнилъ свою отдаленную родину. Точно въ противуположность окружающей его обстановкѣ представились ему свѣтлыя, высокія комнаты въ отцовскомъ домѣ и ожили въ его воображеніи первыя впечатлѣнія дѣтства, не-

возвратно прошедшіе дни безпечной юности. Онъ не вольно, самъ того не замѣчая, совершенно перенесся мыслью далеко, на сѣверо-востокъ отъ Петербурга, туда «гдѣ сливаяся шумятъ, обнявшись, будто двѣ сестры», двѣ громадныя рѣки русскаго царства.

Обрисовался предъ нимъ небольшой красивый городокъ, стоящій на крутомъ берегу многоводной рѣки; пятиглавый соборъ съ голубымъ, усыпаннымъ золочеными звѣздами, куполомъ высится посреди площади; далѣе изъ-за густой зелени деревьевъ общественнаго сада виднѣются крыши городскихъ построекъ, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ домъ купца Чухлымова, перваго богача въ городѣ, мѣстнаго благодѣтеля, строителя храмовъ и общественныхъ зданій. Вотъ и знакомый гостиный дворъ, за пожертвованіе котораго онъ получилъ золотую медаль, и домъ съ золоченой вывѣской: «Городовой Магистратъ», тоже имъ пожертвованный; а тамъ далѣе вглубь города пошли мосты, казармы, церкви, богадѣльни,—все имъ-же построенные. «Благодѣтель и первый гражданинъ по всей губерніи», раздается въ ушахъ Ивана Петровича рѣчь какого-то мѣстнаго оратора, которую онъ произносилъ на торжественномъ обѣдѣ, по случаю полученія отцомъ ордена. «Примѣрный христіанинъ и вѣрный сынъ церкви», слышитъ онъ «слово» протоіерея во храмѣ, обращенное непосредственно къ его отцу, по случаю сооруженія новаго иконостаса въ соборѣ. Такъ это все явственно представляется Ивану Петровичу, что онъ какъ-будто снова переживаетъ это время и снова видитъ высокую, осанистую фигуру отца, стоящаго впереди всѣхъ въ церкви на особо для него лишь постланномъ коврѣ. И вдругъ, какъ прямое подтвержденіе этого «торжества добродѣтели», вспомнилась Ивану Петровичу другая сцена. Стоитъ у параднаго крыльца отцовскаго дома оборванный и тщедушный мужичонко и мнетъ въ рукахъ шапку, видимо находясь въ тревожномъ ожиданіи рѣшенія своей участи; глаза его боязливо и въ то же время необыкновенно

печально обращаются по-временамъ на верхнія ступени лѣстницы, откуда долженъ сойти «благодѣтель». Проходитъ такъ не мало времени; мужичонко все стоитъ, переступая съ ноги на ногу, и все мнетъ свою шапку. Ноги его обуты въ мочальныя лапти, на плечахъ старенькій нагольный полушубокъ, мѣстами прорванный, и на головѣ, въ растрепанныхъ клочьяхъ волосъ, видны слѣды соломы. Наконецъ, по лѣстницѣ раздаются увѣсистые медленные шаги благодѣтеля: полный, высокаго роста мужчина, съ окладистой бородой и съ солиднымъ брюхомъ, одѣтый въ длиннополый черный сюртукъ и съ тростью въ рукѣ, показывается на площадкѣ подъѣзда. Мужичонко, завидя его, падаетъ въ ноги и начинаетъ вопить о помощи, разсказывая, какъ его единственную лошаденку перешибло крыломъ мельницы, принадлежащей этому благодѣтелю.

— Я не виноватъ, что лошадь твоя подвернулась подъ крыло,—коротко отвѣчаетъ благодѣтель и хочетъ сѣсть въ поданный экипажъ.

Мужичонокъ ползетъ за нимъ на колѣнахъ и плачетъ.

— Проси Христа ради, тогда дамъ, а такъ не дамъ...

— Батюшка, зачѣмъ-же это?.. Помоги по бѣдности подняться, вѣдь мнѣ не тово, чтобы милостыню... Это, чай, грѣхъ...

— Ну грѣхъ, такъ убирайся. Я ради имени Христова дамъ, а такъ помогать не хочу... Лѣнтяи вы всѣ, свиньи...

— Ну коли такъ, дай ужъ ради Христа...

Благодѣтель торопливо вынимаетъ бумажникъ, сердито бросаетъ десять рублей и уѣзжаетъ.

Мужичонко долго еще стоитъ у крыльца, почесываясь и вздыхая.

«Какое ложное, безсердечное толкованіе Христова ученія о любви къ ближнему, какое наглое, безстыдное искаженіе понятій»,—грустно подумалъ Иванъ Петровичъ, и въ его памяти съ необыкновенною ясно-

стію, точно начертанныя на темной стѣнѣ огненными буквами, возстали слова Евангелія, напомненныя о. Варѳоломеемъ: «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ».

«Да, тамъ нѣтъ никакой любви, есть только страхъ наказанія за грѣхи, есть эгоизмъ, величайшій и отталкивающій эгоизмъ».

Такъ думалъ Иванъ Петровичъ, и за этими думами незамѣтно перенесся въ самый первый періодъ своего дѣтства. Вспомнилось ему раннее утро: онъ представляетъ себя маленькимъ, пухлымъ пузаномъ, лежащимъ въ постели, и слышится ему ласковый голосъ старухи-няни, раздающійся надъ его ухомъ: «Ваня! Ваня!—повторяетъ нѣсколько разъ старуха, осторожно касаясь его плеча,—Ваня, вставай, опоздаешь въ школу; смотри отецъ узнаетъ, будетъ тебѣ...» Слышитъ онъ этотъ голосъ и не можетъ понять, во снѣ это или на яву, не имѣетъ силъ раскрыть глазъ: такъ крѣпко разоспался. Для него дѣйствительность смѣшалась со сномъ, кажется, что это вовсе не голосъ няни, что это не она наклонилась надъ нимъ и прикасается къ его плечу, а отецъ тормошитъ его и ругаетъ за что-то: въ одной рукѣ у него конторскія книги, а въ другой счеты, голосъ его раздается все сильнѣе и сильнѣе, и уже висятъ въ воздухѣ счеты, готовые обрушиться на Ваню за то, что онъ не просыпается; въ этотъ моментъ вбѣгаетъ въ комнату мать, хватаетъ отца за руку и горько плачетъ, прося не бить сына: конторскія книги въ гнѣвѣ брошены на полъ, сильно ударившись объ него своими толстыми корешками, вслѣдъ за ними летятъ счеты, круглыя ихъ косточки разсыпаются по полу, и гремитъ по всему дому сердитый отцовскій голосъ. «Ваня», продолжаетъ усовѣщевать старуха и рѣшается на отчаянное средство: зажимаетъ ему носъ рукой. Вотъ онъ пришелъ въ себя, но все еще не можетъ оправиться и нѣсколько мгновеній смотритъ удивленными глазами на няню и не можетъ понять, куда это исчезли отецъ съ матерью и гдѣ скры-

лись косточки счетовъ, такъ заманчиво разсыпавшіяся по полу.

«Э, да вѣдь это все во снѣ было» — вдругъ догадывается онъ, и вслѣдствіе такой перемѣны обстоятельствъ совершенно измѣняется его расположеніе духа. Вотъ онъ молодцовато вскочилъ съ постели, тряхнулъ волосами и хотѣлъ уже вступить съ старухой въ бой, но поддался ея увѣщаніямъ и началъ торопливо одѣваться, сознавая справедливость ея доводовъ.

— Что-же это ты,—говоритъ старуха, когда онъ уже умылся и хотѣлъ бѣжать поскорѣе къ чаю,—что-же ты, очумѣлъ что-ли? Что ты молиться-то не хочешь, а?

— «Молиться-то не хочешь, а?»—передразниваетъ Ваня и на-скоро мотаетъ правой рукой, не глядя даже на образа, въ три яруса поставленные одинъ на другомъ и освѣщенные тремя лампадами.

«Гдѣ ты, гдѣ ты, невозвратная юность? Гдѣ ты, беззаботное, чудное время»,—печально подумалъ Чухлымовъ, вдругъ оторвавшись мыслью отъ дѣтскихъ воспоминаній, и мрачная дѣйствительность снова тяжелымъ камнемъ наваливалась на сердце. И ему какъ будто жаль стало, зачѣмъ онъ росъ и зачѣмъ потомъ перешагнулъ грань родного города и его школы. «Остался-бы я съ дѣтства тамъ, ѣлъ-бы теперь спокойно и въ волю пироги съ начинкой и, икая отъ пресыщенія, крестилъ-бы себѣ ротъ рукой, апатично произнося: «Боже, очисти мя грѣшнаго!»

XI.

Та родственница, которую Чухлымовъ надѣялся отыскать въ Петербургѣ, была его родная сестра. Въ пять лѣтъ, прошедшіе со времени его послѣдняго свиданія съ ней, много воды утекло, и многое успѣла она пережить. Въ послѣднее время въ семействѣ Чухлымовыхъ о ней имѣлись самыя краткія свѣдѣнія и до того смутныя, что старикъ Чухлымовъ, получая ихъ,

морщился, сердито кряхтѣлъ и сжималъ свои жилистыя руки въ кулаки, точно приготовляясь кого-то побить, можно даже предположить, что едва-ли въ этомъ случаѣ онъ не подумывалъ о своей дочкѣ Олимпіадѣ Петровнѣ, такъ ему было досадно на нее за что-то... Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Олимпіада Петровна была и есть та самая вдовушка, которую Оля, любимица старика Сумракова, въ припадкѣ своей шалости, предлагала въ супруги Ильѣ Петровичу Растеряеву, нашему старому знакомому. За этой же самой вдовушкой намѣревался вплотную ухаживать Владиміръ Сумраковъ, «Володька», какъ началъ обзывать его съ нѣкотораго времени Илья Петровичъ. Ухаживанье это, какъ извѣстно читателю, Владиміръ Николаевичъ намѣревался привести къ законному браку не столько для того, чтобы пріянять вѣнецъ отъ «камене честна», сколько по непреодолимому стремленію къ благамъ міра сего и желанію пожить на бѣломъ свѣтѣ широко и весело, по милости предполагаемыхъ богатствъ Олимпіады Петровны. «Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ», говоритъ пословица... Но объ этомъ тоже въ своемъ мѣстѣ.

Иванъ Петровичъ, оставивъ родину, отправился прямо въ Москву, надѣясь встрѣтить тамъ сестру. Онъ какъ-то особенно легко, не задумываясь, все порѣшилъ, весь планъ будущаго составилъ, какъ по писанному: пріѣду молъ, въ Москву, двѣ-три недѣли, мѣсяцъ пробуду у сестры, огляжусь, присмотрюсь и найду дѣло. Такъ это все казалось просто и легко. Ему точно не было извѣстно какъ скоро и съ какою легкостью недвижимыя имѣнія могутъ переходить изъ рукъ въ руки. Въ Москвѣ онъ не нашелъ не только сестры и ея дома, но даже и свѣдѣнія о ней получилъ самыя туманныя. Послѣ нѣсколькихъ дней тщетныхъ поисковъ, ему удалось узнать только то, что Опричкина выѣхала въ Петербургъ въ позапрошломъ году.

«Гдѣ-же теперь я ее буду искать?—думалъ Чухлымовъ, можетъ быть она давнымъ давно за грани-

цей, можетъ быть вышла замужъ, можетъ быть даже умерла... Да нѣтъ, этого не можетъ быть, написали-бы ея знакомые отцу. Куда же мнѣ теперь ринуться?»

Оказывалось такъ, что какъ говоритъ пословица—«первый блинъ вышелъ комомъ». Все, что предполагалъ Чухлымовъ, уѣзжая изъ дому, разлетѣлось въ разныя стороны, разсѣялось, какъ дымъ. Онъ надѣялся, во-первыхъ, увидать сестру, но сестры и слѣда не было; онъ искалъ квартиру какого-то стараго пріятеля, и хотя квартиру нашелъ, но пріятель оказался свезеннымъ на кладбище и, точно нарочно, въ тотъ самый день, въ который была отыскана его квартира; потомъ былъ у Чухлымова въ запасѣ еще кто-то изъ прежнихъ знакомыхъ, но отыскивать его уже пропала всякая охота; при извѣстіи о смерти пріятеля, только что свезеннаго на кладбище, на Чухлымова напала такая тоска, что онъ въ тотъ-же день уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, самъ въ сущности не ясно сознавая цѣль своей поѣздки.

Онъ только съ пріѣзда въ Москву уразумѣлъ, что обстоятельства иногда, точно нарочно, такъ складываются, чтобы человѣкъ былъ поставленъ въ необходимость остановиться на одномъ мѣстѣ и не знать куда ему идти. Ему ясенъ сталъ смыслъ пословицы, что «на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся», и что при счастіи вмѣсто соли можно употреблять простой песокъ, и онъ будетъ также солонъ, а при несчастіи и лучшая соль никуда не годится. Все это онъ зналъ превосходно и до пріѣзда въ Москву, только никакъ не по отношенію къ себѣ. Самъ то онъ, справедливо говоря, ни разу еще лицомъ къ лицу съ жизнью не становился, а если и бывали встрѣчи, то при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ то время, когда еще связь съ родиной не была оборвана. И выходило на повѣрку какъ-будто такъ, что «чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу». Нельзя сказать, чтобы онъ раскаивался, вдругъ бросаясь въ омутъ столичной жизни, но не очень былъ доволенъ и тѣмъ,

что предположенный, при выѣздѣ изъ дому, планъ весь разлетѣлся въ дребезги, и пришлось создавать новый и главное—наскоро, точно такъ же, какъ подъ непріятельскими выстрѣлами создаются кой-какія укрѣпленія, лишь бы какъ-нибудь прикрыться. Не будь надежды на возможность увидѣть въ Москвѣ сестру, онъ всего скорѣе попалъ бы совсѣмъ въ другую сторону, уѣхалъ-бы въ Сибирь, куда-нибудь на далекія сѣверныя окраины, гдѣ вольнѣе живутъ люди и гдѣ легче найти работу.

По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ пошелъ въ адресный столъ и напалъ на нѣкоторый слѣдъ Олимпіады Петровны. Получивъ справку объ ея адресѣ за январь, въ которой значилось, что «выѣхала въ Москву», онъ не успокоился и отправился на ту квартиру, гдѣ жила она въ январѣ. Изъ разспросовъ оказалось, что въ январѣ она въ Москву совсѣмъ и не думала выѣзжать, а по разнымъ своимъ соображеніямъ, нашла нужнымъ сдѣлать ложную отмѣтку. Когда, наконецъ, Чухлымову повѣрили, что онъ ея родной братъ, то тотчасъ же дали ему новыя указанія о мѣстѣ жительства Олимпіады Петровны и объяснили притомъ, что новая ея квартира «графская» и т. д. Иванъ Петровичъ, составивъ себѣ по прежнимъ свѣдѣніямъ извѣстныя понятія о положеніи дѣлъ своей сестры, не зналъ чему вѣрить.

«Кто ее знаетъ, что она тутъ выдѣлываетъ,—думалъ онъ,—угару у ней въ головѣ и прежде бывало много, а теперь можетъ быть и еще больше».

Наконецъ, отыскана была и послѣдняя квартира Олимпіады Петровны. Дѣйствительно, все оказывалось такъ, какъ передавали: и мраморныя колонны, и тропическія растенія, и каминъ при входѣ въ квартиру и пр. Чухлымовъ поднялся по парадной лѣстницѣ, нашелъ нужный номеръ (дощечки съ обозначеніемъ фамиліи на дверяхъ не было) и позвонилъ. Дверь пріотворилась на цѣпочкѣ и сквозь небольшое отверстіе высунулась женская голова.

— Вамъ кого?—спросила она.

Чухлымовъ сказалъ.

— Ихъ въ Петербургѣ нѣтъ... Онѣ въ имѣніи у знакомыхъ. Если угодно, я вамъ адресъ ихъ дамъ, можете туда проѣхать, это очень не далеко, всего верстъ двѣсти по желѣзной дорогѣ... Только ежели вы туда къ нимъ поѣдете, такъ чтобы вамъ не разъѣхаться: мы ихъ ждемъ каждый день.

XII.

Владиміръ Николаевичъ мчался на станцію желѣзной дороги боясь опоздать, хотя по его же собственному соображенію до отхода поѣзда оставалось еще около часа. Это время онъ разсчитывалъ употребить на первоначальную завязку знакомства съ вдовушкой; но оказалось въ дѣйствительности, что это время, да и нѣсколько часовъ, послѣдовавшихъ за нимъ, были проведены совсѣмъ иначе. Его желаніе поскорѣе завязать знакомство не исполнилось вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ никакъ не предусмотрѣлъ и предусмотрѣть, собственно, не имѣлъ никакой возможности: вдовушки на станціи не оказалось.

Хотя онъ былъ увѣренъ, что вдовушка не пріѣзжала, но все-таки спросилъ служащихъ на станціи не пріѣзжала-ли. Служащіе начали было разспрашивать примѣты и соображать, но Владиміръ Николаевичъ махнулъ съ пренебреженіемъ рукой и, не дождавшись отвѣта, опять торопливо ушелъ внутрь вокзала.

Минуты проходили за минутами и прошли всѣ десять. Вотъ уже слышенъ свистокъ приближающагося локомотива, слышно его мѣрное пыхтѣнье, точно жалоба на тяжесть прицѣпившейся къ нему безконечнодлинной вереницы вагоновъ. Вдовушки все-таки нѣтъ! Владиміръ Николаевичъ повертѣлся еще нѣсколько времени передъ кассой въ нерѣшимости — ѣхать или остаться на станціи въ надеждѣ на пріѣздъ вдовушки; народъ суетливо напиралъ къ кассѣ; Владиміръ Нико-

лаевичъ затесался было впередъ, видимо намѣревался брать билетъ, но вдругъ повернулъ назадъ и остановился въ раздумьи посреди зала, смотря на дверь, чрезъ которую слѣдовало-бы войти вдовушкѣ, въ случаѣ ея пріѣзда. Вдругъ дверь растворяется и такъ нетерпѣливо ожидаемое лицо входитъ въ залъ въ сопровожденіи какой-то пожилой дамы въ темномъ нарядѣ. У Владиміра Николаевича ёкнуло сердце и сильно забилось, онъ поспѣшилъ вернуться къ кассѣ, довольный тѣмъ, что не понапрасну пропали его ожиданія и тревоги. Идя, онъ уже началъ обдумывать фразы, которыми удачнѣе было-бы можно завязать знакомство; онъ былъ въ полнѣйшей увѣренности въ томъ, что та либо другая пойдетъ за нимъ слѣдомъ къ кассѣ, чтобъ поскорѣе взять билеты, такъ какъ до отхода поѣзда оставалось слишкомъ мало времени; но оказалось опять, что онъ ошибся. Оказалось, что ни вдовушка, ни сопровождавшая ее пожилая дама къ кассѣ не идутъ, да и вообще не торопятся, не суетятся, а проходятъ совершенно въ противоположную сторону, проходятъ очень медленно, даже особенно какъ-то тихо, точно онѣ пріѣхали не на станцію желѣзной дороги, а въ свою квартиру. Владиміръ Николаевичъ въ недоумѣніи повернулъ опять обратно отъ кассы и глазъ не сводилъ съ проходившихъ дамъ, пока онѣ обѣ не скрылись за дверью дамской уборной.

«Что-же это такое, наконецъ? Чортъ знаетъ!»— въ досадѣ и полнѣйшемъ невѣдѣніи думалъ онъ, не зная, что̀ ему предпринять и чѣмъ объяснить такія неожиданности, о которыхъ онъ никакъ и предполагать не могъ. Наконецъ раздался звонокъ, слѣдомъ за нимъ другой... Онъ рѣшительно не зналъ какъ быть. Третій звонокъ—и поѣздъ запыхтѣлъ, удаляясь.

«Надо подождать! Надо, чортъ возьми, подождать,— порѣшилъ онъ: — вѣроятно что-нибудь случилось такое, что̀ заставляетъ ее остаться здѣсь до слѣдующаго поѣзда. Мало-ли что тамъ у нихъ случается.. »

XIII.

По отходѣ поѣзда станція опустѣла, и время потянулось необычайно медленно и скучно. До отхода слѣдующаго поѣзда нужно было ждать около пяти часовъ. Владиміръ Николаевичъ сначала въ испугѣ представилъ себѣ крайнюю безвыходность собственнаго положенія; но потомъ вдругъ успокоился и даже обрадовался этому: его точно свыше осѣнила пріятная мысль, что въ продолженіе пятичасоваго ожиданія поѣзда онъ можетъ такъ хорошо устроить свои дѣла по отношенію знакомства съ вдовушкой, какъ никогдабы при другихъ обстоятельствахъ не удалось.

Подъ вліяніемъ этой мысли онъ быстро подошелъ къ дверямъ дамской уборной и постучалъ; оттуда раздался вопросительный и довольно сердитый окрикъ: что нужно?

— Извините пожалуйста,—началъ заискивающимъ голосомъ Владиміръ:—я провожалъ утромъ родственницу и, кажется, забылъ свои перчатки въ комнатѣ,—позвольте мнѣ взглянуть...

Отвѣта не послѣдовало и дверь не отворилась. Владиміръ Николаевичъ пожалъ плечами и повторилъ свое «чортъ знаетъ», но чрезъ нѣсколько времени тотъ-же грубоватый голосъ отвѣтилъ: «здѣсь перчатокъ нигдѣ нѣтъ», и замолкъ.

Послѣ этого Владиміръ Николаевичъ сознался, что больше уже никакого повода проникнуть въ уборную онъ не найдетъ.

«Гм... чортъ побери,—думалъ онъ,—я не такъ началъ, совсѣмъ не такъ, надо было иначе. Надо было просто подойти требовать, чтобы отворили... Онѣ обязаны были отворить, это общая дамская уборная; развѣ могли знать, что я одинъ. Еслибы я не началъ своего глупаго объясненія, онѣ подумали бы, что со мною дама и отворили-бы. А тогда уже, войдя, я-бы объяснился и сумѣлъ-бы повести свои дѣла... Теперь, конечно, поздно—все испортилъ... Эхъ, чортъ возьми... Хоть

бы эта, какъ ее, кто она при ней, нянька, компаньонка, камеръ-фрау, чортъ ее возьми, кто она такая, хотя-бы она что-ли вышла»,—сердито ворчалъ онъ про себя, шагая вдоль и поперекъ общей пассажирской комнаты и тревожно взглядывая по-временамъ на двери дамской уборной, получившія въ его глазахъ какую-то таинственность. У него не разъ мелькнуло сожалѣніе о томъ, что онъ не пригласилъ и что не имѣлъ никакой возможности пригласить съ собой изъ усадьбы сестру Олю, хотя-бы подъ предлогомъ прокатиться.

«Все таки ей было-бы пріятно, отчего-же бы не доставить удовольствія? Наконецъ, даже можно было-бы и потому поѣхать,—размышлялъ онъ,—что вѣдь я ей братъ, отчего-же не проводить меня?.. Да развѣ отецъ позволилъ бы? Чортъ знаетъ, что за воспитаніе!.. А какой бы прекрасный случай...»

Въ такихъ размышленіяхъ прошло болѣе часа. На станціи снова началось движеніе; стала появляться въ общей залѣ станціонная прислуга, лѣниво позѣвывая, видимо послѣ сна, потомъ будущіе пассажиры съ саквояжами и подушками; чрезъ нѣсколько времени кассиръ открылъ свое таинственное окошечко, и началась выдача билетовъ для отъѣзжающихъ въ Москву. Владиміръ Николаевичъ отошелъ въ сторону отъ суетившейся публики и сѣлъ на стоявшій въ углу диванъ, кусая со злости ногти. Онъ все посматривалъ на дверь дамской уборной, куда по-временамъ входили и выходили обратно нѣсколько дамъ, какъ видно, отъѣзжающихъ въ Москву. Вдругъ, къ удивленію его, изъ дверей появилась знакомая фигура дамы въ темномъ нарядѣ, спутницы вдовушки, и направилась къ кассѣ.

Въ этотъ день судьба точно издѣвалась надъ Владиміромъ Николаевичемъ и строила ему на каждомъ шагу различныя препятствія и неожиданности. Замѣчательно, конечно, то, что онъ, какъ истинный джентльменъ и опытный человѣкъ, умѣлъ легко и скоро обойти всѣ препятствія и побороть затрудненія. Ни мало не задумавшись, онъ рванулся вслѣдъ за спутницей в о-

вушки и пошелъ по ея стопамъ къ кассѣ. По справедливости говоря, онъ находился въ полнѣйшемъ недоумѣніи относительно того, зачѣмъ она и онъ идутъ къ кассѣ въ то время, когда выдаются билеты для проѣзда не въ ту сторону, куда имъ слѣдовало ѣхать, а совершенно въ противуположную. Онъ только смутно догадывался, что судьба опять издѣвается надъ нимъ, и подозрѣвалъ, что, пожалуй, можетъ произойти что-то совершенно неожиданное, никакъ не входившее въ его расчеты; но подозрѣніе это рисовалось какъ-то неясно, туманно, да и разсматривать его онъ не имѣлъ никакого желанія, точно предчувствуя, что въ немъ ничего хорошаго быть не можетъ и что чрезъ нѣсколько мгновеній все само собою объяснится. Дѣйствительно, подходя слѣдомъ за спутницей вдовушки къ кассѣ, онъ увидѣлъ, что она взяла два билета второго класса, оба въ Москву. Это его привело въ большое недоумѣніе, такъ что его физіономія получила вдругъ такое выраженіе, какъ будто кто-нибудь сильно потянулъ его за носъ.

— Чортъ знаетъ! Можетъ быть ей поручено взять билеты для какихъ-нибудь другихъ дамъ, отъѣзжающихъ въ Москву, — сообразилъ Владиміръ Николаевичъ и тотчасъ же, обратившись къ спутницѣ вдовушки, спросилъ:

— Извините, пожалуйста—за мой вопросъ: вы въ Москву ѣдете?

— Вамъ на что? — спросила та, быстро окинувъ его взглядомъ, въ испугѣ отъ неожиданнаго вопроса.

— Да такъ, просто изъ любопытства. Я самъ ѣду въ Москву, потому и спросилъ... Извините, пожалуйста, если это вамъ показалось непріятнымъ.

Онъ такъ скромно и въ то же время съ достоинствомъ извинился, что спутница вдовушки въ свою очередь привѣтливо кивнула головой и отвѣтила:

— Да, въ Москву.

— Экая дурища набитая! — подумалъ ей вслѣдъ Владиміръ Николаевичъ, — туда же въ Москву, мало

тамъ что-ли такихъ дуръ!.. Тьфу! чортъ побери, какъ все выходитъ скверно...

Онъ на нѣсколько секундъ было остановился, чтобы поразмыслить о своемъ положеніи, но тотчасъ же встрепенулся и, сыстро повернувъ къ кассѣ, взялъ билетъ тоже второго класса и точно также въ Москву. Такъ это все скоро случилось, что онъ, какъ будто, и самъ этого не замѣтилъ. Такое неожиданное, совершенно не входившее въ его расчеты, препятствіе онъ собственно и не разсматривалъ, а такъ вдругъ разрѣшилъ, и разрѣшилъ только двумя словами, смысла въ которыхъ, если откровенно говорить, и не было вовсе: «Эхъ, была — не была», сказалъ онъ, и тѣмъ порѣшилъ все дѣло.

Наконецъ, вышла изъ дамской уборной вдовушка и вмѣстѣ съ своей спутницей отправилась въ вагонъ отходящаго поѣзда. Владиміръ Николаевичъ далъ имъ пройти впередъ и, издали слѣдуя за ними, вошелъ въ тотъ же вагонъ, въ который и онѣ. Тутъ только пришло ему на мысль, да что-жъ это, молъ, такое, да зачѣмъ-же она во второмъ классѣ ѣдетъ? Не утки-ли ужъ распускаютъ добрые люди о ея богатствѣ? Но потомъ самъ себя успокоилъ, сообразивъ, что по этому ничего не узнаешь.

— Богатые люди, — подумалъ онъ,—а въ особенности изъ купечества, народъ экономный. Не даромъ Бокль величаетъ ихъ могучимъ среднимъ сословіемъ. Ее, можетъ быть, еще «тятенька съ измалѣтства обучилъ соблюдать экономію». Однако,—продолжалъ онъ соображать,—она не купчихой смотритъ, манеры совершенно другія... Но она купчиха, я знаю, купчиха, вдова и богатая, это ужъ извѣстно; а во второмъ классѣ ѣдетъ потому, что... потому что... да чортъ ее возьми— почему она ѣдетъ...

Чрезъ нѣсколько времени поѣздъ уже летѣлъ, удаляясь все дальше и дальше отъ того мѣста, куда дѣйствительно слѣдовало ѣхать Владиміру Николаевичу.

Благодаря дорожной скукѣ и по-истинѣ изумитель-

ной способности заводить всякія нужныя знакомства (въ особенности, скажемъ кстати, съ тѣми людьми, у которыхъ можно занять денегъ), Владиміръ Николаевичъ на слѣдующей же станціи успѣлъ познакомиться съ вдовушкой, а не болѣе, какъ чрезъ часъ уже совершенно овладѣлъ ея вниманіемъ и разгуливалъ съ нею рядомъ во время остановокъ поѣзда. Онъ былъ развязенъ, веселъ и остроуменъ; хорошее расположеніе его духа было видно во всемъ: то онъ ухарски закручивалъ русые усики, то помахивалъ въ воздухѣ своимъ пенснэ, закидывалъ голову кверху, при чемъ жмурилъ глаза, презрительно окидывая ими встрѣчавшихся на пути, и каждый разъ, когда случалось обходить лежавшіе на платформѣ тюки, выдѣлывалъ легкіе антрша тонкими ногами, затянутыми въ узкія брюки. По всему было видно, что онъ совершенно доволенъ собой, счастливъ и наслаждается жизнью.

Вдовушка, напротивъ, была, казалось, чѣмъ-то озабочена; часто задумывалась и, слушая всякую болтовню Владиміра Николаевича, только изрѣдка, и то едва замѣтно, улыбалась; самая улыбка ея была какая-то грустная, болѣзненная. Въ первыя минуты знакомства, когда Владиміръ Николаевичъ вступилъ съ нею въ разговоръ, она даже нѣсколько глухо и односложными словами отвѣчала на его обращенія, какъ будто хотѣла этимъ отдѣлаться отъ непрошеннаго собесѣдника; она почти не взглядывала на него и, отвѣчая, смотрѣла въ окно или начинала рыться въ своемъ маленькомъ дорожномъ сакѣ. Потомъ, когда онъ, при помощи своего необыкновеннаго таланта, занялъ ея вниманіе, она точно перемѣнила о немъ мнѣніе и какъ будто созналась сама въ себѣ, что съ такимъ умнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ нельзя такъ сухо обращаться и ограничиваться только словами «да и нѣтъ». Но для того, чтобы онъ имѣлъ о ней надлежащее мнѣніе, она послѣ первыхъ же нѣсколькихъ словъ дала ему почувствовать, что хотя и ѣдетъ во второмъ классѣ, но что въ этомъ случаѣ не экономическіе ра-

счеты заставили ее такъ поступить, а совершенно другія соображенія. Изъ ея словъ, сказанныхъ по этому поводу, какъ-то особенно ловко было выдвинуто на первый планъ чувство непріязненности къ публикѣ, ѣдущей въ первыхъ классахъ, точно эта публика давно ей наскучила, надоѣла и опротивѣла.

— Ужасно они тамъ всѣ важничаютъ, — добавила потомъ вдовушка, дѣлая презрительную гримаску.

При этой фразѣ безмолвная спутница вдовушки тоже изобразила на своемъ сухомъ и желтоватомъ лицѣ презрительную гримаску, точно и ей давно опротивѣла публика первоклассныхъ вагоновъ. Ея роль, вообще, была безмолвная. Несмотря на это, наблюдательный человѣкъ сразу могъ опредѣлить, что̀ это за личность, такъ какъ въ жизни такія личности встрѣчаются очень часто. Видно было, что она при особѣ вдовушки состояла въ качествѣ прислуги, но въ то же время на правахъ компаніонки. Словомъ, это была молодая приживалка, безмолвная, тихая, покорная. Это была одна изъ тѣхъ обиженныхъ судьбой, у которыхъ или умерли родители, или бѣдствуютъ гдѣ-нибудь въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, перебиваясь изо-дня-въ-день, изъ куска въ кусокъ. Гувернантки бо̀льшею частью бываютъ изъ такихъ семействъ. Благочестивое купечество любитъ оказывать такимъ личностямъ благодѣяніе, воспитываетъ ихъ «на свой счетъ» въ женскихъ гимназіяхъ и всегда расхваливаетъ до небесъ, собственно «за кротость»; окончивъ курсъ ученья, такія воспитанницы состоятъ при купеческихъ семействахъ, въ качествѣ подругъ дочерей, и затѣмъ, въ знакъ особеннаго благоволенія, выдаются противъ воли замужъ.

На веселое замѣчаніе Владиміра Николаевича о святости первоклассной публики и на ловко поддержанный разговоръ о томъ, что въ первомъ классѣ такъ же скучно, какъ въ раю (точно онъ тамъ былъ), вдовушка отвѣчала первой благосклонной улыбкой, и съ этой минуты собственно началось настоящее знаком-

ство, такъ какъ она убѣдилась въ томъ, что съ ея стороны высказано все, требовавшееся для начала знакомства. Вообще говоря, она стала относиться къ Владиміру Николаевичу внимательно и хотя была скорѣе печальна, нежели задумчива, но искусный собесѣдникъ все болѣе и болѣе ее развлекалъ. Онъ, какъ ловкій человѣкъ, въ совершенствѣ знакомый съ тѣмъ, какое значеніе имѣетъ въ жизни богатство, умѣлъ съ тактомъ и во время ввернуть въ разговоръ фразу о родовомъ имѣніи, и изъ этой фразы получился такой выводъ, что точно это родовое имѣніе составляетъ его прямую собственность. Послѣ этого извѣстія обращеніе вдовушки съ Владиміромъ Николаевичемъ еще болѣе измѣнилось. Нельзя сказать, чтобы она стала любезнѣе и внимательнѣе, нѣтъ; она держала себя такъ же ровно и съ достоинствомъ, но стало замѣтно, что собесѣдникъ начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе ее интересовать, такъ что печаль и забота, которая такъ рѣзко сначала бросалась въ глаза, точно замѣнилась чѣмъ-то другимъ. Можетъ быть, и это даже не подлежитъ сомнѣнію, что фраза о родовомъ имѣніи, да еще такъ искусно сказанная, достигла своей цѣли, ибо мало на свѣтѣ такихъ людей, которые умѣютъ цѣнить другихъ только по ихъ нравственнымъ и умственнымъ достоинствамъ, минуя всякія денежныя средства, капиталы, доходы, получаемое жалованье, положеніе въ свѣтѣ и т. п. Но независимо отъ этого, на благорасположеніе вдовушки не могли не повліять и другія обстоятельства: наружность Владиміра Николаевича, съ усами, закрученными въ колечки, его открытый ясный взглядъ, широкій лобъ, прекрасный румянецъ щекъ, еще не утратившихъ своей свѣжести, несмотря на его «наслажденія жизнью», все это произвело на вдовушку впечатлѣніе весьма замѣтное. Можно предположить, что она чрезъ нѣсколько часовъ пути сопричислила его къ штату возможныхъ кандидатовъ въ мужья. Владиміру Николаевичу видимо самъ Богъ покровительствовалъ: успѣхъ его знакомства оказывался несомнѣн-

ный, и раскаиваться въ томъ, что онъ вмѣсто Петербурга ѣдетъ въ Москву, ему и въ голову не приходило.

Сначала вдовушка только слушала веселыя рѣчи Владиміра Николаевича и поддерживала ихъ безъ всякой посторонней мысли — благо весело болтается; но потомъ изрѣдка, мало-по-малу, стала давать разговору такое направленіе, какое ей было особенно желательно.

— У васъ большое семейство?—спросила она, какъ будто такъ, между прочимъ.

— То-есть, вы хотите спросить, женатъ-ли я?— переспросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Гм... да... Немножко нескромный вопросъ,— улыбаясь, отвѣтила она,—я совсѣмъ о другомъ хотѣла спросить; но если уже такъ пришлось, то отчего-же, скажите...

— Нѣтъ, я еще, къ сожалѣнію, холостъ...

— Отчего-же къ сожалѣнію? Можетъ-быть къ счастью...

— Я съ вами совершенно согласенъ. Можетъ-быть дѣйствительно къ счастью: можетъ быть мнѣ судьба могла подарить такую подругу жизни, пріятное сожительство съ которой довело бы меня до желанія пріютить свое грѣшное тѣло на какомъ-нибудь изъ болѣе надежныхъ деревьевъ Лѣтняго Сада; но можетъ-быть къ счастью и совершенно по другой причинѣ: можетъ-быть благодѣтельная судьба до настоящихъ дней сохраняетъ меня въ качествѣ жениха для того, чтобы осчастливить потомъ такой подругой жизни, такой очаровательной, прелестной, обворожительной...

И пошелъ нашъ Владиміръ Николаевичъ во весь духъ катить по знакомой дорожкѣ, по которой гулять онъ давно уже привыкъ и изощрился до степени нѣкоторой виртуозности. Онъ могъ изумить всякаго непривычнаго человѣка тѣмъ, что въ продолженіе многихъ часовъ способенъ былъ болтать безостановочно Богъ знаетъ о чемъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ переливая изъ пустого въ порожнее. Вдовушка слушала, смѣялась, а между тѣмъ нѣтъ-нѣтъ да и вста-

витъ какой-нибудь вопросъ то о семействѣ, то объ отцѣ Владиміра Николаевича, о лѣтахъ его, а тамъ опять шутки, игра словами и полный просторъ болтать что угодно и сколько угодно. Владиміру Николаевичу не приходило на мысль, что его «испытуютъ», напротивъ, онъ былъ радъ вопросамъ, такъ какъ они давали новыя темы для разговоровъ; онъ отъ нихъ получалъ возможность «блеснуть» и, не во гнѣвъ ему будь сказано, по-временамъ завирался порядочно, такъ что между нимъ и Хлестаковымъ можно было заподозрить близкое родство.

Въ то время, когда поѣздъ подходилъ къ Москвѣ, вдовушка познакомилась уже со всѣми членами семейства Николая Саввича и сумѣла составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе о томъ, какими средствами онъ обладаетъ. Хотя Владиміръ Николаевичъ, въ пылу увлеченія бесѣдой, сильно привиралъ мѣстами и цифру отцовскаго капитала преувеличилъ значительно, но вдовушка, соображая про себя, отдѣлила отъ этой цифры должное количество «на вранье», можетъ-быть убѣдившись въ необходимости этого изъ горькихъ опытовъ своей, хотя еще и молодой, но уже полной крупными событіями жизни.

Владиміръ Николаевичъ съ своей стороны о дѣлахъ вдовушки ничего не узналъ, да и узнавать совсѣмъ не думалъ. Онъ давно забылъ о томъ, что собираніе практическихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ вдовушки, о ея богатствѣ, должно было стоять на первомъ планѣ и занимать главное мѣсто въ разговорахъ съ ней. Его выраженія о томъ, что онъ хочетъ «закинуть уду», что имѣетъ въ виду «обдѣлать выгодное дѣло», — эти выраженія, какъ и слѣдовало ожидать, оказались просто болтовней. Въ этомъ можно было пожалуй и заранѣе догадаться, ибо люди, желающіе дѣйствительно закидывать удочки или «округлять и обдѣлывать» выгодныя дѣла, никогда и никому заранѣе объ этомъ не говорятъ. До начала знакомства съ вдовушкой Владиміръ Николаевичъ пожалуй и серьезно думалъ, что

ему предстоитъ «разузнавать», но послѣ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ съ ней, всѣ эти разузнаванья разлетѣлись дымомъ: близкое сосѣдство красивой женщины заставило его забыть все: онъ, по обыкновенію своему, отдался весь пріятнымъ впечатлѣніямъ минуты; все, что было назади, что впереди — все это исчезло. Если-бы вдовушка не нашла нужнымъ въ концѣ концовъ сдерживать расходившагося говоруна и, такъ сказать, водворять его по-временамъ на указанное мѣсто, то могло-бы дойти до того, что онъ договорился бы до признанія въ любви, открылъ бы цѣль своего путешествія въ Москву и можетъ-быть имѣлъ-бы успѣхъ еще болѣе полный, чѣмъ теперь, когда онъ все-таки считался только случайнымъ спутникомъ.

Тайны своего путешествія онъ не открылъ и сознался, наконецъ, что открывать и не слѣдуетъ по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, т.-е. до возвращенія въ Петербургъ, когда онъ будетъ имѣть возможность сдѣлаться близкимъ знакомымъ вдовушки. Подъ вліяніемъ этой послѣдней мысли онъ вдругъ придалъ особенную важность своему путешествію въ Москву, почувствовалъ сильный приливъ самодовольствія и надменно окинулъ глазами остальныхъ пассажировъ вагона, какъ будто хотѣлъ выразить этимъ полнѣйшее пренебреженіе къ нимъ, какъ къ лицамъ, не имѣющимъ никакихъ тайнъ, «никакихъ такихъ особыхъ важныхъ дѣлъ».

Пріѣхали въ Москву. Стали прощаться. Владиміръ Николаевичъ предложилъ свои услуги «проводить до квартиры». Вдовушка почему-то нашла нужнымъ уклониться отъ этого предложенія, при чемъ какъ-то кстати замѣтила, что у ней въ Москвѣ есть свой собственный домъ. Это извѣстіе заставило Владиміра Николаевича снова предложить услуги, такъ какъ у него въ головѣ мелькнула мысль, что можетъ быть вдовушка живетъ постоянно въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, какъ ходили объ этомъ слухи въ усадьбѣ. Ему представилось, что, разставшись такимъ образомъ, можно совершенно

потерять изъ виду счастливую находку и навсегда разорвать такъ удачно завязавшееся знакомство. Но, несмотря на горячее предложеніе, услуги не были приняты: вдовушка даже какъ-будто нѣсколько сконфузилась и покраснѣла, такъ что, глядя на нее, можно было подумать, что Владиміръ Николаевичъ начинаетъ ей надоѣдать съ своими предложеніями услугъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности она была довольна этими предложеніями и видимо желала ими воспользоваться, но были какія-то обстоятельства, которыя удерживали ее отъ этого. Она съ своей стороны тоже не мало заботилась о томъ, чтобы на этомъ прощаніи не оборвалась ихъ знакомство, но, повторяю, было какое-то, вѣроятно, важное обстоятельство, которое заставляло ее дѣйствовать противу своихъ желаній и отклонить предлагаемыя услуги. Пока спутница вдовушки ходила нанимать карету, Владиміру Николаевичу еще удалось узнать, что московскій домъ вдовушки отдается подъ магазины и торговыя конторы и что она сама бываетъ въ Москвѣ только на нѣкоторое время, постоянно-же живетъ въ Петербургѣ; что въ настоящее время она не думаетъ пробыть въ Москвѣ долѣе двухъ-трехъ дней и потому проситъ извинить ее, что поставлена въ необходимость отказаться отъ пріятной встрѣчи, и что по возвращеніи въ Петербургъ она будетъ очень рада и проч. и проч. Тутъ только Владиміръ Николаевичъ спохватился, что много дорогой болталъ пустяковъ и не успѣлъ собрать побольше такихъ полезныхъ свѣдѣній, которыя теперь при самомъ прощаньи оказались необходимыми. Пришлось ограничиться тѣмъ, что хоть успѣлъ получить петербургскій адресъ своей очаровательной спутницы.

Онъ проводилъ ее до кареты, поцѣловалъ на прощаньи ласково протянутую руку и не выдержалъ: открылъ тайну своего путешествія въ Москву. Вдовушка вспыхнула, сверкнула какъ-то особенно глазами, и чрезъ нѣсколько времени карета умчала ее отъ Владиміра Николаевича.

XIV.

Онъ остался у подъѣзда вокзала и смотрѣлъ вслѣдъ удаляющейся каретѣ, смотрѣлъ долго, не сводя глазъ и стараясь не потерять ее изъ виду въ то время, когда она путалась между возами, извозчичьими дрожками и другими экипажами, встрѣчавшимися и обгонявшими одинъ другого. Казалось, онъ чего-то ждалъ, надѣялся, что вотъ-вотъ выглянетъ изъ кареты знакомое лицо и махнетъ ему платкомъ или, ужъ если не махнетъ, то по крайней мѣрѣ выглянетъ, по крайней мѣрѣ можно будетъ по этому составить нѣкоторыя понятія о томъ, какое впечатлѣніе произвело на нее вдругъ вырвавшееся признаніе. Но карета уже скрылась изъ виду... Владиміръ Николаевичъ вдругъ спохватился, поспѣшно повернулъ на станцію, чтобы взять свой саквояжъ, оставленный на сохраненіе у станціоннаго служителя, и затѣмъ отправиться куда-то. Куда—онъ сгоряча не сообразилъ. «По крайней мѣрѣ узнаю,—думалъ онъ впопыхахъ,—узнаю, гдѣ ея домъ, а завтра, какъ снѣгъ на голову, явлюсь, явлюсь просто такъ, прямо, для того чтобы доказать, что съ сердцемъ не всегда можно справиться. Это ее заставитъ повѣрить въ мою любовь. Наконецъ для того, чтобы... Ну словомъ, нужно идти къ цѣли, чортъ побери, что-жъ тутъ еще откладывать...»

Но такое горячее стремленіе дойти скорѣе къ цѣли появилось, во-первыхъ, какъ-то вдругъ, лихорадочно, а во-вторыхъ, поздно: кареты, увезшей вдовушку, давно уже и слѣдъ простылъ, адреса-же московскаго она ему не сообщила.

«Чортъ знаетъ!—заключилъ онъ по обыкновенію свои думы, когда опомнился, что отыскивать вдовушку по Москвѣ пришлось бы очень долго.—Можетъ быть это и къ лучшему, а можетъ быть... Да ну его къ чорту все это, что можетъ быть... Теперь-то вотъ что дѣлать,—соображалъ онъ, шагая по длиннымъ переходамъ московскаго дебаркадера, сейчасъ-же повернуть назадъ въ Петербургъ, благо чрезъ полчаса поѣздъ

отходитъ; но вѣдь это что-же?.. вѣдь разломаетъ всего, да, наконецъ, что-же я за ссыльно-каторжный! Вѣдь только ссыльно-каторжныхъ, да и то еще «по особенно-важнымъ дѣламъ», мчатъ по большой дорогѣ и день и ночь и не даютъ отдохнуть на станціи, для того чтобы выспаться. Положимъ, я спать не хочу, но все же я хочу отдохнуть, прогуляться по крайней мѣрѣ. Завтра можно будетъ сдѣлать справку въ адресномъ столѣ... Да нѣтъ, что за вздоръ: въ адресный столъ, конечно, такъ скоро не будетъ сообщенъ ея адресъ... на адресный столъ наплевать!.. просто слѣдуетъ поѣхать въ гостиницу, для того чтобы отдохнуть. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, чортъ возьми,—въ Москву такъ рѣдко приходится ѣздить, неужели-же такъ сейчасъ-же и повернуть назадъ...

Онъ думалъ и разсуждалъ, какъ человѣкъ совершенно свободный, ни отъ кого не зависящій и имѣющій полнѣйшее право и возможность «отдохнуть и прогуляться», принимая эти два глагола отчасти въ иносказательномъ смыслѣ. Право на отдыхъ и прогулку уже по тому одному признавалось законнымъ, что воспользоваться имъ никакихъ препятствій быть не могло: бо́льшая часть денегъ, полученныхъ отъ матери, были не израсходованы; но, помимо этого, самый фактъ пребыванія Владиміра Николаевича на дебаркадерѣ московскаго вокзала Николаевской желѣзной дороги еще болѣе давалъ законности этому праву, такъ какъ путешествію своему въ Москву онъ придалъ дѣловой характеръ и особенную важность.

По такимъ уважительнымъ причинамъ онъ уѣхалъ со станціи, взялъ номеръ въ лучшей гостиницѣ на Тверской, въ увѣренности, конечно, на то, что на слѣдующій день выѣдетъ изъ Москвы обратно. Но такой короткій срокъ оказался недостаточнымъ для «отдыха и прогулки», а потому отъѣздъ былъ отложенъ еще на одинъ день, и опять обстоятельства какъ-то такъ странно сложились, что помѣшали отъѣзду и въ этотъ, третій уже по пріѣздѣ, день. Поздно

проснувшись послѣ весело проведенной ночи и чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, Владиміръ Николаевичъ отложилъ отъѣздъ до вечерняго поѣзда; а тутъ, послѣ обѣда подвернулся какой-то добрый малый, съ нимъ пришлось перекинуться въ картишки и выиграть порядочный кушъ, такъ что всѣ московскіе расходы вознаградились съ избыткомъ. Съ новымъ запасомъ средствъ закружился человѣкъ совсѣмъ и только чрезъ недѣлю опомнился и собрался ѣхать, но, собравшись, опоздалъ на поѣздъ, потому что заболтался за завтракомъ съ новыми товарищами, съ которыми успѣлъ познакомиться гдѣ-то, собственно говоря, даже и неизвѣстно гдѣ, такъ какъ въ угарѣ «отдыха и прогулокъ» все перемѣшалось: театръ, Кузнецкій мостъ, веселые дома, клубъ, маскарадъ, биліардныя,— все это слилось въ общую массу и перепуталось, такъ что и разобрать ничего было нельзя: извѣстно только было, что новые пріятели—всѣ до одного добрые малые и изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій. Такъ, по крайней мѣрѣ думалъ Владиміръ Николаевичъ. Странно было ему только одно, что въ общей массѣ впечатлѣній, въ сущности однородныхъ, примѣшался, уже по совершенно неизвѣстнымъ и необъяснимымъ причинамъ, какой-то монастырь, слабо освѣщенная церковь съ мрачными темными сводами, заунывный хоръ монаховъ и ихъ темныя фигуры съ длинными тѣнями, отражавшимися на полу громаднаго и пустыннаго храма.

Припоминая объ этомъ какъ-то по-утру, послѣ весело проведенной ночи, онъ никакъ не могъ понять, откуда взялись монахи. «Чортъ знаетъ, что это такое,— думалъ онъ,—во снѣ что-ли я это видѣлъ, или кто-нибудь мнѣ разсказывалъ о монахахъ... да нѣтъ, никто не разсказывалъ; но съ чего-же такой сонъ могъ присниться... Вотъ нелѣпость-то!» Дѣло оказывалось, между тѣмъ, необыкновенно простое: онъ забылъ, что возвращаясь откуда-то съ пріятелями, въ четыре часа утра и замѣтивъ въ монастырской церкви свѣтъ,

предложилъ на обсужденіе вопросъ, а не посѣтить-ли, молъ, намъ храмъ Божій. Вопросъ былъ принятъ единодушно, безъ разсмотрѣнія, потому что разсматривать и обсуждать его не представлялось никакой возможности послѣ ночныхъ похожденій, имѣвшихъ сильное вліяніе на головы всей компаніи. Въ церкви шла заутреня. Громко разговаривая, смѣясь неизвѣстно надъ чѣмъ, они съ шумомъ вошли на паперть, быстро распахнули дверь, ведущую въ церковь, и, ввалившись всей гурьбой внутрь храма, вдругъ какъ-то опѣшили и смолкли: ихъ какъ будто поразила мрачная обстановка храма, заунывное пѣніе, тихій, едва мерцающій во мракѣ свѣтъ лампадъ и строгія, сосредоточенныя выраженія лицъ на инокахъ,—точно они этого раньше никогда не видали.

На раздавшійся въ тишинѣ и вдругъ смолкнувшій шумъ, нѣсколько молившихся монаховъ оглянулись и снова начали молиться, точно прося у Бога прощенія за невольное любопытство. Пріятели сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, постояли, покачались изъ стороны въ сторону, пошептались между собой, при чемъ шептавшіе не могли ясно выразить своихъ мыслей, такъ какъ языки ихъ плохо справляли свою службу, а слушавшіе не могли ничего понять, и потому собственно, обмѣна мыслей не произошло; впрочемъ поняли, что въ церкви скучно и что лучше убраться назадъ подобру-по-здорову.

Вотъ такимъ-то образомъ Москва затянула Владиміра Николаевича на цѣлую недѣлю, и отпускъ, и вдовушка, и петербургскіе долги—все было забыто, точно никогда не существовало. А такъ какъ всему бываетъ конецъ, то пришелъ онъ и московскому веселью: волею судебъ карманъ Владиміра Николаевича замѣтно поотощалъ, случая выиграть въ картишки болѣе не представилось, напротивъ, пришлось сильно поплатиться, благодаря какой-то неудачной партіи на биліардѣ, по милости которой всѣ деньги, какъ предназначавшіяся и уплату процентовъ по петербургскимъ долгамъ,

такъ и оставшіяся отъ московскаго выигрыша въ карты, всѣ перешли въ карманъ счастливаго биліарднаго партнера. Оставалось Владиміру Николаевичу благодарить судьбу, что онъ наканунѣ, собравшись выѣзжать изъ Москвы, расплатился въ гостинницѣ за номеръ и за столъ, иначе, какъ выразился онъ самъ, дѣло было-бы «совершенный швахъ». Но несмотря на это, дѣла «вообще» были въ положеніи весьма некраснвомъ, потому что на дорогу денегъ не осталось ни гроша.

Послѣ этого, т.-е. какъ только кошелекъ опустѣлъ и возможность «наслаждаться жизнью» исчезла, Владиміръ Николаевичъ вдругъ сразу уразумѣлъ, что оставаться въ Москвѣ ему вовсе не слѣдовало и что нужно тотчасъ-же выбраться изъ гостиницы и катить въ Петербургъ. Но ему, конечно, было извѣстно, что даромъ его не покатятъ, а гдѣ достать денегъ, — объ этомъ свѣдѣній никакихъ не оказывалось. Хоть пѣшкомъ, пожалуй, иди, да и пѣшкомъ идти было нельзя, ибо нужно же чѣмъ-нибудь питаться во время пути, значитъ опять-таки нужно денегъ. Подъ вліяніемъ такихъ печальныхъ размышленій, онъ сильно упалъ духомъ и унылый, задумчивый отправился въ какую-то кассу ссудъ заложить свои золотые часы. Залогъ удался, и чрезъ полчаса онъ выѣхалъ изъ гостиницы по направленію къ вокзалу Николаевской желѣзной дороги. Но даже и въ такомъ положеніи, имѣя всего на все двадцать пять рублей въ карманѣ, онъ не могъ выѣхать иначе, какъ щедро бросивъ номерному слугѣ «на чай» три рубля, ибо любилъ вездѣ держаться съ достоинствомъ, сообразно своему званію. Главное, ему нравилось быть щедрымъ, и вовсе даже не для того только, чтобы видѣть на окружающихъ лицахъ подобострастное выраженіе и готовность на всякія услуги, какъ этого добивается разгулявшійся купецъ, когда, развалясь на диванѣ, въ общей «дворянской» половинѣ трактира и желая выкинуть на удивленіе всей православной публики какой-нибудь фортель, онъ вытаски

ваетъ изъ кармана брюкъ обезсилѣвшими руками туго набитый бумажникъ и, блуждая пьяными глазами изъ стороны въ сторону, безсвязно бормочетъ трактирному слугѣ «на тебѣ, теперича, братецъ, двадцать пять цѣлковыхъ и служи ты мнѣ вѣрой и правдой, потому, я, къ примѣру, человѣкъ до-о-брай». Нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ, какъ человѣкъ цивилизованный, не могъ такъ грубо искать общаго удивленія и почета, онъ довольствовался однимъ сознаніемъ того, что его небрежное бросанье денегъ, его барская щедрость производитъ на получающихъ и на зрителей должное впечатлѣніе. За это удовольствіе онъ готовъ былъ платиться нуждой, и платился, конечно, не одинъ разъ. Такъ и теперь, ему не было жаль брошенныхъ слугѣ трехъ рублей, въ виду одного только сознанія, что слуга, вслѣдствіе такой щедрости, подумаетъ о немъ, какъ о богачѣ, для котораго три рубля все равно, что копѣйка.

Волей-не-волей, а пришлось взять билетъ второго класса, такъ какъ для покупки первокласснаго билета недоставало денегъ. Противенъ показался ему второй классъ, потому что вдовушки, скрашивавшей собою «эту берлогу», уже не было, и тѣмъ болѣе онъ былъ противенъ, что и денегъ въ карманѣ было мало и отпускъ давно просрочился, а впереди все представлялось мрачно, сурово и «чортъ знаетъ какъ»; онъ молча усѣлся въ углу вагона и повидимому съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не входить ни съ кѣмъ ни въ какія знакомства. Онъ просто хотѣлъ обдумать свое положеніе, чему представлялась теперь полная возможность, такъ какъ его мыслительныя способности всегда были очень хороши «въ безденежное» время.

Всего прежде, конечно, начались нападки на русскую натуру, что она «проклятая», что она во всемъ виновата, потомъ, разумѣется, вспомнился Николай Саввичъ и, какъ тому слѣдовало быть, получилъ надлежащее число укоризнъ за то, что долго живетъ. Укоризны эти еще болѣе усиливались по мѣрѣ того,

какъ въ воображеніи воскресали со свѣжестью перваго впечатлѣнія различныя непріятныя сцены съ кредиторами. Вдругъ стало какъ-то казаться, что они, пожалуй, могутъ потерять терпѣніе, пожалуй, бухнутъ всѣ векселя прямо ко взысканію или, что еще хуже, увѣдомятъ о ихъ срокѣ и протестѣ самого отца. Наконецъ, воображеніе до того разыгралось, что Владиміръ Николаевичъ нашелъ нужнымъ самъ себя утѣшать, ну что-жъ, молъ, въ самомъ дѣлѣ, лишній день, два, наконецъ, недѣля, неужели ужъ и этого подождать нельзя... Да нѣтъ, они подождутъ, это ихъ прямой расчетъ, а тамъ... А тамъ, вотъ какъ женюсь на Опричкиной, такъ чортъ ихъ побери совсѣмъ, скотовъ этакихъ! Нѣтъ еще!.. Они еще сами передо мной будутъ собачьей рысью бѣгать,—думалъ онъ,—когда я «обработаю» это дѣло. Такія размышленія дѣйствительно его нѣсколько успокоили; подъ вліяніемъ ихъ онъ подружелюбнѣе оглянулъ публику вагона и чрезъ нѣсколько времени уже вмѣшался въ разговоръ двухъ помѣщиковъ по поводу какого-то судебнаго процесса и очень ловко умѣлъ выказать предъ ними свое превосходство въ знаніи отечественныхъ законовъ и юридическихъ наукъ. Вмѣшался онъ собственно не потому, чтобы показать себя «предъ степняками», а вслѣдствіе совершенно постороннихъ обстоятельствъ: рядомъ съ однимъ изъ степняковъ сидѣла молоденькая и хорошенькая барышня, не то дочь одного изъ нихъ, не то племянница; подсѣсть къ ней поближе не представлялось никакой возможности; когда же завязался разговоръ о процессѣ, то Владиміръ Николаевичъ, чтобы не кричать на весь вагонъ, подсѣлъ поближе къ барышнѣ, перемѣнившись для этого мѣстами съ сидѣвшимъ противъ нея пассажиромъ. Барышня оказалась веселая хохотунья, и Владиміръ Николаевичъ окончательно развеселился и забылъ всѣ свои скорби, печали и заботы. «Степняки» снова начинали было заводить разговоръ о процессѣ, чтобы послушать умныхъ рѣчей «ученаго человѣка», но не тутъ было—

ученый человѣкъ давно уже увлекся совершенно другими предметами разговора съ барышней и на вопросы степняковъ отвѣчалъ каламбурами. Вагонъ второго класса опять получилъ для Владиміра Николаевича свою прелесть, и такъ доѣхалъ бы онъ до Петербурга въ сладкихъ радостяхъ пріятной бесѣды; но степняки и барышня вдругъ гдѣ-то на половинѣ дороги исчезли изъ вагона, да какъ-то такъ скоро, что онъ и проститься не успѣлъ. Затѣмъ опять охватила его «тяжкая скорбь» и преслѣдовала всю дорогу, ибо «хорошенькихъ» въ вагонѣ болѣе не оказалось и развлечься было нечѣмъ. Онъ попробовалъ перемѣнить вагонъ, но и въ другомъ тоже ничего пріятнаго не встрѣтилъ, переселился въ третій, да тамъ уже и засѣлъ, обуреваемый своими мрачными думами.

— Чортъ знаетъ,—думалъ онъ,—какая гадость эта жизнь человѣческая, мерзость — больше ничего!.. А когда это срокъ моего отпуска окончился? — вдругъ пришло ему на память среди думъ о человѣческой жизни на землѣ.—Чортъ его знаетъ, когда онъ окончился, должно быть давно, да ну его совсѣмъ; ужъ если просрочилъ, то все равно, день-ли, недѣля или мѣсяцъ,—семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ... Лучше пойти съ горя выпить коньяку.

Расплачиваясь за выпивку, онъ случайно замѣтилъ, что въ сумочкѣ остается всего два рубля, да мелочи нѣсколько копѣекъ, и впалъ еще въ бо́льшую тоску, такъ что выпивка вмѣсто успокоенія принесла новыя печали. Вспомнились станціонные буфеты, закуски, вино, подарокъ какой-то, сдѣланный, Богъ знаетъ съ чего, барышнѣ, ея веселый смѣхъ по поводу предложенія подарка, отказъ принять его и опять хохотъ, когда этотъ подарокъ былъ врученъ «на память» обратно продавальщицѣ безъ полученія назадъ заплаченныхъ за него денегъ.

— Зачѣмъ я этой глупой дѣвчонкѣ предлагалъ подарокъ, чортъ знаетъ, — досадовалъ онъ,—стоило такой дурѣ дарить... хохотала всю дорогу, а спросить—

надъ чѣмъ? сама не знаетъ, точно мичманъ Дырка: покажи ему палецъ и хохочетъ. Тьфу, дура! И изъ вагона исчезла, не простившись... а теперь вотъ въ карманѣ оказалась какая-то мерзость, всего два рубля несчастныхъ... Дьявольщина!.. Нѣтъ, надо еще выпить, тоска такая на сердцѣ!..

Опять выпилъ и повеселѣлъ, но не надолго. Только что улегся-было въ вагонѣ заснуть, какъ полѣзли въ голову новыя непріятныя мысли: вспомнилось, что одному кредитору нужно заплатить 150 рублей процентовъ, другому 100, а потомъ въ воображеніи поднялись изъ мрака печальныхъ воспоминаній цѣлыя полчища друзей человѣчества, одолжающихъ подъ векселя деньгами; были тутъ всякія лица и мужскія, и женскія, и старыя, и молодыя,—всѣ «въ равномъ достоинствѣ», всѣ съ желаніемъ получить долгъ и съ зловѣщимъ выраженіемъ на жадныхъ лицахъ.

Владиміръ Николаевичъ подъ тяжестью этихъ воспоминаній даже какъ будто испугался, точно забылъ, что ихъ нѣтъ вблизи его, что это только *такъ*, только одно воспоминаніе, *мечта*,—какъ говорилъ Чичиковъ объ умершихъ крестьянахъ Собакевича.

Желанный сонъ не наступалъ. Владиміръ Николаевичъ тревожно ворочался съ боку-на-бокъ, и какъ только поѣздъ остановился у станціи съ большимъ буфетомъ, снова ушелъ въ залъ, закусилъ что-то, выпилъ что-то, обругалъ прислугу за все, найдя *это все* дурнымъ и небрежно бросивъ деньги, не захотѣлъ взять сдачу, съ пренебреженіемъ махнувъ головой слугѣ, какъ будто говоря: «можешь эту мелочь взять себѣ, а я такую дрянь не имѣю привычки брать въ свои руки».

Въ карманѣ, наконецъ, осталось только нѣсколько серебряныхъ мелкихъ монетъ... Но счастье снова улыбнулось Владиміру Николаевичу: на какой-то изъ станцій, уже подъ Петербургомъ, ввалился въ вагонъ молодой купчикъ и чрезъ нѣсколько минутъ заявилъ, что нѣтъ-ли, молъ, желающихъ провести время за картами, хоша-бы въ пикетецъ...

На это предложеніе публика отвѣтила молчаніемъ; купчикъ ухарски покрутилъ свои пробивавшіеся усики, погладилъ только-что начинавшую расти черненькую бородку и съ самодовольствіемъ сталъ смотрѣть въ окно, думая «дескать, коли такъ, то мы, значится, и безъ эфтаго обойдемся».

Владиміръ Николаевичъ встрепенулся и роковое «была не была» мелькнуло въ его головѣ.

— Вы хотите въ пикетъ?—спросилъ онъ, небрежно оглядывая купчика.

— Н-да-съ. Что-жъ за важность! Дѣло дорожное, коли угодно—съ нашимъ почтеніемъ...

— По пяти копѣекъ, пожалуй.

— Накладно немного-съ.

Владиміръ Николаевичъ съ пренебреженіемъ улыбнулся и опять оглянулъ купца, на этотъ разъ уже съ головы до ногъ, точно хотѣлъ этимъ оглядываніемъ удостовѣриться—проиграетъ онъ или выиграетъ.

— Накладно, говорю, — повторилъ купецъ, думая, что Владиміръ Николаевичъ не разслышалъ его отвѣта.

— Какъ хотите — я иначе не играю, не стоитъ...

— Ну, такъ и быть...

У купчика оказались съ собой карты. Владиміръ Николаевичъ, снимая колоду, оглянулъ ихъ, зная по опыту, какія бываютъ иногда «штуки» въ нихъ, но убѣдился, что «дѣло чистое».

Въ часъ онъ обработалъ купчика, да такъ ловко, что на его сторонѣ оказался выигрышъ около двухъ сотъ рублей.

Онъ не былъ шулеръ и если рѣшился играть безъ гроша въ карманѣ, то исключительно въ увѣренности въ покровительство судьбы. О томъ, что могло быть при проигрышѣ, ему какъ-то не пришло въ голову, главное, обаятельно очень подѣйствовала на него знаменитая по своей безсмысленности фраза: «была-небыла».

Купчикъ расплатился послѣ шести королей, которые всѣ до одного были выиграны Владиміромъ Николаевичемъ.

— Что-же-съ, еще шесть,—предложилъ купчи
— Больше не хочу,—коротко отвѣтилъ Владими
Николаевичъ и сѣлъ на свое мѣсто, небрежно суну
въ карманъ выигрышъ.

— Намъ это плевое дѣло-съ. Да-съ! — похвалил
купчикъ, — мы, можетъ статься, не по сотнямъ п
игрывали... Такъ-то-съ... Можетъ, желаете въ стоси
рука на руку-съ,—предложилъ онъ послѣ нѣкотор
молчанія.

— Не хочу, — лаконическн оборвалъ Владими
Николаевичъ.

— Вы будьте безъ сумнѣнія, это намъ ни
чемъ-съ...

— Здѣсь въ стосъ играть нельзя,—замѣтилъ к
то изъ пассажировъ.

— Ничего-съ. Что за важность. Мы промеж
себя завсегда можемъ что угодно... вполнѣ...

Владиміръ Николаевичъ сознавалъ свое достоинс
и не хотѣлъ вязаться въ азартную игру съ неизвѣ
нымъ человѣкомъ, да еще съ такимъ, который го
ритъ, какъ извозчикъ, хотя его достоинство нисколь
не страдало при мысли о томъ, что съ этого изв
чика онъ взялъ уже около 200 р., не имѣя самъ
карманѣ рубля. Откровенно говоря, ему бы хотѣл
зашибить еще сотенъ пять-шесть, пожалуй даж
тысячу; но онъ побаивался, что, пожалуй, счастье
жетъ измѣнить. Кромѣ того, были невольныя мы
и о близости Петербурга, и о томъ, что въ слу
проигрыша пришлось-бы, какъ говорится, хоть
петлю лѣзть, не ѣхать-же въ самомъ дѣлѣ опять
деревню къ матушкѣ за деньгами, да еще Богъ знае
скоро-ли ихъ отъ нея добудешь..

— Ну его къ чорту,—порѣшилъ Владиміръ Ни
лаевичъ, стоитъ связываться «съ какимъ-нибудь»,
еще въ недозволенную игру, пожалуй, можно и
скандалъ наскочить.

— Значится, вы трусу празднуете, а для
это нипочемъ, такъ, плевое дѣло, больше ничего

Купчикъ продолжалъ разыгрывать роль богача, торому «плевое дѣло» бросить двѣсти-триста рублей, это разыгрыванье роли уже само по сѣбѣ доказыло сильное желаніе отыграться. Онъ попробовалъ це нѣсколько разъ заговаривать съ Владиміромъ Ниолаевичемъ; но этотъ послѣдній презрительно отвернулся въ сторону и молчалъ. Минуту спустя, въ вагонъ вошелъ кондукторъ съ связкою газетъ; Владиміръ Николаевичъ взялъ у него первый попавшійся нумеръ и пресерьезно углубился въ чтеніе.

Такъ благополучно онъ доѣхалъ до Колпина и доѣхалъ-бы такъ же благополучно и до Петербурга; но тутъ случилось одно неожиданное и совершенно не входившее въ его разсчетъ обстоятельство, которое задержало его возвращеніе еще на нѣсколько дней, и было впослѣдствіи причиной новыхъ нападковъ «на русскую натуру». Изъ Колпина, благодаря встрѣчѣ съ пріятелемъ, онъ проѣхалъ прямой дорогой чрезъ Павловскъ и Царское село на Варшавскую желѣзную дорогу и уѣхалъ въ Гатчино, гдѣ какой-то, тоже хорошій пріятель, въ это время праздновалъ смерть своей бабушки, оставившей ему наслѣдство. Такимъ образомъ, пришлось возвратиться въ Петербургъ совершенно съ противоположной стороны и возратиться въ такомъ же положеніи, въ какомъ выѣхалъ къ матери въ усадьбу, т.-е. безъ денегъ въ карманѣ и въ весьма дурачномъ расположеніи духа. «Нищъ и убогъ» можно было сказать про него, и этими словами совершенно вѣрно опредѣлялись всѣ стороны его характера.

XV.

Иванъ Петровичъ въ первые дни послѣ пріѣзда аккуратно каждый день справлялся, не пріѣхала-ли сестра, но потомъ эти напрасныя справки ему наскучили. Послѣдніе два дня онъ уже не заходилъ въ квартиру сестры и порѣшилъ, что если завтра она [illegible] не возвратится, то онъ напишетъ письмо къ о.

Варѳоломею о своемъ согласіи поступить въ репет
торы къ Сумракову. Но на другой день на его п
просъ о пріѣздѣ сестры прислуга весело пригласи
войти.

Не прошло минуты, какъ дверь сосѣдней комнат
быстро распахнулась, и Олимпіада Петровна, въ ле
комъ кисейномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, ск
рыми шагами вошла въ залъ и, широко раскину
руки для объятій, бросилась къ нему на шею.

— Ваня! Ваня! Голубчикъ! Сколько лѣтъ!.. М
прислуга передавала... Я такъ обрадовалась!.. Мил
Ваня! Какъ я рада... Сколько лѣтъ! Ни одного бли
каго человѣка...

Она говорила задыхаясь и прерывая свои сло
поцѣлуями. На глазахъ ея были слезы.

— Милый, родной мой... Да иди-же сюда. Вот
садись здѣсь, вотъ тутъ удобнѣе... Ахъ, Ваня, ка
ты возмужалъ! Какой красавецъ сталъ... Ахъ, ка
я рада, какъ я рада...

И она снова со слезами на глазахъ бросилась к
нему на шею.

Иванъ Петровичъ самъ нѣсколько минутъ не мо
оправиться. Ему хотѣлось и плакать, и смѣяться. Он
не зналъ, что говорить, гдѣ сѣсть, и только чувств
валъ, что родственныя ласки сестры совершенно усп
коили его тоскливо-нервное расположеніе духа.

— Да садись-же, садись, милый мой, хорош
мой!.. Вотъ сюда.

Чухлымовъ покорно сѣлъ.

— Ты все такой-же, Ваня, кроткій и милый, как
прежде былъ... Точно мы съ тобой дома у папеньки.
Ахъ, Ваня!.. Сколько лѣтъ прошло.

Олимпіада Петровна не договорила, торопливо по
нялась съ своего мѣста, позвонила въ колокольчикъ
въ то же время закричала: Ольга! Ольга! и тутъ-ж
опять обратилась къ Ивану Петровичу:

— Ты что хочешь, чаю или кофе?

— Все равно. Я ничего не хочу...

— Ну вотъ еще!.. Помнишь, какъ дома бывало, десяти разъ въ день чай. Помнишь, какъ я вышла ъ пансіона, мы въ бесѣдкѣ, въ саду, чаи распивали? омнишь?

— Давно ужъ это было... Я мало и думаю о про-ломъ...—какъ-то нехотя отвѣтилъ братъ, садясь.

Вошла горничная.

— Ну такъ что же, Ваня, разрѣшай, мой другъ... ы молчишь? Значитъ, что-же... Ну, вспомнимъ прежe. Ольга,—обратилась она къ горничной,—давай скоe чаю. Нѣтъ, Ваня, а я такъ часто вспоминаю нашъ мъ. Прошлое какъ-то мнѣ особенно мило,—со вздоомъ сказала она, обращаясь опять къ брату.

— Да, прошлое мило, потому что оно прошло.

— Но какой ты, Ваня, красавецъ сталъ!.. Ахъ, лубчикъ! Я все еще никакъ не могу придти въ себя,— ова оживляясь, сказала она и обняла брата.

Послѣ нѣсколькихъ безсвязныхъ воспоминаній дѣтва и жизни «дома», послѣ двухъ-трехъ повторившихся еще объятій, Олимпіада Петровна нѣсколько спокоилась въ своей радости и спросила брата:

— Надолго ты сюда, Ваня, пріѣхалъ?

— Я?—переспросилъ Иванъ Петровичъ, грустно ыбаясь.

— Ну да, конечно, ты,—весело засмѣялась сестра.

Братъ вздохнулъ и тихо отвѣтилъ:

— Это такой вопросъ, на который я ничего не гу тебѣ сказать.

— Что-же это такое значитъ, Ваня?

— Да такъ, ничего...

— Все-таки приблизительно ты можешь опредѣть... Вѣроятно отецъ назначилъ-же...

– Да я здѣсь не по дѣламъ отца...

Иванъ Петровичъ разсказалъ ей коротко причины его отъѣзда изъ отцовскаго дома и остановился на ъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ искать себѣ какое-удь дѣло.

– Ахъ, Ваня, Ваня, милый мой!.. Такъ вотъ при

какихъ обстоятельствахъ мы съ тобой встрѣтились,-
печально замѣтила сестра.

Онъ кончилъ свой разсказъ и молча сталъ перел
стывать лежавшій на столѣ альбомъ, не обращая со
ственно никакого вниманія на то, что смотрѣлъ.

— Какъ-же это такъ... и безъ наслѣдства...—ти
замѣтила сестра, впадая въ тотъ-же грустный тон
какимъ говорилъ братъ.

— То-есть, что-же?—грустно улыбнувшись, спр
силъ Чухлымовъ, не поднимая глазъ отъ альбома
перелистывая его страницы.

— Чѣмъ-же ты жить хочешь, Ваня?

— Жить?—спросилъ онъ и, помолчавъ нѣсколь
времени, продолжалъ:—а какъ-же живутъ сотни т
сячъ другихъ?

— Да... Но то, Ваня, другіе...

— Чѣмъ-же я лучше ихъ?

— Но все-таки... Какъ хочешь...

Иванъ Петровичъ поднялся съ своего мѣста и, н
сколько понизивъ голосъ, продолжалъ, держа въ р
кахъ раскрытый альбомъ:—они развѣ тоже всѣ пол
чаютъ наслѣдства, развѣ они, такъ же, какъ мы
тобой, дѣти богатыхъ отцовъ, развѣ эти сотни т
сячъ другихъ не пробиваютъ сами себѣ дороги е
при болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, въ постоянн
борьбѣ съ бѣдностью, недостатками и съ тысячь
препятствій, мѣшающихъ имъ выбиваться на дорог

Онъ закрылъ альбомъ и вопросительно посмотрѣл
на сестру.

— Да... это справедливо... Но вѣдь это, Ваня.
вѣроятно очень трудно...

Онъ молча прошелся по комнатѣ и, близко подойд
къ сестрѣ, тихо спросилъ:

— А *тамъ* легче?

Сестра ничего не отвѣтила.

Безсознательно взявъ въ руки со стола какую-
бездѣлушку, она стала ее разсматривать, какъ-бу
видѣла ее только въ первый разъ.

— *Тамъ*, по твоему, легче? — спросилъ онъ еще разъ и, не получивъ отвѣта, сѣлъ съ ней рядомъ.

— Вездѣ трудно, Ваня, — наконецъ отвѣтила она почти шопотомъ.

Иванъ Петровичъ глубоко вздохнулъ и нѣсколько приподнялъ голову; взглядъ его упалъ на масляную картину, изображавшую какую-то вакханку.

— Не вездѣ... Есть такіе люди, такія мѣста...

— Нѣтъ, Ваня, я этого не думаю...

— Ты-то отчего не думаешь?—уже смѣясь, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Оттого что... Мнѣ тоже... Ваня, бываетъ очень тяжело..

— Отъ скуки, что-ли?

Она взглянула на него, стараясь улыбнуться.

— Да, пожалуй... — И захохотала, желая видимо обратить все вышесказанное въ шутку.

— Нѣтъ, серьезно, сестра, — началъ вдругъ другимъ тономъ Иванъ Петровичъ,—намъ нужно съ тобой откровенно говорить, я-бы хотѣлъ услышать отъ тебя, въ какомъ положеніи...

Въ это время въ комнату вошла горничная съ подносомъ, на которомъ было нагромождено столько различныхъ яствъ и посуды, что можно было предположить объ ожиданіи новыхъ гостей, долженствующихъ истреблять эти яства.

— Смотря на это, и на всю твою обстановку, нельзя подумать, чтобы тебѣ трудно жилось, — замѣтилъ братъ.

— Да, это по привычкѣ, такъ какъ-то заведено сначала,—небрежно замѣтила она, а сама между тѣмъ успѣла скрыть просившійся наружу вздохъ.

— Скажи, пожалуйста,—какъ будто спохватившись, ожи зленнѣе прежняго спросила она,—ты давно выѣхалъ изъ дому?

— Около мѣсяца уже...

— Ну что-же? Что-же тамъ дѣлается? а?

Разговоръ перешелъ на разспросы о домашней

жизни, о родныхъ, на воспоминанія о прежнихъ знакомыхъ. Иванъ Петровичъ на все отвѣчалъ отрывисто и коротко, а сестра не переставала поддерживать эти разспросы, какъ будто боясь, чтобы разговоръ снова не перешелъ на прежнюю тему, хотя очень хорошо знала, что безъ этого никакъ не обойтись, но точно хотѣла отдалить минуту этого разговора.

Они сидѣли около круглаго стола и перебрасывались между глотка́ми чая извѣстіями о такихъ предметахъ, которые ихъ самихъ совсѣмъ не интересовали. Въ прихожей раздался звонокъ. Олимпіада Петровна прислушалась, помолчала и потомъ, выждавъ, какъ раздался легкій звукъ запираемой двери, опять заговорила о чемъ-то, сама въ сущности не понимая предмета разговора. Потомъ позвонила, велѣла еще подать чаю и такъ, какъ будто между прочимъ, спросила о томъ, кто приходилъ. Прислуга сказала какую-то фамилію. Олимпіада Петровна протянула безпечно: «а-а» и стала прихлебывать изъ чашки, ломая на крошечные кусочки какое-то затѣйливое пирожное. Иванъ Петровичъ вздохнулъ раза два и на этотъ разъ уже успѣлъ уловить затаенный вздохъ сестры. Потомъ она вдругъ встала, позвонила, приказала погасить въ залѣ лампы, и если кто придетъ, то отвѣчать, что ее нѣтъ дома.

— Сегодня, Ваня, я весь вечеръ отдамъ тебѣ... Сегодня ты мой единственный гость...

— А у тебя большое знакомство?—спросилъ онъ, машинально перебирая лежавшія на этажеркѣ книги и ноты.

— Да, какъ тебѣ сказать, пожалуй...

Она прошлась по комнатѣ, какъ будто мимоходомъ притворила плотно дверь, ведущую въ залъ, и остановилась у трельяжа, поправляя листочки растеній, видимо для того, чтобы этимъ скрыть отъ вниманія брата притворъ двери. Однако-же это не ускользнуло отъ него. Не желая показывать вида, что имъ замѣчено это движеніе, онъ снова какъ будто углубился въ разсматриваніе альбома. Несмотря на то, что его

вниманіе было занято другимъ, онъ все-таки разсмотрѣлъ нѣсколько портретовъ, изображавшихъ по преимуществу танцовщицъ, актрисъ, пѣвцовъ итальянской оперы и какихъ-то усатыхъ военныхъ. Олимпіада Петровна снова сѣла на свое мѣсто и поправила длинный шлейфъ своего кисейнаго платья, потомъ повернулась въ креслѣ, точно выбирая болѣе удобное положеніе, и, казалось, къ чему-то приготовлялась.

— Ну, Ваня, разсказывай, какъ и что... какъ у васъ тамъ живутъ...—Она старалась казаться веселой и принужденно улыбнулась.

— Что-же разсказывать, я уже все разсказалъ... Теперь твоя очередь... Ну, скажу и я, разсказывай ты, какъ и что...

Олимпіада Петровна вспыхнула.

— Что-же мнѣ-то разсказывать? У меня ничего интереснаго нѣтъ...

И чтобы скрыть яркій румянецъ, вдругъ охватившій ея лицо, набросила на лампу абажуръ.

— Свѣтъ такой сильный, не могу смотрѣть,—оправдывалась она, садясь въ тѣнь.

— Ужъ будто нѣтъ ничего интереснаго,—переспросилъ братъ.

— Да...

Она опять поправила свой шлейфъ.

— Все такъ-же, какъ и прежде?—пытливо взглядывая, спросилъ онъ.

— Конечно не все... но вообще... Такъ, частности нѣкоторыя измѣнились.

— И вдовство тоже развѣ частности?

— Ахъ, Ваня, — вдругъ встревожившись, начала сестра, — ахъ, не вспоминай мнѣ, не вспоминай мнѣ, пожалуйста, объ этомъ... Это такое страшное для меня событіе, такое ужасное... Она оглянулась на дверь и, нѣсколько понизивъ тонъ, заговорила:—съ этого времени все измѣнилось, все, все...

Принужденная веселость и напускная безпечность исчезли. Олимпіада Петровна не могла уже больше

ихъ выносить, не выдержала и начала разсказывать брату, какъ она лишилась мужа, какъ ее люди обманывали, какъ потомъ разстраивались съ каждымъ мѣсяцемъ ея дѣла, и какъ, наконецъ, она незамѣтно очутилась въ такомъ положеніи, въ какомъ никогда не могла себѣ представить никого. Во все время этого разсказа, Иванъ Петровичъ не поднималъ глазъ отъ стола и все чертилъ по его бархатной скатерти пальцемъ самому ему непонятные знаки.

— Ты не можешь себѣ представить, до какой подлости могутъ доходить эти низкіе люди, напримѣръ, этотъ негодный старичишка, вѣчно съ своими божественными разговорами; втянулъ меня въ устройство фабрики и самымъ наглымъ образомъ обманулъ... Или этотъ управляющій домомъ покойнаго мужа... Ахъ, Боже мой! да это въ годъ не перескажешь...

Она уже забыла свой тихій тонъ и, учащенно дыша, говорила громко, по-временамъ тревожно повертываясь въ креслѣ и торопливо, какъ-будто съ озлобленіемъ поправляя свой шлейфъ.

Наконецъ она, видимо утомленная продолжительной рѣчью, встала съ своего мѣста, подошла къ стоявшему на маленькомъ столикѣ графину съ водой и торопливо глотнула два-три глотка, причемъ, какъ-то уже по привычкѣ, заглянула на себя въ зеркало и все-таки успѣла поправить прическу.

Подойдя къ своему мѣсту, она тихо опустилась на него и стала отмахиваться платкомъ; ей казалось жарко.

Иванъ Петровичъ сидѣлъ по-прежнему низко опустивъ голову къ столу и чертилъ на скатерти пальцемъ, не поднимая глазъ на сестру.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Я теперь иногда просто теряю голову, не имѣя рѣшительно никакой возможности составить себѣ понятіе о томъ, что-же будетъ дальше. Иногда утромъ проснешься,—снова впадая въ прежній нервическій тонъ, торопливо говорила она,—иногда проснешься и какой-то невольной страхъ, то-есть не то что страхъ,

а просто какой-то ужасъ вдругъ охватитъ сердце, не знаю что дѣлать, какъ быть...

Иванъ Петровичъ, наконецъ, поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ на сестру и тихо спросилъ:

— Ужели такъ плохо?

— Да, Ваня... очень...

— Долговъ много?

— То-есть, какъ тебѣ сказать, не то, чтобы очень много. Если свести всѣ счеты, и если получить все то, что мнѣ самой слѣдуетъ, то, я думаю, останется еще тысячъ двадцать. Но я не думаю, чтобы можно было все получить... Адвокатъ, впрочемъ, увѣрялъ, что всѣ до копѣйки будутъ получены, въ особенности одинъ долгъ, о которомъ я всего болѣе забочусь. Въ послѣднее время я узнала, что адвокатъ мой не совсѣмъ знающій человѣкъ, я хочу его перемѣнить... Я такъ рада, что ты пріѣхалъ. Все-таки ты больше меня знаешь и можешь мнѣ посовѣтовать...

— Да... Но видишь-ли, не въ томъ дѣло, сестра...

— Въ чемъ-же, Ваня? Скажи, посовѣтуй...

— Твоя обстановка, весь этотъ шелкъ и бархатъ,— началъ Иванъ Петровичъ, указывая на драпри и мебель,—твоя громадная квартира, все это, вѣроятно, поглощаетъ множество денегъ...

— Да, ужасно...

— Къ чему-же это все? Вѣдь ты одна...

— Конечно... Но...

— То-есть что-же означаетъ это «но?»

— Но какъ-же, Ваня... иначе жить.

— Жить по своимъ средствамъ.

— Если же мои средства... я тебѣ говорила кажется... Если мои средства почти не существуютъ...

— Тѣмъ болѣе, я думаю...

— Что-же ты хочешь сказать?

— А то, что нужно, слѣдовательно, измѣнить свою жизнь.

— Какъ-же, Ваня, измѣнить? ну, скажи, какъ-же?

— По-моему, очень просто.

— Ну, какъ-же просто? Скажи.

— А вотъ какъ: все это, окружающее тебя, все, служащее для того только, чтобы тянуть тебя непосредственно къ печальной развязкѣ, все это сразу оборвать и измѣнить...

Онъ замолчалъ и ждалъ, что она скажетъ. Она какъ то пугливо съ удивленіемъ посмотрѣла на брата и, помолчавъ нѣсколько времени, тихо и робко спросила:

— Что значитъ, Ваня, оборвать?

— Начать другую жизнь, продать все ненужное, ограничиться необходимымъ, привести дѣло въ настоящую извѣстность и устроиться такъ, чтобы не пугало будущее...

— А развѣ это легко?

— Легче чѣмъ думаешь...

— О-бор-ва-ть...—медленно прошептала она сама себѣ, точно стараясь понять смыслъ каждаго слова отдѣльно.

— Какое странное слово, Ваня...

— Что-же въ немъ страннаго?

— Нѣтъ, я такъ...—тихо прошептала она и, точно вспомнивъ предметъ разговора, торопливо спросила:

— Но настоящее положеніе въ обществѣ?.. Что, наконецъ, скажутъ знакомые?..

— Какое дѣло до этого...

— Да... Но это, Ваня, ужасно... Ты не можешь себѣ представить... Все-таки я теперь еще могу поддерживать извѣстныя отношенія...

— Надолго-ли?..

Олимпіада Петровна вздохнула.

— Не могу-же я уроки давать?

— Я этой крайности тебѣ и не предлагаю, потому что для уроковъ ты и неспособна, а при 20 тысячахъ можно безбѣдно и прилично жить.

— Воображаю!—презрительно улыбнувшись, замѣтила сестра.

— Можешь воображать что угодно,—сквозь зубы замѣтилъ Иванъ Петровичъ и замолчалъ.

— Что за крайность такая, Ваня?—спросила чрезъ нѣсколько времени Олимпіада Петровна.

— По-моему крайность эта неизбѣжна; а по-твоему можетъ быть нѣтъ, это уже твое дѣло.

Весь разговоръ сводился, наконецъ, къ тому, что другого исхода нѣтъ и искать его напрасно нечего.

— Я еще молода, могу выйти замужъ...

— Помогай Богъ...

— Наконецъ, не вѣчно-же отецъ будетъ жить: получу наслѣдство...

— Но ты уже получила и прожила. Больше отецъ тебѣ не дастъ!

— Да, но вѣдь я прожила, вѣдь у меня-же нѣтъ, разсуди, пожалуйста!—убѣдительно настаивала она и, потомъ вдругъ смолкнувъ, вздохнула.

Братъ молчалъ.

— Да, я знаю,—начала она потомъ, значительно тише и медленнѣе,—я знаю, что онъ теперь не дастъ.. Но умирая, все-таки оставитъ мнѣ сколько-нибудь...

— Напрасное ожиданіе! неизвѣстно, кто кого переживетъ...

— Ну что-жъ! Пусть такъ... А я можетъ быть еще 200 тысячъ выиграю. Ну не 200, хотя 70, 40... Выигрываютъ-же другіе...

— И опять скажу: помогай Богъ!..

Оба помолчали.

— Ну, положимъ, это мои предположенія, «такъ себѣ», мечты. Можетъ быть и то, и другое, и наслѣдство и выигрышъ, и можетъ быть и ничего... Но какъ-же мнѣ, Ваня, измѣнить свою обстановку, когда я хочу выйти замужъ.

— Что-же, ты хочешь своего будущаго мужа обмануть?

— Ваня! Какъ тебѣ не стыдно!—съ упрекомъ замѣтила сестра.

Иванъ Петровичъ всталъ съ своего мѣста и началъ горячо доказывать ей, что въ такого рода скрытности съ ея стороны ничего кромѣ обмана и быть не можетъ.

Сестра слушала, изрѣдка вздыхала, и уже не прямо, а украдкой, исподлобья взглядывала на брата...

— Ваня,—наконецъ сказала она,—ты мнѣ говорилъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ искать себѣ занятій.

— Да.

— Такъ что-же тебѣ мѣшаетъ пристроиться у меня? Возьми управленіе всѣми моими дѣлами, живи въ моей квартирѣ, я тебѣ уступлю любую комнату, будешь имѣть у меня столъ, а вознагражденіе назначай какое самъ хочешь...

Она схватилась за эту мысль, какъ за якорь спасенія, и уже начала воображать, что, если только братъ приметъ управленіе ея дѣлами, они мгновенно поправятся.

Братъ молчалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Ваня, какъ-бы ты меня этимъ одолжилъ. Я была-бы совершенно спокойна... Ну! Что-же ты молчишь!

— Управлять дѣлами?—переспросилъ онъ.

— Да, все, все будетъ въ твоей волѣ. Дѣлай какъ знаешь, распоряжайся, управляй всѣмъ....

Онъ пытливо посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и, какъ-то нерѣшительно, спросилъ.

— А если завтра ты измѣнишь свое рѣшеніе!

— Ахъ, Ваня, какъ-же это можно! Никогда! Никогда!.. Напротивъ, я такъ рада этому. Я такъ рада, что Богъ послалъ мнѣ тебя... Что-же лучше! Въ самомъ дѣлѣ, другъ мой, милый мой Ваня, согласись на это. Это такая счастливая мысль пришла мнѣ въ голову. Съ завтрашняго-же дня ты можешь принять всѣ дѣла и управлять ими... Да? Соглашаешься?..

— Но если тебѣ не понравится мое управленіе. Если ты не согласишься на новую жизнь, если эта жизнь тебѣ будетъ тяжела и ты захочешь опять зажить по-прежнему?..

Сестра въ удивленіи остановилась предъ нимъ и какъ-то испуганно спросила.

— То-есть, какъ-же зажить?

— А такъ-же. Если ты снова захочешь имѣть семь комнатъ.

— Да—а...—протянула она и замолчала.

— Ну-съ? Что-же?..

Она вздохнула и пересѣла на другое мѣсто.

— Я жизни измѣнять, собственно, и не хотѣла-бы, —робко и нерѣшительно начала она,—то-есть, пожалуй, нѣсколько, такъ, отчасти, можно-бы сократить нѣкоторые лишніе расходы... Но вообще-же...

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется управлять только твоими долгами, съ ироніей замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

Но сестра не замѣтила этой иронiи и наивно продолжала.

— Ну да, Ваня, ты будешь заботиться о полученіи моихъ долговъ, объ уплатѣ тѣхъ, которые я имѣю; въ случаѣ же необходимости займа, я сама его могу сдѣлать, и это на твоей обязанности лежать не будетъ..

— Да, да, я понимаю. Ты будешь дѣлать займы, а моя обязанность будетъ заботиться объ отысканіи средствъ для уплаты, то-есть, другими словами, я буду поставленъ въ необходимость въ концѣ концовъ дѣлать тоже займы и поэтому, въ одинъ прекрасный часъ, насъ попросятъ остановиться въ дальнѣйшемъ продолженіи такой полезной дѣятельности.

Онъ громко засмѣялся и посмотрѣлъ на часы.

— Я, Ваня, не понимаю, чему ты смѣешься? Я тебѣ откровенно говорю, какъ единственному человѣку, на котораго могу надѣяться...

— Я тебѣ тоже откровенно скажу, что самъ ждалъ твоего пріѣзда именно для того, чтобы узнать, въ какомъ положеніи твои дѣла, и въ случаѣ надобности хотѣлъ предложить свои услуги... Но извини, при такихъ условіяхъ я ничего не могу для тебя сдѣлать...

— Значитъ, Ваня ты меня не любишь,—съ упрекомъ замѣтила Олимпіада Петровна.

— Не любить тебя мнѣ нѣтъ причины и тѣмъ (олѣе я жалѣю, что не могу тебѣ ничѣмъ помочь...

Снова начался разговоръ о необходимости измѣнить жизнь, и снова кончился ничѣмъ.

— Ну скажи-же, скажи, наконецъ, что тебя ждетъ впереди? Ну, представь себѣ, что-же? —уже возвышая тонъ, говорилъ Иванъ Петровичъ.

— Если мнѣ будетъ очень жутко, я поѣду къ папенькѣ...

— А тамъ легко?

— Что-же дѣлать больше?..

— Не будетъ развѣ онъ тебя каждый день попрекать тѣмъ, что ты прожила все, что имѣла?..

— Да... Но что-же дѣлать?..

— И будешь ты ходить къ обѣднѣ, носить просфоры домой, бесѣдовать съ монахинями о чудесахъ...

— Вотъ вздоръ какой. Я сумѣю себя поставить въ независимое положеніе.

— Попробуй.

— Конечно!..

— Нѣтъ, сестра! Человѣкъ, съ шеи котораго другой снялъ долговую петлю, не поставитъ себя въ независимое положеніе. Ты лучше уже теперь поѣзжай къ отцу, пока еще можно сохранить себя отъ упрековъ за долги.

Въ это время въ прихожей раздался сильный звонокъ и вслѣдъ за нимъ сейчасъ-же еще сильнѣе повторился другой и тоскливо занылъ въ воздухѣ.

— Что это такое? Божей мой? что это такое?— испуганно вскрикнула Олимпіада Петровна и, совершенно растерявшись, бросилась въ гостиную, крича: Ольга! Ольга!.. Степанида!.. Петръ!..

Иванъ Петровичъ въ недоумѣніи остановился на мѣстѣ, не зная что дѣлать, идти-ли за сестрой или ждать что будетъ дальше; чрезъ нѣсколько мгновеній онъ рѣшился идти въ гостиную къ сестрѣ, все-таки не зная, что думать по случаю этого поздняго звонка. Ему вдругъ пришла въ голову мысль о томъ, что не имѣетъ-ли сестра какого-либо близкаго друга, пользующагося правомъ являться во всякое время, но онъ

съ отвращеніемъ эту мысль отбросилъ. На встрѣчу ему вышла сестра, неся обѣими руками лампу. Лицо ея было блѣдно и руки дрожали.

— Голубчикъ! Ваня! что это такое? Кто это?..— спрашивала она, неловко ставя лампу на столъ.

— Это тебѣ самой лучше знать,—какъ-то угрюмо и мрачно замѣтилъ братъ.

Большая комната слабо освѣтилась огнемъ, широкія листья какого-то растенія бросили отъ себя тѣнь на стѣну и изломанными линіями вытянулись по потолку.

— Телеграмма,—пояснила горничная, подавая пакетъ.

— Ахъ, какъ я испугалась. Я думала Богъ знаетъ что...

Она сорвала печать и быстро пробѣжала глазами содержаніе депеши.

— Что?—съ участіемъ спросилъ братъ.

— Ничего особеннаго,—вздыхая во всю грудь, отвѣтила сестра:—московскій адвокатъ увѣдомляетъ о ходѣ процесса и проситъ прислать одну бумагу...

XVI.

Возвратившись въ свою одинокую комнату, Иванъ Петровичъ долго сидѣлъ надъ письменнымъ столомъ, упершись въ него локтями и поддерживая руками голову. На столѣ догорала пальмовая свѣча, слабо освѣщая столъ и лежавшія на немъ въ безпорядкѣ книги и бумаги. Чрезъ нѣсколько времени слабый свѣтъ вдругъ превратился въ сильное пламя отъ вспыхнувшей бумажки, при помощи которой свѣча была укрѣплена въ подсвѣчникѣ. Приподнявъ медленно голову, Чыхлымовъ остановилъ задумчивый взглядъ на яркомъ пламени, уже начинавшемъ гаснуть, и долго смотрѣлъ на него, не измѣняя своего положенія. Бумажка догорѣла, предметы, лежавшіе на столѣ, стали сливаться въ общую массу, исчезая въ наступающей темнотѣ;

въ комнатѣ сдѣлалось совершенно темно и только по временамъ синеватый огонекъ показывался изъ подсвѣчника и точно улеталъ изъ него, незамѣтно исчезая въ воздухѣ. Огонь, наконецъ, совсѣмъ потухъ. Тутъ только Чухлымовъ пришелъ въ себя и началъ ощупью искать на столѣ спички, думая въ то же время совершенно о другомъ, а потому и поиски его продолжались очень долго. Замѣтивъ это, онъ сталъ припоминать, гдѣ были положены спички съ вечера, и никакъ не могъ припомнить, никакъ не могъ сосредоточить вниманія на этомъ именно предметѣ.

— Жарко какъ здѣсь, — прошепталъ онъ, стаскивая съ себя сюртукъ и небрежно бросая его отъ себя наугадъ, что, авось, попадетъ на диванъ.

Ступивъ два шага отъ стула, на которомъ сидѣлъ, онъ наткнулся на столъ и машинально осмотрѣлъ его ощупью. Спички попали подъ руку. Иванъ Петровичъ медленно вставилъ новую свѣчу, почти не сознавая того, что дѣлаетъ, и началъ ходить по комнатѣ, часто останавливаясь въ глубокой задумчивости. И безъ сюртука точно также ему казалось жарко. Онъ торопливо сбросилъ галстукъ, разстегнулъ воротъ сорочки, отодвинулъ ширму нѣсколько въ сторону, для того чтобы очистить себѣ дорогу.

— Какъ, однако, здѣсь натоплено, — прошепталъ онъ, подходя къ форточкѣ и открывая ее. Онъ долго стоялъ передъ окномъ, то смотря въ темную даль беззвѣздной ночи, то безсознательно останавливалъ свой задумчивый, полный тоски взглядъ на тускломъ свѣтѣ уличныхъ фонарей.

Въ немъ боролись различныя чувства: любовь къ сестрѣ и сожалѣніе о ней, досада, что она не хочетъ понять настоящаго и не можетъ предвидѣть ясно своего будущаго. Думалъ онъ, впрочемъ, не исключительно объ одной сестрѣ, потому что на слѣдующее утро долженъ былъ рѣшить вопросъ и о себѣ самомъ. Вопросъ, котораго разрѣшеніе откладывалось именно до времени свиданія съ сестрой. Зачѣмъ откладыва-

лось, для какихъ соображеній, Иванъ Петровичъ и самъ не зналъ. Онъ чего-то ждалъ, что-то, ему казалось, должно было этимъ свиданіемъ разрѣшиться и разрѣшилось. Разрѣшилось такъ, какъ уже заранѣе предчувствовалось. Начиная припоминать разговоръ съ сестрой и отыскивая въ немъ слабую надежду на возможность уговорить ее перемѣнить образъ жизни, онъ незамѣтно перескакивалъ на другой предметъ и думалъ о томъ, въ какой ящикъ опустить письмо о своемъ согласіи быть репетиторомъ сына Сумракова, тогда какъ это письмо еще не было написано. Сырой и холодный воздухъ, наконецъ, заставилъ его отойти отъ окна. Онъ грустно оглянулъ комнату, лѣниво и медленно поднялъ пальто и сюртукъ, лежавшіе на полу, чего раньше, во время расхаживанья по комнатѣ, совсѣмъ не замѣтилъ. Онъ сѣлъ у письменнаго стола и отодвинулъ въ сторону нѣсколько раскрытыхъ книгъ, очищая мѣсто для предполагаемой работы, за которую все-таки не принимался.

Такъ прошло не мало времени.

— Нѣтъ, ничто тутъ не поможетъ. Человѣкъ безсиленъ сдѣлать что-либо для другого, если этотъ другой не только не хочетъ принимать его услугъ, а пожалуй даже способенъ разрушить то, что для него дѣлаютъ...

На этой мысли Иванъ Петровичъ остановился, глубоко вздохнулъ и началъ писать письмо о своемъ согласіи принять предложенное мѣсто; писалъ онъ торопливо, точно стараясь наверстать время, потерянное въ напрасныхъ размышленіяхъ. Работа скоро была окончена, письмо уложено въ конвертъ и запечатано. Все это дѣлалось очень быстро и съ какой-то судорожной поспѣшностью; но какъ только перо было положено на столъ и письмо запечатано, Чухлымовъ опять впалъ въ задумчивость и печально началъ смотрѣть то на печать письма, то на его адресъ.

— Еще не все кончено: это письмо можно и не отправить, — думалъ онъ, — можно написать, что не могу принять предложенія...

— Да что же тутъ раздумывать, — рѣшилъ онъ, торопливо раздѣваясь.—Вѣдь не въ крѣпостную же зависимость я иду... А все-таки правду говорятъ, что первый шагъ труденъ. Это мой первый шагъ... Посмотримъ, что будетъ дальше. Будущіе шаги можетъ быть будутъ лучше и по другому пути... Что будетъ— то будетъ и то должно непремѣнно быть...

Начинался разсвѣтъ. Скрывавшіяся во мракѣ ночи крыши и трубы столичныхъ зданій начали выступать изъ сырого тумана ранастнаго утра. Чухлымовъ загасилъ свѣчу, оказавшуюся уже совершенно излишней и еще постоялъ у окна, думая:

— Дальше будетъ легче... а впрочемъ все равно: одна голова не бѣдна, а если бѣдна—то одна.

Сырой туманъ разсѣевался все болѣе и болѣе, и безконечныя громады столичныхъ зданій выростали одна за одной, точно волшебные замки, создаваемые невидимой силой.

— Живутъ же люди! Сколько ихъ тутъ живетъ въ этихъ безчисленныхъ громадахъ и сколько есть такихъ, положеніе которыхъ въ сто разъ хуже, чѣмъ мое положеніе...

Было уже пять часовъ, когда Чухлымовъ заснулъ. Несмотря на это, онъ, по принятому обыкновенію, всталъ въ девятомъ часу и, тотчасъ же торопливо одѣвшись, вышелъ изъ квартиры для того, чтобы отправить письмо и тѣмъ считать свое рѣшеніе оконченнымъ.

XVII.

Однообразно и медленно потянулись дни одинъ за другимъ въ усадьбѣ Сумракова по отъѣздѣ Растеряевыхъ. Августъ стоялъ холодный, дождливый.

Отецъ Варѳоломей по возвращеніи изъ Петербурга отдалъ отчетъ Николаю Саввичу объ исполненіи возложеннаго на него порученія, при этомъ онъ заявилъ, что къ услугамъ генерала готовы два достойныхъ че-

ловѣка, и первый изъ нихъ, если только обстоятельства неблагопріятствуютъ, пришлетъ окончательный отвѣтъ на-дняхъ. Потомъ было сказано, что если почему-либо этому первому изъ достойныхъ, достойнѣйшему, какъ выразился онъ про Чухлымова, почему-либо нельзя будетъ занять предлагаемаго мѣста, то въ виду имѣется другой достойный человѣкъ, готовый явиться по первому требованію.

Отецъ Варѳоломей держалъ себя у Николая Саввича «на сторожѣ», боясь запутаться въ объясненіяхъ, и мысленно призывалъ на помощь всѣхъ святыхъ. Насколько онъ помнилъ себя, солгать, или, какъ онъ говорилъ, «умалчивать» (что, по его мнѣнію, было почти одно и то же) ему приходилось чуть-ли не въ первый разъ; но онъ рѣшился «на грѣхъ» и благополучно сумѣлъ «умолчать». Этому помогло и то, что Николай Саввичъ, послѣ первыхъ же словъ о качествахъ наставниковъ достойнаго и достойнѣйшаго, можетъ быть даже въ видахъ предосторожности, самъ перемѣнилъ разговоръ и спросилъ о здоровьи Растеряевыхъ.

— Я, ваше превосходительство, не имѣлъ счастія съ ними повидаться,—робко отвѣчалъ о. Варѳоломей.

— Не зашли,—нахмурясь, замѣтилъ Николай Саввичъ.

— Посѣщалъ, ваше превосходительство, дважды посѣщалъ, но такъ сложились неблагопріятно обстоятельства, что въ каждое изъ моихъ посѣщеній Ѳедоръ Ильичъ были въ отсутствіи...

— А Илья Петровичъ? Его вы могли застать, вы знаете, что онъ ранѣе десяти часовъ изъ дому не выходитъ.

— Илья Петровичъ меня не изволили принять...

— Боленъ?—тревожно спросилъ генералъ.

— Нѣтъ-съ, благодареніе Создателю, они, какъ я с вѣдомился отъ прислуги, они здравствуютъ, только ч мъ-то очень озабочены.

— Что-же такое съ нимъ?

— Они, ваше превосходительство, необыкновенно

озабочены вслѣдствіе какихъ-то чрезвычайныхъ обстоятельствъ...

— Что такое? Что такое? Какія тамъ могутъ быть чрезвычайныя обстоятельства?

— Будто-бы между ними и Ѳедоромъ Ильичемъ и вообще въ ихъ семейныхъ дѣлахъ произошли какія-то столкновенія, и какъ передавали мнѣ...

— Кто вамъ передавалъ?—сердито спросилъ Николай Саввичъ.

— Мнѣ, собственно, прислуга передавала.

— Гм... Гм...

Николай Саввичъ тревожно повернулся въ креслѣ, нахмурился и сердито спросилъ:

— Владиміръ мой что?

О. Варѳоломей понялъ, что генералъ не желаетъ слушать новости, полученныя чрезъ прислугу и, несмотря на то, что новости объ Ильѣ Петровичѣ были, по мнѣнію о. Варѳоломея, весьма крупныя, онъ не рѣшился продолжать о нихъ и поспѣшилъ отвѣтить на предложенный вопросъ.

— Я имѣлъ честь посѣщать, Владиміра Николаевича, но...

— Ну, знаю: конечно, не застали дома. Носится, я думаю, по городу Богъ знаетъ гдѣ...

— Ихъ собственно, я не могъ застать потому...

— Знаю, знаю... объ этомъ нечего и распространяться—ничего новаго...

Объяснять дальше о. Варѳоломей тоже побоялся и тутъ только, остановленный на полусловѣ, спохватился, что о Владимірѣ Николаевичѣ ему не слѣдовало-бы и упоминать. Чрезъ нѣсколько минутъ Николай Саввичъ попросилъ у о. Варѳоломея благословенія и отпустилъ его.

«Слава тебѣ Создателю!»—выходя, думалъ онъ:— ахъ, какъ я оплошно и неразсудительно могъ проговориться. Надлежало просто доложить, — не засталъ молъ, дома, и болѣе не распространяться. Не имѣлъ случая застать — и только... Боже мой! Въ какъ

оплошность могъ я самъ себя ввергнуть. Да какъ это на меня такое затменіе нашло, что я давеча, соображая о томъ, что слѣдуетъ изъяснять Николаю Савичу при посѣщеніи, совершенно упустилъ изъ виду такое крупное обстоятельство. Конечно, я человѣкъ близкій ихъ семейству, но не мое дѣло, вовсе не мое дѣло распространяться о Владимірѣ Николаевичѣ... Буду кратокъ, буду кратокъ и при свиданіи съ ея превосходительствомъ умолчу объ этомъ предметѣ.

Только что онъ вышелъ изъ дверей залы, Марья Львовна встрѣтила его и пригласила въ столовую.

— Я... ваше превосходительство...

Онъ хотѣлъ было сказать, что спѣшитъ домой, но не могъ: «прильпнулъ языкъ», сердце дрогнуло, при мысли о возможности обидѣть, «нанести оскорбленіе» такой отговоркой,

— Володю видѣли?—спросила Марья Львовна.

— Владиміра Николаевича?—переспросилъ о. Варѳоломей, видимо соображая что отвѣтить.

— Да. Ну что, онъ здоровъ? Были вы у него?

— Я собственно... ваше превосходительство... Я не засталъ ихъ...

— Но слышали, спросили о здоровьи у швейцара, да?

— Простите меня по великодушію вашему, я, собственно, вопросъ свой швейцару поставилъ въ такой формѣ, изъ которой явствовало, что Владиміръ Николаевичъ здоровы, ибо на вопросъ мой получилъ отвѣтъ, что ихъ нѣтъ дома.

— Въ какое время вы у него были?

— Ахъ, да, позвольте, ваше превосходительство, это нужно опредѣлить,—воскликнулъ о. Варѳоломей, приподнявъ голову кверху и какъ-будто припоминая, въ какое именно время онъ былъ въ квартирѣ Сумароковыхъ. Онъ опять воспользовался минутой, чтобы сообразить о томъ, на какое время удобнѣе сослаться.

— Вечеромъ, ваше превосходительство, вечеромъ, [illegible] часа два-три послѣ вечерни,—объяснилъ онъ, [illegible]ецъ...

— Вѣроятно онъ въ театръ уѣхалъ. Вамъ не говорилъ швейцаръ, куда онъ уѣхалъ?

— Не освѣдомился объ этомъ. Простите, Господа ради: поспѣшилъ, признаться, по дѣлу церковному.

Наконецъ и Марья Львовна его отпустила.

«Положеніе крайне непріятное,—терзался онъ, идя домой, крайне, можно сказать, неблагопристойное: умалчивать и даже искажать самые факты... Боже, очисти мя грѣшнаго!.. Боже, услыши...—вздыхалъ онъ, припоминая только что совершонныя преступленія.— Если-бы я передалъ, что этотъ блудный сынъ до сего времени въ Петербургъ еще не возвратился,— сталъ онъ, наконецъ, самъ себя утѣшать,—что-же бы было? Такъ предполагаю, что послѣднее было-бы горшѣе перваго, ибо я могъ до глубины души встревожить материнское сердце ея превосходительства и ввести въ гнѣвъ достопочтеннаго старца. Очень вѣроятно, что заблудшая овца въ настоящія минуты уже въ отеческомъ домѣ...»

Онъ еще разъ удивился, какъ это важное обстоятельство не разсмотрѣлъ прежде, чѣмъ идти «съ докладомъ», и возблагодарилъ Бога за спасеніе отъ напасти.

Между тѣмъ разсмотрѣть «обстоятельство» онъ рѣшительно не могъ, потому что все время былъ занятъ мыслію о томъ, какъ умолчать о знакомствѣ съ Чухлымовымъ.

Несмотря на то, что Николай Саввичъ не захотѣлъ выслушивать новости объ Ильѣ Петровичѣ, она дошла своимъ путемъ до Марьи Львовны, облетѣла всю усадьбу и сдѣлалась предметомъ разговоровъ экономa, приказчика и прислуги. Марья Львовна, на другой день послѣ «доклада», отправилась въ церковь къ обѣднѣ (было воскресенье) и нарочно дождалась выхода о. Варѳоломея изъ церкви, чтобы разспросить его о Растеряевыхъ. О. Варѳоломей и въ этомъ случаѣ тоже старался быть краткимъ и ограничился лишь тѣмъ, что сообщилъ о передачѣ «будто-бы» Ильею Петровичемъ

наслѣдства своему сыну—наслѣдства весьма большихъ размѣровъ. Почти что только и сказалъ. Объ остальномъ-же, «о распряхъ» и вообще обо всемъ, что слышалъ чрезъ прислугу, хотя тоже доложилъ, но такъ уклончиво и такимъ тономъ, какъ-будто это были только слухи и слухи нелѣпѣйшіе, ничего вѣроятнаго въ себѣ не имѣющіе.

Марья Львовна поняла изъ услышаннаго только одно, что Илья Петровичъ сдѣлаетъ всегда что-нибудь такое, чего другіе никогда не дѣлаютъ. Она не придавала большой важности услышанной новости, довѣряя ей только въ той части, въ которой говорилось о выдачѣ наслѣдства. Въ такомъ случаѣ, конечно, важности никакой въ этомъ извѣстіи и не было: мало-ли отцовъ отдѣляютъ своихъ дѣтей при жизни. Относительно-же «громаднаго размѣра» этого наслѣдства Марья Львовна подумала, что это такъ кажется только на взглядъ о. Варѳоломея.

«Впрочемъ, онъ хорошо сдѣлалъ, что выдѣлилъ сына,—думала она,—можетъ быть это заставитъ Николая Саввича тоже сдѣлать и для Владиміра».

На этой мысли она остановилась и стала обдумывать, какъ-бы половчѣе сообщить Николаю Саввичу услышанное и возбудить въ немъ желаніе «выдѣлить» своему любезному сыну какую-нибудь часть наслѣдства, хотя-бы и негромадныхъ размѣровъ.

Два дня выжидала случая Марья Львовна для того, что-бы завести разговоръ съ Николаемъ Саввичемъ по поводу новости.

Удобнаго случая не представлялось: Николай Саввичъ все хмурился и ворчалъ что-то себѣ подъ носъ. Говорить съ нимъ «съ такимъ» Марья Львовна находила безполезнымъ. Есть нѣкоторыя предположенія, что онъ уже отчасти предугадывалъ о предстоящемъ разговорѣ и хмурился именно по этой причинѣ.

Затѣмъ, по прошествіи двухъ дней, приготовившись, можетъ быть, къ предстоящему разговору или просто узнавъ, что отъ него во всякомъ случаѣ не отдѣ-

лаешься, онъ пересталъ хмуриться и принялъ свой обыкновенный видъ. Воспользовавшись этимъ, Марья Львовна во время обѣда передала Николаю Саввичу услышанную новость о Растеряевыхъ. Онъ сначала какъ-будто усумнился въ ней, рѣшительно не хотѣлъ вѣрить въ возможность полученія Ѳедоромъ Ильичемъ какой-бы то ни было части наслѣдства «не въ свое время», но потомъ, подобно Марьѣ Львовнѣ, увѣровалъ лишь въ то, что вѣроятно Илья Петровичъ выдалъ только нѣкоторую часть.

— Это уже вѣрно, что выдалъ,—подтвердила еще Марья Львовна.

— А можетъ быть и это вздоръ... сухо замѣтилъ Николай Саввичъ.

— Отецъ Варѳоломей, ты знаешь самъ, не солжетъ.

— Можетъ быть, ему солгали...

— Не знаю. Онъ передаетъ за вѣрное...

Послѣ вечерняго чая Марья Львовна зашла къ нему въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и раскладывалъ карты. Послѣ короткаго разговора о приближеніи времени отъѣзда въ Петербургъ, Марья Львовна вкрадчиво и тихо замѣтила опять о «новости». Николай Саввичъ поднялъ глаза отъ картъ, посмотрѣлъ на жену и снова молча занялся своимъ пасьянсомъ. Марья Львовна тоже помолчала, оглянула давно ей знакомые портреты русскихъ царей, развѣшенные по стѣнамъ кабинета, потомъ встала съ своего мѣста, подошла къ письменному столу, поправила что-то на немъ и, приподнявъ штору окна, посмотрѣла въ садъ. Во все это время Николай Саввичъ, казалось, былъ углубленъ въ раскладыванье своего пасьянса, но между тѣмъ старческій взглядъ его былъ направленъ совсѣмъ въ другую сторону: онъ, не поворачивая головы, слѣдилъ за движеніями своей супруги и видимо ждалъ чего-то. Марья Львовна опустила штору, сѣла снова въ кресло противъ мужа и обратилась къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ты по поводу этой «новости» ничего не предполагаешь?

Николай Саввичъ смѣшалъ карты, откинулся на инку кресла и отвѣчалъ.

— Та-а-къ. Да. Понимаю... Ты всегда такъ: какую- ы глупость люди не сдѣлали и намъ съ тобой тоже до...

— Мы съ тобой не молоды,—тихо замѣтила гене- альша и смолкла.

Гдѣ-то далеко за усадьбой раздался лѣнивый лай баки, послышался скрипъ немазанныхъ колесъ кре- тьянской телѣги. Марья Львовна хотѣла снова встать мѣста, чтобъ взглянуть въ другое окно, изъ кото- го была видна дорога, пролегавшая мимо барскаго ма; но движенія Николая Саввича заставили ее статься на мѣстѣ. Онъ судорожно сдернулъ со стола олоду картъ и, мѣшая ихъ, сердито захрипѣлъ:

— Ну? Потомъ? Продолжай-же пожалуйста, моя илая!

— Что-же продолжать, когда ты такъ сердишься...

— Зачѣмъ-же когда такъ и начинать, если... если тъ достаточныхъ основаній для этого...

Генералъ помолчалъ съ минуту и, снова положивъ рты на столъ, продолжалъ:

— Я всегда жилъ своимъ умомъ, а не чужимъ.

Вечеромъ Николай Саввичъ долѣе обыкновеннаго лепалъ туфлями по своему кабинету; долѣе обыкно- веннаго дремалъ въ прихожей слуга, въ ожиданіи, пока риказано будетъ гасить огни, и когда уже огни были огашены, Николай Саввичъ долго еще сидѣлъ передъ миномъ въ своемъ кабинетѣ и не сводилъ глазъ съ ва тлѣвшаго въ немъ огонька. О чемъ онъ думалъ? орицалъ-ли онъ дѣйствія своего искренняго друга, льи Петровича, или относился къ нимъ сочувственно? страдалъ-ли за своихъ дѣтей, мучимый, можетъ-быть, знаніемъ ихъ недостатковъ, не доволенъ-ли былъ оей женой за то, что она «недостаточно почти- льно» съ нимъ разговаривала и смѣла поднять такіе опросы, которыхъ поднимать не слѣдуетъ, или, не ращая никакого вниманія на все то, что произошло въ

продолженіе этого дня, задумался надъ воспоминаніями своего прошлаго. Смотря на его старческое лицо, нельзя было ничего опредѣлить. Сидитъ себѣ нахмуренный, шамкаетъ губами или, медленно двигаясь по комнатѣ, шлепаетъ туфлями, а самъ все хмурится, сдвигаетъ свои сѣдыя брови. Вотъ, кажется, прояснилось лицо, кажется, улыбка пробѣжала по впалымъ щекамъ—можетъ быть въ это время образъ любимой племянницы занимаетъ его воображеніе, но улыбка исчезла, опять—строгій, нахмуренный взглядъ старика, и опять шамкаютъ изсохшія губы.

Было уже далеко за полночь. Огонь въ каминѣ совсѣмъ потухъ. Въ деревнѣ давно уже заливались пѣтухи, стараясь перекричать одинъ другого, а по восточной окраинѣ темно-синяго свода небесъ уже бѣлѣлась полоса новаго свѣта, предвѣстница наступающаго дня. Николай Саввичъ самъ повернулъ пружинку, задвигавшую заслонку камина, и легъ въ постель, набожно нашептывая молитвы.

На слѣдующій день Марья Львовна, несмотря на зубную боль, вышла съ завязанными щеками въ столовую и нѣсколько разъ посылала прислугу въ комнату Оли, чтобы поторопить ее поскорѣе одѣваться.

— Что это, Ольга, какъ ты всегда долго одѣваешься?—замѣтила Марья Львовна въ отвѣтъ на утреннее привѣтствіе дѣвочки.

— Куда-же такъ спѣшить?—отвѣтила Оля, бойко усаживаясь за чайный столъ.

— Что-же ты не идешь здороваться?

— Это зачѣмъ же? Вѣдь онъ обыкновенно самъ сюда выходитъ...—въ удивленіе спросила Оля; а сама уже успѣла соскочить со стула, намѣреваясь идти черезъ залъ къ дверямъ кабинета.

— Пойдемъ вмѣстѣ, Ольга,—сказала мать.

— Пойдемте. Это очень весело.

— Папочка! Папочка!—стуча въ дверь, закричала Оля своимъ звонкимъ голосомъ, — папочка! къ тебѣ можно?..

— Нельзя. Я самъ сейчасъ выйду,—раздался глухой отвѣтъ.

«Охъ, онъ все еще сердится»,—печально подумала Марья Львовна.

— Мамаша!—зашептала въ свою очередь и Оля тоже печально,—развѣ папочка сердится на что?..

Марья Львовна молчала.

— На что-же это онъ разсердился?—испуганнымъ шопотомъ спрашивала она.

— Такъ, Ольга, ничего. Онъ не совсѣмъ здоровъ. Позови его еще,—шопотомъ сказала Марья Львовна.

— Папочка! Что-же ты?..

Дверь растворилась, и Николай Саввичъ, медленно двигаясь, вошелъ въ залъ.

— Ну, здравствуй, мой колокольчикъ, здравствуй!

Старикъ поцѣловалъ Олю два раза, и опираясь на ея молодое плечо, побрелъ черезъ залъ въ столовую.

— Что-же ты со мной не поздороваешься,—замѣтила Марья Львовна.

— Съ тобой то я... не хотѣлъ бы, да ужъ только...

— Папочка, ты у насъ милый, добрый!—тараторила Оля, смѣтивъ, что ея слово въ этомъ случаѣ имѣетъ большой вѣсъ.

— Да ужъ только вотъ... такъ и быть.

Добрели до столовой.

— Ну, здравствуй и ты,—сказалъ старикъ, въ безсиліи опускаясь въ свое кресло и протягивая женѣ два пальца.

— Чтобы больше никогда подобныхъ разговоровъ не заводить,—наставнически замѣтилъ онъ при этомъ.

— Хорошо, хорошо... Какъ ты чувствуешь себя сегодня?—заботливо спрашивала Марья Львовна.

— Ничего. Сегодня кажется погода лучше, ну, слѣдовательно, и мнѣ хорошо... А гдѣ Миша? Зовите его сюду.

Слуга побѣжалъ за Мишей.

Туча разсѣялась, Николай Саввичъ повеселѣлъ и окончательно предался забвенію.

— Ну, братъ Миша, ты долго спишь, да, долго спишь,—отвѣтилъ онъ на привѣтствіе вошедшаго сына: вотъ подожди, пріѣдемъ въ городъ, тебя будетъ поднимать съ пѣтухами твой репетиторъ. Онъ тебя, братъ, вышколитъ...

Миша молчалъ и насупившись сѣлъ за чайный столъ.

— Онъ тебя, братъ, вотъ какъ возьметъ въ руки, онъ тебя...

Но старикъ не могъ договорить своей фразы, потому что въ это время положилъ въ ротъ кусокъ бисквита и сталъ его пережевывать, медленно шамкая губами.

Утро начиналось хорошо и могло предвѣщать ясную погоду въ продолженіе цѣлаго дня, между тѣмъ барометръ быстро опускался все ниже и ниже. Я, извините, говорю нѣсколько метафорически. Погода тутъ не причемъ, и барометра даже нѣтъ никакого во всей усадьбѣ Сумракова. Дѣло въ томъ, что такъ мирно начавшійся день въ семействѣ Николая Саввича не предвѣщалъ хорошаго впереди: со станціи желѣзной дороги уже возвращался пріѣхавшій обратно изъ Петербурга посланный, которому были даны нѣкоторыя порученія лично отъ Николая Саввича къ Владиміру Николаевичу. Этотъ посланный уже не могъ, подобно о. Варѳоломею, «умолчать» и волей-неволей принужденъ былъ доложить, что порученія остались не исполненными и что адресованное на имя Владиміра Николаевича письмо привезено обратно, такъ какъ онъ въ Петербургъ еще не возвратился.

XVIII.

Переѣзду Сумраковыхъ въ Петербургъ предшествовала большая «буря». Николай Саввичъ, получивъ извѣстіе о томъ, что Владиміра Николаевича нѣтъ въ Петербургѣ, сначала не повѣрилъ этому, изумился, глянулъ какъ-то особенно строго, выпрямляясь при

этомъ всѣмъ станомъ, на слугу, угрюмо стоявшаго съ привезеннымъ обратно пакетомъ, потомъ молча, не говоря ни слова, протянулъ руку за пакетомъ, и когда слуга сталъ его подавать, онъ нервно, почти противъ своего желанія, рванулъ этотъ пакетъ къ себѣ и бросилъ на столъ, кивнувъ слугѣ головой, давая знать, чтобы онъ вышелъ изъ кабинета. Слуга вышелъ. За дверями зала, въ столовой, Марья Львовна уже сторожила его. (Она знала, что буря непремѣнно будетъ).

— Ну, что? Какъ?—спросила она шопотомъ.

— Молчатъ-съ... Сильно нахмурены-съ...

— Спрашивалъ что-нибудь о другомъ, не о Володѣ?..

— Нѣтъ-съ, ничего не изволятъ говорить...

«Охъ, очень сердитъ»,—вздыхая подумала Марья Львовна.

— Пойди,—прошептала она слугѣ,—а сама осталась на томъ же мѣстѣ въ нерѣшимости, что дѣлать, идти или ждать. Идти, слѣдовательно, предупреждать событія, оставаться — томиться въ неизвѣстности. Она рѣшилась томиться. Вспомнила было, что спасительнымъ громоотводомъ, уменьшающимъ силу «грозы», а иногда и совершенно уничтожающимъ ее, всегда служила въ такое время Оля; но уйти за ней или позвать ее не было возможности. Дѣло было утромъ, во время прогулки Оли, нужно было идти въ садъ и искать ее и, слѣдовательно, оставить свой наблюдательный постъ.

«Ахъ, послать-бы за ней»,—подумала Марья Львовна; но на бѣду въ столовой не было ни души, слуга, вѣчно торчащій въ прихожей, куда-то исчезъ. Марья Львовна пожалѣла, что не поручила слугѣ, возвратившемуся изъ кабинета, «бѣжать» за Олей и непремѣнно отыскать ее въ саду. Она стояла и ждала, что вотъ-вотъ дверь изъ кабинета отворится (чрезъ залу эта дверь была видна) и Николай Саввичъ выйдетъ, стуча костылемъ.

Но дверь не отворялась.

Николай Саввичъ по-прежнему сидѣлъ въ кресл
нахмуренный и болѣе опечаленный, нежели разгнѣва
ный. На колѣняхъ, спустившись на половину ниже их
лежала газета, конецъ которой онъ покрылъ кисть
своей руки и нервно-учащенно билъ по этому лист
костлявыми пальцами.

На Владиміра онъ давно уже косо поглядывалъ
частью догадывался, что за нимъ должны быть «грѣш
ки», но настоящаго значенія этихъ грѣшковъ онъ н
зналъ. Извѣстіе о томъ, что его нѣтъ въ Петербург
подтвердило его прежнія подозрѣнія, онъ вспомнил
и на этотъ разъ совершенно ясно, время пріѣзда Вл
диміра въ усадьбу и сообразилъ, что срокъ его отп
ска давно уже кончился.

«Командированъ развѣ? — подумалъ онъ и тотчас
же отбросилъ эту мысль,—вздоръ, онъ совсѣмъ и н
возвращался въ Петербургъ».

Вслѣдъ за этой мыслью раздался сильный звоно
въ колокольчикъ. Явился слуга. Марья Львовна успѣл
таки послать за Олей. Обѣ онѣ были уже въ зал
около дверей кабинета и сторожили. Марья Львов
видимо составила опредѣленный планъ своихъ дѣйств
и намѣревалась тотчасъ-же, по выходѣ слуги изъ к
бинета, послать туда Олю съ какимъ-то вопросом
Слуга что-то долго оставался въ кабинетѣ, что н
мало томило генеральшу, начавшую, наконецъ, м
читься въ догадкахъ о томъ, что дѣлается въ каб
нетѣ.

Наконецъ, слуга вышелъ.

— Что? что?—зашептала Марья Львовна, слѣду
за нимъ въ столовую.

— Телеграмма-съ въ Петербургъ, къ Ильѣ Петр
вичу. Приказали сейчасъ-же верхового послать
станцію...

— Пойди за мной... Впрочемъ, пойди, вели сѣ
лать коня... Я сейчасъ...

Она взяла у него изъ рукъ пакетъ и поспѣш
пошла къ себѣ въ комнату, оставя въ залѣ, въ ка

ствѣ громоотвода, Олю. Чрезъ двѣ-три минуты она возвратилась и поспѣшно передала отправлявшемуся на станцію верховому другую телеграмму (тайно, конечно, отъ Николая Саввича) къ Ильѣ-же Петровичу, прося дать смягчающій отвѣтъ. Когда она вернулась въ залъ, Оли уже не было. Николай Саввичъ отправилъ ее снова въ садъ, а самъ сидѣлъ въ залѣ на диванѣ, сложивъ на столѣ обѣ руки и опершись на нихъ головой. Марья Львовна, войдя, поняла, что «дѣло не очень еще плохо», но несмотря на это «не очень плохо», все-таки была въ большомъ страхѣ и въ первую минуту не знала, что ей сказать и какъ себя вести.

Увидя ее, Николай Саввичъ приподнялъ голову, оглянулъ свою супругу какъ-то сердито и пытливо въ то же время, даже съ оттѣнкомъ пренебреженія.

— Все отъ тебя!—язвительно сказалъ онъ при ея входѣ.

— Что такое? — точно ничего не зная, спросила Марья Львовна.

— Пожалуйста, не притворяйся. Ты уже все знаешь...

— Я рѣшительно... я ничего не знаю...

— Довольно!..

Онъ въ безсиліи отмахнулся рукой, точно сознавая, что не стоитъ уличать жену въ несправедливомъ отвѣтѣ.

— Вотъ твой любимецъ-то... Ты всему виной. Ты его вѣчно баловала!..

И пошла исторія дальше, развиваясь сильнѣе и сильнѣе. Потребовался на сцену Миша,—котораго къ счастью скоро нашли,—и получилъ большую нотацію «за все вообще». Поднялись хозяйственные вопросы и вперемежку съ ними опять выступалъ на первый планъ Владиміръ и «виновница» его дурного поведенія.

— Ахъ, да,—вдругъ вспомнилъ Николай Саввичъ,— послать за священникомъ, послать, наказать, что я прошу немедленно, сейчасъ-же прошу ко мнѣ придти.

Варѳоломей испугался, что за экстренность

такая, тѣмъ болѣе, что слуга прибѣжалъ къ нему запыхавшійся и тоже напуганный. Пришелъ о. Варѳоломей и перепуталъ все, что говорилъ: выходило, что Владиміръ въ Петербургѣ «вѣроятно» и въ то же время «можетъ быть и внѣ Петербурга». Николай Саввичъ такъ отъ него ничего путнаго и не добился. Чрезъ пять минутъ отпущенный назадъ, о. Варѳоломей торопливо шагалъ отъ господскаго дома, не разъ оглянулся, опасаясь, чтобы его снова не потребовали къ отвѣту и все шепталъ про себя: «Заблудшая овца, заблудшая овца этотъ Владиміръ».

А въ домѣ Сумракова въ это время Марья Львовна уже хлопотала съ различными скляночками, баночками и примочками, ухаживая за Николаемъ Саввичемъ, почувствовавшимъ себя, по обыкновенію, дурно послѣ гнѣва. Цѣлый день прошелъ въ хлопотахъ, въ тревогѣ и страхѣ со стороны Марьи Львовны всего болѣе за то, какой отвѣтъ пришлетъ Илья Петровичъ. Во всякомъ случаѣ рѣшенъ былъ немедленный переѣздъ въ Петербургъ и приказано утромъ-же слѣдующаго дня отправить туда впередъ прислугу и что нужно. При другихъ обстоятельствахъ переѣздъ не затянулся-бы на долгое время, но описываемыя событія еще болѣе его ускоряли.

Заслышавъ о скоромъ выѣздѣ Сумраковыхъ въ Петербургъ, о. Варѳоломей написалъ объ этомъ Чухлымову.

XIX.

Отвѣтъ отъ Растеряева Сумраковымъ былъ полученъ краткій: «Владиміръ Николаевичъ здоровъ» (онъ собственно только въ этотъ день успѣлъ вернуться въ Петербургъ).

— Здоровъ!—иронически замѣтилъ Николай Саввичъ, читая депешу,—какъ будто это такъ важно...

Марья Львовна, страдавшая въ сильной степени любовью къ милому «Волѣ», разумѣется, не выдержала.

— Все-же, Николай Саввичъ,—вступилась она,— я полагаю, здоровье—это первое, главное...

Разговоръ этотъ происходилъ за вечернимъ чаемъ и былъ причиной того, что Николай Саввичъ, не говоря ни слова на замѣчанія жены, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, приказавъ слугѣ, чтобы принесъ туда его стаканъ.

Въ этотъ вечеръ или, вѣрнѣе, въ эту ночь, дольше обыкновеннаго горѣлъ въ кабинетѣ Николая Саввича и въ залѣ огонь.

Утромъ слѣдующаго дня начался переѣздъ въ Петербургъ, а на слѣдующій затѣмъ день съ вечера (чтобы не подниматься рано утромъ) сами Сумраковы выѣхали на станцію желѣзной дороги, гдѣ и ночевали въ особыхъ комнатахъ до отхода поѣзда.

Первое, что было по пріѣздѣ, это допросъ Владиміру, изъ котораго онъ не находилъ никакой возможности вывернуться, хотя предупредительная мамаша и дала ему своевременно телеграмму о ихъ выѣздѣ изъ усадьбы и хотя отъ Растеряевыхъ онъ узналъ, что отцу уже извѣстно о его несвоевременномъ возвращеніи. Всѣ эти предварительныя свѣдѣнія ничуть не помогли дѣлу. Какъ только ввели Николая Саввича подъ руки въ комнаты (по лѣстницѣ онъ почти совсѣмъ не могъ ходить), такъ сейчасъ-же въ залѣ у диваннаго стола началась распеканція. Вопросъ былъ поставленъ коротко и ясно.

— Гдѣ былъ и что дѣлалъ?—сухо и не смотря на сына, спросилъ Николай Саввичъ.

Владиміръ промолчалъ, надѣясь, что отъ этого категорическаго вопроса отецъ перейдетъ прямо къ распеканціи, но онъ ошибся. Николай Саввичъ требовалъ прежде всего отвѣта.

— Гдѣ былъ и что дѣлалъ?—настойчивѣе прежняго повторилъ онъ, окинувъ сына сердитымъ и презрительнымъ взглядомъ.

— Извините, папенька, я виноватъ,—попробовалъ вкрадчиво Владиміръ.

— Отвѣчай на вопросъ. Говори ясно, не отвертываясь...

— Виноватъ!..

— Если ты мнѣ не объяснишь и не скажешь прямо, сегодня-же ты будешь жить на своей квартирѣ, слышишь?

Пришлось разсказывать, врать и вывертываться; но такъ какъ вывертываться, при всемъ враньѣ, все-таки было очень трудно, и вывернуться, т.-е. выйти сухимъ изъ воды, окончательно было невозможно, то и оказалось послѣдствіемъ всего этого прекращеніе выдачи Владиміру ежемѣсячнаго пособія «на карманные расходы» въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Въ другое время такое наказаніе было-бы не особенно тяжко, ибо мамаша съ лихвою его вознаграждала; но теперь, во-первыхъ, и она была въ гнѣвѣ (ужасно разсердилась, когда узнала, что онъ только наканунѣ возвратился), а во-вторыхъ, и деньги были ужасно, просто до крайности нужны. Владиміръ Николаевичъ, несмотря на то, что Растеряевъ увѣдомилъ его о гнѣвѣ Николая Саввича, принялся въ первый-же день по пріѣздѣ въ Петербургъ разыскивать вдовушку и нашелъ, и сдѣлалъ ей визитъ; хотя его почему-то не приняли, но карточка его уже была тамъ, значитъ, знакомство снова возобновлено, стоитъ его теперь только толково повести.

Николай Саввичъ, послѣ объявленія сыну о своемъ рѣшеніи, ушелъ въ свой кабинетъ и въ первое время совсѣмъ забылъ о томъ, что нужно-бы съ Ильей Петровичемъ повидаться и узнать, здоровъ-ли онъ и—главное—удостовѣриться, услышать отъ него самого, что онъ именно надѣлалъ, какой такой «выдѣлъ» далъ сыну. Николаю Саввичу, по причинѣ непріятности съ своимъ сыномъ, было не до того. Кромѣ того и пріѣздъ въ Петербургъ послѣ долгаго отсутствія могъ имѣть на него извѣстное вліяніе, хотя, собственно, хлопотъ по устройству въ своемъ кабинетѣ ему никакихъ не предстояло. Все было въ порядкѣ, чисто, свѣтло и

тепло, главное—тепло. Затопленный каминъ встрѣтилъ его, какъ стараго друга, который не разъ уже сиживалъ предъ нимъ въ долгіе зимніе вечера... При видѣ затопленнаго камина Николай Саввичъ значительно успокоился.

XX.

Илья Петровичъ къ Николаю Саввичу все еще не приходилъ.

Не знать его пріѣзда онъ не могъ, потому что жили они на одной съ нимъ лѣстницѣ, и двери ихъ квартиръ были одна противъ другой. Онъ зналъ, что Сумраковы «со всей семьей» переѣхали, зналъ даже ранѣе объ этомъ; «но какъ придти,—думалъ онъ,—съ какимъ отвѣтомъ предстать предъ грозныя очи своего друга». Онъ, по правдѣ сказать, больше боялся свиданія съ Николаемъ Саввичемъ, чѣмъ Владиміръ, впрочемъ, вѣрнѣе сказать, не боялся, а стѣснялся какъ-то и досадовалъ. Этотъ день, какъ нарочно, выдался такой, что къ вечеру нечего было и думать посѣтить Николая Саввича.

Началось съ утра. Поваръ пришелъ спрашивать объ обѣдѣ (эта часть хозяйственныхъ распоряженій такъ и перешла въ полное владѣніе Ильи Петровича) и разсердилъ его сначала тѣмъ, что стоялъ какъ-то вольно, отставивъ ногу, точно хотѣлъ, какъ показалось Ильѣ Петровичу, выразить этой позой, что онъ говоритъ не съ самимъ хозяиномъ, а совершенно съ другимъ лицомъ, не имѣющимъ вовсе такого значенія въ домѣ, какое имѣетъ хозяинъ. Илья Петровичъ тотчасъ же поставилъ вопросъ и круто поставилъ, потребовавъ безъ обиняковъ прямо отвѣта, кто хозяинъ въ домѣ. Поваръ что-то такое промямлилъ и при этомъ опять какъ-то вольно и свободно переступилъ съ ноги на ногу и перебросилъ фартукъ съ одной руки на другую.

— На все есть воля ваша... Какъ прикажете-съ...

И вдругъ Ильѣ Петровичу, при выраженіи со сто-

роны повара такой кроткой покорности, стало совѣстно, что онъ напрасно такъ громко на него крикнулъ, и захотѣлось, ужасно захотѣлось чѣмъ-нибудь это поправить, сгладить. «А какъ поправить?», — думалъ онъ.

— Ахъ, да, — вспомнилъ онъ, найдя исходъ изъ своего труднаго положенія и обращаясь снова къ повару, — я тебѣ давно собирался что-нибудь подарить изъ платья, — на вотъ, возьми....

Онъ захватилъ первое попавшее изъ гардероба пальто и отдалъ его, почувствовавъ, что этимъ подаркомъ снимаетъ съ своего сердца камень.

— Чувствительно васъ...

Поваръ попросился «къ ручкѣ», но Илья Петровичъ, разумѣется, не допустилъ.

Но тутъ, на бѣду, случилась новая непріятность. Пришла Ѳедора и доложила, что карета, въ которой Илья Петровичъ хотѣлъ ѣхать, утромъ отвезена къ мастеру для перекраски въ новый цвѣтъ. Это его опять разсердило. Онъ прикрикнулъ на Ѳедору, указавъ, конечно, что «онъ хозяинъ», и послалъ ее сказать, чтобы подали дрожки.

— На дрожкахъ уѣхалъ Ѳедоръ Ильичъ, — отвѣтила Ѳедора.

— Ѳедоръ Ильичъ! Ѳедоръ Ильичъ!..—забормоталъ себѣ подъ носъ Илья Петровичъ,—каждый часъ только и слышу «Ѳедоръ Ильичъ». Куда онъ уѣхалъ?—вдругъ спросилъ Илья Петровичъ, точно очнувшись отъ своихъ думъ.

— Не знаю-съ... Въ департаментъ, надо быть...

— Въ департаментъ... Какое мнѣ дѣло до департамента, мнѣ самому сейчасъ нужно ѣхать по дѣлу... Что это за порядки въ домѣ. Не спросятъ, не скажутъ... Чортъ знаетъ, что это такое!..

— Извозчика-бы можно, батюшка Илья Петровичъ,—предложила Ѳедора.

— Молчи ты, старая! Извозчика! Я буду на извозчикахъ ѣздить!.. Что люди-то подумаютъ, а? что подумаютъ?..

— Что-жъ, батюшка, подумаютъ... Вы же прежде часто ѣздили на извозчикахъ.

— Ты не разсуждай. Ты вѣдь ничего не понимаешь... Чортъ знаетъ что только теперь у меня въ домѣ происх...

Не докончивъ этой фразы, онъ прикусилъ языкъ: въ дверяхъ показалась Анна Ивановна.

— Папенька!—былъ ея возгласъ,—что съ вами?

— Я? я?.. Я рѣшительно ничего...

— Нѣтъ, я вижу, вы разгнѣваны, я слышала изъ той комнаты, вы недовольны, что экипажа нѣтъ...

— Что за вздоръ! Это я такъ только...

— Кучеръ уже возвратился, если угодно, то прикажите, чтобы не выпрягалъ...

— Ахъ, да, это хорошо... Мнѣ нужно, очень нужно съѣздить въ одно мѣсто...

— Я, собственно, за этимъ и шла къ вамъ. Вы въ которую сторону хотите ѣхать?..

— Я? — изумился Илья Петровичъ, чувствуя, что опять какая-то помѣха выступаетъ предъ нимъ.

— Да, въ которую сторону?.. Мнѣ нужно-бъ тоже съѣздить, можетъ намъ съ вами по одной дорогѣ...

— Ахъ, нѣтъ, Анюта, нѣтъ,—заспѣшилъ Илья Петровичъ,—намъ вовсе не по дорогѣ...

Анна Ивановна изумилась, такъ онъ поспѣшно и махая руками отказывался ѣхать вмѣстѣ съ ней.

— Какъ же это, папенька... Я же еще вамъ не сказала, куда мнѣ нужно...

— Все равно, все равно. Я знаю, что не по дорогѣ, ты въ ту сторону, куда я поѣду, никогда не ѣздишь.

— Мнѣ на Адмиралтейскую площадь...

— Что? Куда?.. На Адмиралтейскую? — дрогнулъ Илья Петровичъ и вдругъ мелькнула мысль, ужъ не догадалась-ли, не подсмѣивается-ли, да нѣтъ, не можетъ быть...

— Я же тебѣ говорилъ, — началъ онъ, оправившись,—я же тебѣ говорилъ, что не по дорогѣ...

— Вы куда-же?

— Господи!.. Тебѣ-то зачѣмъ?

— Что-же, у васъ секреты что-ли...

— Ахъ, Боже мой!

Илья Петровичъ почувствовалъ, что опять въ какую-то непріятность тянетъ его Анна Ивановна своимъ вопросомъ.

— Что это у меня вдругъ какъ ногу задергало,— заговорилъ онъ, желая замять ея вопросъ.

Онъ схватился за ногу пониже колѣна и началъ ее усердно растирать.

— Удивительно, это странно, такъ, вдругъ...

— Ревматизмъ?—спросила Анна Ивановна.

— Да, вѣроятно... впрочемъ, прошло...

— Такъ вы, папенька, не возьмете меня?..

— Ахъ, какая ты, право. Мнѣ нужно въ Гончарную улицу къ одному старику-сослуживцу...

— Кто это, папенька? — спросила Анна Ивановна или спроста такъ просто, безъ всякой задней мысли; но ему это показалось и обидно, и досадно...

Наконецъ, кой-какъ отдѣлался и уѣхалъ.

Возвратился онъ домой сердитый, усталый, и вдругъ, къ удивленію своему, узнаетъ, что Ѳедоръ Ильичъ давно уже вернулся со службы; а былъ всего только второй часъ дня, время, въ которое сынъ никогда прежде не возвращался.

— Что это, Ѳедя, съ тобою, здоровъ-ли? — спросилъ онъ сына, не заходя даже въ свою комнату.

— Здоровъ, папенька, благодарю васъ...

Они встрѣтились въ дверяхъ зала и оба вернулись внутрь этой комнаты.

— Но отчего-же ты такъ рано со службы? Теперь только два часа, а ты, насколько мнѣ помнится, всегда возвращался въ пять...

— Да, прежде было всегда такъ, папенька...

— Прежде... но теперь что-же?..

— Теперь нѣсколько иначе... Обстоятельства мои по службѣ нѣсколько измѣнились...

— Какія? Какъ? Что за обстоятельства?—въ удивленіи спрашивалъ Илья Петровичъ.

— Я перемѣнилъ службу...

— Какъ? Когда?..

Волненіе отца росло; сынъ, по обыкновенію, былъ спокоенъ: онъ вынулъ изъ бокового кармана портсигаръ и раскрывъ его, близко поднесъ къ своимъ глазамъ, выбирая, какую-бы сигару закурить.

— Я, папенька, — началъ онъ спокойно, выбравъ, наконецъ, сигару и закуривая ее,—я подалъ прошеніе о переводѣ назадъ тому уже недѣли двѣ, какъ только мы пріѣхали изъ усадьбы, и теперь переведенъ...

— И не спросившись? не посовѣтовавшись?—завопилъ Илья Петровичъ.

Сынъ, въ свою очередь, изумился.

— Вы же, папенька, никогда не интересовались моей служебной карьерой... Да, наконецъ, развѣ не все равно, тутъ я служу или въ другомъ мѣстѣ...

— Ну, конечно, конечно, — обидѣвшись замѣтилъ Илья Петровичъ, — что-жъ теперь со мной совѣтоваться... Я ничего незначущая спица въ колесницѣ...

— Къ чему это, папенька?..

— Какъ къ чему? Ты Богъ знаетъ что тамъ дѣлаешь, не сказавъ, не извѣстивъ отца, и мнѣ молчать? Скажи пожалуйста... Удивительно!..

Ѳедоръ Ильичъ на это ничего не отвѣтилъ, только внимательно сталъ разсматривать кончикъ сигары и слѣдить, какъ онъ дымится. Илья Петровичъ сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ и, снова подойдя къ сидящему сыну, спросилъ:

— Куда-же это вы изволили перейти?

Сынъ грустно улыбнулся и всталъ со стула.

— Я, папенька, перешелъ въ NN департаментъ... Но къ чему это «вы» и это «изволили»? Мы, помнится мнѣ, съ вами условились быть совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ.

— Да, я помню. Я это очень, очень хорошо помню... Мы дѣйствительно условились, и къ несчастію я дол-

женъ сознаться, что сдѣлалъ *тогда* большую оплошность...

— Когда это, папенька? — спросилъ сынъ, точно не понявъ, на что намекаетъ отецъ.

— Да тогда... Ну, словомъ, я вижу, что именно съ того времени, какъ я передалъ тебѣ капиталъ, между нами начались совсѣмъ иныя отношенія и не тѣ, которыя я желалъ и на какія разсчитывалъ...

Такимъ образомъ перемѣна по службѣ сына была случайной причиной, что Илья Петровичъ высказался. Для Ѳедора Ильича этотъ разговоръ вовсе не былъ новостью, онъ давно уже замѣтилъ, чѣмъ полно сердце Ильи Петровича, и давно уже ждалъ, что время для этого разговора должно непремѣнно наступить. Но тѣмъ не менѣе, какъ только наступило время и заговорилъ Илья Петровичъ, онъ нашелъ нужнымъ удивиться, подошелъ къ отцу и остановилъ его, шагавшаго въ волненіи по комнатѣ.

— Папенька! договаривайте до конца...

Отецъ съ изумленіемъ взглянулъ на него, не понимая, что онъ хочетъ сказать.

— Договаривайте... Все равно ужъ...

— Мнѣ больше нечего говорить...

Оба помолчали.

— Вы, папенька, раскаиваетесь...

Вопросъ такимъ образомъ поставленъ былъ еще прямѣе и дѣло окончательно шло къ развязкѣ, чего, кажется, Ѳедоръ Ильичъ и желалъ. Илья Петровичъ немного даже струсилъ, страшно какъ-то стало: вотъ-вотъ сейчасъ все должно разрѣшиться...

Повторяю: такой ужъ это былъ день, что какъ будто самой судьбой было предопредѣлено, чтобы всѣ недоразумѣнія, наконецъ, кончились и совершенно выяснился Ѳедоръ Ильичъ въ своихъ отношеніяхъ къ отцу.

При словахъ сына о томъ, что Илья Петровичъ раскаивается, онъ глянулъ на него сначала въ недоразумѣніи, но потомъ, видимо рѣшившись на что-то,

самъ повторилъ слова сына и повторилъ очень твердо, и даже съ особенной силой.

— Да, ты правъ, я раскаиваюсь...

Обоимъ понятно было, о чемъ они говорили.

— Напрасно, папенька,—началъ сынъ,—повѣрьте, напрасно. Вы сдѣлали самое лучшее дѣло въ жизни, вы стали именно на ту высоту въ своихъ понятіяхъ объ истинныхъ отношеніяхъ дѣтей къ отцамъ, на какой до сихъ поръ еще ни одинъ отецъ не стоялъ. Ну, зачѣмъ вамъ сидѣть надъ деньгами, беречь ихъ до послѣдняго дня жизни, въ то время, когда у васъ сынъ уже тридцати слишкомъ лѣтъ...

Илья Петровичъ стоялъ и слушалъ, слушалъ не прерывая, молча и видимо взвѣшивая каждое слово сына; но, или слова Ѳедора Ильича были недостаточно убѣдительны (онъ никогда горячо не говорилъ), или уже самъ Илья Петровичъ такъ крѣпко желалъ возвращенія къ старымъ порядкамъ,—такъ или иначе,—слова сына не убѣдили его.

— Довольно, Ѳедя, перестань, я это безъ тебя самъ хорошо знаю...

— Но въ такомъ случаѣ, папенька, что-же за причина вашего раскаянія?..

— Ахъ, пожалуйста, довольно объ этомъ... Вотъ что,—началъ онъ, круто повернувъ разговоръ на самую главную тему, — я тебѣ оставлю этотъ домъ, а капиталы, т.-е. банковые билеты, ты мнѣ возврати назадъ. Это вѣдь не долго. Это можно скоро. Въ одинъ день можно все сдѣлать...

— Какъ это, папенька? Я что-то не ясно васъ понялъ.

— Чего не понять-то, очень просто,—поѣдемъ завтра въ банкъ и переведемъ билеты снова на мое имя.

Сынъ потупился и молчалъ.

У Ильи Петровича отъ этого молчанія духъ захватило. Онъ ждалъ отвѣта не дыша, не моргнувъ глазомъ.

— Что-же ты, Ѳедя, что?—наконецъ, не выдер живая долѣе, проговорилъ онъ, напирая на него грудью.

— Я, папенька... это...

— Ты колеблешься? Ты колеблешься?.. Да?..

Сынъ поднялъ голову и взглянулъ прямо на отца

— Я?—сказалъ онъ рѣшительно, но мягко, не возвышая голоса,—я нисколько не колеблюсь...

Илья Петровичъ вздохнулъ всей грудью и хотѣлъ схватить сына за руки, чтобы высказать похвалы его благородству, его образцовой честности, вниманія къ отцу, и т. п. и можетъ быть, въ порывѣ своего восторженнаго состоянія, снова отказаться отъ своего намѣренія.

— Благородный!—началъ было онъ, стараясь схватить сына за руки.

Сынъ отступилъ шага на два.

— Позвольте, папенька, вы меня не поняли,—холодно замѣтилъ онъ, не давая отцу своихъ рукъ.

— Что? Что?..—отступая въ свою очередь, поспѣшно спросилъ Илья Петровичъ.

— Я, собственно, нисколько не колеблюсь въ томъ отношеніи, что переводить билеты на ваше имя вовсе не нужно.

— Такъ вотъ ты... ка-а-къ...—почти шопотомъ отвѣтилъ Илья Петровичъ и вдругъ какъ-то сгорбился весь, съежился, точно почувствовалъ какую-то боль во всемъ своемъ тѣлѣ; лицо совершенно и вдругъ измѣнилось точно подернулось чѣмъ-то.

— Такъ во-о-тъ что-о,—сказалъ онъ нѣсколько погромче и осмотрѣлъ сына съ головы до пятъ. «Ну, не ожидалъ!»—заключилъ онъ уже вслухъ и рѣшительно; вслѣдъ за этимъ словомъ онъ въ совершенномъ безсиліи опустился на стулъ и закрылъ лицо руками.

Длилась тяжелая минута молчанія. Подъ окномъ прошумѣлъ экипажъ, стуча колесами по мостовой, въ сосѣдней комнатѣ кто-то прошелъ и звукъ его шаговъ явственно донесся въ тишину зала, потомъ снова все

смолкло. Ѳедоръ Ильичъ взялъ было въ ротъ сигару, но она уже потухла. Онъ бережно положилъ ее на кончикъ стола и самъ опустился на стулъ, взглядывая въ то же время на отца, все еще остававшагося въ томъ-же положеніи.

— Папенька!—обратился онъ вкрадчиво и тихо.

Отвѣта не было.

Сынъ какъ будто соображалъ, продолжать-ли или ждать отвѣта; но рѣшился продолжать.

— Прежде всего, папенька, на первомъ, такъ сказать, планѣ, должно стоять не чувство, а холодное, строгое разсмотрѣніе существа дѣла...

Илья Петровичъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на своего Ѳедю печально, уныло и снова закрылъ лицо руками. Ему было больно, тяжело, обидно, и если онъ ничего не говорилъ, то именно потому, что не было силъ говорить. Сынъ опять сталъ что-то продолжать въ томъ-же родѣ «о холодномъ, строгомъ подчиненіи чувства разсудку». Илья Петровичъ вдругъ порывисто поднялся со стула, схватилъ сына за руку, ухвативъ ее на этотъ разъ очень ловко, и прошепталъ:

— А законъ? знаешь законъ?

— Какъ-же, папенька, знаю...

— Такъ я по закону отъ тебя потребую... Да. Слышишь? я по закону...

— Законъ гласитъ,—возразилъ Ѳедоръ Ильичъ, что переданное въ даръ можетъ быть возвращено только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если не пріемлется тѣмъ, кому передается, а во-вторыхъ, если пріявшій, по добровольному своему согласію, изъявитъ желаніе на возвращеніе дара.

— И ты... ты... не согласенъ на возвращеніе, да?

— Я, папенька, не согласенъ...

— Ахъ!—болѣзненно и тяжело простоналъ Илья Петровичъ, опускаясь на стулъ.

Сынъ старался закурить сигару, но какъ онъ ни разыгрывалъ роль совершенно спокойнаго, невозмутимаго человѣка, она ему не удалась, — у него трясъ-

лись руки, что ясно обнаруживалось дрожавшей въ нихъ спичкой.

— И ты можешь теперь... курить... — ничего этого, конечно, не замѣчая, упрекнулъ Илья Петровичъ.

— Если вамъ, папенька, это не угодно, я могу оставить...

Онъ положилъ недокуренную сигару въ уголокъ на окнѣ, не найдя глазами на столахъ пепельницы, и снова украдкой взглянулъ, что дѣлаетъ отецъ.

— Еслибы ты зналъ, Ѳедя, какую ты дѣлаешь въ моемъ... сердцѣ... рану... ты-бы... Я тебя такъ... любилъ... и ты...

Онъ не договорилъ и заплакалъ, закрываясь опять руками.

Ѳедоръ Ильичъ никогда не былъ злымъ, въ особенности въ отношеніи къ Ильѣ Петровичу; при видѣ слезъ отца ему самому сдѣлалось тяжело, что-то заныло въ сердцѣ и какъ будто заговорилъ кто-то въ немъ самомъ: «смотри, ты причина его слезъ, и онѣ отплатятся». Онъ подсѣлъ рядомъ къ тому стулу, на которомъ сидѣлъ Илья Петровичъ, и сталъ его утѣшать. Говорилъ онъ, разумѣется, больше общими фразами, вовсе не выражая желанія возвратить обратно полученный капиталъ. Это совсѣмъ въ его планъ и не входило, и никогда-бы онъ на это не согласился, будучи увѣреннымъ и совершенно убѣжденнымъ, что такое возвращеніе было-бы рѣшительной глупостью, ни къ чему не ведущей. Можно думать, что едва-ли бы теперь, послѣ этихъ слезъ, Илья Петровичъ согласился принять обратно капиталъ. Съ этой минуты между нимъ и сыномъ сразу легла такая пропасть, чрезъ которую Илья Петровичъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшился-бы переходить. Въ одну минуту точно у его сердца что-то съ болью оторвали и безжалостно уничтожили. Его прежній Ѳедя, назадъ тому полчаса бывшій самымъ близкимъ ему человѣкомъ, вдругъ сталъ совершенно чужой.

— Что утѣшать... къ чему слова... перебилъ, наконецъ, Илья Петровичъ сына.

— Папенька, вы дослушайте...

— Что слушать!..—глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ Илья Петровичъ,—пойми ты,—началъ онъ, не поднимая на сына глазъ, точно совѣстился взглянуть на него,—пойми, мнѣ обидно не то, совсѣмъ не то, что ты не хочешь возвратить денегъ... На что онѣ мнѣ? На что?.. я вѣдь старикъ...

— Но зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ...—перебилъ было сынъ.

— Подожди, дай мнѣ досказать... Я говорю тебѣ, Ѳедоръ Ильичъ,—твердо и нѣсколько суровымъ тономъ продолжалъ Илья Петровичъ,—я говорю тебѣ объ этомъ въ первый и послѣдній разъ... Съ сегодняшняго дня между нами... Но это къ дѣлу не относится. Я тебѣ только доскажу, что нужно. Имѣй терпѣніе выслушать. Я бы, можетъ быть... да даже и не можетъ быть, а навѣрное... (Ты это самъ долженъ хорошо знать, зная меня) я положительно не взялъ-бы отъ тебя назадъ этихъ денегъ, если-бы ты, не колеблясь, выразилъ готовность ихъ возвратить... Но мнѣ больно, тяжело, что ты... ты разбилъ мою вѣру въ тебя...

Сынъ началъ оправдываться, вывертываться общими фразами, но, конечно, онѣ не могли принести Ильѣ Петровичу утѣшенія. Онъ сказалъ еще сыну нѣсколько словъ, въ которыхъ послышались снова слезы, и замолчалъ. Онъ сѣлъ около ломбернаго стола у окна, сложивъ руки между колѣнъ, и сталъ смотрѣть на рисунокъ паркета; разумѣется никакого рисунка онъ и не замѣчалъ, такъ какъ мысли его далеко были отъ того предмета, на который онъ смотрѣлъ.

Просидѣли они еще нѣсколько времени, Ѳедоръ Ильичъ подумывалъ было, скоро-ли же всему этому конецъ, но дать понять отцу, что желаетъ этого конца, конечно онъ не хотѣлъ.

— Папенька! вы меня простите,—началъ онъ вкрадчиво и почти шопотомъ.

Илья Петровичъ молчалъ, по прежнему смотря на паркетъ; голова его какъ-то грустно склонилась на бокъ, глаза немного потускнѣли и были необыкновенно печальны,—видно было, что духовное состояніе Ильи Петровича тяжко.

— Вы, папенька,—продолжалъ сынъ,—не далѣе, какъ сегодня-же вечеромъ, убѣдитесь, разсудивъ сами съ собой, что совсѣмъ напрасно на меня прогнѣвались... Повѣрьте, человѣкъ прежде всего—величайшій эгоистъ.

Въ это время въ комнату вошелъ слуга и доложилъ, что Николай Саввичъ Сумраковъ и все ихъ семейство возвратились изъ своей усадьбы. Это извѣстіе послала Марья Львовна, надѣявшаяся на то, что Илья Петровичъ тотчасъ-же къ нимъ придетъ и послужитъ съ своей стороны тоже громоотводомъ для ея милаго Володи.

При извѣстіи, принесенномъ слугою, Илья Петровичъ поднялся съ своего мѣста и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Слава Богу!—вздохнулъ сынъ во всю грудь, довольный тѣмъ, что всѣ вопросы, наконецъ, разрѣшились, и свиданіе такъ легко окончилось.

XXI.

Часовъ въ девять вечера пришелъ посланный отъ Николая Саввича звать Илью Петровича къ старику; но онъ отговаривался нездоровьемъ, не подозрѣвая, что изъ этого выйдетъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ въ его комнату сначала показался костыль Николая Саввича, а слѣдомъ за нимъ и самъ онъ вошелъ.

— Здравствуй, другъ!

— Ахъ!—встрепенулся Илья Петровичъ, испуганно вскакивая съ кушетки, это вы!..

— Да! Да!.. Здравствуй! Здравствуй! Что это ты... боленъ?—спросилъ ласково Николай Саввичъ, цѣлуясь съ своимъ другомъ.

— Да, но немного... такъ только...

Старикъ внимательно въ него всматривался.

— Что съ тобой? ты такой неспокойный... а?

— Нѣтъ, ничего... такъ...

Ты, вѣдь, лежалъ, когда я вошелъ... Лягъ, лягъ, можетъ тебѣ трудно?..

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Садитесь.

Николай Саввичъ медленно опустился въ кресло у кушетки и снова внимательно оглянулъ Илью Петровича.

— Что-то у тебя... на душѣ не хорошо какъ-будто, а?—пытливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего... Ѣздилъ давеча, холодно такъ, вѣтеръ... вѣроятно, прозябъ...

Они помолчали. Николай Саввичъ оглянулъ комнату, потолки, портьеру, точно здоровался съ старыми знакомыми, съ которыми съ ранней весны не видался.

— Ну, что сынъ?

— Ничего,—коротко отвѣтилъ Илья Петровичъ, и вдругъ къ сердцу что-то прилило болѣзненное.

— Что это ты тутъ, я слышалъ, наглупилъ, а? Правда это, или болтовня?

— Оставимъ объ этомъ,—сказалъ Илья Петровичъ, тревожно и нервно вставая съ своего мѣста.

— Ну такъ и есть!—вздохнулъ старикъ, теперь я все понимаю.

Удерживаться было невозможно. Наконецъ, какъ говорится, на сердцѣ у Ильи Петровича накипѣло и нужно было излить душу. Онъ осторожно притворилъ дверь кабинета и началъ разсказывать тихо шопотомъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ онъ составилъ планъ передачи имѣнія сыну, какъ передалъ и какъ потомъ, въ этотъ день, не далѣе пяти-шести часовъ тому назадъ, убѣдился въ неблагодарности сына.

Николай Саввичъ слушалъ, сильно нахмурившись и шевеля губами.

Разсказавъ сущность дѣла, Илья Петровичъ сталъ изливать свои жалобы на судьбу, что она такъ зло

надъ нимъ надсмѣялась, что въ милліонъ разъ онъ былъ счастливѣе въ то время, когда вмѣсто этого большого кабинета имѣлъ маленькую комнатку, и потомъ, вдругъ, заявилъ, что хочетъ оставить сына и переселиться «куда-нибудь», по возможности въ такую-же квартиру, какую имѣлъ прежде.

— Что ты!..—перебилъ Николай Саввичъ, замѣтивъ что онъ поѣхалъ уже совершенно въ другую сторону,— погоди, не въ этомъ дѣло.

— Какъ не въ этомъ? Какъ не въ этомъ? Теперь мнѣ крайне нужно спокойствіе; а здѣсь я его не найду... я не могу его здѣсь найти...

— Погоди, говорю... Ты скажи мнѣ, съ чего пришла тебѣ въ голову эта блажная мысль о передачѣ наслѣдства?

При этомъ вопросѣ Илья Петровичъ вспомнилъ начальную причину, которая послужила главнымъ основаніемъ къ передачѣ наслѣдства, и растерялся, не зная, какъ-же передать Николаю Саввичу объ этомъ.

— Чтожъ ты мнѣ не отвѣчаешь, а?

— Да я, собственно я самъ не знаю...

— Какой-же ты странный... близорукій...

Илья Петровичъ встрепенулся и обидѣлся.

— И вы, другъ, противъ меня! — печально возразилъ онъ.

— Да, и я противъ тебя... я, прежде всѣхъ... Вотъ что значитъ проводить жизнь въ одной комнатѣ и не видѣть, что кругомъ дѣлается... Вѣдь ты окончательно-таки не знаешь жизни, рѣшительно не понимаешь, что кругомъ тебя дѣлается. Достались тебѣ,— извини—съ дуру деньги, и съ ними не могъ справиться, надѣлалъ Богъ знаетъ чего...

— Но позвольте, другъ...

— Что, позвольте? Развѣ я тебѣ не святую истину говорю. Ты вотъ считалъ себя всезнайкой, хвалился, что исторію всѣхъ народовъ, когда-либо жившихъ на земномъ шарѣ, въ совершенствѣ знаешь; а оказалось, что ты ничего не понялъ изъ того, что знаешь. .

Илья Петровичъ слушалъ и думалъ: «ну, а если я тебѣ скажу, что твои дѣти желаютъ, чтобы «ударомъ» и поскорѣе»?

Но несмотря на эти думы, онъ, въ сущности, былъ согласенъ съ мнѣніемъ Николая Саввича, что наслѣдство для того именно и не нужно дѣтямъ передавать, чтобы они «въ чаяніи будущихъ благъ» вели себя безукоризненно.

XXII.

Съ этого дня Илья Петровичъ рѣзко и вдругъ, сразу измѣнилъ свои отношенія къ сыну и его женѣ. Онъ не только не показывался къ чаю или къ обѣду, но видимо съ намѣреніемъ старался избѣгать всякой встрѣчи съ ними. Первые два-три дня Ѳедоръ Ильичъ, на просьбы жены «уладить» съ отцомъ отношенія, спокойно и даже холодно замѣчалъ, что «все обойдется само собой».

Говоря такимъ тономъ, Ѳедоръ Ильичъ съ спокойной важностью расправлялъ свои бакенбарды, и по лицу его пробѣгала обыкновенно свойственная ему и едва замѣтная, но тѣмъ не менѣе злая, отталкивающая улыбка. По своей глубокой, будто-бы, проницательности, онъ смѣло опредѣлилъ и срокъ, въ продолженіе котораго Илья Петровичъ долженъ былъ додуматься до чего-то хорошаго, при помощи котораго «все опять уладится». Но проницательность Ѳедора Ильича оказалась несостоятельной. Илья Петровичъ съ перваго-же вечера послѣ того, какъ повѣдалъ свое горе Николаю Саввичу, сразу и видимо уже безповоротно измѣнилъ свой взглядъ и на сына, и на его жену и, главное, самъ въ себѣ вдругъ почувствовалъ рѣзкую перемѣну: прежняя способность анализировать и разбирать, такъ сказать, по косточкамъ свои дѣйствія и намѣренія совершенно его оставила. Суетливый до того времени, заботливый и вѣчно искавшій чего-то человѣкъ, какъ-то осунулся, опустился и съ одного дня

постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Еслибы онъ взглянулъ на самого себя въ зеркало, по прежней привычкѣ разсматривать качества своего языка, то испугался-бы рѣзкой перемѣны въ своемъ лицѣ, при взглядѣ на которое можно было подумать, что онъ только что поднялся съ постели послѣ трудной болѣзни. Но ему уже было не до зеркала. Ударъ, нанесенный ему сыномъ, или точнѣе говоря, ударъ, подъ который онъ самъ такъ неловко подставилъ свою голову, былъ ему видимо не посиламъ. Само собою разумѣется, что тяжесть этого удара вызывалась не матеріальной стороной дѣла, не заботами и горемъ о томъ, что переданный сыну капиталъ такъ неожиданно, почти по ошибкѣ, выскользнувшій изъ рукъ, уже никогда обратно не вернется. Объ этомъ могъ опечалиться и страдать, и пожалуй умереть, и даже руки на себя наложить какой-нибудь купчина, по понятіямъ котораго счастье не только на землѣ, но и за гробомъ можно обезпечить извѣстной суммой денегъ. Илью Петровича всего болѣе убивало то неожиданное открытіе, о существованіи котораго онъ ни въ какомъ случаѣ не подозрѣвалъ, мысли даже допустить не могъ, — именно открытіе, что сынъ его сынъ ему только по родству, а по духу это совсѣмъ чужой, отталкивающій и не достойный не только родства, но и простого знакомства человѣкъ. Какъ только ему стало ясно, что сынъ его «холодный, безсердечный человѣкъ», такъ съ этой минуты оторвалось что-то отъ сердца и охватила его какая-то тоска, ко всему онъ охладѣлъ, все стало одинаково чуждо, ни о чемъ не хотѣлось думать. Проходили одинъ за другимъ дни, тяжелое душевное состояніе его не оставляло, онъ видимо сталъ тяготиться всѣмъ, какъ-будто даже стыдился чего-то и хотѣлъ, казалось, убѣжать, чтобы не видѣть ни знакомыхъ лицъ, ни знакомыхъ предметовъ. Встанетъ, бывало, по обыкновенію, рано утромъ, попроситъ себѣ чаю въ кабинетъ и запретъ двери. Ѳедоръ Ильичъ въ свой часъ, предъ отъѣздомъ на службу, подойдетъ къ двери, попробуетъ р[illegible]у,

стукнетъ разъ другой въ дверь и, не дождавшись никакого отвѣта, отправится себѣ въ департаментъ, совершенно спокойный и по обыкновенію невозмутимо важный, какъ-будто между нимъ и отцомъ ничего не происходило. Илья Петровичъ другой разъ стука въ дверь и не слышитъ, а если и услышитъ, то промолчитъ. Сидитъ предъ стакаюмъ чаю, медленно пошевеливаетъ въ немъ ложкой или перебираетъ лежащія на столѣ бумаги и въ сущности ни о чемъ не думаетъ: смутно какъ-то припоминаются ему то отдѣльныя фразы изъ разговора съ Николаемъ Саввичемъ, то какія-нибудь совершенно ничего незначащіе случаи изъ прежней его жизни въ мірѣ древнихъ писателей, когда, хранимый судьбою, онъ не зналъ горя, не зналъ, что счастіе, которое онъ ошибкой принялъ за счастіе, было въ сущности наказаніемъ свыше, карой какой-то за невѣдомые грѣхи. Пробѣжитъ такъ мелькомъ въ головѣ одна—другая сцена изъ прошлаго спокойнаго житья, и только что начнетъ какъ-будто нѣжить и убаюкивать его своимъ мирнымъ тихимъ складомъ, какъ вдругъ разлетится въ дребезги отъ новой набѣжавшей мысли о сынѣ. Даже не то, что мысль о сынѣ и о послѣднемъ съ нимъ разговорѣ раздражала его, но самое воспоминаніе о наслѣдствѣ, такъ неожиданно ему доставшемся, и, словомъ, всякая малѣйшая черта изъ жизни послѣ полученія наслѣдства болѣзненно тревожила его мысли, раздражала и мучила. Но раздраженіе это ничѣмъ инымъ не выражалось, кромѣ усиленнаго прилива тоски, тяжолаго разочарованія во всемъ и въ самомъ себѣ, и въ концѣ концовъ все сводилось къ тому, что его Ѳедя уже не Ѳедя, а какой-то чужой, совершенно чужой человѣкъ, и холодный, безсердечный, для котораго все равно, что бы ни испытывалъ отецъ, и въ которомъ не возбудило-бы ни какого чувства разрушеніе хотя-бы всего міра, лишь-бы только онъ остался невредимъ и могъ бы спокойно курить сигару и писать свои оффиціальныя бумаги. Наступало время завтрака, Илья Петровичъ уходилъ

изъ дому и старался такъ убраться, чтобы не встрѣтиться съ сыномъ или его женой. Предъ обѣдомъ — тоже. Такъ проходили дни. Ѳедоръ Ильичъ, замѣтивъ, наконецъ, что дѣло приняло уже слишкомъ крутой поворотъ и «само собою не улаживается», рѣшился принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы возстановить надлежащія отношенія къ отцу, не столько изъ любви или сожалѣнія къ нему, сколько изъ чувства сознанія, что это «неприлично въ смыслѣ общественномъ». Онъ попробовалъ было сначала усилить постукиваніе въ дверь въ часы своего выѣзда въ департаментъ, но, не видя въ этомъ успѣха, рѣшился войти къ отцу въ то время, когда онъ не успѣетъ еще запереть за собою двери. Выждавъ минуту, когда Илья Петровичъ возвращался домой съ прогулки, онъ слѣдомъ за нимъ вошелъ въ его кабинетъ. Это было какъ-то передъ вечеромъ, когда дневной свѣтъ еще споритъ съ наступающей темнотой и еще держится, постепенно ослабѣвая въ безполезной борьбѣ.

— Извините, папенька,—сказалъ онъ входя,—что я такъ неожиданно нарушаю ваше уединеніе...

— Кто тутъ?—испуганно спросилъ Илья Петровичъ, быстро повернувшись къ дверямъ.

— Это я, папенька, извините...

Илья Петровичъ дрогнулъ, точно холодная змѣя прикоснулась къ его тѣлу. Онъ снова отвернулся въ противоположную сторону и смотря неопредѣленно куда-то въ дальній уголъ комнаты, глухо спросилъ:

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Я предъ вами виноватъ... Я измученъ...

Илья Петровичъ, стоя по прежнему на томъ-же мѣстѣ, усиленно сталъ тереть себѣ лобъ рукою, какъ-будто почувствовалъ страшную головную боль.

— Я васъ огорчилъ... но неумышленно... Я прошу у васъ прощенія...

Говоря эту фразу, онъ подошелъ къ отцу и хотѣлъ поцѣловать его руку, но Илья Петровичъ молча отошелъ отъ него въ сторону и сѣлъ въ дальній уголъ

комнаты, гдѣ лицо его почти не было видно въ наступающей темнотѣ вечера.

— Не гонитъ, значитъ, помирится,—подумалъ сынъ, сдѣлавъ два-три шага по направленію къ нему.

— Мнѣ тяжело... Оставь меня... Уйди...

Ѳедоръ Ильичъ возвысилъ нѣсколько голосъ.

— Нѣтъ, папенька,—заговорилъ онъ,—какъ вамъ угодно, но я уйти отъ васъ безъ окончательнаго объясненія не могу. Я прошу васъ, выслушайте меня... Я сознаю, что поступилъ съ своей стороны нѣсколько опромѣтчиво, можетъ быть нѣсколько рѣзко, но во всякомъ случаѣ, сообразите, на сколько уважительныхъ основаній было въ вашемъ желаніи возвратить себѣ то, что вы мнѣ передали...

Илья Петровичъ тревожно поднялся съ кресла и перешелъ на другое болѣе отдаленное, видимо съ намѣреніемъ не смотрѣть на сына. Онъ молчалъ, ему какъ-будто тяжело было выговорить слово, заставить замолчать сына, крикнуть, чтобы онъ ушелъ изъ комнаты. Ѳедоръ Ильичъ не обратилъ вниманія, что отецъ сѣлъ къ нему спиной, остался на прежнемъ мѣстѣ и, въ свою очередь опустившись въ кресло, продолжалъ объясненія. Илья Петровичъ старался не слушать и думать о другомъ; онъ собственно ни о чемъ и не думалъ и только чувствовалъ потребность поскорѣе освободиться отъ объясненій и остаться опять по прежнему наединѣ съ самимъ собой. Наконецъ, Ѳедоръ Ильичъ кончилъ и поставилъ рѣшительное заключеніе, что послѣ всего высказаннаго онъ считаетъ себя виноватымъ только въ томъ, что не сумѣлъ ранѣе высказаться и предупредить гнѣвъ отца; и что тѣмъ не менѣе онъ, какъ почтительный сынъ, проситъ прощенія, «вообще» желаетъ возстановить хорошія отношенія съ отцомъ.

— Простите-же, папенька!..—повторилъ онъ, поднявшись съ кресла и подойдя поближе къ креслу отца.

Илья Петровичъ точно очнулся отъ сна, когда го-

лосъ сына раздался вблизи его. Онъ тихо отодвинулъ стулъ, повернулся къ сыну лицомъ и, не поднимая глазъ отъ полу, спросилъ.

— Сегодня какой день?

— Вторникъ, папенька!

— Гм... да, вторникъ!—грустно подтвердилъ онъ и глубоко вздохнулъ.—Вторникъ, вторникъ,—повторилъ онъ, помолчавъ, и потомъ, переходя на болѣе еще тихія и низкія ноты, добавилъ, какъ-будто говоря самому себѣ:—а понедѣльника уже не вернуть, онъ прошелъ и никогда, никогда уже болѣе не вернется; будетъ другой понедѣльникъ и много еще ихъ будетъ впереди, но того, который уже прошелъ, болѣе никогда, никогда не будетъ...

— Что это онъ, мѣшается что-ли,—подумалъ Ѳедоръ Ильичъ,—или намеками хочетъ отдѣлаться...

— Успокойте, папенька, себя и насъ... Такъ-же жить намъ невозможно. Посердились, помучили насъ, теперь простите...

— Если ты хочешь отъ меня слышать собственно фразу о прощеніи, я пожалуй тебѣ ее скажу; но въ сердцѣ моемъ... и въ сердцѣ моемъ я способенъ заглушить всякую вражду, я человѣкъ смирный... Но все это не возвратитъ прошлаго! Ты мнѣ чужой!..

— Но если вамъ, папенька, угодно, т. е. если уже въ васъ такъ твердо укоренилось условіе взять обратно то, что вы самопроизвольно, не вынужденно, по собственному желанію дали, — то я готовъ возвратить...

Илья Петровичъ оглянулъ его презрительно и уже не попрежнему тихо, а вдругъ порывисто поднялся съ своего мѣста и громко, почти крича, заговорилъ:

— Ты лжешь! ты лжешь!.. Я тебя хорошо теперь узналъ. Я по тону твоего голоса слышу, что у тебя на умѣ...

— Въ чемъ же и когда же я лгалъ передъ вами...

— Никогда ты не лгалъ и всегда въ то же время. Ты не лгалъ такъ, чтобы тебя можно было уличить,

но ты всегда былъ своекорыстный, холодный человѣкъ... Ты знаешь хорошо, что мнѣ больно было и больно будетъ до дня смерти не за деньги, которыхъ ты мнѣ не хотѣлъ возвратить, а за тебя, и даже теперь уже не за тебя, а за прежняго моего сына, котораго я потерялъ и котораго я даже не имѣлъ никогда, а только думалъ, что имѣлъ, обманывался, былъ ослѣпленъ...

Припадокъ гнѣва у Ильи Петровича миновался. Онъ вдругъ стихъ и, тяжело дыша, сѣлъ опять въ свой уголъ, сказавъ короткое: «уйди».

— Я, папенька, уйти не могу.

— Уйди, я все сказалъ...

— Но, папенька, намъ такъ невозможно жить. На что-же это похоже. Что, наконецъ, будутъ думать люди...

— Послушай, Ѳедоръ... Ильичъ (Илья Петровичъ заикнулся, выговоривъ полное имя сына), я рѣшился и намѣренія моего не перемѣню. Чрезъ нѣсколько дней очищается нашъ флигель отъ жильцовъ, я помѣщусь въ немъ съ совершенно отдѣльнымъ хозяйствомъ...

— Какъ вамъ угодно!—отвѣтилъ Ѳедоръ Ильичъ и про себя заключилъ: «ну, слава Богу, все-таки дѣло улаживается: собственно говоря, ему давно-бы мѣсто тамъ...»

— Позвольте, наконецъ, мнѣ, папенька, меблировать вамъ флигель,—продолжалъ онъ,—или извольте приказать доставить вамъ потребную на это сумму...

— Ничего мнѣ не нужно... Я обойдусь...

— Но зачѣмъ-же такъ. Ужели, вы думаете, въ самомъ дѣлѣ у меня купеческая любовь къ деньгамъ... готовъ по первому вашему слову доставить сколько прикажете...

Илья Петровичъ промолчалъ и вздохнулъ.

— Я хотѣлъ было,—началъ Илья Петровичъ послѣ нѣкотораго молчанія,—я хотѣлъ было взять свою старую квартиру, гдѣ я когда-то имѣлъ счастіе довольствоваться малымъ и не зналъ того горя, какое при-

несли мнѣ съ собою деньги... Но увы (онъ глубоко опять вздохнулъ), увы, прошедшаго не возвратить: квартира все такая-же, какою была прежде и даже свободна отъ жильцовъ, но я уже не тотъ... Мнѣ уже показалось тамъ мрачно и грязно...

— Во флигелѣ, разумѣется, вамъ будетъ удобнѣе и, наконецъ, вы все-таки въ своемъ домѣ...

Послѣднія слова о «своемъ» домѣ снова его укололи въ сердце и лишили того грустнаго элегическаго настроенія, въ которое онъ началъ переходить.

— Уйди, Ѳедоръ... Ильичъ,—съ трудомъ выговорилъ Илья Петровичъ.

— Но, папенька, ужели вы такъ и не примиритесь со мной...

Илья Петровичъ быстро поднялся съ кресла, сдѣлалъ правой рукой движеніе, какъ будто говоря этимъ: «все кончено», и ушелъ за портьеру, гдѣ помѣщалась его кровать.

XXIII.

Перебрался Илья Петровичъ во флигель и хотѣлъ установить свою жизнь такъ, чтобы она хотя сколько-нибудь напоминала ему его давно прошедшее время учительства, но этого никакъ не удавалось сдѣлать. Онъ старался въ томъ-же порядкѣ установить мебель, разставить шкапы съ книгами на такія-же мѣста, какъ бывало въ его прежней квартирѣ, вытащилъ даже изъ глубины ящиковъ кой-какія прежнія картинки и вещицы, разставилъ ихъ на окнахъ, развѣсилъ картинки по стѣнамъ; но и шкапы, и книги, и картинки ни на одну линію не приближали его къ прошлому, а напротивъ навязчиво и больно наводили только на сравненія этого прошлаго съ настоящимъ. Вспомнилъ онъ, что когда-то былъ у него товарищъ, долгій спутникъ его дней, молчаливый чижъ, давно уже окончившій свое земное странствіе, вспомнилъ и купилъ себѣ новаго чижа; но чижъ оказался крикунъ и не давъ

ему покоя. Онъ выпустилъ его на волю. Старая Ѳедора, единственный человѣкъ, оставшійся въ прежнихъ неизмѣнныхъ къ нему отношеніяхъ, хотя и помѣстилась жить съ Ильей Петровичемъ во флигелѣ, но и она ему измѣнила, измѣнила тѣмъ, что состарѣлась, сдѣлалась непростительно глуха и плохо видѣла.

— Эхъ, Ѳедорушка!—говорилъ онъ,—прошли видно наши съ тобой красные дни!..

— Да, батюшка Илья Петровичъ, глуха стала, не слышу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу здѣсь жить, не могу... уѣду,—стонетъ онъ, угрюмо шагая по комнатѣ.

Не прошло недѣли, и Илья Петровичъ дѣйствительно уѣхалъ. Уѣзжая, онъ рѣшилъ больше не возвращаться въ Петербургъ; но о рѣшеніи своемъ молчалъ. Прощанье его съ сыномъ было сухо и сдержанно, а къ Николаю Саввичу онъ даже и совсѣмъ не зашелъ и только написалъ нѣсколько словъ, извѣщая, что «ненадолго уѣзжаетъ», и извиняясь, что не можетъ лично проститься. Ему было тяжело видѣться не только съ своимъ прежнимъ другомъ, но съ кѣмъ-бы то ни было.

Но и на этотъ разъ ему не пришлось исполнить своего рѣшенія, и чрезъ мѣсяцъ, возвращаясь въ Петербургъ, онъ былъ очень доволенъ, что при отъѣздѣ «не проболтался» о своемъ неисполнившемся намѣреніи. Онъ поселился опять во флигелѣ; но во время его отсутствія изъ Петербурга въ семействѣ Сумраковыхъ случились крупныя событія, и они оказали на образъ жизни Ильи Петровича не малое вліяніе.

XXIV.

Чухлымовъ на слѣдующій день по возвращеніи Сумраковыхъ изъ усадьбы переѣхалъ къ нимъ жить. Онъ былъ помѣщенъ съ Мишей, комната котораго была рядомъ съ комнатой самого Николая Саввича и отдѣлялась отъ нея деревянной перегородкой, не очень

толстой. Чрезъ эту перегородку многое было слышно изъ кабинета Николая Саввича, въ особенности когда тамъ нѣсколько погромче обыкновеннаго разговаривали. Съ другой стороны было помѣщеніе Владиміра Николаевича, къ которому вела дверь изъ Мишиной комнаты. Дверь считалась всегда запертой, и старшіе въ домѣ предполагали, что ее отпереть нельзя безъ ихъ вѣдома, ибо ключъ хранился у самого Николая Саввича. Это предположеніе было ошибочно, — въ дѣйствительности былъ еще другой ключъ у Владиміра Николаевича, которымъ онъ по-временамъ пользовался, такъ какъ ему удобнѣе было выходить и, по преимуществу, возвращаться домой послѣ ночныхъ гуляній. Удобство состояло въ томъ, что въ комнату Миши можно было пройти съ черной лѣстницы, минуя несносный коридоръ, а въ особенности залъ, въ которомъ часто сиживалъ долго за полночь Николай Саввичъ. Предусмотрительный Владиміръ, уходя съ вечера, отпиралъ дверь въ комнату Миши, немилосердно при этомъ кашляя, чтобы не было слышно звука отпираемаго замка, и оставлялъ ее незапертой, въ тѣхъ видахъ, чтобы отецъ не догадался потомъ и не услышалъ о его позднемъ возвращеніи чрезъ этотъ секретный ходъ.

Занятія съ Мишей шли плохо. Чухлымовъ уже не разъ подумывалъ, не бросить-ли ему мѣсто, такъ какъ считалъ свое пребываніе въ семьѣ Сумраковыхъ совершенно безполезнымъ, но заявить объ этомъ не рѣшался, зная уже по опыту, какая вслѣдствіе его заявленія поднимется буря. Онъ грозилъ Мишѣ, что если такъ будетъ идти далѣе, то заявленіе это непремѣнно послѣдуетъ. Миша просилъ прощенія, извинялся, хотя по обыкновенію сухо и коротко, но дѣло отъ этихъ извиненій не поправлялось и уроки его все-таки шли дурно. По-временамъ вечерами мѣшалъ имъ и Владиміръ Николаевичъ, вдругъ нежданно, негаданно появлявшійся въ комнатѣ Миши. Чухлымовъ давалъ ему замѣтить, что эти посѣщенія вредны для учебныхъ

нятій, но Владиміръ не обращалъ на это никакого вниманія.

По прошествіи двухъ-трехъ недѣль Иванъ Петровичъ, видя свое совершенное безсиліе быть полезнымъ для Миши, рѣшилъ окончательно уже оставить семейство Сумракова, не обращая ровно никакого вниманія, какая-бы тамъ «буря» изъ этого ни поднялась.

Но тутъ, вдругъ случились такія обстоятельства, которыя никакъ не могли ему ранѣе придти на мысль.

Сидя однажды утромъ, послѣ того, какъ Миша ушелъ въ гимназію, Чухлымовъ услыхалъ въ комнатѣ Владиміра такой разговоръ, который его ужасно озадачилъ, изумилъ и заставилъ напречь все свое вниманіе, чтобы дослушать его до конца. Сначала о чемъ-то говорила генеральша, потомъ ее перебилъ Владиміръ; Иванъ Петровичъ старался не обращать на это вниманія, но вдругъ слышитъ имя сестры, изумился, приподнялъ голову, сталъ вслушиваться. Имя сестры опять повторилось. «Просто сходство случайное и больше ничего»,—подумалъ онъ и хотѣлъ снова углубиться въ свои занятія.

— Да кто она, кто?—послышался вопросъ матери.

— Она богатая, молодая вдовушка,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Гдѣ ты съ ней познакомился, какъ узналъ?

— Ахъ, мамаша! Что объ этомъ спрашивать. Узналъ, познакомился—и кончено! Теперь главный вопросъ о томъ, чтобы устроить приличнымъ образомъ женитьбу: она согласна и только за мной остановка...

— Другъ мой!—слышался мягкій и приторно ласковый голосъ матери, — я противъ этого ничего не имѣю; но отецъ... ты подумай, что скажетъ отецъ...

— Что-же можетъ сказать отецъ,—возразилъ сынъ съ явнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства,—я дѣла[illegible] партію не какую-нибудь. М-ше Опричкина имѣетъ положеніе въ обществѣ, богата и весьма образованная женщина...

Чухлымовъ отбросилъ отъ себя бумаги и остался

нѣкоторое время въ положеніи человѣка совершенно недоумѣвающаго, не имѣющаго возможности сообразить, что именно вокругъ него дѣлается. Въ комнатѣ Владиміра разговоръ, между тѣмъ, продолжался и перешелъ на то, что если Николай Саввичъ не изъявитъ своего согласія на женитьбу Владиміра, то онъ можетъ обойтись и безъ него. Мать вздыхала и упрашивала сына «не огорчить» отца и не говорить ему о намѣреніи самовольно, безъ его согласія вступить въ бракъ.

— Да что-жъ мнѣ, мамаша, его согласіе...

— Другъ мой!.. Но онъ можетъ разгнѣваться и лишить тебя наслѣдства... Ну много-ли одно имѣніе дастъ. Ты хорошо знаешь, что весь капиталъ въ деньгахъ, а не въ имѣніи, деньги же у Николая Саввича не наслѣдственныя, онъ можетъ ничего изъ нихъ не дать...

— Но, мамаша, на что мнѣ? Опричкина и такъ очень богата...

Далѣе Иванъ Петровичъ не слушалъ. Онъ поспѣшно накинулъ пальто и отправился къ сестрѣ.

Сестра была дома. Она очень удивилась, увидя его, удивилась потому, что онъ къ ней никогда по утрамъ не ходилъ.

Она была въ утренней блузѣ и сидѣла въ своей комнатѣ за чайнымъ столомъ.

Увидя входящаго брата, она была удивлена и почти поражена выраженіемъ его лица. Онъ вошелъ въ комнату поспѣшно, съ нахмуреннымъ лбомъ, какъ входитъ человѣкъ по очень нужному и экстренному дѣлу.

— Ты боленъ, Ваня?—былъ первый вопросъ растерявшейся сестры.

— Нѣтъ, ничуть,—проговорилъ онъ, переводя духъ, и сѣлъ на первый попавшійся подъ руку стулъ.

— Что-же съ тобой?

— Послушай, сестра... вотъ что: ты выходишь замужъ, да?—спросилъ онъ, глядя прямо ей въ глаза.

— Да, можетъ быть... пожалуй, выхожу... Но позволь тебя спросить, какъ это ты могъ узнать.

— Я даже знаю за кого...

— Это очень интересно,—иронически замѣтила она.

— Да, знаю, и подъ видомъ богатой...

— Что тако-о-е?—протянула она, играя роль обиженной; но онъ сразу ее озадачилъ.

— Ты хочешь выйти,—сказалъ онъ рѣзко,—за Владиміра Сумракова. Ты разыгрываешь съ нимъ комедію... но кто изъ васъ кого обманетъ, пока неизвѣстно.

Она при этихъ словахъ, разумѣется, всякую претензію на разыгрываніе роли оскорбленной женщины оставила въ сторонѣ, поспѣшно вскочила со стула и подбѣжала къ брату.

— Какъ ты узналъ? Какъ ты узналъ?—зашептала она, тормоша его за руку,—гдѣ? Ахъ, Боже мой!.. Ваня! Кто тебѣ передавалъ... Ради Бога! Ради Бога!.. Тише... Ты можешь мои всѣ планы разстроить...

— Сядь, пожалуйста, успокойся... Ты сама отъ него откажешься...

— Почему-же я откажусь?..

— Оттого, что я тебѣ его раскрою въ настоящемъ свѣтѣ... Я живу у нихъ въ домѣ репетиторомъ младшаго сына.

Лицо сестры вытянулось, глаза широко раскрылись, и она прошептала, какъ бы говоря сама съ собой:

— Такъ вотъ что-о!..

— Ваня!—обратилась она чрезъ минуту къ брату,—это удивительно странное совпаденіе обстоятельствъ.

— Что-жъ тутъ страннаго?

— Ахъ, да,—вспохватилась она,—конечно не въ этомъ дѣло,—ну, ну, Ваня, что же ты мнѣ хотѣлъ сказать о немъ?

— А то, что у него нѣтъ никакихъ средствъ, онъ бѣднѣе тебя...

— Вздоръ, Ваня. Отецъ богатый.

— Но это отецъ, а не Владиміръ!

— Все равно, Ваня, на его долю будетъ тоже достаточный кусокъ.

— У Владиміра долговъ много...

— Сколько? — оживленнѣе прежняго спросила сестра.

— Я не знаю...

— Но можетъ быть такъ... приблизительно.

— Какъ же я могу знать? Слышалъ, что много ..

Сестра задумалась, но скоро отбросила въ сторону всѣ думы.

— Это, Ваня, тоже не бѣда,—сказала она.

— Но не забудь, отецъ суровый, все равно, что наши купцы...

— Это не бѣда. Если уже наши старики своихъ дѣтей изъ бѣдъ выручаютъ, то, повѣрь, дворянинъ, да еще генералъ... Объ этомъ даже и думать нечего.

— Но ты знаешь, что отецъ противъ брака?..

— Ну, такъ что-жъ?

— Но послушай, вѣдь ты его обманываешь. Ты выдаешь себя богатой...

— Да; но иначе невозможно...

— Но изъ этого можетъ выйти Богъ знаетъ что...

Сестра вздохнула.

— Да, конечно, нѣсколько трудно... Но это единственный исходъ...

— Можетъ быть къ худшему положенію.

— Это—ни въ какомъ случаѣ. Въ этомъ я совершенно увѣрена... Если ты замѣтилъ, что я вздохнула, то, повѣрь, не отъ сомнѣнія, а потому что... Ну, словомъ, потому что будетъ сначала не безъ непріятностей... Потомъ все уладится.

— Но пойми ты, пойми,—заговорилъ братъ громче и вставая со стула,—пойми, вѣдь это обманъ...

— Ахъ, Ваня, что за слова!..

— Обманъ и самый гадкій, отвратительный...

— Оставь, пожалуйста!.. Ты лишнее позволяешь себѣ. Я не дала тебѣ этого права...

И вдругъ, вспомнивъ, что въ рукахъ ея брата находится теперь ея участь, что онъ можетъ всѣ ея интриги разоблачить, она снова подбѣжала къ нему, сѣла съ нимъ рядомъ и ласково, тихо, вкрадчиво, ну, словомъ, со всѣми необходимыми пріемами, какими владѣютъ на этотъ разъ однѣ только женщины на бѣломъ свѣтѣ, повела рѣчь о томъ, что съ его стороны было-бы «ужаснымъ преступленіемъ» губить сестру.

Онъ не дослушалъ этихъ рѣчей, всталъ со стула и сказалъ, что хочетъ уйти.

— Но Ваня... Ваня! Что же ты мнѣ ничего не отвѣтилъ... Скажи, голубчикъ, хоть слово, успокой меня, я твоему одному слову вѣрю...

— Я вовсе не для того пришелъ, чтобъ запугивать тебя,—отвѣтилъ онъ,—я считалъ нужнымъ предупредить, а за симъ, далѣе твое дѣло... Но помни, каждый нечестный шагъ отзовется потомъ...

— Это, Ваня, не вѣрно. Посмотри, кругомъ что дѣлается... Живутъ-же люди и счастливы...

— Ты въ души-то ихъ посмотри. Ты ихъ извѣдай въ то время, когда они остаются наединѣ, сами съ собой.

— Ничего, Ваня, я знаю, нѣкоторые отли-и-чно живутъ и ничуть не страдаютъ...

Онъ порывисто всталъ.

— Если такъ, если тебѣ не противны такіе люди, то... то намъ нечего больше говорить съ тобой.

— Ваня! Ваня!—закричала она вслѣдъ ему; но онъ, не слушая и не прощаясь съ ней, торопливо ушелъ.

Первое, что всего важнѣе и скорѣе нужно было сдѣлать, по мнѣнію Чухлымова, это помѣшать свадьбѣ и раскрыть всю истину. «Но какъ раскрыть,—думалъ онъ,—кому разсказать: отцу, матери или «Володькѣ?»

Встревоженный и растерявшійся, возвратился онъ въ свою комнату, но рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Онъ только на другой день и то уже поздно вечеромъ рѣшился заявить Сумракову, что отказывается отъ мѣста. Это извѣстіе Николай Саввичъ принялъ какъ

прямое доказательство «негодности» Миши, нисколько не подозрѣвая настоящей причины отказа. Онъ сурово оглянулъ Чухлымова и самъ при этомъ дрогнулъ, не то отъ гнѣва, не то отъ изумленія, и чубукъ въ его рукахъ, за минуту предъ тѣмъ апатично посасываемый, теперь запрыгалъ изъ стороны въ сторону.

— Что такое? Неужели вы...

— Мнѣ крайне необходимо по своимъ дѣламъ...

— Я понимаю... Значитъ на Мишу нѣтъ уже никакой надежды, да?

— Повѣрьте, Миша совершенно въ сторонѣ...

— Нѣтъ, не скрывайте, скажите прямо... Я понимаю вашу деликатность...

Онъ закашлялся и не могъ продолжать, рука его тянулась куда-то въ воздухъ и глазами онъ показывалъ на окно. Чухлымовъ не скоро догадался, чего онъ именно хочетъ; но потомъ сообразилъ, увидѣвъ на окнѣ графинъ съ водою, который для Николая Саввича и ставили.

— Я имѣю собственную, безотлагательную нужду оставить васъ...

— Но какъ же такъ,—успокоившись нѣсколько, спросилъ Николай Саввичъ,—это рѣшительно невозможно, это удивительно какъ странно даже... Отчего же вы мнѣ заранѣе не сказали?

— Я и самъ не предвидѣлъ того, что вышло...

— Позвольте же хоть дня три-четыре сроку. Иначе какъ же оставить мальчика...

Такъ съ этимъ и ушелъ отъ него Иванъ Петровичъ и опять оказался въ неопредѣленномъ положеніи, не зная, что же теперь дѣлать и какъ обнаружить настоящую исторію сестры. Главное препятствовало то, что обнаруживаніемъ ея исторіи раскрывались и его родственныя къ ней отношенія, а раскрыть ихъ онъ вовсе не желалъ въ виду, понятно, возможности быть вмѣшаннымъ «въ скандальное дѣло». Обстоятельства между тѣмъ слѣдовали одни за другими съ необычайной быстротой, которой Чухлымовъ никакъ не подо-

зрѣвалъ. На другой день онъ искалъ было случая увидѣть «Володьку» и сказать ему между прочимъ, такъ «стороной», словомъ, навести его на мысли, не торопиться, разузнать въ чемъ дѣло и тогда уже жениться. Но «Володьку» увидѣть ему не удалось, потому что его съ утра до вечера не было дома. Прошло еще два дня. Владиміръ показывался только во время обѣда и потомъ вдругъ исчезалъ неизвѣстно куда. Чухлымовъ, наконецъ, рѣшился написать ему записку и просилъ его «непремѣнно» удѣлить ему «одну минуту» по очень важному для него дѣлу. Этой минуты Владиміръ не удѣлилъ, или потому что не нашелъ нужнымъ объясниться «съ учителишкомъ», сознавая, что никакихъ важныхъ дѣлъ у него быть не можетъ, или же просто потому, что не читалъ записки, даже, можетъ быть, и забылъ о ней. Натянутое положеніе, въ которомъ находился Иванъ Петровичъ, продолжалось потомъ и на четвертый день, затянулось и на пятый, и выйти изъ него не представлялось возможности, потому что и неловко, и совѣстно было оставить мѣсто до прихода новаго репетитора. А въ это время Олимпіада Петровна успѣла уже устроить свои дѣла такъ, что Владиміръ Николаевичъ, живя въ домѣ отца, оказался уже ея мужемъ. Бракъ былъ совершенъ тайно, безъ огласки, и знала объ этомъ только одна мамаша, надѣявшаяся на то, что «потомъ» можно будетъ «какънибудь» отца къ этому приготовить, тѣмъ болѣе она не могла не согласиться на этотъ бракъ, такъ какъ видѣла въ немъ «счастіе» своего любимца.

XXV.

Олимпіада Петровна между тѣмъ не замедлила объясниться съ Владиміромъ и на второй же день послѣ свадьбы случилось это объясненіе.

Они сидѣли за чаемъ, оба такіе довольные и, казалось, счастливые.

Не одинъ-бы изъ бѣдняковъ, увидѣвъ ихъ въ такомъ прекрасномъ помѣщеніи, въ пріятной теплотѣ, окруженныхъ комфортабельною мебелью, позавидовалъ-бы имъ и пожелалъ-бы пожить такъ, какъ они. Обнаруженіе истины началось съ исторіи Владиміра. Въ это же утро Олимпіада Петровна получила съ посыльнымъ письмо отъ брата, который еще разъ попробовалъ убѣдить ее въ необходимости бросить «скверную исторію» и писалъ между прочимъ, что Владиміръ «весь въ долгахъ». Она спокойно прочитала письмо, перегнула его на томъ мѣстѣ, гдѣ собственно говорилось о Владимірѣ и дала ему прочитать.

Онъ прочелъ и вспыхнулъ, тревожно кидаясь взглядами вокругъ себя.

— Что вы, мой другъ, скажете на это?—кротко и добродушно спросила Олимпіада Петровна.

— Я виноватъ,—отвѣтилъ Владиміръ,—мнѣ больше нѣтъ словъ...

Олимпіада Петровна вздохнула, поправила на груди какую-то ленту и приняла милостиво поцѣлуй руки къ которой Владиміръ горячо прильнулъ.

— Я,—началъ-было Владиміръ,—я зналъ, что... Сердце мое мнѣ говорило, что вы...

— Но, другъ мой, позвольте нѣсколько минутъ молчанія и не прерывайте меня...

Олимпіада Петровна начала свою «грустную повѣсть». Сначала, при первыхъ словахъ, Владиміръ подумалъ, что она начинаетъ разсказывать свое прошлое, а никакъ не настоящее; но когда вдругъ истина раскрылась во всей своей неподкрашенной наготѣ, онъ вскочилъ на ноги, схватилъ подвернувшійся въ руки туалетный ящикъ и со всего маху пустилъ его въ полъ, ящикъ разбился вдребезги и по полу разсыпались булавочки, запоночки, наперсточки и всякія дамскаго туалета принадлежности. Потомъ онъ завертѣлся по комнатѣ (буквально завертѣлся), отыскивая, что теперь слѣдуетъ разрушать. Олимпіада Петровна испугалась, выбѣжала въ другую комнату и заперлась въ

ней. Сердце ея сильно билось, дыханіе было учащено, но голова не переставала работать и соображать, что нужно дѣлать дальше. Владиміръ разбилъ еще что-то. Трескъ разбитаго долетѣлъ въ комнату, въ которой заперлась Олимпіада Петровна. «Пусть его,—подумала она,—чѣмъ сильнѣе гроза, тѣмъ скорѣе ея конецъ». Онъ рванулся-было къ ней въ комнату, но, увидѣвъ запертую дверь, бросился въ противоположную сторону и побѣжалъ въ залъ.

Въ залѣ не было никого. Тропическія растенія отъ быстрыхъ шаговъ вбѣжавшаго Владиміра закачали своими длинными вѣтвями, точно извинялись предъ нимъ за свою госпожу. Одно изъ нихъ онъ уронилъ на полъ (это уже нечаянно), по паркету разсыпалась часть земли изъ горшка растенія и слѣдомъ за нимъ грохнулась на полъ какая-то фигурная ваза, увлеченная его широкими и длинными листьями.

Владиміръ, какъ совершенно помѣшанный человѣкъ, дико оглянулъ комнату и, схватившись обѣими руками за уголъ рояля, остановился, точно окаменѣлъ.

Въ эту минуту въ комнату робко вошла горничная съ коротенькой запиской. Увидя входящую, Владиміръ опять-было завертѣлся по комнатѣ, намѣреваясь на ней хотя выместить свой гнѣвъ. «Она, навѣрное, все знала,—мелькнуло у него въ головѣ,—это заговоръ, подлый, низкій заговоръ». Горничная догадалась, что ея присутствіе можетъ повести къ новому грохоту, сунула записку на рояль и быстро улизнула вонъ, только и успѣлъ замѣтить Владиміръ, какъ въ дверяхъ ея платье прошумѣло, откинувшись въ сторону отъ быстраго ея поворота въ коридоръ изъ зала. Владиміръ взялъ записку въ руки и прочелъ. Было написано всего нѣсколько словъ и карандашемъ.

«Необходимо успокоиться. Я все заранѣе о васъ знала. Увѣряю васъ, что я сумѣю всѣ дѣла устроить. Положитесь на меня».

Онъ прочиталъ записку, скомкалъ ее въ рукѣ и зарежеталъ зубами.

— Заговоръ! Низкій, подлый заговоръ!—зашепталъ онъ, злобствуя.

Онъ точно какъ шальной бросился въ прихожую, моментально накинулъ на себя пальто и побѣжалъ съ лѣстницы. На встрѣчу ему въ это время медленно поднималась какая-то старушка. Она удивленно повела своими потускнѣвшими глазами вслѣдъ за быстро промчавшимся Владиміромъ и вопросительно посмотрѣла потомъ во всѣ стороны, желая, видимо, убѣдиться, не обрушивается-ли домъ, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя было объяснить тѣхъ быстрыхъ скачковъ, какіе дѣлалъ Владиміръ. Онъ вылетѣлъ на улицу безъ фуражки и только тогда опомнился и надѣлъ ее, когда свѣжій холодный воздухъ вѣтренаго осенняго дня быстрымъ порывомъ ударилъ ему въ лицо, приподнялъ волосы и широко распахнулъ полы его пальто. Онъ быстро шагалъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, и вдругъ наткнулся всей грудью на грудь встрѣчнаго пѣшехода, и послалъ его «къ чорту». Далѣе были еще встрѣчи и столкновенія, еще нѣсколько чертей посылалъ онъ неизвѣстно кому и все торопливо шагалъ, ничего не видя, ничего не слыша.

Замѣтилъ его какой-то товарищъ, франтъ, гнавшій въ это время по улицѣ въ щегольской каретѣ, задравъ ноги чуть не на козлы къ кучеру,—замѣтилъ и хотѣлъ послать ему поцѣлуй, «бомбошку», какъ выражаются подобные франты; но Владиміръ не слыхалъ его громкаго окрика и все шагалъ впередъ, и далѣе чертовщины мысли его никакъ не могли проникнуть.

«Но куда-же это я, наконецъ, иду?»—началъ онъ потомъ соображать, сокращая свои шаги. Онъ оказался уже на Конногвардейскомъ бульварѣ и въ самомъ его концѣ, такъ что до Николаевскаго моста оставалось уже очень-очень не далеко. Нельзя думать, что онъ сознательно шелъ именно по этому направленію и именно съ цѣлью покончить съ собой, но также нельзя отрицать, чтобы при видѣ воды, волновавшейся и пѣнившейся отъ напора морского вѣтра, въ его го-

ловѣ не мелькнуло мысли о вѣрнѣйшемъ и легчайшемъ способѣ поправить свою ошибку.

«Фу, чортъ возьми!—шепталъ онъ, идя уже значительно тише.—Какой-же, наконецъ, выходъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ топиться... Но что же это за подлость!!.. Да можетъ-быть она просто вретъ, подшутила...»

И вдругъ ему ужасно захотѣлось «хорошо пожить» и именно съ ней, съ этой женщиной удивительной красоты. По необычайной способности легко ко всему относиться и быстро перескакивать съ одного впечатлѣнія на другое, онъ готовъ былъ пожалуй сію-же минуту вернуться къ ней, простить ей все, еслибы только она могла какъ-нибудь «уладить его дѣла».

«Поѣхать развѣ къ кредиторамъ, — думалъ онъ,— попросить... Но вѣдь я имъ клялся, что уплачу всѣ, всѣ долги на этой же недѣлѣ. Теперь не повѣрятъ. У ней? Да что тамъ у ней?.. Ничего, ничего впереди не видно!..»

Однакожъ онъ къ Невѣ не пошелъ, а повернулъ на Англійскую набережную.

У нѣкоторыхъ роскошныхъ подъѣздовъ стояли щегольскія кареты и коляски, входили и выходили изъ нихъ богато одѣтыя дамы и мужчины, встрѣчали и провожали ихъ ливрейные лакеи. Владиміръ въ это время уже получилъ способность мыслить не только о «чортъ побери», но и о другихъ болѣе сложныхъ предметахъ. Его стала брать зависть, и сердце томительно заныло при мысли о томъ, какъ жестоко разбились въ это утро всѣ его «лучшія» мечты.

«Чортъ побери! Деньги! Деньги!»—и завздыхалъ, охваченный представленіемъ «о своемъ горѣ». Онъ какъ-то вдругъ остановился и, увидя, что проходитъ мимо каменной скамьи, воротился и сѣлъ, но просидѣлъ какую-нибудь одну только минуту и, снова встрепенувшись, скоро и поспѣшно зашагалъ вдоль по набережной.

«И я сумѣлъ-бы разъѣзжать въ каретахъ и жить въ этихъ дворцахъ, еслибы имѣлъ деньги».

Какое-то внутреннее противорѣчіе вдругъ точно укололо его, точно кто-то другой, а не онъ самъ, упрекнулъ его въ неумѣньи жить и усумнился въ томъ, что едва-ли бы онъ и съ деньгами съумѣлъ такъ жить, какъ другіе.

«Но что-же, что-же теперь мнѣ дѣлать?—тоскливо занылъ онъ.—Проклятая! Проклятая!..»

Онъ, то поспѣшно шагалъ, то вдругъ замедливалъ шаги, останавливался, тревожно смотрѣлъ по сторонамъ, точно искалъ въ окружающихъ предметахъ отвѣта на свои мысли.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ ѣхалъ уже на извозчичьихъ дрожкахъ и хотя позавидовалъ кучеру, лѣниво и апатично правившему лошадью, но лишь только на одно мгновеніе, будучи сильно сосредоточенъ на мысли о предстоящемъ разговорѣ съ отцомъ. Впрочемъ, по мѣрѣ приближенія къ дому рѣшимость его стала ослабѣвать, и когда онъ вошелъ въ прихожую, то всѣ помыслы его уже были обращены на мамашу.

На этотъ разъ къ отцу онъ такъ и не рѣшился идти и пошелъ было къ себѣ въ комнату, но вдругъ раздумалъ, остановился въ коридорѣ на нѣсколько мгновеній и повернулъ въ комнату матери. Она испугалась, увидя его блѣднымъ, встревоженнымъ, съ растрепанными волосами, и едва могла выговорить:

— Что съ тобой? Какой ты... растерзанный?..

Онъ началъ безсвязно, торопливо и путаясь объяснять о своемъ несчастіи, но, не кончивъ, началъ рвать на себѣ волосы.

Удивленіе матери росло съ каждымъ его словомъ. Она хотя и догадывалась, что съ сыномъ случилось какое-то большое несчастіе, но не могла сначала понять, въ чемъ именно оно заключается, и все тревожнѣе и пугливѣе смотрѣла на своего «растерзаннаго» Володю. Но когда истина разоблачилась предъ ней во всей своей поражающей наготѣ, она въ ужасѣ отшатнулась отъ него и замахала обѣими руками, какъ-бы отталкивая отъ себя любимаго сына. Потомъ, по пр-

шествіи нѣкотораго времени, какъ тому и быть слѣдовало, она сидѣла рядомъ съ нимъ и, склонившись головой къ нему на плечо, тихо всхлипывала.

Спустя часа два-три онъ былъ уже у Олимпіады Петровны и молча выслушивалъ ея совѣты, которые въ концѣ концовъ вели къ тому, чтобы объяснить все отцу.

— Это безполезно!—въ отчаяніи шепталъ Владиміръ,—поймите, безполезно.

— Разъ безполезно, два, три, наконецъ, а на четвертый и снисходительность явится..

Олимпіада Петровна разсуждала очень спокойно, точно о чужомъ дѣлѣ и даже улыбалась потомъ такъ мило, говоря:

— Что-же за бѣда, другъ мой,—начните съ того, съ чего обыкновенно слѣдуетъ начать.

— Да съ чего же, съ чего-же начать, чортъ побери? — горячился Владиміръ Николаевичъ и въ этой горячности шепталъ шипящимъ голосомъ и хлопалъ самъ себя обѣими руками по колѣнамъ съ такою силою и такъ часто, точно колѣна превратились вдругъ въ пушной товаръ, изъ котораго нужно выбить поскорѣе пыль.

Но несмотря на эту шипящую горячность, Олимпіада Петровна, давно уже раскусившая сущность души своего «молодого», по-прежнему спокойно и съ той-же улыбкой пояснила:

— Начните по порядку. Сначала: пріидите поклонимся и припадемъ; ну, а потомъ тамъ сами увидите, по ходу дѣла...

Они сидѣли въ той-же комнатѣ, въ которой начала первое свое объясненіе Олимпіада Петровна. Слѣды разрушенія, произведеннаго Владиміромъ въ минуты бѣшенства, были уже уничтожены. Онъ, какъ и быть тому слѣдовало, совершенно упалъ духомъ и, сидя съ Олимпіадой Петровной рядомъ, былъ положительно жалокъ.

XXVI.

Къ Сумраковымъ, наконецъ, явился новый гувернеръ, и Николай Саввичъ вечеромъ объявилъ, что утромъ слѣдующаго дня отпуститъ Чухлымова. Но утромъ отпустить ему Ивана Петровича не удалось. Помѣшалъ Владиміръ Николаевичъ.

Дѣло было рано, часовъ въ девять. Миша только что ушелъ учиться. Иванъ Петровичъ съ вечера еще прибралъ все въ комнатѣ, уложилъ книги, закупорилъ чемоданъ и только ждалъ, когда Николай Саввичъ выйдетъ въ залъ. Онъ около десяти всегда появлялся съ трубкой и садился въ кресло около окна (гдѣ и графинъ ему ставили) курить и посматривать на улицу. Въ ожиданіи этого выхода Чухлымовъ сидѣлъ за какимъ-то листомъ бумаги и ничего не дѣлалъ, смотрѣлъ на исписанный листъ, читалъ какъ-будто что-то; но только глаза его медленно двигались по строкамъ, а мысли, видимо, были гдѣ-то далеко. Вдругъ онъ начинаетъ слышать разговоръ въ комнатѣ Николая Саввича. Сначала разговоръ этотъ былъ тихій, почти невнятный, потомъ стали долетать отдѣльныя слова. Иванъ Петровичъ приподнялъ голову, оторвался отъ своихъ думъ, но, ничего не понимая изъ долетавшихъ до его слуха отдѣльныхъ словъ, опять задумался. Говоръ, между тѣмъ, росъ и явственно уже слышался въ комнатѣ Ивана Петровича.

Говорилъ сначала Владиміръ, что-то громко, не такъ, какъ бывало прежде. Потомъ послышались возраженія Николая Саввича, очевидно, давшаго сыну высказаться до конца. Возраженіе его было не слишкомъ громкое, но, видимо, рѣшительное.

— У меня, — говорилъ Владиміръ, — теперь нѣтъ никакого выхода. Впереди тюрьма и отставка отъ службы. Я имѣю восемь тысячъ долгу — сидѣть мнѣ придется не одинъ годъ...

— Я догадываюсь изъ словъ твоей матери о зат-

слахъ, какіе у тебя въ головѣ: ты хочешь жениться на богатой вдовѣ...

— Она, такъ-же, какъ и я, вся въ долгахъ отъ головы до пятъ. Она надѣялась поправить свои дѣла выходомъ за меня замужъ.

— Ты женился? — прохрипѣлъ Николай Саввичъ.

— Да... я... Она меня обманула...

— Ка-а-къ! Вы надували... одинъ другого... Взаимная подлость... Тамъ, гдѣ все основано на лжи... тамъ...

Голосъ сталъ слабѣть, звуки отставали одинъ отъ другого и вдругъ послышалось, что Николай Саввичъ уже не говоритъ, а хрипитъ. Потомъ и хрипъ смолкъ.

Чухлымовъ выскочилъ изъ-за письменнаго стола, остановился посреди комнаты и превратился весь во вниманіе. Онъ чувствовалъ, что волосы на его головѣ начинаютъ одинъ по одному приподниматься кверху.

Въ кабинетѣ Николая Саввича все затихло.

— Что-же такое тамъ происходитъ?—думалъ Иванъ Петровичъ, — показалось что-ли мнѣ, или въ самомъ дѣлѣ что-нибудь... Не можетъ-быть, чтобы...

Вдругъ явственный звукъ отпираемаго замка.

Этого было достаточно. Чухлымовъ, уже не колеблясь ни на одно мгновеніе, бросился изъ своей комнаты. Черезъ два-три момента, онъ былъ уже въ дверяхъ кабинета Николая Саввича, распахнулъ ихъ и закричалъ дикимъ голосомъ, самъ не зная въ сущности, что кричитъ.

Онъ увидѣлъ Николая Саввича, лежавшаго на полу бокомъ, лица не было видно; лѣвая рука лежала подъ нимъ, правая-же была откинута далеко въ сторону и правая пола ватнаго шелковаго халата тоже была откинута въ сторону, при чемъ карманъ халата былъ вывороченъ весь наружу, очевидно не имъ самимъ, а Владиміромъ.

Иванъ Петровичъ засталъ Владиміра у шифоньерки. Онъ и до раскрытія дверей дрожалъ, какъ въ страшной лихорадкѣ, и былъ блѣденъ, почти безъ кровинки

въ лицѣ, но когда Чухлымовъ вакричалъ въ дверяхъ, Владиміръ пошатнулся, ухватился рукой за шифоньерку, чтобы не упасть и не могъ догадаться, куда ему сунуть пачку кредитныхъ билетовъ, которую онъ, въ моментъ раскрытія дверей, держалъ въ правой рукѣ.

На крикъ прибѣжала Марья Львовна, прислуга,—и всѣ, точно громомъ пораженные, стояли у дверей, не зная, что дѣлать. Марья Львовна бросилась на шею къ Владиміру и въ безсиліи потомъ повисла у него на рукахъ. Чухлымовъ въ это время приподнялъ голову Николая Саввича, лежавшаго въ обморокѣ, и обливалъ ее водой.

— Онъ живъ, онъ живъ,—не то въ ужасѣ, не то съ какими-то другими чувствами проговорила Марья Львовна, замѣтивъ въ мужѣ возвращеніе сознанія.

— Воръ! Воръ!—прошепталъ, наконецъ, онъ, приподнимаясь.

Шифоньеръ, по-прежнему оставался открытымъ, и Владиміръ стоялъ около него, не зная куда смотрѣть...

Николая Саввича уложили въ постель. Всю эту исторію, понятно, не предавали гласности. Чухлымовъ поспѣшилъ въ этотъ-же день выѣхать отъ Сумраковыхъ.

XXVII

Николай Саввичъ такъ уже и не вставалъ съ постели послѣ того страшнаго случая, который былъ причиною его обморока. То, что онъ обѣщался давно сдѣлать, чѣмъ постоянно грозилъ дѣтямъ, оставилъ неисполненнымъ, ибо послѣ перваго обморока онъ приходилъ въ себя лишь на нѣсколько мгновеній и потомъ снова впадалъ въ забытье и какъ будто все спалъ. Такъ потомъ къ концу второго дня тихо и незамѣтно уснулъ на вѣки.

Имѣніе перешло законнымъ наслѣдникамъ: Владиміру и Михаилу. Мать, конечно, тоже получила свою долю; осталась только одна Оля, которой, по смерти Николая Саввича, ничего не досталось. Она, бѣдняжка,

не понимала, въ какую бѣду втянулъ ее Николай Савичъ съ своимъ откладываніемъ вопроса о составленіи завѣщанія. Марья Львовна, получивъ свою часть, обѣщала передать ее потомъ Олѣ. Но когда это «потомъ» должно было перейти въ дѣйствительность, тоже не было извѣстно. Владиміръ, конечно, изъ своей части ничего на долю Оли не удѣлилъ, — самому была, по его словамъ, крайняя нужда; а Мишина часть перешла въ вѣдѣніе опеки, слѣдовательно обезпеченіе будущности Оли такъ и осталось во власти судьбы. При раздѣлѣ наслѣдства Владиміръ отказался отъ усадьбы въ пользу Миши и причитающуюся изъ стоимости ея часть получилъ наличными деньгами. Досталось ему много и кредитныхъ и процентныхъ бумагъ. Потомъ, по прошествіи извѣстнаго времени, крупныя бумаги были превращены въ болѣе удобныя для промѣна, потомъ въ кредитные, потомъ въ серебро, а тамъ, какъ говорится, пшикъ только оказался въ концѣ концовъ, какъ тому и быть слѣдовало. Для такого быстраго обмѣна капиталовъ и превращенія ихъ въ ничто потребовалось весьма незначительное количество времени. Всего прошло два года, какъ Владиміръ былъ опять «въ ужасномъ» положеніи. Олимпіада Петровна теперь въ свою очередь, какъ когда-то онъ, надѣялась на его капиталы, и оба они, такъ сказать, въ четыре руки спускали изъ кармановъ наслѣдство. Успѣли и за границу съѣздить, и въ рулетку поиграть, и дачу купить, и продать ее потомъ за безцѣнокъ,—словомъ, дѣйствовали въ этомъ случаѣ весьма энергично. Пришла вновь пора долговъ. Они оглянулись только въ то время, когда не за чѣмъ собственно было уже и оглядываться, и тутъ только, какъ будто въ первый разъ догадались и поняли ту простую истину, что всякому безобразію когда-нибудь приходитъ конецъ. Владиміръ бросился, конечно, къ матери при первомъ нажимѣ кредиторовъ. Мать была изумлена, поражена, хотя, казалось, имѣла возможность заранѣе знать, куда летитъ на всѣхъ парахъ ея любимый сынокъ. Начались упреки, слезы,

но въ концѣ концовъ вышло то, что сердобольная мамаша урѣзала часть отъ малой части, обѣщанной ею Олѣ въ наслѣдство, и вручила Владиміру. И эта часть пошла, разумѣется, прахомъ. Но Владиміръ еще былъ достаточно бодръ и веселъ. Онъ имѣлъ въ виду наслѣдство брата и думалъ (легко ужъ очень смотрѣлъ на это), что можно будетъ тамъ попользоваться.

Въ этомъ случаѣ онъ сильно ошибся въ своихъ разсчетахъ. Опекуномъ Миши былъ Ѳедоръ Ильичъ, а отъ него трудно было чего-нибудь добиться. Опеку предлагали было Ильѣ Петровичу, но онъ отказался принять, считая съ нѣкотораго времени дѣтей Сумракова своими врагами.

Владиміръ и такъ и этакъ подъѣзжалъ къ Ѳедору Ильичу, но ничего не выходило. Собрался было удрать съ женой отъ долговъ за границу, но не тутъ-то было: успѣли захватить въ посольствѣ при полученіи заграничнаго паспорта и препроводили потомъ по принадлежности въ домъ неисправныхъ должниковъ. Это тоже своего рода заграница. Марья Львовна была, понятно, поражена и убита; но къ счастію не успѣла помочь своему любимцу и умерла, сохранивъ такимъ образомъ хоть нѣсколько крохъ для бѣдной Оли.

Просидѣлъ Владиміръ Николаевичъ въ Тарасовкѣ мѣсяцъ, просидѣлъ другой и началъ отсиживать третій—видитъ впереди мракъ, нѣтъ надежды.

Запала въ его сердце тяжелая дума. Думалъ, думалъ и додумался до того, что жить на свѣтѣ не стоитъ, потому что ждать наслѣдства больше уже не отъ кого. И въ самомъ выборѣ смерти онъ показалъ себя: не могъ найти никакого рѣшительнаго средства, а предпочелъ всему простуду, выходилъ нарочно ночью босой съ сырыми ногами и мерзнулъ въ холодныхъ выходахъ. Оказался онъ потомъ въ горячкѣ и померъ, и никто его не проводилъ.

Олимпіада Петровна «пристроилась къ какому-то старичку, но потомъ, вскорѣ послѣ смерти мужа, оставила его и уѣхала на родину «ждать наслѣдства».

XXVIII.

Смерть Николая Саввича и событія, послѣдовавшія затѣмъ въ его семействѣ, нѣсколько даже сблизили Илью Петровича съ сыномъ: изрѣдка онъ сталъ заходить къ нему въ домъ, но не надолго, такъ, какъ говорится, только для порядка.

— Схожу, Богъ съ нимъ: пусть не думаетъ, что я злопамятенъ.

И дѣйствительно, въ душѣ своей онъ не могъ имѣть и тѣни непріязненнаго чувства къ сыну, да и не только къ сыну — ни къ кому онъ никогда не могъ чувствовать ничего подобнаго. Добрый былъ человѣкъ — теперь такіе уже рѣдки.

Ѳедоръ Ильичъ съ своей стороны едва-ли и желалъ возстановленія прежнихъ отношеній: ему было очень хорошо именно теперь, когда между нимъ и отцомъ легла рѣзкая, раздѣляющая ихъ грань. Все прилично, безъ раздора, во всѣхъ отношеніяхъ оффиціальность, ни тѣни любви и чувства, — чего же еще лучшаго нужно было желать по понятіямъ Ѳедора Ильича.

И доживаетъ во флигелѣ свои дни Илья Петровичъ; но и теперь, уже значительно ослабѣвшій силами, онъ все еще не утратилъ способности задумываться по-временамъ надъ трудными вопросами.

— Гм... Гм...—шамкаетъ онъ иной разъ, шагая по комнатамъ флигеля и шлепая своими стасканными туфлями, — наслѣдство! Что это такое за штука наслѣдство? Лучше или хуже было-бы, если-бъ я теперь былъ богачемъ? И что бы тогда мой Ѳедоръ? Тарапщилъ бы на меня глаза, скоро-ли, молъ, ты тово «ударомъ». Гм... Гм... Однако Николай Саввичъ того... заблуждался... и дѣтки тоже... Гоняетъ теперь Мишато на рысакахъ, радъ — дождался смерти отца-то... Гм... а вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ, что бы было изъ нихъ, если бы старикъ былъ къ нимъ поближе. Гм... да! Это вопросы... У!.. У!..

Илья Петровичъ по старой привычкѣ приподни-

маетъ указательный палецъ надъ головой и нѣкоторое время стоитъ въ серьезной задумчивости.

Халатъ его распахнулся, и вѣтеръ, ворвавшійся въ открытую форточку окна, начинаетъ заигрывать его волосами. Илья Петровичъ, не теряя нити своихъ размышленій, подходитъ къ форточкѣ, закрываетъ ее и потомъ, въ той же задумчивости, принимается запахивать полы своего халата и долго запахивается и старательно, съ большимъ усердіемъ, натягиваетъ одну полу на другую, отчего вся фигура его, коротенькая и толстенькая, принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленную, почти совершенно правильную форму двухъ шаровъ, — одного большого по срединѣ туловища и другого — значительно менѣе — наверху. Въ дверяхъ стоитъ старая-старая Ѳедора, уныло качая головой, думаетъ о томъ, что это такое дѣлаетъ надъ собой Илья Петровичъ.

— Илья Петровичъ, — шамкаетъ она, наконецъ, — барыня Анна Ивановна за вами присылала — въ пикетъ васъ просятъ играть...

— А! — произноситъ Илья Петровичъ, по обыкновенію, многозначительно приподнимая указательный палецъ вверхъ и, одѣвшись, идетъ «въ большой домъ» играть въ карты «съ Ея Превосходительствомъ».

Играя, онъ уже не горячится, какъ бывало когда-то прежде, а спокойно и важно выкладываетъ карту за картой, иногда при этомъ носъ себѣ натираетъ указательнымъ пальцемъ, иногда верхнюю губу прикрываетъ нижнею и всегда сильно пыхтитъ. На головѣ его уже давно большая лысина, подъ глазами десятки морщинъ.

Анна Ивановна смотритъ иногда на него изъ-за картъ и думаетъ:

— Бѣдный старичокъ, я тебя очень, очень любл , такой ты «славный». Стоилъ бы ты лучшаго сын , чѣмъ мой «фарфоровый» генералъ...

Такъ она съ нѣкотораго времени называетъ свое о Ѳедю.

XXIX.

О. Варѳоломею снова случилось быть въ Петербургѣ по дѣламъ и онъ посѣтилъ своего прежняго пріятеля, Ивана Петровича.

— Ну-съ, Іоаннъ Петровичъ, какъ живется?

— Да вотъ, какъ видите, все по-прежнему...

Отецъ Варѳоломей оглянулъ обстановку комнаты и вздохнулъ.

— Все по-прежнему? — переспросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, какъ быть слѣдуетъ: работы много, вознагражденія мало, — вообще, слава Богу, плоховато... Чаю, батюшка, попьемъ, да?

— Попьемъ, попьемъ... Отчего же-съ, дѣло хорошее...

Спустя еще нѣсколько времени, послѣ двухъ-трехъ попытокъ завязать разговоръ о постороннихъ предметахъ, въ сущности не интересовавшихъ ни о. Варѳоломея, ни Чухлымова, они опять оба замолчали.

Подали чай. О. Варѳоломей принялъ стаканъ и такъ, какъ будто между прочимъ, спросилъ:

— Отъ своихъ имѣете какія-либо извѣстія?

Чухлымовъ видимо изумился.

— Какія извѣстія? Отъ кого?

— Нѣтъ, я такъ, между прочимъ, освѣдомился, можетъ статься отъ родителя не получали-ли какого извѣстія...

— А!—протянулъ Чухлымовъ и, помолчавъ, добавилъ:—нѣтъ, не получалъ. Хлѣба, батюшка, желаете? Берите, пожалуйста,—предложилъ онъ тотчасъ-же, вслѣдъ за отвѣтомъ, и замѣтно съ особенною поспѣшностью, видимо, чтобъ поскорѣе перемѣнить непріятный разговоръ.

О. Варѳоломей опять вздохнулъ и началъ усердно пить чай, тоже видимо стараясь показать, что вопросъ спѣланъ имъ только такъ, между прочимъ. Спустя еще

нѣсколько минутъ о. Варѳоломей уже не выдержалъ и требовалъ отъ Чухлымова откровенности.

— Ужъ извините, Іоаннъ Петровичъ, какъ угодно, а извините, — почти молитвенно просилъ онъ Чухлымова: — сами вы мнѣ позволили считать себя своимъ другомъ. Посему позвольте просить откровенной бесѣды.

— Да что же, батюшка, я вѣдь ничуть и не думалъ отъ васъ что-либо скрывать. Извольте спрашивать, что вамъ угодно... Да вѣдь сказать-то нечего, понимаете, сказать нечего: все такъ-же идетъ, какъ шло и раньше.

— Но какія же тому причины? Я слышалъ отъ Крестовоздвиженскаго, что когда вы оставили мѣсто у Сумраковыхъ...

— Я не могъ тамъ остаться... Поймите, не могъ...

— Не о томъ-съ, не о томъ, Іоаннъ Петровичъ,— поспѣшно перебилъ о. Варѳоломей, — вѣдаю съ большими подробностями о всѣхъ обстоятельствахъ того печальнаго событія... Но потомъ-съ, впослѣдствіи, когда Крестовоздвиженскій предложилъ вамъ казенное мѣсто...

На этомъ словѣ о. Варѳоломей точно поперхнулся и вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Іоаннъ Петровичъ!—началъ онъ, приложивъ правую руку къ груди, — повѣрьте, повѣрьте, не изъ чего-либо иного, какъ токмо изъ одного чувства моей глубокой къ вамъ любви, позвольте вамъ посовѣтовать... Какъ передъ Господомъ Богомъ моимъ, смѣю увѣрить васъ, что Крестовоздвиженскій паки желаетъ васъ имѣть на прежнемъ мѣстѣ. Помилуйте-съ, отчего же не служить, вѣдь 100 рублей ежемѣсячнаго вознагражденія, вѣдь это очень хорошо, и тѣмъ болѣе, Іоаннъ Петровичъ, онъ такъ дорожитъ вами и непремѣнно желаетъ именно васъ видѣть на этомъ мѣстѣ...

Чухлымовъ горько улыбнулся.

— Да, батюшка, совершенная правда ваша, что 100 рублей въ мѣсяцъ получать очень хорошо и главное—работы мало...

Онъ вздохнулъ и потомъ горячимъ, страстнымъ шопотомъ продолжалъ.

— Ну, а если мнѣ брать ихъ противно? Если я совершенно опредѣленно и ясно вижу, что всѣ они тамъ въ ихъ казенномъ мѣстѣ получаютъ деньги даромъ? Если я не могу видѣть этихъ сытыхъ лицъ, довольныхъ и счастливыхъ своимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее? Если меня, какъ говорится, съ души воротитъ при одной мысли о томъ, что и я также спокойно могу взвалиться на казенные хлѣба? Скажите, тогда что?

О. Варѳоломей тревожно ловилъ каждое слово Чухлымова и съ каждымъ словомъ замѣтнѣе выступало на лицѣ его выраженіе чувства умиленія.

— Хорошо, Іоаннъ Петровичъ... Похвально... примѣра заслужива...

Голосъ его дрогнулъ и глаза заслезились. Чухлымовъ это замѣтилъ и подсѣлъ къ нему рядомъ.

— Теперь вы меня понимаете, — продолжалъ онъ.

— Понимаю, голубчикъ, понимаю...

Слезы душили о. Варѳоломея...

— Я вамъ скажу, Іоаннъ Петровичъ,—перебилъ онъ,—вы... вы...—и махнулъ рукой, добавивъ:—грѣхъ говорить это въ глаза.

— Да, батюшка, и не стоитъ... Къ чему? Я знаю только одно, что никогда не буду счастливъ... То-есть въ обыденномъ человѣческомъ смыслѣ... Но,—рѣшительно добавилъ онъ,—всякому своя доля и у всякаго своя мѣрка счастія... Оставимте этотъ разговоръ...

— Конечно, голубчикъ, — продолжалъ, нѣсколько успокоившись, о. Варѳоломей,—конечно, вы совершенно справедливо говорите и съ необыкновенною ясностью постигаете сущность вещей, имѣя душу, вполнѣ угодную Господу... Но вѣдь, извините меня, вы еще молоды, достаточно не искусились еще въ житейскихъ невзгодахъ... Я такъ предполагаю, Іоаннъ Петровичъ, что трудно выдержать,—можно ожесточиться, возгорѣть ненавистью...

— Да я вѣдь, батюшка, не изъ святости такую жизнь веду,—смѣясь, замѣтилъ Чухлымовъ,—вѣдь все это дѣлается изъ-за того, что я хочу дѣлать то, въ чемъ вижу дѣло. И мѣсто у Сумраковыхъ я потому бросилъ, что за такого олуха не стоило деньги брать; и казенную службу оставилъ потому, что совѣстно чувствовать себя за-одно съ тою братіей, которая напрасною тяжестью лежитъ на родной странѣ...

— Отчего-же, голубчикъ, вѣдь все-таки служба даетъ положеніе опредѣленное... и полагаю, можно быть полезнымъ...

— Не могу! Не могу—душно мнѣ тамъ...

— Но что-же, голубчикъ Іоаннъ Петровичъ, даетъ вамъ теперь ваша настоящая работа?

— Даетъ немного, съ голоду не моритъ. Впрочемъ, какъ случится. И здѣсь есть тоже многое-множество всего хорошаго и дурного... Утѣшеніе только въ томъ, что ѣшь свой трудовой хлѣбъ и чистъ предъ самимъ собой.

— Переводы съ иностранныхъ языковъ, Іоаннъ Петровичъ, такъ мало, кажется, вознаграждаются,— робко замѣтилъ о. Варѳоломей, — по крайней мѣрѣ я сужу по вашей обстановкѣ... Извините, голубчикъ...

— Нѣ-ѣ-ть, ничего... Но во всякомъ случаѣ лучше здѣсь, на этомъ мѣстѣ терпѣть нужду, бѣдствовать даже, чѣмъ толстѣть, спокойно пристроившись гдѣ-нибудь на тепломъ мѣстечкѣ... Я простой, обыкновенный рабочій, и довольствуюсь своей скудной долей. Да объ этомъ что говорить: живутъ люди значительно хуже, чѣмъ я... Мнѣ даже приходится иной разъ подѣлиться съ бѣдными товарищами... Изъ студентовъ, знаете, есть такихъ сколько...

— Охъ, знаю, знаю! Боже милосердый! Боже милостивый!..—вздохнулъ о. Варѳоломей.

— Да, батюшка, Господь милостивъ, но и терпѣливъ очень, до безконечности терпѣливъ!.. Сколько зла сколько зла на бѣломъ свѣтѣ...

— Не вѣдаемъ, Іоаннъ Петровичъ, не вѣдаемъ и

судебъ міра... Не намъ судить, и не намъ постигать великія тайны!.. Конечно, по человѣческой слабости, иногда и возмечтаешь... тѣмъ болѣе вотъ въ такое время, когда воочію сталкиваешься съ житейскими невзгодами, которымъ конца впереди не видно... Но я такъ все-таки предполагаю, Іоаннъ Петровичъ,—нужно воздерживаться...

— Понятно, батюшка, такъ, сколько ни волнуйся, отъ этого не легче..

Въ это время въ комнату Чухлымова вошли съ депешой. Онъ вздрогнулъ, торопливо поднялся съ мѣста. Для него полученіе депеши составляло событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. Кромѣ того, какое-то странное и совсѣмъ неподдающееся изслѣдованію, предчувствіе быстро охватило его до совершеннаго испуга и блѣдности. Онъ судорожно разорвалъ конвертъ и прочелъ:

«Батюшка померъ, оставилъ тебѣ 80 тысячъ, мнѣ 40. Я скоро буду въ Петербургѣ.

«Опричкина».

Нѣсколько мгновеній Чухлымовъ молчалъ съ выраженіемъ полнаго изумленія на лицѣ; рука, державшая депешу, безсильно опустилась внизъ и головой онъ вдругъ поникъ; между тѣмъ правая рука какъ-бы сама собой, безъ участія его воли, искала опоры въ окружающихъ предметахъ. Его покачнуло въ сторону, и, опершись рукой о стѣну, онъ въ безсиліи потомъ прислонился къ ней спиной.

— Печальное извѣстіе, Іоаннъ Петровичъ?—робко спросилъ о. Варѳоломей.

— Печальное, батюшка, драма, которой послѣдній актъ такъ мучительно...

Онъ отеръ глаза и силился удержаться отъ рыданій. Черезъ полчаса разговоръ между ними шелъ въ спокойномъ, ровномъ тонѣ, даже нѣсколько въ ироническомъ. На извѣстіе о суммѣ, назначенной Ивану Петровичу въ наслѣдство, о. Варѳоломей замѣтилъ:

— Твоя отъ твоихъ, Іоаннъ Петровичъ, и къ тебѣ приносяще...

Потомъ онъ, ободренный улыбкою Чухлымова и какъ-бы понявшій изъ этой улыбки, что первое впечатлѣніе печальнаго извѣстія уже улеглось и уступило мѣсто другому, продолжалъ болѣе смѣло и улыбаясь:

— Что-же, Іоаннъ Петровичъ, измѣнитесь въ обновленномъ своемъ положеніи, облачитесь въ порфиру и виссонъ, или пребудете въ настоящемъ своемъ видѣ?

Чухлымовъ грустно улыбнулся.

— Какая же можетъ быть, батюшка, перемѣна? Позументомъ себѣ сюртукъ развѣ обшить?..

— Можетъ возжелаете увеселеній всяческихъ, почестей и возлежаній на мягкихъ отъ господина Тура мебеляхъ?

Но однако-жъ въ такомъ тонѣ разговоръ не надолго затянулся. Чухлымовъ хоть и улыбался и говорилъ спокойно, но все-таки по-временамъ прикрывалъ глаза платкомъ.

— Интересно мнѣ, признаться,—сказалъ о. Варѳоломей, — очень желалъ бы я, Іоаннъ Петровичъ освѣдомиться, какъ располагаете поступить съ капиталомъ...

— Теперь вѣдь, батюшка, ничего еще нельзя сказать: такъ все, сами видите, неожиданно...

— Да, да, это истинно такъ... Конечно — воля Божья.

И простились, наконецъ.

XXX.

Въ эту поѣздку дѣла задержали о. Варѳоломея въ Петербургѣ вмѣсто трехъ дней на цѣлыхъ три недѣли.

Возвращаясь обратно, онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, довольный тѣмъ, что благополучно окончилъ свои дѣла, и уже предвкушалъ сладость свиданія съ своей супругой, надѣясь, что долгая разлука

можетъ послужить залогомъ прочнаго и продолжительнаго мира.

Бѣдный, онъ не предчувствовалъ, какая страшная гроза собиралась надъ его головой.

Для проѣзда отъ станціи желѣзной дороги въ усадьбу онъ нанялъ крестьянскую телѣгу и во время пути все распѣвалъ нѣжнымъ теноромъ: «Понтомъ покрывъ». Пѣніе прерывалось лишь для того, чтобы вынуть изъ-за пазухи подрясника какое-то письмо, перечитываемое едва-ли не въ десятый разъ. По окончаніи чтенія о. Варѳоломей завертывалъ письмо въ фуляровый платокъ, бережно клалъ за пазуху и снова затягивалъ: «Понтомъ покрывъ».

Письмо было имъ получено въ день отъѣзда въ Петербургѣ по городской почтѣ отъ пріятеля, извѣщавшаго объ успѣхѣ по дѣлу о ходатайствѣ о. Варѳоломея за кого-то.

— Какой у о. Павла слогъ богатѣющій, — думалъ онъ по поводу письма,—какой почеркъ смѣлый и рѣшительный. Я такъ предполагаю, что о. Павелъ съ большимъ искусствомъ и отлично хорошо владѣетъ многими иностранными языками, кромѣ проходимыхъ въ семинаріи... «Понтомъ покрывъ»,—начиналъ онъ опять.

Лошаденка лѣниво трухала шагъ за шагомъ и телѣга медленно двигалась впередъ, вылѣзая изъ ямъ и рытвинъ съ такимъ трудомъ, какъ-будто въ ней сидѣлъ не о. Варѳоломей, а весь причтъ церковный, съ ихъ женами, сестрами, свояченицами и прочей родней, которой такъ щедро наградилъ Господь лица духовнаго сословія.

Вдали показалась усадьба, бѣлый большой домъ помѣщика, унылыя покосившіяся избушки крестьянъ... Вотъ и церковь видна съ плакучими ивами, поникнувшими вѣтвями на ея крышу, и свѣтъ лампады брезжитъ сквозь мелкоклѣтчатыя рамы оконъ. Отецъ Варѳоломей обнажилъ голову, перекрестился и любовно оглядѣлъ ее сверху до-низу.

Телѣга, по его желанію, остановилась у церковной ограды. Онъ слѣзъ, вошелъ на паперть, прочиталъ приличныя случаю молитвы и, положивъ земной поклонъ, уже пѣшій отправился въ свой домикъ.

Видимо, онъ былъ совершенно счастливъ и блаженствовалъ, довольный благополучнымъ возвращеніемъ.

Во дворѣ встрѣтила его босоногая дѣвочка. Онъ ласково ей улыбнулся и, благословляя, спросилъ:

— Гдѣ матушка?

— Въ комнатѣ,—въ смущеніи отвѣтила она.

— Въ добромъ здравіи?

— Ничего... Сердита сегодня...

О. Варѳоломей подавилъ вздохъ, вдругъ прихлынувшій къ сердцу.

— Какая-же тому причина?

— Не знаю...

Онъ тихо вошелъ въ комнату, уже болѣе чѣмъ на половину лишившись того блаженства, которое за минуту предъ тѣмъ ощущалъ. Въ комнатѣ все было попрежнему: такъ-же все чисто и уютно и такъ-же тихо, какъ бывало въ дни мира. Онъ поставилъ посохъ на свое мѣсто въ углу у входной двери, повѣсилъ шапку на гвоздь, помолился, потомъ, снимая рясу, возгласилъ, обращаясь лицомъ къ перегородкѣ, за которою, по его соображеніямъ, должна была находиться матушка:

— Здравствуйте, матушка!

Отвѣта не послѣдовало.

Онъ робко пріотворилъ дверцу ширмы и заглянулъ внутрь спальни.

Матушка лежала на кровати, закрывъ глаза и сердито нахмуривъ лицо.

О. Варѳоломей повторилъ свое привѣтствіе, но матушка снова ничего не отвѣтила.

— Что съ тобою, моя дорогая супруга?—заботливо спросилъ онъ, входя.

Матушка сердито и порывисто перевернулась на другой бокъ, лицомъ къ стѣнѣ, и молчала. По частому дыханію ея можно было ждать большой грозы вперед.

О. Варѳоломей давно уже и безъ этого понялъ, что она не въ духѣ, и, не желая ее раздражать, вышелъ снова въ зальце.

Тишина не прерывалась. Его сладостное состояніе духа совершенно уже исчезло и замѣнилось давящей тоской. Онъ снова подавилъ вздохъ и молча сѣлъ на диванчикъ въ сомнительной надеждѣ на то, будетъ-ли матушкѣ угодно напоить его чаемъ.

Такъ прошло не болѣе пяти минутъ. Матушка была не въ силахъ долѣе сдерживать свой гнѣвъ. Она быстро вскочила съ кровати, сердито отпихнула дверцу, такъ что вся ширма заколыхалась, точно въ комнату ворвался сильнѣйшій вѣтеръ.

— Такъ вотъ ты какъ,—заголосила она, вбѣгая въ комнату и задыхаясь,—такъ вотъ ты каковы штуки-то со мной выдѣлываешь!..

О. Варѳоломей изумленно глядѣлъ на нее, тоскливо думая: «откуду мнѣ сіе?»

— Мучитель! Извергъ! Лиходѣй!..

— Что съ вами, матушка?

— Что съ вами, матушка?—передразнила она его и, подскочивъ близко, къ самому лицу, заголосила, завизжала, торопливо глотая слова, такъ что трудно было понять, что именно она говоритъ:—Злодѣй!.. Варваръ!.. Ты мнѣ тогда говорилъ, что тѣ деньги, которыя намъ помѣщикъ на праздникъ далъ, лежатъ у тебя въ сундучкѣ сохранно...

О. Варѳоломей только-было раскрылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но она тотчасъ-же перебила его:

— Врешь! Врешь! Врешь!..

— Но позвольте, матушка, я вамъ сейчасъ все объясню съ должною ясностью...

— Врешь! Врешь! Врешь!.. Нѣтъ тебѣ отъ меня вѣры ни на одну денежку... Безстыжіе твои глаза,— вдругъ начала она его стыдить, медленно вытягивая слово за словомъ:—ты ихъ, безстыжій человѣкъ, ты ихъ Максимкѣ Спиридонову отдалъ...

И вдругъ опять перескочила на прежній торопли-

вый размѣръ рѣчи и стала голосить, уличая о. Варѳоломея въ расточительствѣ и приплетая въ подтвержденіе этого множество случаевъ, прежде бывшихъ, о которыхъ о. Варѳоломей давно уже позабылъ.

— Матушка! Что-же о прошломъ вспоминать. Оно уже невозвратно кануло въ вѣчность. Позвольте о настоящемъ-то случаѣ вамъ объяснить...

— Нечего мнѣ объяснять. Я уже давно все узнала... Извергъ ты этакой!..

— Да вѣдь Максимъ-то Спирид...

— Врешь! Врешь!..

Она замахала руками, бѣгая по комнаткѣ. Потомъ, вдругъ вспомнивъ, чѣмъ всего сильнѣе можно уличить о. Варѳоломея, снова подскочила къ нему, уперлась обѣими руками въ свои бока и, надменно закинувъ голову кверху, заговорила голосомъ, полнымъ пренебреженія:

— Ну, хорошо!.. Ты говоришь, не отдавалъ? Ты говоришь, не отдавалъ? Да? Да?..

Вопросы, повторяясь, дѣлались все язвительнѣе, и выраженіе лица матушки выражало все большее презрѣніе и торжество.

— Ну, говори, не отдавалъ?..

— Позвольте. Я вамъ сейчасъ все изложу...

— Слышать не хочу!..

И потомъ вдругъ схватила его за руку и стала тормошить, осыпая его тысячью словъ, изъ которыхъ только и понялъ о. Варѳоломей, что онъ «извергъ рода человѣческаго».

— Онѣ были у тебя въ сундучкѣ, теперь ихъ тамъ нѣтъ. Гдѣ же онѣ? Я открыла сундучокъ...

— И замочекъ сломали?—печально спросилъ о. Варѳоломей.

— Сломала! Сломала!.. Тебѣ небось жалко... Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ...

И съ этими словами матушка пошвыряла со стола всѣ книги, при чемъ обѣ вазочки съ цвѣтами полетѣли тоже на полъ и разбились.

— Это уже выходитъ изъ всякихъ предѣловъ бла-

гоприличія,—возропталъ о. Варѳоломей, печально поглядывая на мелкіе кусочки разбившихся вазочекъ...

Поздно вечеромъ возвращался о. Варѳоломей изъ лѣса и зашелъ къ управителю сумраковскаго имѣнія для того, чтобы напиться чаю, такъ какъ со времени пріѣзда со станціи желѣзной дороги онъ еще ничего не пилъ и не ѣлъ.

XXXI.

Была поздняя осень 187... года. Уже нѣсколько недѣль въ домикѣ о. Варѳоломея не угасалъ во всю долгую ночь слабый огонекъ. Матушка была больна и лежала въ горячкѣ. О. Варѳоломей ночи не спалъ, ухаживая за ней. Болѣе двухъ недѣль прошло въ ужасномъ состояніи между жизнью и смертью. Сидя у постели больной, о. Варѳоломей вслушивался въ ея дыханіе, наблюдалъ каждое ея движеніе и старался предупредить каждое желаніе больной, угадать ея мысли. Во всѣхъ его движеніяхъ, въ выраженіи лица, во всемъ видѣлось столько чувства любви, привязанности и самоотверженія, сколько можетъ вмѣстить въ себѣ человѣческое сердце.

Матушка уже два раза причастилась и чувствовала себя нѣсколько лучше.

Однажды позднимъ осеннимъ вечеромъ изъ сосѣдней деревни пріѣхалъ мужикъ, звать о. Варѳоломея на требу. Ночь была темная, бурная, дождь начался еще съ сумерекъ и не переставалъ лить.

Босоногая дѣвочка тихо вошла въ комнату и шопотомъ позвала о. Варѳоломея. При извѣстіи о томъ, что въ сосѣдней деревнѣ умираетъ больной, о. Варѳоломей сильно задумался и долго стоялъ посреди кухни, видимо въ борьбѣ съ самимъ собой.

— У меня тоже больная...—прошепталъ онъ, стараясь не глядѣть на мужика. Ему какъ-то было стыдно, совѣстно выговорить эту фразу, намекающую на отказъ.

— Ужъ сдѣлай милость, батюшка... Помираетъ, вишь, у меня братъ-то...

— Знаю...Знаю...—прошепталъ еще о. Варѳоломей, по-прежнему недвижно стоя посреди кухни и глядя въ полъ. Освѣщенное свѣтомъ сальнаго огарка лицо его было глубоко задумчиво и полно скорби...

Чрезъ полчаса у постели его жены сидѣлъ уже не онъ, а женщина изъ сосѣдней крестьянской избы. Онъ, закрывшись отъ дождя рогожей и поддерживая ее обѣими руками отъ порывовъ вѣтра, лежалъ въ телѣгѣ, которая тихо тащилась по грязной дорогѣ.

Грустно было у него на сердцѣ.

Возвратился онъ только къ полудню слѣдующаго дня. Между тѣмъ въ эту ночь матушкѣ сдѣлалось хуже, и передъ утромъ она померла.

Подъѣзжая къ домику, о. Варѳоломей замѣтилъ странный свѣтъ въ окнахъ. Сердце его вдругъ болѣзненно сжалось и замерло.

Блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, и совершенно обезсилѣвшій, онъ хотѣлъ быстро сойти съ телѣги, чтобы скорѣе разсѣять охватившія его подозрѣнія, но не могъ. Телѣга протащилась мимо домика и завернула въ ворота. О. Варѳоломей глазъ не сводилъ съ оконъ, и нужно было видѣть, что дѣлалось съ его лицомъ, чтобы понять, до какой степени онъ былъ пораженъ увидѣннымъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ домикѣ горятъ погребальныя свѣчи. Его глаза съ каждымъ моментомъ раскрывались все шире и шире. Уставленные на одинъ предметъ, а именно, на свѣтъ, пробивавшійся изъ оконъ, они точно съ каждой секундой лишались того божественнаго огня, который мы называемъ выраженіемъ мысли.

Качаясь, слѣзъ онъ съ телѣги и медленно пошелъ по двору. Изъ сосѣднихъ избъ уже сбѣгались женщины и мальчишки, точно хотѣли посмотрѣть на горе попа. Онъ вдругъ остановился, дико оглянулъ толпу, поднялъ для чего-то правую руку, какъ-будто хотѣлъ устрашить вошедшихъ гнѣвомъ Божіимъ, какъ бывало

дѣлывалъ во время проповѣдей; но вдругъ совершенно обезсилѣлъ, свалился на землю около стѣны и зарыдалъ...

Уныло стояли вокругъ него мужики, бабы и мальчишки, слышались слова утѣшенія, многіе плакали; кто-то, наконецъ, догадался, что нужно поднять отца Варѳоломея, но онъ, какъ ребенокъ, сталъ отбиваться отъ нихъ и не хотѣлъ вставать.

Чрезъ нѣсколько времени пришелъ управляющій усадьбой и тоже сталъ уговаривать, всего болѣе напирая на то, что на все есть воля Божія.

— Будто я этого не знаю,—съ грустной ироніей проговорилъ, наконецъ, о. Варѳоломей,—но вѣдь я... человѣкъ... вѣдь у меня тоже есть чувства...

И снова зарыдалъ.

Управляющій помогъ ему подняться и хотѣлъ повести его къ себѣ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Пустите меня... Дайте мнѣ выплакать мое горе... Боже милосердый!.. Судьбы твои неисповѣд...

Онъ не договорилъ и, рыдая, снова упалъ на крыльцѣ своего домика.

— Сколь много она меня любила и сколь безумно я ее огорчалъ,—причитывалъ онъ.

Матушку схоронили. О. Варѳоломей каждый день служилъ на могилѣ ея панихиды, всѣ сорокъ дней, но молитвъ, читанныхъ имъ въ это время, никто-бы не понялъ, ибо ничего нельзя было разобрать, кромѣ первыхъ, начальныхъ словъ, а затѣмъ слышались только рыданія.

Мѣсяца два онъ еще прожилъ въ усадьбѣ, слабый, болѣзненный. Въ это время, встрѣтившись съ нимъ, знакомые могли принять его за совершенно другое лицо: онъ одряхлѣлъ, сгорбился, глаза ввалились и потускнѣли. Любимымъ предметомъ его разговоровъ была постоянно Анна Аѳанасьевна и воспоминанія о томъ, какъ они съ ней мирно и тихо прожили тридцать лѣтъ жизни. При этихъ воспоминаніяхъ самыя лютыя ба-

таліи вдругъ получали совершенно иное освѣщеніе и казались совсѣмъ не баталіями, а какими-то необычайно прелестными идилліями.

О. Варѳоломей доживалъ въ усадьбѣ послѣдніе дни. Послѣ смерти жены онъ началъ хлопотать о переходѣ въ монашество и, получивъ разрѣшеніе, раздарилъ все свое имѣніе крестьянамъ и собрался въ путь.

Иванъ Петровичъ получилъ отъ него письмо.

«Чудеснѣйшій мой и паче всѣхъ человѣкъ любимый! Господу угодно было, писалъ онъ,—посѣтить меня скорбію: моя незабвенная и возлюбленная спутница жизни оставила сей тлѣнный міръ, сію юдоль плача и страданій. Я долго скорбѣлъ и изнемогалъ... Я въ малодушіи своемъ забывалъ, что самъ давно стою на послѣднихъ стадіяхъ пути, и уже близокъ мой часъ... Прости, если когда-либо и чѣмъ либо сдѣлалъ тебѣ непріятное. Буди миръ и благословеніе Божіе надъ тобою и семьею твоею и надъ всею предпринятою тобою хозяйственной дѣятельностью въ деревенской тиши... Вѣрю, что созиждутся раченіемъ твоимъ школы и даже во множествѣ, вѣрю, что не зарастетъ въ твоемъ имѣніи тропа къ дому Божію и не втунѣ будутъ раздаваться въ его стѣнахъ слова: «любите другъ друга, другъ друга тяготы носите». Прости, прости, мой возлюбленный! Я уже не увижу твоего свѣтлаго взора въ этомъ тлѣнномъ мірѣ... И теперь, въ эти минуты моего съ тобою мысленнаго свиданія уже не зарождается въ сердцѣ моемъ скорби, уже не изнываетъ душа въ нѣкоторомъ томленіи... Все земное тускнѣетъ предо мною, мысль стремится въ иные предѣлы, и замираетъ, и подавляется величіемъ непостижимаго...»

Ни природа, когда-то имъ сильно любимая, ни знакомыя мѣста, на которыхъ онъ часто искалъ успокоенія отъ житейскихъ треволненій, ни даже ветхая церковь, бывшая такою близкою его сердцу, ничто не удержало его въ усадьбѣ, все вдругъ какъ-то стало чуждо, какъ будто въ предвѣдѣніи чего-то иного, не-

вѣдомаго, но уже приближающагося, чувствуемаго сердцемъ; и дѣйствительно: по прошествіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ со времени его отъѣзда, Чухлымовъ получилъ письмо отъ настоятеля какого-то дальняго сѣвернаго монастыря, извѣщавшаго, что о. Варѳоломей преставился...

По прежнему стоитъ въ усадьбѣ ветхая церковь, по прежнему вѣтви деревьевъ, точно ласкаясь, покоятся на ея крышѣ, и каждый разъ, при воспоминаніи объ этой картинѣ, воскресаетъ въ моемъ воображеніи дивный образъ дивнаго человѣка, и эта скромная сельская церковь, и этотъ всѣхъ любящій и всѣмъ прощающій человѣкъ — сливаются для меня въ одно лицо, полное необычайной, высокой прелести и нравственной красоты—

«Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ»,

и всѣ тѣ вопросы, которые возбуждаются этой книгой, тогда разрѣшаются сами собой...

КАРТОЧНЫЙ ВЕЧЕРЪ

РАЗСКАЗЪ

I.

Анатолій Павловичъ Бѣляковъ — департаментскій чиновникъ. Служебное положеніе занималъ онъ не то, чтобы очень крупное и не очень маленькое, а такъ—средней руки. Росту былъ тоже средняго, не высокъ, не толстъ, не тонокъ, въ мѣру мясистый, кругленькій, что называется ядреный человѣкъ, весьма притомъ бойкій и подвижной. На службу онъ всегда являлся въ вицмундирѣ, подбородокъ тщательно брилъ, а бакенбарды подстригалъ, не безъ озабоченности наблюдая при этомъ, чтобы они имѣли форму котлетъ. Внѣ службы онъ былъ франтъ, одѣвался всегда во что-нибудь свѣтленькое, всегда короткополое, плотно обтягивавшее его мясистыя формы и долженствовавшее, по его мнѣнію (можетъ-быть и ошибочному), представлять собою платье самаго моднаго покроя. Вообще, онъ заботился о наружности и о костюмѣ и именно потому, что желалъ нравиться.

Позвольте. Не спѣшите. Въ желаніи Анатолія Павловича не было ничего предосудительнаго. Онъ желалъ нравиться Аннѣ Петровнѣ, а Анна Петровна есть законная его супруга и мать двухлѣтняго его сына, Анатолія Анатольевича, несомнѣнно будущаго чиновника средней руки. Отъ яблони, конечно, плодъ—яблоко, а отъ чиновника средней руки—тоже чиновникъ средней руки, подобно тому, какъ отъ большихъ чиновниковъ—будущіе сановники. Это въ порядкѣ вещей, и вольтеріянцы напрасно противъ этого возстаютъ.

Однако, не о томъ рѣчь. Суть дѣла вотъ въ чемъ. Анатолій Павловичъ, счастливый супругъ и уважаемый сослуживцами товарищъ, справлялъ день именинъ своей Анны Петровны.

Дня за три до этого праздника Анатолій Павловичъ началъ высказывать женѣ свои соображенія о томъ, что̀ и какъ нужно сдѣлать, и уже въ достаточной степени наскучилъ ей своими разговорами.

— Душечка, послушай, — наговаривалъ онъ, — мы обѣденный столъ перенесемъ на этотъ день въ залъ.

— Хорошо.

— Ты сама знаешь, — продолжалъ онъ, — залъ у насъ въ нѣкоторомъ родѣ аравійская пустыня — конца и краю нѣтъ.

— Какъ хочешь...

— Ахъ, душечка, не какъ хочешь, а какъ бы лучше. Этотъ столъ мы раскинемъ на одномъ концѣ зала, на немъ будетъ и чай, и ужинъ, а въ другомъ — игральные столы. Гостиная, такимъ образомъ, останется свободной, и тамъ не будетъ табачнаго дыма.

— Пожалуй.

— Занавѣсы я куплю новые. Эти, сама видишь, уже плоховаты. Насчетъ пирога я принялъ мѣры — предупредилъ на рыбномъ садкѣ, чтобы мнѣ парочку хорошенькихъ сиговъ на этотъ день приберегли. На жареное будутъ утки, а насчетъ пирожнаго надо еще подумать. Сладкіе пироги, конечно, принесутъ гости. Но вотъ вопросъ, можно-ли ими ограничиться. Какъ ты думаешь?

— Ахъ, отстань, ради Бога. Какъ ты мнѣ надоѣлъ этими разговорами.

— Душечка, душечка, — просительно зашепталъ онъ въ видѣ извиненія.

— Припомни, — продолжала жена, — вѣдь ты мнѣ двадцать пять разъ твердишь объ одномъ и томъ же и можно сказать за недѣлю до свѣту.

— Ну, душечка, не сердись. Ну, помиримся, -

просилъ онъ и подставлялъ Аннѣ Петровнѣ для поцѣлуя губы.

Словомъ — они жили душа въ душу и были счастливы.

Маленькій Анатолій Анатольевичъ, будущій чиновникъ средней руки, тоже былъ счастливъ и бѣгалъ по огромной залѣ отъ одного ея конца до другого, представляя себя ѣдущимъ верхомъ на палочкѣ.

— У насъ будутъ гости! У насъ будутъ гости!— покрикивалъ онъ.

— Толя! Тише, не упади!—замѣтилъ отецъ.

— Толя! Ахъ, несносный мальчишка, вытри же себѣ носикъ, — заворчала мать, —для чего же тебѣ и платочекъ данъ?

Она поймала его, привела въ порядокъ его носъ, при этомъ онъ сморщился, закрылъ глаза и терпѣливо ждалъ, когда мать дастъ ему, наконецъ, свободу.

— А скоро, мама, гости будутъ?

— Скоро, скоро.

— А когда?

— Скоро.

— А много будетъ сладкаго?

— Много.

— Мнѣ?

— Тебѣ. Ну, поди, бѣгай. Ты умный мальчикъ,— сказала мать, оправивъ на немъ курточку.—Ты всадникъ, да?

— Что?—въ недоумѣніи спросилъ мальчикъ.

— Ты на лошадкѣ верхомъ ѣздишь, значитъ, ты всадникъ.

— Нѣтъ, мама, я ужъ теперь лошадь.

И Толя побѣжалъ по залѣ, подпрыгивая.

II.

Наступилъ давно ожидаемый праздникъ. На окнахъ вмѣсто старыхъ занавѣсей были повѣшены новые, дѣвственной свѣжести, на полу въ гостиной раскинутъ

коверъ съ яркими, огромныхъ размѣровъ, цвѣтами, какихъ въ живой дѣйствительности смертный, по грѣхамъ своимъ, видѣть не можетъ; а въ залѣ, стѣны которой были украшены преміями иллюстрированныхъ журналовъ въ золоченыхъ рамахъ, появилась новая олеографія новой преміи какого-то журнала, на который, въ видѣ подарка ко дню именинъ своей супруги, Анатолій Павловичъ подписался. Этимъ подаркомъ онъ отлично опредѣлилъ и свои художественныя наклонности, и степень выносливости русскаго человѣка вообще, котораго, кстати сказать, эти преміи-картины вотъ уже двадцать лѣтъ выводятъ изъ терпѣнія и все-таки еще не могутъ довести до того, чтобы онъ, наконецъ, разсердился и послалъ ихъ къ чорту, вмѣстѣ съ ихъ почтенными распространителями.

Обѣденный столъ изъ маленькой комнаты, сосѣдней съ кухней, былъ перенесенъ на этотъ день въ залу при участіи двухъ департаментскихъ сторожей и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Анатолія Павловича.

— Ставьте вотъ тутъ. Такъ. Нѣтъ, погодите,—не тутъ, а вотъ здѣсь. Куда? Куда? Стой!—командовалъ онъ,—вотъ сюда... Такъ. Теперь подвиньте немножко направо... Много, много. Стой. Отдай немножко налѣво... Вотъ... Мало. Еще! Ну, кажется, такъ, довольно. Довольно, говорю. Ахъ вы, обломы. Не шевели больше. Душечка Анюта! гдѣ ты тамъ?

— Ну что еще?—послышался голосъ Анны Петровны изъ сосѣдней комнаты.

— Загляни сюда на минутку, ладно-ли? Можетъ-быть немножко придвинуть сюда, вершочка на два? Пожалуй, что такъ будетъ лучше.

— Ахъ, Боже мой, цѣлый часъ возишься со столомъ. Не все-ли равно?

— Ну, хорошо, хорошо, не ворчи, пожалуйста. Идите, ребята, вотъ вамъ на чай.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше скородіе.

Сторожа тряхнули волосами и пошли по коридору

къ черной лѣстницѣ, стуча сапогами на всю квартиру.

Послѣ ихъ ухода Анатолій Павловичъ еще нѣсколько разъ оглядывалъ столъ и справа и слѣва, и отъ оконъ и отъ дверей.

— Да будетъ тебѣ, Господи! — замѣтила жена, вновь появляясь въ залѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Нельзя-же какъ-нибудь. Всякое дѣло требуетъ порядка. Я думаю, если-бы еще... на вершочекъ, вотъ сюда...

— Тьфу!

Къ восьми часамъ вечера гости всѣ уже были въ сборѣ и сидѣли вокругъ стола. Самоваръ для этого дня былъ вычищенъ такъ хорошо, что, при взглядѣ на него вблизи, на немъ получалось отраженіе физіономіи широчайшихъ размѣровъ и необычайно уродливой. Два бронзовые канделябра, въ пять свѣчей каждый, украшавшіе столъ, имѣли тоже по возможности обновленный видъ и хрустальныя украшенія, на подобіе тѣхъ ледяныхъ сосулекъ, какія появляются на деревянныхъ крышахъ раннею весною. Хотя украшенія эти кое-гдѣ уже и поломались и нѣкоторыя даже совсѣмъ исчезли, но при обиліи другихъ предметовъ, которыми былъ заставленъ чайный столъ, они отступали, можно сказать, на задній планъ, отдавая мѣсто конфектамъ, вареньямъ, сладкому пирогу, граненому графину «съ постными сливками» и т. под.

Виновница празднества, Анна Петровна, полногрудая и румяная блондинка среднихъ лѣтъ, разливала чай, заботливо оправляя по-временамъ разныя ленточки и бархатиночки и иныя прочія бездѣлушки на своемъ платьѣ, очевидно свѣженькомъ, только-что сшитомъ къ дню рожденія.

Мужчины по-временамъ подливали въ свои стаканы «постныя сливки», перекидываясь при этомъ короткими между собой фразами.

— Еще немножко, ухъ, ошибся...

— Ну-ка ошибись, братъ, и мнѣ.

Граненый графинъ разгуливалъ по столу изъ одного конца въ другой, стаканы легонько позванивали, точно разговаривая о чемъ-то съ чайными ложками. Круглый сладкій пирогъ тоже перемѣщался съ одного конца стола на другой, осторожно и съ сановитою медлительностью, подобно тучному барину, знающему себѣ цѣну; потомъ, послѣ нѣсколькихъ перемѣщеній, наносившихъ каждый разъ ему существенный изъянъ, онъ окончательно утратилъ свою сановитость и превратился въ однобокій и измятый остатокъ чего-то вовсе уже не сановитаго. Такъ бываетъ, разумѣется, и съ людьми и даже весьма часто. Но объ этомъ только къ слову.

И варенью, и конфектамъ, и живительной влагѣ—всему было оказываемо гостями должное вниманіе. Извѣстное дѣло, что человѣкъ, сей царь природы и вѣнецъ творенія, въ праздничные дни ѣстъ и пьетъ много, а въ будни постничаетъ и хмуро иногда посвистываетъ, посматривая въ потолокъ.

Разговоры между гостями велись обычные. У чиновниковъ, какъ водится, самый любезный разговоръ о циркулярахъ и о прибавкѣ жалованья, а у женъ ихъ и дочерей, конечно, о нарядахъ, модныхъ выкройкахъ и т. д. Тѣ изъ чиновниковъ, которые считаютъ себя «просвѣщенными», любятъ поговорить о журналахъ либеральнаго направленія, похвалить «бойкое перо» сочинителя и похохотать надъ его хлесткими словечками, не замѣчая, что этими словечками онъ и ихъ и самого себя, тоже, подобно имъ, прикосновеннаго къ пирогу съ казенной начинкой, хлещетъ по ушамъ.

III.

Самъ Анатолій Павловичъ проворно шмыгалъ по комнатамъ, дѣлая мелкіе и частые шаги и оглядывая хозяйственнымъ окомъ, все-ли въ подвѣдомственной ему квартирѣ состоитъ въ должномъ порядкѣ и чистотѣ.

Остановившись по срединѣ зала, онъ прищурился

лѣвый глазъ и посмотрѣлъ правымъ въ кулакъ на новую картину-премію.

«Ничего себѣ, главное — даромъ. И рама. Рама, положимъ, дорога, ну да ужъ объ этомъ толковать поздно. Однако вѣдь виситъ-то она косо,—озабоченно подумалъ онъ,—ей Богу косо виситъ. Анюта!»—чуть-чуть не крикнулъ онъ, намѣреваясь призвать на совѣтъ Анну Петровну, но удержался, справедливо сообразивъ, что у него теперь и безъ картины хлопотъ полонъ ротъ. Раскрывъ два карточные стола, онъ разложилъ на нихъ мѣлки, карты, пепельницы и поглядывая на сидѣвшихъ въ округъ чайнаго стола гостей сталъ соображать, кого съ кѣмъ посадить за игру.

Къ нему спиной сидѣли два статскихъ совѣтника, Захарій Прохоровичъ и Назарій Кирилловичъ, оба тучные, широкоплечіе и лысые и оба съ амбиціей. Захарій Прохоровичъ, повидимому, былъ попроще, и въ немъ все еще оставались кое-какія черты того времени, когда и самъ онъ и всѣ сослуживцы звали его Захаръ, а не Захарій. Сѣдые остатки волосъ на его обнаженной головѣ были нѣсколько погуще, чѣмъ у Назарія Кирилловича, и приглажены по направленію къ бровямъ волосокъ къ волоску. Онъ, медленно прихлебывая изъ стакана чай, произносилъ по-временамъ кой-какія фразы, болѣе или менѣе краткія, въ родѣ напримѣръ:—«Да, оно конечно»... или: «ну, какъ сказать»... и т. п. и такимъ образомъ все-таки принималъ участіе въ общемъ разговорѣ сидѣвшихъ за столомъ гостей.

Назарій Кирилловичъ держалъ себя значительно важнѣе. Отъ прежняго Назара въ немъ уже и тѣни не осталось! Скудныхъ волосъ на вискахъ головы онъ не приглаживалъ и чуть-ли даже не намѣренно взбивалъ ихъ кверху, воображая при этомъ, по свойственному каждому смертному заблужденію, что они въ такомъ видѣ могутъ казаться гуще.

Полуразвалясь въ креслѣ, нарочно для него поставленномъ къ чайному столу, онъ сидѣлъ молча и со-

пѣлъ себѣ подъ носъ. Въ мясистыхъ и влажныхъ губахъ его дымился окурокъ сигары. Густыя сѣдыя брови были нахмурены, и глаза до того прищурены, что ихъ нельзя было разсмотрѣть. Словомъ, Назарій Кирилловичъ сознавалъ свое величіе и близость къ превосходительному чину. Даже въ то время, когда Захарій Прохоровичъ, равный ему по служебному положенію, обращался къ нему съ вопросомъ, онъ отвѣчалъ только мычаньемъ или легкимъ, едва замѣтнымъ кивкомъ головы, не давая себѣ труда вынуть изо рта сигару и отвѣтить членораздѣльными звуками. За все время, пока шло чаепитіе, онъ только два раза раскрывалъ ротъ. Въ первый—когда хозяинъ придвинулъ для него къ чайному столу кресло, онъ сказалъ какъ-бы въ знакъ благодарности:

— Ахъ, вотъ... Да!

А во второй разъ, когда между гостями возникъ споръ о какомъ-то служебномъ вопросѣ, онъ приподнялъ брови, широко раскрылъ глаза—мутно-сѣрые и сонные и авторитетнымъ тономъ выпалилъ:

— Циркуляръ былъ.

Внимательно оглянувъ спины и лысины этихъ двухъ статскихъ совѣтниковъ, Бѣляковъ рѣшилъ посадить ихъ за карты съ двумя малорослыми и тощими губернскими секретарями—Ласточкинымъ и Кувшинниковымъ. Ласточкинъ былъ рыженькій и вертлявый съ безпокойными, какъ у мыши, глазами, говорилъ скоро, торопясь и глотая слова. Кувшинниковъ напротивъ былъ тихій и спокойный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ черненькими усиками и задумчивымъ взглядомъ.

— Это будетъ ровная партія,—соображалъ Бѣляковъ,—и по тѣлеснымъ размѣрамъ, и по служебному положенію они будутъ другъ друга уравновѣшивать. Если даже и произойдутъ между ними по игрѣ недоразумѣнія, то все-таки до крупнаго разговора не дойдетъ, и младшіе уступятъ старшимъ, даже съ удовольствіемъ. Ну-съ, значитъ, эта партія устроена. Такъ. Теперь вторую надо собрать. Въ эту, трехъ дамъ и къ нимъ

Игнатія Борисовича. Непремѣнно его, и никого другого. Положимъ, Игнатій Борисовичъ по физикѣ своей кавалеръ неинтересный и шея у него, какъ у гуся, и носъ красный, несоразмѣрно длинный и тонкій, но за то онъ владѣетъ драгоцѣннымъ даромъ и отъ всякаго дамскаго визга отмолчится и вынесетъ его съ безпримѣрною твердостью.

Игнатій Борисовичъ сидѣлъ прямо, точно аршинъ проглотилъ и тоже помалчивалъ, но уже безъ всякой чиновной важности. Ласточкинъ что-то разсказывалъ ему съ обычной торопливостью, вертѣлся на стулѣ вправо и влѣво и почему-то ежеминутно повторялъ одну и ту же фразу:

— Это фактъ. Увѣряю васъ.

Игнатій Борисовичъ только покашливалъ, прикрывая ротъ рукою, и косилъ глаза на статскихъ совѣтниковъ, наблюдая за тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ разговоръ Ласточкина.

Самъ Бѣляковъ, хотя и былъ занятъ въ это время соображеніями насчетъ второй карточной партіи, однако, прислушивался къ сообщаемому Ласточкинымъ «факту» и не безъ озабоченности посмотрѣлъ на его лицо.

«Клюкнулъ, чортъ его побери», — подумалъ онъ про него и покачалъ головой.

Ласточкинъ какъ разъ въ это время потянулся было къ графину и проговорилъ:

— А ну-ка еще!

— Ласточкинъ! Павлуша! Поди-ка сюда!—позвалъ его Бѣляковъ.

— Иду... Эхъ, помѣшалъ и можно сказать на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Послушай, — шопотомъ заговорилъ Бѣляковъ, обнявъ его спину правой рукой и удаляясь съ нимъ вглубь комнаты,—я знаю, ты играешь хорошо и въ карточномъ дѣлѣ можно сказать собаку съѣлъ, но смотри, не переложи изъ графинчика. Назарій Кириловичъ и то уже на тебя косится.

— Что ты!—испуганно прошепталъ Ласточкинъ.

Минуту спустя, онъ вернулся къ столу и хотѣлъ съ прежней развязностью продолжать разговоръ, но почему-то обычная фраза: «это фактъ, увѣряю васъ» вышла у него съ запинкой, и до стакана съ пуншемъ онъ больше не дотрогивался.

Бѣляковъ, подобно главнокомандующему, озиралъ издали предстоящее поле сраженія и все еще о чемъ-то соображалъ. Павлуша Ласточкинъ былъ братъ его жены и за него онъ не боялся, зная, что его всегда, въ случаѣ надобности, можно сократить до желаемыхъ предѣловъ, а за Кувшинникова, какъ за примѣрно-скромнаго чиновника, тѣмъ болѣе безпокоиться было нечего. Безпокойство однако не покидало его. Кашлянувъ раза два тѣмъ глухимъ и отрывистымъ кашлемъ, который извѣстенъ подъ именемъ генеральскаго, онъ сурово нахмурилъ брови.

— А дамъ-то вѣдь четыре,—вдругъ спохватился онъ, — ахъ, чтобъ ихъ... прости, Господи! Игроки тоже — горе! Та вонъ, маленькая, которую я просчиталъ, самая задорная! Подумаешь, головка у ней не болѣе иного крупнаго антоновскаго яблока и сама-то вся она со всѣми своими брошками и кольцами только пуда полтора вѣсомъ, а споритъ и горячится сильнѣе всѣхъ—откуда что берется. Какъ съ ней быть? Если посадить ее съ дамами, то при очередномъ выходѣ Игнатія Борисовича, онѣ, оставшись въ четверомъ, непремѣнно поссорятся. Значитъ, ее нужно или оставить за штатомъ или прикомандировать къ столу статскихъ совѣтниковъ. Ну, съ ними-то она много спорить тоже не посмѣетъ: мужъ-то ея вѣдь подчиненный Назарія Кирилловича. Да, для того чтобы составить ровную партію въ винтъ—умъ большой надо.

Онъ погладилъ себя по чисто выбритому подбородку, улыбнулся и еще разъ оглянулъ сидѣвшихъ за самоваромъ гостей, уже не безъ тревоги во взорахъ оглядывавшихся по-временамъ на раскрытые зеленые столы.

IV.

Въ это время въ залу вошла горничная и, подойдя къ Анатолію Павловичу, о чемъ-то тихо сказала.

— А-а!—радостно протянулъ онъ и пошелъ по направленію къ передней.

Онъ не успѣлъ еще пройти чрезъ длинный залъ до дверей, какъ оттуда появилось новое лицо—полковникъ Отцвѣтаевъ.

«Ну, такому гостю вездѣ будутъ рады, — подумалъ о немъ Анатолій Павловичъ, его пятымъ къ какой угодно партіи можно пристроить: со всѣми уладитъ, всѣхъ успокоитъ и насмѣшитъ».

— Милѣйшему Ильѣ Ивановичу!

— Сто кратъ милѣйшему всѣхъ милѣйшихъ, Анатолію Павловичу,—возгласилъ самодовольнѣйшій полковникъ.

Остановившись почти у самыхъ дверей зала, онъ звякнулъ шпорами, выпрямилъ станъ, опустилъ руки по швамъ и громко по-солдатски отрапортовалъ:

— Къ вашему высокоблагородію законною и первобрачною моею супругою на день ангела вашей супруги присланъ. Здравія желаю вашему высокоблагородію.

Всѣ сидѣвшіе за чайнымъ столомъ оживились, засмѣялись; нѣкоторые вышли изъ-за стола, чтобы поздороваться съ веселымъ полковникомъ.

Захарій Прохоровичъ при этомъ неловко наступилъ ему на ногу. Илья Ивановичъ, несмотря на свои уже немолодые года (ему было лѣтъ за пятьдесятъ), подпрыгнулъ и, схватившись обѣими руками за голову, воскликнулъ:

— Злодѣйство! Безчеловѣчное, жестокое злодѣйство!

— Извините,—смутился Захарій Прохоровичъ,—я, кажется, задѣлъ васъ...

— Чего, «кажется?» Не только задѣлъ, а прямо наступилъ на всю ногу...

— Извините.

— Ну, Богъ проститъ — гдѣ наше не пропадало? Вамъ, достопочтеннѣйшая именинница, имѣю честь засвидѣтельствовать мое всенижайшее и въ то же время наиглубочайшее, и можно даже сказать, бездонное почтеніе,—продолжалъ онъ, расшаркиваясь передъ женой Бѣлякова.

— А супруга ваша?—спросила она.

— Извиняется, весьма извиняется,—отвѣтилъ Илья Ивановичъ, понижая голосъ до шопота,—сами знаете, въ ожиданіи находимся...

— Чаю позволите, Илья Ивановичъ?

— О да, всепокорнѣйше прошу.

— Съ лимономъ или сливками?

— Безъ никому... Такъ говоритъ одинъ нѣмецъ и считаетъ себя знатокомъ русскаго языка...

— Что новенькаго?—спросила хозяйка.

— Да ничего-съ. Одно и то-же. «Налѣво кругомъ» да «по три справа».

— Варенья—пожалуйте.

— Подсластить жизнь? Можно-съ... Даже съ удовольствіемъ!..

Выпивъ стаканъ чаю и очевидно соскучась слушать бесѣды о циркулярахъ и добавочномъ жалованьи, онъ поднялся со стула и громко сказалъ:

— Господа! Къ чему напрасно тратить золотое время! Довольно—о циркулярахъ, пора и дѣломъ заняться!..

— Да, да, дѣйствительно пора за дѣло приниматься,—согласился Захарій Прохоровичъ, поднимаясь изъ-за стола.

— Какой вы, Илья Ивановичъ, милый и веселый!—замѣтила одна изъ дамъ.

— Какой голосъ у васъ прекрасный! — сказала другая.

— Это вѣрно-съ. Я и милый, и веселый, и голосъ у меня, доложу вамъ, зычный. Дивизіей могу командовать. По секрету вамъ скажу, достоинъ этого; но,

увы, въ наше время, когда... и проч., истиннымъ талантамъ ходу не даютъ.

— Господа! Пожалуйте. Въ самомъ дѣлѣ время терять нечего,—заявилъ Анатолій Павловичъ, предлагая гостямъ карты.

Гости размѣстились за карточными столами, согласно его дипломатическимъ соображеніямъ. Малорослая барыня, съ головой размѣровъ яблока, была прикомандирована къ столу статскихъ совѣтниковъ. Полковникъ записался пятымъ къ дамскому столу. Такимъ искуснымъ размѣщеніемъ, повидимому, были предусмотрѣны всѣ возможныя между игроками непріятности и размолвки.

Сдали карты, и началась игра. На нѣкоторое время въ комнатѣ возстановилась такая тишина, точно весь домъ вымеръ, но въ такомъ безмолвіи игроки не просидѣли и четверти часа.

— Вы видѣли, Илья Ивановичъ, — обратилась къ нему одна изъ дамъ послѣ первой же игры,—вы видѣли?

— О да!

— Послушайте. Вы представьте — я показываю фигуру въ бубнахъ.

— Превосходно.

— Я второй разъ повторяю бубны...

— Великолѣпно.

— А она мнѣ ходитъ съ червей.

— Тр-рагедія!

— Ахъ... ну васъ! Вы только съ своими шутками. Припомните пожалуйста,—обратилась она къ смущенной дамѣ,—сколько разъ я вамъ показывала бубны.

— Душечка, я сама не знаю, какъ это случилось. Я, ей-Богу, не помню... Вы, мнѣ кажется, бубенъ не говорили.

— Какъ не говорила?

— О! вы не вѣрьте, — таинственно прошепталъ Илья Ивановичъ, склонившись къ уху смущенной дамы,—не вѣрьте. Это все интриги.

— Оставьте, Илья Ивановичъ. Такое несчастье, а онъ смѣется.

— Несчастье! Что такое несчастье? Это—нехорошо стасованныя карты или неудачно выбранное мѣсто. Противъ сгиба стола, напримѣръ, никогда не слѣдуетъ садиться. Разъ щель — пиши пропало: вѣрный проигрышъ. Конечно, палка о двухъ концахъ, и чего на свѣтѣ не бываетъ, — случается и курица пѣтухомъ кричитъ; но, однако, священная книга народовъ, сирѣчь исторія, указываетъ на сей разъ многочисленные примѣры...

V.

Илья Ивановичъ тараторилъ, смѣялся самъ, смѣшилъ гостей и до того удачно, что молчаливые статскіе совѣтники, священнодѣйствовавшіе за сосѣднимъ столомъ въ партіи съ губернскими секретарями, повременамъ тоже хихикали. Малорослая барыня съ крошечной головкой уже не разъ визгливо протестовала противъ ихъ смѣха.

— Господа! Это невозможно, вы въ такихъ высокихъ чинахъ, а ведете себя какъ коллежскіе регистраторы.

— Что такое, сударыня? Умѣрьте свои выраженія...

— Я не могу такъ. Или играть, или смѣяться. Съ такимъ невниманіемъ можно играть только въ бабки, да и то по маленькой. Лучше бросить карты.

Словомъ, она волновалась, сердилась и даже кусала свои тонкія губы, и именно оттого, что ей «не шла игра».

По-временамъ смѣхъ и всякіе разговоры затихали до того, что слышно было, какъ шелестятъ карты въ рукахъ игроковъ, какъ они шлепаютъ ими по зеленому сукну и то хмурятся при этомъ, подозрительно косясь на игроковъ, сидящихъ справа и слѣва отъ нихъ, то весело улыбаются.

— Вотъ счастливо прорѣзала!

— Мило! Мило!

— А вы все-таки не хорошее мѣсто выбрали,— заговорилъ опять Илья Ивановичъ одной изъ дамъ.

— Ахъ, Илья Ивановичъ, не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

— О да, если маляръ, то, конечно, онъ краситъ мѣсто, но если онъ трубочистъ, то мѣсто его краситъ.

— Опять каламбуръ.

У Ильи Ивановича какъ разъ въ это время оказались хорошія карты.

— Хорошо!—громко провозгласилъ онъ,—позвольте-съ. Мы круто перемѣняемъ фронтъ и объявляемъ игру. Ну-ка, госпожи-дамы и достопочтеннѣйшій молчальникъ, Игнатій Борисовичъ, извольте слушать. Провозглашаю, какъ Финнъ въ операѣ нашего безсмертнаго Глинки: «Внимайте! Мною вамъ судьба свои велѣнья объявляетъ».

— Илья Ивановичъ! Что же это такое?—зароптали игроки,—вы задерживаете игру.

— Чего-съ? Я задерживаю? Боже! Какое заблужденіе. Напротивъ, я въ карьеръ мчусь. Внимайте! Четыре пики! Слышите,—четыре пики! Чего-съ?

— Пассъ, пассъ.

— Не суть важно! Подобаетъ-бо сему быти. Я теперь, такъ сказать, въ полномъ соку и могу безъ помощи партнера дѣйствовать. Пять пикъ! Чего-съ?

— Я пассъ, пассъ!—настойчиво повторила игравшая съ нимъ дама.

— Это не бѣда! Не извольте предаваться унынію, ибо уныніе грѣхъ, въ который всего чаще впадаютъ устраненные отъ службы генералы и чины первыхъ трехъ классовъ. Надѣйтесь на меня, какъ на каменную стѣну. Пять пикъ! Да?.. Огромнѣйшая стая воронъ, точно весной на церковной крышѣ. Вотъ мы ихъ сейчасъ разстрѣляемъ.

— Да что вы играете?

— Извините. Вы изволите спрашивать о томъ, о чемъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать и притомъ съ улыбкой по утвержденному начальствомъ образцу

Ну-съ, пожалуйте, извольте вылетать. Разъ, разъ... Такъ!.. Именно!.. Еще разъ... Это вѣдь все заранѣе благоразумнымъ начальствомъ предвидѣно и предусмотрѣно. Бацъ!

Такъ приговаривалъ онъ къ каждому ходу, и когда была взята послѣдняя карта, добавилъ:

— Извините. Чепчика у насъ не было.

— Какого чепчика?

— Ха! Я изумленъ! Pardon, mesdames! При игрѣ въ винтъ съ дамами слово «шлемъ» замѣняется другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ вкусамъ и интересамъ прекраснаго пола, а именно словомъ: чепчикъ.

Онъ поднялся со стула, звякнулъ шпорами и, обращаясь къ игравшей съ нимъ дамѣ, проговорилъ:

— О, madame! Блаадару вамъ. Такъ говорятъ порусски нѣмцы, издающіе въ Россіи иллюстрированные журналы.

VI.

Игра продолжалась нѣкоторое время молча, а потомъ опять начались громкіе разговоры и споры.

— Да я же вамъ трефъ показывала, за что мы ставимъ такой большой ремизъ?—плаксиво повторяла одна изъ дамъ, безпокойно вертясь на креслѣ,—за что такой ремизъ, я васъ спрашиваю, за что ремизъ?

Ея партнеръ была тоже въ волненіи. Она то схватывала мѣлокъ, чтобы записать свой проигрышъ, то принималась тасовать карты и придвигала колоду къ партнеру съ правой стороны.

— Да снимите же... Фу, Боже мой, какая здѣсь жара!

— Это отъ ремизу,—замѣтилъ Илья Ивановичъ.

— Снимайте, говорю вамъ.

— Извините, не вамъ сдавать.

— Какъ не мнѣ? Ахъ, Боже мой!..

Она снова тасовала карты, снова хваталась за мѣлокъ и бросала его, не переставая въ то же время

разсказывать Игнатію Борисовичу, какая у нея была игра. Говорила она скоро, задыхалась, глотала слова и перепутывала ихъ до того, что трудно было понять, о чемъ она говоритъ.

— Слушайте, слушайте, — разсказывала она, — у меня были тузъ червей, пикъ червей, король, дама самъ бубенъ.

— Что такое? Ничего не понимаю,—возразилъ Илья Ивановичъ, пожимая плечами.

— Да, мы безъ двухъ... и ставимъ ремизу шестнадцать тысячъ,—печально сказала дама.

— Нѣтъ-съ! Те-те, те-съ, позвольте-съ, — нѣвуче возразилъ Илья Ивановичъ,—мы за объявленный шлемъ пишемъ пять тысячъ, да за двѣ недобранныя взятки двѣнадцать тысячъ, а пять и двѣнадцать по ариѳметикѣ Буняковскаго составляютъ при сложеніи семнадцать. Слѣдовательно, и запишемъ семнадцать тысячъ.

— Ахъ, ахъ, что вы съ своей ариѳметикой пристали,—заволновалась дама, — я сама знаю счетъ: мы ставимъ шестнадцать тысячъ.

— Это какъ вамъ будетъ угодно,—спокойно отвѣтилъ Илья Ивановичъ, — можете поставить даже и пятнадцать — на все есть ваша воля. Только, знаете, скажу вамъ по секрету, вѣдь противъ Буняковскаго спорить нельзя. По его счету двѣнадцать и пять составляютъ семнадцать. У него—безъ обмана.

— Да, да, такъ, я ошиблась. Пять да два—семь.

— Это вотъ вѣрно-съ.

— А мы за онеры и за тузы пишемъ за шесть... Шестью-шесть—сорокъ два.

— Никакъ нѣтъ-съ, — возразилъ Илья Ивановичъ, приложивъ руку къ виску по военной формѣ.—Pardon, madame, шестью-шесть по ариѳметикѣ Буняковскаго—тридцать шесть, ни болѣе, ни менѣе. Позвольте при этомъ одинъ маленькій совѣтъ, весьма полезный въ жизни и хозяйствѣ. По утрамъ, знаете, такъ примѣрно за полчаса до восхода солнца, въ недѣлю раза

три повторять таблички умноженія — превосходно усваивается.

— Избавьте.

— Какъ угодно!

Такъ весело шелъ вечеръ, и всѣ были довольны. Самъ Анатолій Павловичъ похаживалъ около столовъ, заложивъ руки за спину и считалъ себя, можно сказать, счастливымъ человѣкомъ. Супруга его, съ измала пріученная мамашей къ хозяйству, уже перемыла всю чайную посуду самолично и перекочевала въ другія комнаты поближе къ кухнѣ, гдѣ была въ это время африканская жара и гдѣ, между прочими кушаньями, готовившимися къ ужину, находился пирогъ аршиннаго размѣра, давно уже ожидавшій съ безпримѣрною покорностью своей участи—заключенія «въ пещь огненную». Анна Петровна тоже чувствовала себя въ пріятномъ расположеніи духа, будучи довольна тѣмъ, что и мамаша, обѣдавшая у нихъ въ этотъ день, подарила ей шелковой матеріи на два платья (очень, очень миленькіе рисуночки!), и что вечеръ идетъ такъ весело, оживляемый шутками милѣйшаго Ильи Ивановича.

Но сказано: — «На счастье прочно всякъ надежду кинь». Вдругъ раздался въ передней рѣзкій звонокъ, и въ залъ ввалился такой гость, приходъ котораго смутилъ и Бѣлякова, и его жену, и многихъ изъ гостей. Бѣляковъ даже поблѣднѣлъ, увидѣвъ его, и тревожно забѣгалъ глазами по угламъ комнаты, точно заранѣе пріискивая мѣсто, куда бы ему удобнѣе было отъ этого гостя спрятаться.—Знаю,—мельнуло у него въ головѣ, — онъ мой непосредственный начальникъ, десять лѣтъ съ нимъ служу и пользуюсь его примѣрнымъ расположеніемъ... Но Богъ съ нимъ—лучше бы онъ ко мнѣ не пріѣзжалъ.

VII.

Начальникъ Бѣлякова, Яковъ Адольфовичъ Шпуль извѣстенъ былъ въ департаментѣ подъ именемъ же.

таго нѣмца. По службѣ онъ былъ дѣлецъ, предъ высшимъ начальствомъ преклонялся съ должнымъ раболѣпіемъ, предъ низшими задиралъ голову кверху и до того высоко, что иной малорослый подчиненный, стоя передъ нимъ въ вытяжку, видѣлъ предъ собою прежде всего ноздри его мясистаго носа—двѣ темныя и мрачныя пещеры съ торчащею изъ нихъ растительностью. Желтымъ звали его по цвѣту волосъ, именно желтыхъ, а не рыжихъ, и духовный образъ его опредѣляли такъ: строгъ и справедливъ, но крайне раздражителенъ.

Онъ заѣхалъ къ Бѣлякову откуда-то изъ гостей, во фракѣ, съ Анной на шеѣ и съ крупными брильянтовыми запонками на манишкѣ; поздоровался съ гостями по чину, т.-е. губернскимъ секретарямъ кивнулъ только головой, а статскимъ совѣтникамъ, одновременно обоимъ протянулъ руки — одному лѣвую, другому правую. Оба они, т.-е. и Захарій Прохоровичъ, и Назарій Кирилловичъ утратили при этомъ значительную часть своей сановитости и даже нѣсколько сгорбились, пожимая съ должной почтительностью начальническія руки.

Поздоровавшись затѣмъ чинно и важно съ остальными гостями, сидѣвшими за вторымъ карточнымъ столомъ, Яковъ Адольфовичъ, сопровождаемый Бѣляковымъ, прошелъ въ гостиную и сѣлъ на диванъ.

— А супруга?

— Она, ваше—ство, сейчасъ...

— Здорова, да?

— Чувствительнѣйше благодарю...

— Я спрашиваю, здорова?

— Здорова, здорова, слава Богу.

— А я, братецъ, изъ гостей!..

— Такъ-съ,—не безъ робости сказалъ Бѣляковъ.

— Гм... да! Изъ гостей. У дочери князя N былъ. Она тоже именинница. Самъ князь тамъ бываетъ. Ну, натурально, я больше для него.

— Да-съ. Слѣдовательно, тоже Анна?

— Анна!..

— Та... акъ-съ.

— Она замужемъ за надворнымъ совѣтникомъ. Гм-гм, какъ его... Ну, да все равно. Небольшая птица. Нынче князь представилъ его къ Владиміру, а у него и Анны не было, только одинъ Станиславъ въ петличкѣ. И какую-же, братецъ, остроту насчетъ его пустили — что онъ чрезъ Анну Владиміра получилъ, хе, хе.

— Хе, хе,—тихонько хихикнулъ и Бѣляковъ.

— Конечно, глупость, но мѣтко и остро.

— Да-съ, мѣтко.

— Главное, остро.

— Именно, остро. Очень остро.

Анна Петровна, уже получившая чрезъ горничную свѣдѣнія о томъ, кого именно Богъ послалъ имъ въ гости, озабоченно оправляла въ это время свой нарядъ, вертясь передъ зеркаломъ въ спальной въ разныя стороны и, наконецъ, появилась въ гостиной. При входѣ ея Яковъ Адольфовичъ сдѣлалъ видъ, какъ будто хочетъ приподняться съ дивана, однако не приподнялся и протянулъ ей правую руку.

— Поздравляю... гм... гм... Дай Богъ!..

— Прикажете, ваше-ство, чайку?

— Ну, нѣтъ. Какой теперь чай.

— Можетъ быть позволите стаканчикъ икему?

— Икему? Отчего же, прекрасно.

Бѣляковъ зналъ, что Яковъ Адольфовичъ къ икему и къ другимъ, подобнымъ ему, тонкимъ винамъ питаетъ нѣжныя чувства, и не прочь при удобномъ случаѣ ихъ удовлетворить.

— Покорнѣйше прошу, ваше-ство, пожалуйте!

— А-а! Прекрасно!.. Благодарю!.. За здоровье именинницы!.. Чудесное вино!.. Ну, а самъ-то ты что же?

— Я?.. Гм... Я сейчасъ...

— Позвольте и мнѣ, ваше-ство, съ вами чокнуться,— предложила Анна Петровна.

— А-а! Очень радъ! Что умно — то умно! Хвалю и одобряю...

— Мы очень вамъ благодарны... Осчастливить изволили своимъ посѣщеніемъ...

— Ну полно. Не льстите мнѣ! — снисходительно оттоваривался Шпуль.

Пока супруги ухаживали за почетнымъ гостемъ, въ залѣ на его счетъ перешептывались за обоими столами. Дамы осуждали его за то, что онъ щеголяетъ въ брильянтахъ, каковые будто-бы мужчинѣ вовсе не идутъ. Игнатій Борисовичъ озабоченно хмурился, ожидая, что вотъ-вотъ его-ство появится въ сопровожденіи Бѣлякова въ залѣ и выразитъ желаніе играть въ карты. Отъ этого ожиданія длинная шея его еще болѣе вытягивалась, спина дѣлалась еще прямѣе, а голова между тѣмъ никла. Губернскіе секретари, Ласточкинъ и Кувшинниковъ, косили глаза на гостиную, заранѣе предвидя какія-то непріятности, будто бы непремѣнно ожидавшія ихъ въ томъ случаѣ, если его-ство сядетъ играть съ ними въ карты. А Назарій Кирилловичъ и Захарій Прохоровичъ уже не разъ и многозначительно покашливали, расправляя спины.

— Спина что-то,—старчески проговорилъ Захарій Прохоровичъ, — должно-быть къ перемѣнѣ погоды. Барометръ, кажется, падаетъ.

Назарій Кирилловичъ не безъ пытливости посмотрѣлъ на него, не переставая сосать сигару, посопѣлъ въ носъ и потомъ, многозначительно кивнувъ головой, проговорилъ:

— Да, барометръ... Гм... гм... и у меня... въ спинѣ...

Даже и на Илью Ивановича, несмотря на то, что онъ былъ, по его словамъ, «совсѣмъ изъ другой оперы», приходъ Якова Адольфовича тоже произвелъ своего рода впечатлѣніе.

— Юпитеръ,—трагически шепталъ онъ, наклоняясь къ уху то одной дамы, то другой, — громъ и молнія въ очахъ его. Посмотрите на Ласточкина — какая перемѣна! Что было и что стало: гдѣ юркость, гдѣ вертлявость, гдѣ ежеминутно повторяемое слово «это

фактъ»? Все пошло прахомъ и осталось только одно «безмолвіе ночное».

— Перестаньте, не смѣшите,—просили дамы.

Въ это время Яковъ Адольфовичъ, сопровождаемый хозяевами, вошелъ въ залъ. Илья Иванычъ скорчилъ кислую мину и еще шепнулъ:

— Вотъ ужъ именно неожиданный репримандъ. Это—это я вамъ доложу, уксусъ...

— Перестаньте... о Господи, онъ услышитъ.

VIII.

Бѣляковъ озабоченно хлопоталъ, составляя для его п-р-ства партію, которую, однако составить было не легко. Оказалось, напримѣръ, что у Назарія Кирилловича вдругъ заболѣлъ зубъ и для успокоенія онъ нашелъ необходимымъ уединиться въ гостиной на диванѣ съ сигарой. Это неожиданное обстоятельство смутило не столько Бѣлякова, сколько Захарія Прохоровича, повидимому тоже имѣвшаго на очереди какую-то болѣзнь, о которой онъ не успѣлъ во-время заявить.

— Мнѣ, признаюсь, что-то... и спина и вообще...— смущенно заговорилъ было онъ, намѣреваясь отказаться отъ игры, но самъ Яковъ Адольфовичъ прервалъ его на полусловѣ:

— Ну, ну, садитесь, не умничайте.

Захарій Прохоровичъ уныло покосился на диванъ гостиной, завистливо подумавъ: «ну, Назаръ!» и, глубоко вздохнувъ, пошелъ къ карточному столу.

— Кто же еще?—спросилъ Яковъ Адольфовичъ.

Бѣляковъ завертѣлся предъ нимъ, кланяясь и бѣгая глазами по всѣмъ угламъ комнаты.

— Извините, — заговорилъ онъ, — Назарій Кирилловичъ, къ величайшему моему огорченію и притомъ совершенно внезапно, почувствовалъ зубную боль.

— Злодѣй!—досадливо подумалъ Захарій Прохоровичъ.

— Если позволите,—продолжалъ Бѣляковъ,—вотъ

Ласточкинъ и Кувшинниковъ, они, ваше-ство, оба прекрасно играютъ.

— Мм... мм...—промычалъ Яковъ Адольфовичъ, многозначительно нахмуривъ брови и выпятивъ впередъ толстыя губы.

Ласточкинъ и Кувшинниковъ стояли въ почтительномъ отдаленіи отъ стола, и по выраженію ихъ лицъ можно было подумать, что они готовились принять отъ Якова Адольфовича смертную казнь въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Мм... мм... Ну, что-жъ...—милостиво протянулъ, наконецъ, Яковъ Адольфовичъ,—если они, какъ вы говорите, хорошо играютъ...

— Очень хорошо, ваше-ство.

— Ну, и прекрасно. Въ такомъ случаѣ мы безъ чиновъ. Я ничего не имѣю... Ну, молодые люди, садитесь.

— Можетъ быть, вы сыграете,—шопотомъ спросилъ Бѣляковъ Илью Ивановича.

— Нѣтъ ужъ, покорнѣйше благодарю! — и ахъ оставьте.

Илья Ивановичъ звякнулъ шпорами и расшаркался.

— Это кто у тебя?—спросилъ Яковъ Адольфовичъ Бѣлякова, отводя его нѣсколько въ сторону и кивнувъ головой на Илью Ивановича.

— Извините, ваше—ство, не понимаю, насчетъ кого изволите спрашивать.

— Фу ты, пропасть! Это у тебя отъ невнимательности.

— Виноватъ.

— То-то. На счетъ этого вотъ спрашиваю, который съ погонами.

— Военный?

— Ну конечно. Развѣ статскіе съ погонами бываютъ?

— Это полковникъ Отцвѣтаевъ.

— Ну?

— Илья Ивановичъ. Я уже имѣлъ честь вамъ его представлять.

— Мм...

— Прекраснѣйшій человѣкъ, ваше—ство, весельчакъ...

— А—а!..

— Можно сказать, душа общества.

— М... м... Это хорошо.

— Превосходный человѣкъ.

— Хорошо, хорошо. Богъ съ нимъ. Не люблю военныхъ. Ну, играть, такъ играть.

IX.

Порядокъ, нарушившійся приходомъ Шпуля, снова возстановился—и гости и хозяева занялись каждый своимъ дѣломъ. Назарій Кирилловичъ полулежалъ въ гостиной на диванѣ съ сигарой въ зубахъ и мысленно самъ собою восхищался. Бѣляковъ шмыгалъ изъ залы въ гостиную, изъ гостиной чрезъ семейныя комнаты на кухню, гдѣ супруга его озабоченно наблюдала за дѣйствіями кухарки, тучной и краснолицей женщины, стоявшей предъ раскаленной плитой съ обнаженными по локоть руками.

— Ну, душечка, какъ у васъ здѣсь?—спрашивалъ онъ, шмыгая по обыкновенію глазами во всѣ стороны.

— Отстань, пожалуйста... Безъ тебя знаю...

— Извини, душечка, но я, ей Богу, опасаюсь, что по прошлогоднему проморимъ гостей безъ ужина до четвертаго часа ночи.

— Выдумывай!

— То-то. Я именно хотѣлъ только напомнить. Теперь уже второй часъ. Ну, а какъ пирогъ?

— Ахъ, уходи ты ради Бога.

За карточнымъ столомъ, гдѣ игралъ Шпуль, дѣла между тѣмъ принимали непріятное положеніе. Онъ игралъ съ Захаріемъ Прохоровичемъ и уже успѣлъ не разъ кольнуть его за безтолковую будто-бы игру.

Захарій Прохоровичъ, всегда озабоченно слѣдившій за прической своихъ скудныхъ волосъ на вискахъ, теперь не обращалъ на нихъ вниманія, и на лѣвомъ вискѣ они уже торчали вверхъ.

— Плохо вы сыграли,—замѣтилъ опять ему Шпуль

— Такое несчастное дѣленіе картъ,—возразилъ Захарій Прохоровичъ.

— Какой тамъ чортъ—дѣленіе!

— Да какъ-же: на одной рукѣ у противниковъ моей масти пять.

— Я знать не хочу вашего дѣленія и повторяю, что вы отвратительно играете.

— Но позвольте.

— Нечего позволять.

— Какъ нечего?—возразилъ Захарій Прохоровичъ, возвысивъ голосъ на сколько это было возможно по его чину:—я же не могъ знать, что у васъ нѣтъ ни одной карты моей масти.

— Не возражайте. Когда съ вами говорятъ,—ваше дѣло слушать.

— Кх... кх...—закашлялся Захарій Прохоровичъ.

Въ это время и на правомъ вискѣ волосы его оказались тоже торчащими вверхъ, точно у Назарія Кирилловича, о которомъ онъ теперь вспоминалъ съ непростительнымъ озлобленіемъ.

— Эй, вы, какъ васъ!—продолжалъ командовать Шпуль.

— Ласточкинъ, ваше—ство.

— Ну, Ласточкинъ, что же вы. За вами очередь.

— Я пассъ.

— Сами дурно играете, да еще и обижаетесь,—продолжалъ Яковъ Адольфовичъ, косясь на Захарія Прохоровича.

— Я и не думалъ обижаться.

— Ну, хорошо, хорошо... Ходите пожалуйста. Что вы спите.

Игра продолжалась еще нѣсколько времени съ подобными же грубостями Шпуля, пока все-таки еще не

очень крикливыми; но наконецъ послѣдовалъ взрывъ, вызванный, по мнѣнію Шпуля, новой и будто-бы непростительной ошибкой Захарія Прохоровича.

— Это чортъ знаетъ что!—закричалъ онъ.—Это, значитъ, совсѣмъ по-дурацки играть.

Захарій Прохоровичъ опять закашлялся, но промолчалъ.

Игроки перемѣнились мѣстами, и Шпуль сталъ играть съ Ласточкинымъ.

— Да помилуй. Это что же? Да ты отвратительно играешь!—закричалъ онъ на Ласточкина.

Ласточкинъ упорно отмалчивался, точно воды въ ротъ набралъ.

— Онъ безобразно играетъ, замѣтилъ Шпуль, обращаясь къ Бѣлякову, озабоченно вертѣвшемуся въ это время около столовъ.

— Удивляюсь, ваше—ство, онъ прекрасно до сихъ поръ игралъ. Что это съ тобою, Павлуша?—обратился Бѣляковъ къ Ласточкину.

Ласточкинъ только плечами подернулъ.

— Отвратительно играетъ, — продолжалъ Яковъ Адольфовичъ.

Три робера все-таки кой-какъ съ грѣхомъ пополамъ были сыграны. Однако же не безъ послѣдствій. Захарій Прохоровичъ жаловался на головную боль и рѣшительно заявилъ, что усталъ и играть не можетъ. Павлуша Ласточкинъ даже и заявленій никакихъ не сдѣлалъ ни о болѣзни, ни объ усталости и даже причитавшагося ему выигрыша, въ суммѣ трехъ рублей и тридцати восьми копѣекъ, не дождался, а какъ только кончилъ послѣднюю игру третьяго робера, такъ тотчасъ же и юркнулъ чрезъ корридоръ на кухню и оттуда прямо къ себѣ домой! (Онъ жилъ въ этомъ же дворѣ.) Госпожа Бѣлякова, удивившаяся его непомѣрной торопливости, только и успѣла услыхать отъ него два слова, да и то уже въ то время, когда онъ хлопнулъ, уходя, кухонной дверью:

— Извините.

— Павлуша!! Павлуша!.. Послушай, что съ тобой?

— Не могу... Желудокъ!..

Бѣляковъ, услышавъ объ его бѣгствѣ, схватился обѣими руками за голову и тономъ трагическаго актера зашепталъ:

— Разбойникъ! Что я теперь буду дѣлать. И какой, съ позволенія сказать, извергъ эти празднованія именинъ выдумалъ? Ну съ кѣмъ теперь посажу Шпуля? Назаръ съ зубами, Захаръ съ головой, а Павлушка въ бѣгахъ. Ну, можно-ли было ожидать отъ него такой подлости! Господи! Развѣ съ Игнатіемъ Борисовичемъ посадить. Но вѣдь онъ, гусиная шея, играетъ слабо— и Шпуль разсвирѣпѣетъ окончательно. Съ дамами—и думать нечего; ни одна съ нимъ не сядетъ. И вотъ подумаешь, этотъ самый Шпуль совсѣмъ-таки сносный человѣкъ, и дѣлецъ и, могу сказать, по службѣ нельзя ни въ чемъ его осудить, а вѣдь вотъ въ картахъ— свинья свиньей. Однако съ кѣмъ я его посажу? Ну, положимъ, отдамъ я ему на растерзаніе Игнатія Борисовича. (Этакій вѣтрогонъ Павлушка, мелькнуло у него въ головѣ). Ну, положимъ, можно Кувшинникова и Игнатія Борисовича прикомандировать къ начальническому столу,—продолжалъ онъ думать,—а четвертый кто же? Илью Ивановича развѣ попросить? А дамы съ кѣмъ же останутся? Охъ, ужъ эти дамы! И зачѣмъ онѣ въ карты играютъ!—Вовсе это не дамское дѣло. Да Богъ съ ними, не до нихъ теперь—пусть устраиваютъ сами себѣ партію какъ хотятъ.

— Голубчикъ, Илья Ивановичъ!—зашепталъ онъ, молитвенно смотря на полковника.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ Якову Адольфовичу надо партію. Павлуша ушелъ, тамъ что-то дома у него, ребенокъ, кажется, заболѣлъ.. И, чортъ знаетъ, зачѣмъ это люди женятся. Гм... Гм... Захаръ Прохоровичъ жалуется на усталость—и некому играть. Помогите.

— А сами-то вы что же?

— Да я бы всей душой; но вѣдь понятія не имѣю.

— Такъ-съ, такъ-съ! Значитъ, не умудрилъ Господь. Ну что-жъ,—я съ удовольствіемъ!

— Голубчикъ, вы добрѣйшій человѣкъ, я знаю. Конечно, играть съ Яковомъ Адольфовичемъ небольшая прелесть, но, извините, ради Бога, и какъ-нибудь поладьте съ нимъ.

— Нич-чего!—безпечнымъ тономъ заговорилъ Илья Ивановичъ,—не безпокойтесь. Мы съ нимъ поладимъ отличнѣйшимъ манеромъ. Я убѣжденъ, что если его раза два и хорошенько осадить — славный парень будетъ.

X.

— Вотъ, ваше—ство, Илья Ивановичъ. Вы изволили давеча заинтересоваться,—заискивающимъ тономъ сказалъ Бѣляковъ, представляя Илью Ивановича Якову Адольфовичу,—они составятъ вамъ партію.

— М... м...—промычалъ Яковъ Адольфовичъ, а Ласточкинъ что-жъ?

— Онъ... извините, у него жена, кажется, или ребенокъ,—вообще что-то дома...

— Какъ-же такъ?.. Гм... И не спросившись?

— Внезапно, ваше—ство, потребовали...

— М-м...

— И вотъ еще Игнатій Борисовичъ. Вы съ нимъ изволили прежде игрывать...

— Да, да. Бывало... Ну что-жъ, сразимся...

Взяли они съ Ильей Ивановичемъ карты и обмѣнялись вопросами.

— Мнѣ съ вами?—не безъ надменности въ тонѣ голоса спросилъ Яковъ Адольфовичъ.

— Да-съ. Точно такъ. Совершенно справедливо изволили замѣтить,—отвѣтилъ Илья Ивановичъ.

— У васъ тузъ, вамъ выбирать.

— Вѣрно-съ. Самая истина.

— Однако погодите. Я выберу мѣсто.

— Это почему?

— Я старше васъ.

— Ну, что-жъ. И это можно. Въ писаніи сказано: властемъ предержащимъ...

— И прекрасно.

Сдали карты. Яковъ Адольфовичъ, разбирая свои, сказалъ:

— Предупреждаю: когда со мною дурно играютъ— я ругаюсь.

— Зачѣмъ же-съ?.. Это неудобно.

— Ну ужъ тамъ какъ хотите, удобно или неудобно, а я заранѣе предупреждаю.

— Въ такомъ случаѣ позвольте и мнѣ васъ предупредить,—отвѣтилъ Илья Ивановичъ,—я, положимъ, не ругаюсь, но, къ сожалѣнію, тоже имѣю нѣкоторые недостатки... даже худшіе, чѣмъ брань...

— Что такое?—спросилъ Яковъ Адольфовичъ.

Лицо его вдругъ налилось кровью, брови нахмурились, и глаза засверкали гнѣвомъ.

— Что такое вы сказали?—повторилъ онъ, не сводя упорнаго взгляда съ Ильи Ивановича.

Тотъ однако-же ничуть не испугался и, смотря ему прямо въ глаза, отвѣтилъ спокойнымъ и ровнымъ и даже замѣтно грустнымъ тономъ:

— Я говорю, что тоже имѣю недостатки и весьма, извините, непріятные...

— Что такое?

— Я... съ грустью долженъ сознаться, — я дерусь...

— Ка-а-къ?

— Да такъ-съ... Что дѣлать!..

Илья Ивановичъ вздохнулъ и пожалъ плечами.

Яковъ Адольфовичъ хотѣлъ что-то сказать рѣзкое, но удержался, хотѣлъ оставить столъ, но тоже не рѣшился, вообразивъ, что этимъ можетъ унизить свое достоинство, и ограничился только тѣмъ, что нахмурилъ брови и глухо проговорилъ:

— Черви.

Потомъ во все время игры онъ уже не проронилъ болѣе ни слова, кромѣ обычныхъ: пики, пассъ и т. д.,

даже сгорбился и присмирѣлъ, точно у него и Анны на шеѣ не было.

Кувшинниковъ и Игнатій Борисовичъ оба были блѣдны и едва-ли ясно сознавали, какія у нихъ карты въ рукахъ. Игнатій Борисовичъ повторялъ только одно слово: «Я пассъ», и не поднималъ глазъ отъ картъ, а оробѣвшій Кувшинниковъ все время былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы скрыть свое волненіе и не давать рукамъ дрожать.

Какъ только они доиграли первый роберъ, Яковъ Адольфовичъ подсчиталъ свой проигрышъ, молча положилъ его на сукно и молча, не раскланиваясь ни съ кѣмъ изъ партнеровъ, вышелъ изъ-за стола.

Илья Ивановичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, заложилъ обѣ руки за спину и сталъ расхаживать по залѣ, смотря куда-то въ неопредѣленное пространство.

— Я въ пустыню у-уда-ля-я-юсь!..—мурлыкалъ онъ себѣ подъ носъ.

— Шпуль, кажется, хочетъ уходить,—шепнулъ Кувшинниковъ Захарію Прохоровичу, — надо бы хозяину сказать...

— Анатолій Павловичъ! Гдѣ Анатолій Павловичъ?—шопотомъ пронеслось по залѣ и по гостиной въ дальнія комнаты квартиры, —позовите Анатолія Павловича... Да гдѣ-же онъ? скажите, наконецъ, Аннѣ Петровнѣ.—Яковъ Адольфовичъ одѣвается.

— Что такое, какъ? Кто уходитъ? Яковъ Адольфовичъ? Да не можетъ этого быть!—заволновался Бѣляковъ, выбѣгая въ залъ изъ дальнихъ комнатъ,—ваше—ство, помилуйте! Сдѣлайте одолженіе, убѣдительнѣйше прошу васъ.

— Не могу.

Супруга его, смущенная и растерявшаяся, вышла тоже въ переднюю.

— Ваше—ство! Ужинъ готовъ, сейчасъ накрываютъ. Будьте такъ любезны.

— Не могу.

— Кусочекъ пирожка, самый маленькій кусочекъ.

Но Яковъ Адольфовичъ былъ неумолимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу!

Послѣ его ухода Бѣляковъ услышалъ, какой мирный разговоръ велъ съ нимъ Илья Ивановичъ—и едва устоялъ на ногахъ. Ему показалось, что полъ подъ нимъ колеблется. Между гостями въ это время шли разговоры о столкновеніи Якова Адольфовича съ Ильей Ивановичемъ.

— Мило! мило, Илья Ивановичъ,—одобряли дамы,—такъ и слѣдуетъ. Впередъ наука. Видѣли, какъ онъ присмирѣлъ?

— Нѣтъ, не хорошо. Нельзя похвалить,—замѣтилъ Захаръ Прохоровичъ,—конечно, онъ грубъ и даже непозволительно грубъ... но... однако... такъ рѣзко нельзя.

— Именно нельзя,—поддержалъ его Назарій Кирилловичъ.

— Да и вы, батюшка, тоже хороши, да! —возразилъ ему Захаръ Прохоровичъ,—покорно благодарю, небойсь сами-то на зубную боль сослались.

— Хо, хо!.. И ложь во спасеніе,—самодовольно замѣтилъ Назарій Кирилловичъ.

Игнатій Борисовичъ упорно молчалъ, прислушиваясь къ разговору статскихъ совѣтниковъ. Кувшинниковъ тоже молчалъ, но, однако, подъ шумокъ бесѣды гостей успѣлъ пожать руку Ильи Ивановича и прошепталъ при этомъ:

— Благодарю.

Бѣляковъ шагалъ по залу, заложивъ руки въ карманы брюкъ, и мрачно хмурился.

— Эхъ, голубчикъ!—обратился онъ къ Ильѣ Ивановичу,—какъ это мнѣ больно. Я вѣдь васъ расхваливалъ ему до небесъ.

— Позвольте, однако, господа, — возразилъ Илья Ивановичъ,—что такое я ему сказалъ?—Вѣдь ни единымъ словомъ мною не сдѣлано ему оскорбленія. Я сознался въ моемъ недостаткѣ, онъ — въ своемъ — и только!

— Ахъ, ахъ, ахъ... что вы разсказываете! Вы забываете, что онъ мой начальникъ!

— Да развѣ вы за мои поступки предъ нимъ отвѣтственны?

— И это знаю, но... все-таки, зарѣзали вы меня,— прошепталъ Анатолій Павловичъ.

Ужинъ прошелъ не весело, несмотря на то, что и пирогъ былъ превосходный, и птица зажарена артистически, и сладкихъ пироговъ оказалось на столѣ цѣлая тройка. Разговоръ между гостями не вязался, не было слышно ни смѣху, ни остротъ, ни веселыхъ замѣчаній. Даже Илья Ивановичъ не шутилъ, сознавая, что его рѣзкій отвѣтъ Шпулю можетъ имѣть непріятныя послѣдствія для Бѣлякова. Только въ самомъ концѣ ужина развлекъ гостей Павлуша Ласточкинъ, голова котораго вдругъ нежданно-негаданно высунулась въ полуотворенную дверь изъ передней въ залъ.

— Уѣхалъ Яковъ Адольфовичъ?—шопотомъ спросилъ онъ.

Гости засмѣялись, но Бѣляковъ даже не улыбнулся. Оглянувъ пытливымъ взглядомъ Павлушу, онъ съ упрекомъ покачалъ головой и прошепталъ:

— Ты, Павлушка... идіотъ!

XI.

Послѣ этого несчастнаго вечера отношенія Якова Адольфовича къ Бѣлякову рѣзко измѣнились. Прежде онъ бывало, обращаясь къ нему съ какими-либо служебными вопросами, говорилъ: «Голубчикъ, Анатолій Павловичъ, вотъ въ чемъ дѣло». Теперь же ни о голубчикѣ, ни объ Анатоліи Павловичѣ и помину не было, остался только «господинъ Бѣляковъ». Прежде въ представляемыхъ имъ бумагахъ онъ никогда никакихъ поправокъ не дѣлалъ и подписывалъ ихъ, даже не читая, а теперь ни одна бумага не проходила безъ того, чтобы онъ не перечеркалъ ее сверху до низу.

Бѣляковъ жаловался, что служить стало трудно

— Слова не даетъ сказать и придирается на каждомъ шагу. Я, напримѣръ,—говорилъ онъ,—напишу въ бумагѣ «прошедшаго мѣсяца», онъ зачеркиваетъ и пишетъ «истекшаго». Я напишу «истекшаго», онъ зачеркиваетъ, пишетъ «минувшаго». Я ставлю: «минувшаго», онъ опять зачеркиваетъ и пишетъ: «прошедшаго». Или вотъ еще. Я начинаю бумагу словами: «имѣя въ виду», онъ зачеркиваетъ и пишетъ: «принимая во вниманіе». Я пишу: «принимая во вниманіе», онъ ставитъ: «принимая въ соображеніе». Я пишу «принимая въ соображеніе», онъ опять зачеркиваетъ и замѣняетъ словами—«имѣя въ виду». Изъ всего этого черканья выходитъ не только глупая, но и крайне обидная комедія. И, замѣтьте,—каждый разъ при этомъ внушеніе:—«Такъ нельзя!»

Анатолій Павловичъ отъ такихъ внушеній отмалчивался, терпѣливо переносилъ начальническіе капризы, но, наконецъ, не выдержалъ и послѣ одного рѣзкаго замѣчанія Шпуля спросилъ:

— Ваше—ство, позвольте...

— Ну?—прервалъ Шпуль.

— Вы изволили сейчасъ зачеркнуть въ моей бумагѣ слова: «имѣю честь» и вмѣсто нихъ написали «честь имѣю»...

— Ну да. Что-за вопросъ?

— Потому смѣю освѣдомиться, что не далѣе какъ вчера я написалъ: «честь имѣю», а вы зачеркнули и написали «имѣю честь».

— Что-жъ дальше?—гнѣвно спросилъ Шпуль.

Анатолій Павловичъ помолчалъ, вздохнулъ и попробовалъ издалека въ почтительномъ тонѣ начать объясненія о причинахъ начальническаго гнѣва.

— Что такое?—прервалъ Шпуль.

— Осмѣлюсь, ваше превосходительство, въ виду тяжкаго душевнаго состоянія...

— Что такое?

— Позвольте насчетъ того несчастнаго вечера, когда, въ день именинъ моей жены...

Шпуль при этихъ словахъ вскочилъ съ кресла такъ быстро, точно ужаленный и громко сказалъ:

— Идите. Приготовьте докладъ къ часу.

— Осмѣлюсь покорнѣйше просить два слова...

— Безъ объясненій.

— Ваше—ство, только два слова.

— Не желаю.

Въ такихъ отношеніяхъ прошло болѣе мѣсяца. Анатолій Павловичъ похудѣлъ, заскучалъ и уже пересталъ обращать вниманіе на то, все ли въ порядкѣ въ его квартирѣ и прямо ли висятъ на стѣнахъ картины-преміи. Бывало, прежде придетъ со службы, сброситъ вицмундиръ и, облачившись въ куцый пиджачекъ, пойдетъ разгуливать изъ комнаты въ комнату, гдѣ стулъ переставитъ, гдѣ столъ «на вершочекъ» передвинетъ, складки на портьерахъ поправитъ и т. д., и уже непремѣнно похвалится потомъ предъ Анной Петровной, что я молъ вотъ какой — и потому позвольте поцѣловать. Теперь онъ сталъ приходить со службы пасмурный и за обѣдъ сядетъ—слова отъ него не дождешься.

— Анатолій! Да ты хотя-бы вицмундиръ-то снялъ, —замѣчаетъ Анна Петровна.

— Чортъ съ нимъ, — нехотя бормочетъ онъ и сидитъ все время обѣда уткнувшись носомъ въ тарелку.

— Да что съ тобой? Ты что ни день, то мрачнѣе.

— Оставь пожалуйста; какое тебѣ до меня дѣло?

— Анатолій! Что ты говоришь. Развѣ я тебѣ чужая? Скажи, непріятности что ли по службѣ какія...

— Какія у меня могутъ быть непріятности.

— Съ Яковомъ Адольфовичемъ что-нибудь?

— Ну вотъ еще!

— Можетъ быть онъ сердится... Помнишь, тогда на именинахъ?

— Выдумывай!

Случалось и того хуже. Замѣтилъ онъ какъ-то во время обѣда, что маленькій Толя играетъ ложкой — и

такъ на него разсердился, точно онъ Богъ знаетъ что напроказничалъ.

— Я тебя, глупый мальчишка, въ уголъ поставлю. Я тебя розгами высѣку.

Мальчикъ, разумѣется, въ слезы и къ матери подъ защиту.

— Анатолій!—заплакала Анна Петровна,—какъ тебѣ не грѣхъ?

— Молчи, пожалуйста. Отъ васъ мнѣ житья нѣтъ. Вы съ вашимъ любимцемъ меня изъ терпѣнія выводите.

Онъ заметался по комнатѣ по всѣмъ угламъ и кричалъ, размахивая руками:

— Ну что у васъ за обѣдъ! Развѣ это обѣдъ? Это, сударыня, только жалкая пародія обѣда: супъ—бурда, жаркое—подошва. Вы только о своихъ нарядахъ думаете. И всѣ вы женщины во всемъ мірѣ таковы.

XII.

Раздражительность его росла. Павлуша Ласточкинъ, бывало, забѣгавшій къ сестрѣ ежедневно, сталъ заходить только дня чрезъ два, а то и чрезъ три и старался выбирать такое время, когда Анатолія Павловича не было дома.

— Ну, какъ у васъ?

— Ничего хорошаго. Докторъ говоритъ, что у него катарръ желудка...

— И что же?

— Совѣтуетъ карлсбадскую воду...

— Ну?

— «Мюль-Бруннъ» по стакану утромъ и вечеромъ и ходить при этомъ. Пожалуй, говоритъ, можно и Виши «Грандъ Гриллъ», но они слабѣе.

— Что-же Анатолій Павловичъ?

— Извѣстно, что—кричитъ и только. Докторъ хотѣлъ прощупать его желудокъ и, вообще, изслѣдовать—сердится. Онъ никакихъ совѣтовъ знать не хочетъ.

Павлуша тоже подвергся гоненію со стороны Анатолія Павловича и не только какъ родственникъ, но главнымъ образомъ, какъ подчиненный по службѣ чиновникъ. Анатолій Павловичъ уже не одинъ разъ перемарывалъ его служебныя бумаги грубѣе и безцеремоннѣе, чѣмъ Шпуль, ставилъ на поляхъ ихъ вопросительные знаки и притомъ съ такой силой надавлялъ карандашъ, что онъ ломался и прорѣзывалъ бумагу насквозь. Главнымъ виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдъ онъ считалъ именно его.

— Если-бы онъ тогда не убѣжалъ, то Ильѣ Ивановичу не пришлось-бы играть со Шпулемъ и, слѣдовательно, все бы кончилось благополучно. Вертопрахъ онъ пустоголовый! Эгоистъ! Родственникъ тоже! Никакихъ въ немъ родственныхъ чувствъ нѣтъ и не было никогда. Шмыгнулъ изъ-за стола, точно мышь въ щель...

Такъ злобствовалъ про себя Анатолій Павловичъ. И чѣмъ больше Шпуль дѣлалъ ему по службѣ непріятностей, тѣмъ сильнѣе они отражались на его домашней жизни.

Прислуга тоже стала слышать отъ него обидные отзывы о своей службѣ. Онъ находилъ, что горничная не достаточно тщательно прибираетъ въ его кабинетѣ, что кухарка невнимательно относится къ своему дѣлу. Горничная была скромная и безотвѣтная дѣвушка и терпѣливо переносила незаслуженныя обиды; но кухарка отнеслась къ нимъ иначе.

Кухарка, тучная и краснолицая женщина, служившая «за повара», рѣшительно заявила Аннѣ Петровнѣ, что если баринъ не доволенъ кушаньями, то пусть откажетъ ей отъ мѣста.

— Я, матушка-барыня, безъ мѣста не останусь. и у графа Чурило-Пленковича служила, и у князя Б димировича, по десяти рублей на мѣсяцъ получала горячее со стола, и всегда они были мною очень д вольны. Я, матушка, не какая-нибудь простая стр пуха, меня многіе хорошіе господа знаютъ, и оби

отъ вашего супруга, хоть онъ и баринъ, я переносить интересу не имѣю...

Словомъ—въ домѣ, гдѣ до сихъ поръ царствовали миръ и тишина, не стало ни того, ни другого. И изъза чего—подумаешь!

XIII.

Мать Анны Петровны, къ чести прекраснаго пола сказать, была женщина спокойная, разсудительная и не безъ дипломатическихъ способностей. Она была высокаго роста, полная, имѣла видъ строгій и одѣвалась въ черныя одежды какъ, разумѣется, и приличествуетъ женщинѣ, достигшей того возраста, съ котораго, по словамъ покойнаго Писемскаго, жизнь уже оканчивается и начинается «житіе», а именно—шестого десятка лѣтъ.

Однажды какъ-то вечеромъ она пріѣхала къ Анатолію Павловичу съ обычной цѣлью — повидаться съ внукомъ.

— Гдѣ онъ у тебя, Анюта?

— Онъ, мамаша, уже спитъ.

— А, это хорошо. Чѣмъ дѣти раньше ложатся, тѣмъ для нихъ здоровѣе. Ну, вотъ положи у его кроватки отъ меня подарокъ. Завтра утромъ проснется и узнаетъ, что я была. Анатолій Павловичъ гдѣ?

— Онъ у себя въ кабинетѣ.

— Занятъ, можетъ быть? Пойди, спроси—давно я его не видала.

Анатолій Павловичъ уже зналъ о ея пріѣздѣ и не безъ подозрительности прислушивался издали, о чемъ она съ дочерью говоритъ.

— Пожалуйте, мамаша.

— Здравствуй, сынокъ. Какъ здоровъ?

— Ничего, слава Богу. Покорно благодарю.

— А отчего это ты, голубчикъ, волкомъ смотришь?

— Какъ? Что вы говорите? Я... волкомъ? Не понимаю. Меня даже это, извините, оскорбляетъ. При-

знаюсь, отъ васъ, столь почтенной и многоуважаемой особы, я ничего подобнаго не ожидалъ...

Глаза его тревожно забѣгали во всѣ стороны, тонъ голоса повысился, и руки стали мять одна другую.

— О-о-о-хо-хо! Голубчикъ, вижу я, что у тебя что-то какъ-будто не ладно,—замѣтила старушка, усаживаясь въ кресло.

Она покачала головой, поохала и потомъ сказала, обращаясь къ дочери:

— Ты, Анюта, оставь насъ. Мы съ нимъ побесѣдуемъ по душѣ. Вотъ что, мой милый сынокъ,—начала она,—слышала я кое-что отъ Захарія Прохоровича. Правда-ли?

— Нѣтъ, ничего. Такъ были маленькія недоразумѣнія, но теперь уже... прошли... То-есть, почти прошли...

— Погоди, погоди, дружокъ, ты не спѣши: то прошли, то почти прошли—это не ясно. Ты мнѣ разскажи, какія именно недоразумѣнія, изъ-за чего.

Она обстоятельно стала его разспрашивать и узнала наконецъ, отчего «сыръ боръ загорѣлся».

— И не мирится?

— Слова не даетъ сказать...

— И ты терпишь?.. Не виноватъ—и терпишь?

— По-неволѣ... Онъ мой начальникъ...

— Да что ты, батюшка мой, безъ ума, что-ли,— зашептала она, — да развѣ тебѣ, съ твоей-то головой, да съ твоими служебными связями, другого мѣста не найти, что-ли! Опомнись!

Анатолій Павловичъ дѣйствительно опомнился.

— Что я въ самомъ дѣлѣ такъ тревожусь?—сталъ успокоивать онъ самъ себя,—вѣдь это же громъ не изъ тучи. Найду, Богъ дастъ, службу.

И онъ перешелъ въ другое вѣдомство.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА

	стр
НАСЛѢДНИКИ.—Повѣсть въ двухъ частяхъ	1
КАРТОЧНЫЙ ВЕЧЕРЪ.—Разсказъ	339

GENERAL BOOKBINDING CO.
74 13 P 2
QUALITY CONTROL MARK